

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

СССР В ДОСТИЖЕНИЯХ И КАТАСТРОФАХ

Размышления
по случаю 100-летия

МАТЕРИАЛЫ XIX ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН СОВМЕСТНО
С ЯРОСЛАВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ
ИМ. К.Д. УШИНСКОГО, С РЕГИОНАМИ РОССИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ. СССР В ДОСТИЖЕНИЯХ
И КАТАСТРОФАХ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ 100-ЛЕТИЯ»

Москва
Голос
2022

УДК 94(47+57)
ББК 87.1
С76

Ответственный редактор — С.А. Никольский

С76 СССР в достижениях и катастрофах.
Размышления по случаю 100-летия. — М.: Голос, 2022. — 504 с.

ISBN 978-5-91932-022-7

Феномен СССР — уникальное явление в российской и мировой истории, возникшее как продолжение Российской империи и в равной мере как продукт творчества большевиков — ленинцев, рассматривается в его исторических, теоретических и философских предпосылках.

Явление в его генезисе, развитии и последовавшем примерно через 70 лет крахе анализируются философами, политологами, историками, культурологами, литературоведами и экологами. Для ученых, студентов, гуманитарной общест-венности.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-91932-022-7

© Авторский коллектив
© «Издательство «Голос»»

СОДЕРЖАНИЕ

Никольский С. А.
ВВЕДЕНИЕ..... 9

ЧАСТЬ 1

Никольский С. А.
СССР И «ВСЕМИРНЫЙ СССР»:
ЗАМЫСЕЛ, РЕАЛЬНОСТЬ, КРАХ.....12

Тулъчинский Г. Л.
МАЛЬЧИК БЫЛ: ИСТОЧНИКИ И СУДЬБА
СОВЕТСКОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИДЕАЛА.....53

Заостровцев А. П.
ОБРАЗОВАНИЕ СССР:
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ
КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА.....80

Закс Л. А.
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ЦИВИЛИЗАЦИЯ,
ОСНОВАННАЯ НА ЕДИНСТВЕ
И ПРОТИВОСТОЯНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ.....94

Шевченко В. Н.
СССР КАК «ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ».....123

Аршин К. В.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
«СОВЕТСКИЙ НАРОД» В УСЛОВИЯХ ОТКАЗА
ОТ ПОЛИТИКИ «КОРЕНИЗАЦИИ»
(КОНЕЦ 1920—НАЧАЛО 1930-Х ГГ.).....154

Ерохина Т. И.

«ДРУЖБА НАРОДОВ»:
СОВЕТСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СССР.....171

Макаренко В. П., Акопян А. Г.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗДАРНОСТЬ:
К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....198

ЧАСТЬ 2

Хренов Н. А.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ:
СУДЬБА ИХ НОСИТЕЛЕЙ КАК СУДЬБА КУЛЬТУРЫ.....218

Злотникова Т. С.

ЗАГАДОЧНАЯ ЧАСТЬ ПРЕЖНЕГО МИРА:
КАКИЕ «ЛОДКИ» ПЛАВАЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МОРЕ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ?.....245

Аристова Е. П.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕАЛЫ РАЗУМА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТОВОГО СОВЕТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ» Б.Н. ПОЛЕВОГО.....268

Сухова О. А.

МЕЖДУ ЭТНОСОМ И РЕВОЛЮЦИЕЙ:
ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СССР В 1920-Е — НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ).....292

Личак Н. А.

ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 1920-Х ГОДОВ
КАК РАЗРЫВ С ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ.....315

Наумова Т. В.

НАУКА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ
И СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ.....331

ЧАСТЬ 3

Самаркин С. В.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА
В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.....350

Качеев Д. А.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО АУЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СЛОМ СИСТЕМЫ
ОБЩИННОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА.....369

Кирюшин В. И.

УРОКИ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ.....387

ЧАСТЬ 4

Р. Ходел

ДИСКУРС НАСИЛИЯ: ОТ ЛЕНИНА К ПЛАТОНОВУ.....426

Денн М.

ГУСТАВ ШПЕТ: О РЕВОЛЮЦИИ,
НАРОДЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ.....441

Тирахова В. А.

СЕМИОТИКА СОВЕТСКОГО БЫТИЯ
В КИНЕМАТОГРАФЕ А. БАЛАБАНОВА.....455

Куимова В. М.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В СОВЕТСКОМ ДЕТСКОМ КИНО (ОПЫТ Р.А. БЫКОВА).....473

Воробьев А. А.

О ВЫСТУПЛЕНИИ Л. М. ЛЕОНОВА
НА II ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.....495

CONTENTS

<i>Nickolsky S.A.</i> INTRODUCTION.....	7
--	---

PART 1

<i>Nickolsky S.A.</i> THE USSR AND “WORLD USSR:” PLAN, REALITY, COLLAPSE.....	51
<i>Tulchinskii G.L.</i> THE BOY WAS: SOURCES AND THE DESTINY OF THE SOVIET ANTHROPOLOGICAL IDEAL.....	78
<i>Zaostrootsev A.P.</i> FORMATION OF THE USSR: COMMUNIST EXPANSION AS A CONTINUATION OF RUSSIAN IMPERIALISM.....	93
<i>Zaks L.A.</i> THE SOVIET UNION AS A CIVILISATION BASED ON UNITY AND OPPOSITION OF MODERNISATION AND SOCIAL HOSTILITY.....	121
<i>Shevchenko V.N.</i> USSR AS A “BESIEGED FORTRESS”.....	152
<i>Arshin K.V.</i> SOCIAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE CONCEPT “SOVIET PEOPLE” UNDER THE CONDITIONS OF THE REJECTION OF THE POLICY OF “KORENIZATION” (LATE 1920S–EARLY 1930S).....	170

<i>Erokhina T.I.</i> “FRIENDSHIP OF PEOPLES:” THE SOVIET AND NATIONAL IN THE USSR.....	197
<i>Makarenko V.P., Akopyan A.G.</i> SOVIET POLITICAL MEDIOCRITY: TO THE RESEARCH METHODOLOGY.....	215

PART 2

<i>Khrenov N.A.</i> TRADITIONAL VALUES: THE FATE OF THEIR BEARERS AS THE FATE OF CULTURE.....	243
<i>Zlotnikova T.S.</i> A MYSTERIOUS PART OF THE FORMER WORLD: WHICH “BOATS” WERE AVAILABLE IN THE ARTISTIC SEA OF THE SOVIET PERIOD.....	266
<i>Aristova E.P.</i> MASS CULTURE AND IDEALS OF MIND IN CONTEXT OF THE ICONIC SOVIET LITERATURE TEXT — THE “STORY OF A REAL MAN” OF B. N. POLEVOY.....	291
<i>Sukhova O.A.</i> BETWEEN ETHOS AND REVOLUTION: FORMATION OF REGIONAL IDENTITY IN THE USSR IN THE 1920S–EARLY 1940S (THE EXAMPLE OF THE PENZA REGION).....	314
<i>Lichak N.A.</i> PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OF THE 1920S AS A BREAK WITH THE PRE- REVOLUTIONARY CULTURAL TRADITION.....	330
<i>Naumova T.V.</i> SCIENCE IN THE CONTEXT OF SOVIET AND MODERN RUSSIAN REALITIES.....	348

PART 3

<i>Samarkin S.V.</i> FEATURES OF RESETTLEMENT PROCESSES IN THE REGIONS OF NORTHERN KAZAKHSTAN AT THE END OF THE 19TH — THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES.....	368
<i>Kachejev D.A.</i> MODERNIZATION OF THE KAZAKH AUL IN THE INITIAL PERIOD OF THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER AND THE DESTRUCTION OF THE SYSTEM OF COMMUNAL TRADITIONALISM.....	385
<i>Kiryushin V.I.</i> LESSONS OF THE TSELINA DEVELOPMENT.....	422

PART 4

<i>Hodel R.</i> DISCOURSE OF VIOLENCE: FROM LENIN TO PLATONOV.....	440
<i>Dennes M.</i> GUSTAV SHPET ON REVOLUTION, PEOPLE AND PERSONALITY.....	453
<i>Tirakhova V. A.</i> SEMIOTICS OF SOVIET EXISTENCE IN BALABANOV'S CINEMATOGRAPHY.....	471
<i>Kuimova V. M.</i> REPRESENTATION OF REALITY IN SOVIET CHILDREN'S CINEMA (THE EXPERIENCE OF R. A. BYKOV).....	494
<i>Vorobyev A. A.</i> ABOUT L. M. LEONOV'S SPEECH AT THE II ALL-UNION CONGRESS OF SOVIET WRITERS.....	502

ВВЕДЕНИЕ

25–26 октября 2022 г., накануне 100-летия образования СССР, в Институте философии Российской академии наук состоялась XIX ежегодная конференция Института с регионами России на общую тему «Проблемы российского самосознания». В этот раз партнером Института философии РАН выступил Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Предмет конференции был определен ее названием «СССР в достижениях и катастрофах», а его раскрытие предпринято в 24 докладах участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Иркутска, Калининграда, Пензы, Ростова-на-Дону, Самары, Ярославля, а также из Гамбурга (ФРГ) и Жиронды (Франция). Состав участников — философов, политологов, историков, культурологов, экологов — ранжировался от аспирантов до профессоров — членов Российской академии наук и Заслуженных деятелей науки Российской Федерации.

Столь же разнообразны и масштабны по своему предмету были и темы докладов — философское осмысление феномена СССР в его замысле, исторических обстоятельствах и реальном воплощении, анализ идеологии и политических действий субъектов исторического творчества, исследование идеалов разума и массового общественного сознания в их реальном бытии и в художественном воплощении, государство СССР в его геополитических устремлениях и другие. При этом в своих оценках феномена СССР докладчики не были единодушны — было очевидно, что они стоят на разных идейных позициях.

И хотя конференция в онлайн и в офлайн форматах проходила два рабочих дня, а каждый из выступающих имел до получаса для доклада, а также время для ответов на вопросы, тем не менее, докладчикам не все удалось сообщить в разговорной форме. По этой причине значительная часть участников конференции воспользовалась возможностью опубликования своих выступлений в виде развернутых статей, представленных в настоящем издании.

С. А. Никольский,

*главный научный сотрудник Института философии РАН,
руководитель проекта «Проблемы российского самосознания,
сопредседатель конференции «СССР
в достижениях и катастрофах»,
доктор философских наук*

Часть 1

Никольский С. А.

СССР И «ВСЕМИРНЫЙ СССР»: ЗАМЫСЕЛ, РЕАЛЬНОСТЬ, КРАХ

*Сергей Анатольевич Никольский, доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН. 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1.
E-mail: s-nickolsky@yandex.ru.*

Аннотация. Идея «всемирного СССР» как союза рабочих и крестьян всего мира [Ленин, т. 40, с. 43] была более глобальной и, возможно, более ранней, чем идея собственно СССР. Во всяком случае, создание Советского Союза мыслилось как первый шаг на этом пути.

Гносеологическим основанием формулирования и провозглашения обоих СССР выступала уверенность русских марксистов и, прежде всего В. Ленина, что в учении К. Маркса и Ф. Энгельса, человечество наконец обрело знание о фундаментальных законах своего развития, что выразилось в ленинском тезисе 1913 г.: «Учение Маркса всесильно, оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суевери-

ем, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [Ленин, т. 23, с. 43]. И еще, в 1920 г.: «Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении» [Там же, т. 41, с. 304]. Как полагал Ленин, дело теперь за тем, чтобы на основании знания закона преобразовать действительность.

Каковы были воспринятые большевиками конкретные законы марксизма? И, не менее существенное, какой представлялась большевикам действительность и как они ее преобразовывали?

Ключевые слова: СССР, марксизм, ленинизм, сталинизм, философия истории, русское общество, революция, классы, пролетариат, крестьянство, мировая революция, социалистический лагерь.

* * *

Основные идеи и законы марксизма, востребованные русскими большевиками (такowymi они, как известно, стали именоваться после раскола ленинцев с плехановцами в 1903 г.), были таковы. Первый — *уничтожение частной собственности на средства производства* — считался основным камнем в фундаменте постройки будущего отечественного и «всемирного СССР». Собственность связывалась с эксплуатацией, и потому ее уничтожение трактовалось как

освобождение человека. «Отличительной чертой коммунизма, — читаем в «Манифесте Коммунистической партии», — является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими. В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности. Заработанная, благоприобретенная, добытая своим трудом собственность! Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день» [Маркс, Энгельс, т. 4, с. 438].

Из приведенной формулировки закона о собственности три его положения имели отношение к советизации, воплощению СССР в стране вообще, и в деревне, в частности. На смену уничтожаемой частной собственности на орудия и средства производства должна была прийти государственная при опоре на общинный коллективизм. Что до положений закона о собственности как основе личной свободы, деятельности и самостоятельности индивида, то они русскими марксистами затушевывались. И последнее, третье положение — о естественном, а не достигаемом посредством насилия, изживании мелкобуржуазности в крестьянстве, также обходилось властью. Скорее всего, большевикам сразу было понятно, что отделить собственность на основе эксплуатации от собственности «чисто» трудовой, как

правило, невозможно. Что же до тезиса о собственности как основы личной свободы и самостоятельности, то это для зачатков тоталитарного сознания большевиков и вовсе было ересью.

Закон об уничтожении частной собственности в буржуазной или в трудовой форме, несомненно, был основным, однако в дооктябрьский период узловым пунктом споров в среде марксистов стала тема русской крестьянской общины: продолжит ли крестьянство свое развитие как мелкая буржуазия, что разрушит общину, или Россия, по словам раннего Энгельса, реализует «предоставленный историей шанс» и минуя капитализм, превратит общину — коммунистическую «по инстинкту и по традиции» — в обобществленное аграрное предприятие. В работе «Социальные отношения в России» классик констатировал, что хотя общинная собственность «по всей видимости идет к своему разложению», окончательно хоронить ее рано. «Бесспорно, существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не отдельно, а совместно, причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия. ...Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собствен-

ность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» [Маркс, Энгельс, т. 18, с. 545–546]. Вот с такими условиями Энгельс допускал «перескок» России из феодализма в коммунизм и за это, конечно, не могли не ухватиться русские большевики.

Позднее, однако, Маркс откорректировал воззрение о замечательном историческом шансе для России. Если Россия, писал он, «будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя». И далее: «Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 119–120].

Обнадеживающее для русских марксистов-ленинцев представление о развитии России через общину, минуя капитализм, Маркс и Энгельс сопровождали указанием на важное общинное качество — *коллективность*. Это был дополнительный акцент на общественном характере труда, общем процессе производства. Однако классики марксизма в определении природы общины допускали ошибку. Они не только плохо знали российскую социально-экономическую реальность, но не были знакомы и с ее изображением в русской философствующей литературе. Община же представляла собой особый тип социальности, который предполагал коллективную ответственность (круговую по-

руку) в фискальной и военной социальных практиках, которые по определению не могли быть свободным действием ответственных субъектов; *общинная коллективность была принудительной*. Ее природа — фискальная и военная принуждающая ответственность поддерживались властью и без ее давления вряд ли бы существовала. Община в случае нужды обеспечивала уплату налогов имущими за неимущих и таким же способом всегда поставляла рекрутов. Более того: общинная коллективность достигалась нивелированием личностного начала, подавлением индивида коллективом, что впоследствии стало отличительной чертой природы населения в СССР.

* * *

Вторым законом, открытым Марксом и Энгельсом, был закон *наличия в обществе классов и их борьбы как движущей силы исторического развития*, которой обеспечивается переход общества от одной общественно-экономической формации к другой. Выросшее из этого закона материалистическое понимание истории преодолело субъективный идеализм, трактовавший общественное развитие как результат действий выдающихся личностей, равно как и разрушило представления о возможности изменения исторической реальности чем-либо помимо целенаправленной человеческой воли. Утверждалось, что развитие есть совокупный результат результирующей воли, возникающий из индивидуальных волевых действий отдельных людей. Но и этой совокупной воле требуется знание о состоянии производительных сил, умение ориентироваться в производственных и иных общественных отношениях. Идеально, если бы люди, ставящие цель способствовать историческому прогрессу, руковод-

ствовались революционной теорией, включая действия по устранению со сцены истории классов отживших¹.

Кроме идеи насилия, через борьбу классов, которую, кстати, большевики не только использовали как объективную реальность, но и субъективно всегда стимулировали, идея осознанности состояния производительных сил и производственных отношений была реализована в мании большевиков к социальному планированию и структурированию. Делалось это, прежде всего, посредством различения больших социальных групп на эксплуататоров и эксплуатируемых, в которых выделялось огромное количество более мелких структурных единиц — видов и подвидов, а именно: пролетарских, непролетарских, полупролетарских элементов, крупной, средней и мелкой буржуазии городской и сельской, буржуазии торговой и промышленной, кулаков и середняков, отдельно — бедняков, а также попутчиков постоянных, временных и сочувствующих, не говоря об элементах большевистского новояза — перегибщиках, аллилуйщиках и т. д., и т. п. Посредством этих политических ярлыков, на основе плановых заданий по разным поводам проводилась социальная селекция, а именно — где-то сажали в тюрьмы, где-то брали в заложники, где-то расстреливали, как, например, советовал Ленин в статье с издевательским названием «Как нам организовать соревнование» [Ленин, т. 41, с. 43]. Начиная с 1918 г. ученик-отличник Маркса и Энгельса сделал все, чтобы классовая борьба приобрела форму всеобъемлющего российского процесса ради того, чтобы февральская буржуазно-демократическая революция не стала концом российской смуты, а переросла в социалистическую форму, не затормозилась в крупных городских центрах, а захлестнула ка-

¹ Именно это наставление было с особой точностью воспринято и исполнено большевиками, благо, фактор насилия всегда был центральным в российской истории.

ждое селение. Для этого Ленин, как известно, сперва распустил Учредительное собрание, весной того же 1918 г. и деревенские Советы, заменив их на держащиеся на штыках продотрядов Комитеты деревенской бедноты с экспроприацией имущества и уничтожения сопротивляющихся «классовых врагов». «Образование в деревне комитетов бедноты, — писал В. И. Ленин, — было поворотным пунктом... к гораздо более трудной и исторически более высокой (чем победа над помещиками — С. Н.) и действительно *социалистической задаче — и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание», установить, в конечном счете, «социалистический порядок»* (курсив мой — С. Н.) [Ленин, т. 36, с. 354–355].

Ленин, большевики, а потом и Сталин и в этом были отменными учениками Маркса и Энгельса. Их в особенности вдохновляла идея Маркса из работы «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», в которой говорилось о «непрерывности» революционной классовой борьбы. «Социализм есть объявление *непрерывной революции* (здесь и далее выделено мной — С. Н.), классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений». И ранее в «Манифесте»: «Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания *непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма*, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода» [Маркс, Энгельс, т. 7, с. 91].

То есть для насилия как главного инструмента классовой борьбы не ставился предел [Там же, с. 551]¹.

* * *

Классовая борьба как форма исторического движения с неизбежностью (и это был третий закон марксизма) должна привести к *уничтожению классового общества и отмиранию государства* как юридически закреплённой формы господства класса эксплуататоров над

¹ Впоследствии, как известно, Сталин «творчески развил» этот закон марксизма, заявив, что классовая борьба по мере развития социалистического общества не только не затухает, но, наоборот, обостряется. «Разве НЭП отменяет диктатуру пролетариата? Конечно, нет! Наоборот, НЭП есть своеобразное выражение и орудие диктатуры пролетариата. А разве диктатура пролетариата не есть продолжение классовой борьбы?»

Мы говорим часто, что развиваем социалистические формы хозяйства в области торговли. А что это значит? Это значит, что мы тем самым вытесняем из торговли тысячи и тысячи мелких и средних торговцев. Можно ли думать, что эти вытесненные из сферы оборота торговцы будут сидеть молча, не пытаясь организовать сопротивление? Ясно, что нельзя. Мы говорим часто, что развиваем социалистические формы хозяйства в области промышленности. А что это значит? Это значит, что мы вытесняем и разоряем, может быть, сами того не замечая, своим продвижением вперед к социализму тысячи и тысячи мелких и средних капиталистов-промышленников. Можно ли думать, что эти разоренные люди будут сидеть молча, не пытаясь организовать сопротивление? Конечно, нельзя. ...

Мы говорим часто, что необходимо ограничить эксплуататорские попользования кулачества в деревне, что надо наложить на кулачество высокие налоги, что надо ограничить право аренды, не допускать права выборов кулаков в Советы и т.д., и т.п. А что это значит? Это значит, что мы давим и тесним постепенно капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения. Можно ли предположить, что кулаки будут нам благодарны за это, и что они не попытаются организовать часть бедноты или середняков против политики Советской власти? Конечно, нельзя. ...

Но из всего этого вытекает, что, по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров...» [Сталин, 1947].

эксплуатируемыми, пролетариатом прежде всего. В отличие от остальных, пролетариат, как известно, не имел никаких материальных обременений и в силу этого мог выступить могильщиком буржуазии, уничтожив инструмент ее господства — государство. Ему надлежало разбить вдребезги, сломать, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республиканско-буржуазную, государственную машину, а именно — постоянную армию, полицию, чиновничество и заменить их более демократической, хотя пока еще тоже государственной машиной в виде вооруженных рабочих, народной милиции. «Здесь, — подчеркивал Ленин в работе «Государство и революция», — “количество переходит в качество”: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться» [Ленин, т. 33, с. 100].

Реальный демократизм нового пролетарского государства, прежде всего, понимался как строжайший контроль за мерой труда и потребления. Для этого, полагал Ленин, все граждане должны стать работниками одного крупного синдиката. Это, по его мнению, достигается легко, поскольку вместо многообразных форм частной существует одна лишь государственная собственность на средства производства. Общество фактически становится одной огромной фабрикой и постепенно все население учится управлять государством, что было, как очевидно, расшифровкой знаменитого высказывания вождя об управлении государством простой кухаркой. То, что граждане не становятся профессиональными чиновниками, исключает возникновение привилегированного, оторванного от народа и возвышающегося над ним общественного слоя. Любой временный управляющий чиновник должен быть избираем и сменяем в любое время, а его труд не должен оплачиваться выше труда квалифицированного рабочего. Таким образом, всеобщей контроль и надзор

станет уделом всех и государственные органы сделаются действительно работающими.

Ленин понимает, что только коммунистическая демократия исключает эксплуататоров, а для этого их необходимо подавлять. Но сколь масштабно и жестоко? Ответ — максимально масштабно и жестоко отчасти уничтожением, отчасти перевоспитанием, т.к. классовая борьба — универсальный двигатель общественного развития¹. При этом, доли убитых и перевоспитанных зависят от «революционного сознания» солдата, пролетария, крестьянина-бедняка. Он формулирует: для государства «вчераших наемных рабов» дело подавления будет «настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле» [Ленин, т. 33, с. 90]. И уже в январе 1918 г. требует от любой «коммуны» — фабрики, деревни, потребительского общества строжайшего учета и контроля за трудом и распределением продуктов в соответствии с принципом «кто не работает, тот пусть не ест».

Идеи Ленина жили не только на бумаге. Большевицкий вождь внимательно следил за тем, чтобы они не были всего лишь плодами его личного творчества. Напротив, они должны были «овладевать массами», делаться «материальной силой», преобразовывать жизнь.

¹ «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в туеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств» [Ленин, т. 35, с. 204].

* * *

Завершив рассмотрение гносеологических, идейно-теоретических оснований замысла СССР на российской почве и во всемирном масштабе, перейду к его онтологическим основаниям. В этом плане Ленину и русским марксистам приходилось больше внимания уделять реальности, но и в этом случае воображаемое, фантазийное не отвергалось, а, напротив, включалось в видение реальности, что хотя и искажало ее, но позволяло еще глубже обосновывалось гносеологическое. Большевиков-материалистов не смущало, что в этом случае нарушался их главный, уже существовавший, хотя пока не сформулированный философский принцип о первичности материи. Сознанию приписывалась доминирующая над материей, «творящая» роль. Впрочем, в полной мере для русских марксистов это было характерно уже после Октября. В предшествующие десятилетия установка хотя бы по видимости не была столь жесткой.

Главным трудом русских марксистов об экономическом состоянии страны на рубеже XIX—XX столетий считается ленинская книга «Развитие капитализма в России», написанная в 1896—1899-х гг. В ней будущий идеолог и основатель СССР ставит задачу «дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие» [Ленин, т. 1, с. 307].

Как видно, уже в этой задаче, наряду с обещанием «дать цельную картину», формулируется и воображаемое — «показать выход из тупиков», формулируется вопрос о соотношении знания о реальном положении вещей и фантазиях о действительности и о ее будущем развитии. При этом, автор ясно понимал разницу между реальным и воображаемым: «Социалистическая интеллигенция только

тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ работа ее должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками» [Ленин, т. 1, с. 307]. Жаль, что этой установки он не придерживается сам.

Ленинская работа далека от строгого следования реалиям, подчинена задаче подтверждения истинности марксистской теории и в угоду этой теории автор делал оторванные от реальности выводы, выступал с безапелляционными прожектерскими заявлениями. Как отмечалось, но не сознавалось как недостаток, в предисловии переиздававшего книгу в советское время Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, это произведение, работавшее на программу марксистской партии, содержало «характеристику основных черт экономического строя России, оценку основных классовых сил, определение основной цели и текущих задач революционной борьбы пролетариата» [Ленин, т. 1, с. VIII]. Анализ действительности был подчинен задаче выявления основных классовых сил, целям и задачам революции. Действительность рассматривалась исключительно под углом зрения выживания и стимулирования революционных процессов.

Классом, которому выпадало переустраивать общество, назывался пролетариат, при этом подавалось как непреложный факт его быстрая даже в сравнении с Германией концентрация на крупных российских предприятиях, на которых он консолидировался и вырабатывал революционное сознание. И хотя цифры о «крупной концентрации пролетариата» имели отношение только

к Московскому региону, это выдавалось за серьезный довод в пользу объективных оснований революционности в стране в целом.

Также как интенсивный в книге характеризовался процесс разложения крестьянской общины и капиталистического развития в деревне. Ленин старался доказать, что крестьянство не только дифференцируется, а «совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» [Ленин, т. 1, с. 165—166].

В каких местах сельской России Ленин нашел «вытесненное» из общины и даже ставшее «классом наемных рабочих» крестьянство, никто из соратников вопроса не задавал, т.к. читали труд, вероятно, дай Бог, несколько десятков, а способных и осмеливающихся ставить перед вождем вопросы было и того меньше. Но ясно одно: уже тогда, видимо, вслед за Энгельсом, мечтая о государственных аграрных общественно-производственных коллективах, Ленин парцелльное мелкотоварное крестьянское хозяйство числил первым кандидатом на исчезновение¹, постоянно утверждал, что мелким крестьянам не выжить без присоединения к революционному движению пролетариата, вне революционной борьбы под руководством гегемона против капиталистического строя.

Знание реальности и, тем более, выстраивание действий в соответствии и ее условиями, а равно и возмож-

¹ Эта позиция была в корне противоположна исследованиям российских аграрных экономистов, в частности, А. В. Чайнова, их видению кооперативного пути объединения крестьян-единоличников, что после Октября вызвало репрессии советской власти, закончившиеся в 1937 г. расстрелом идеолога крестьянской «моральной экономики».

ностями, коль скоро речь идет об общественных группах, не числилось большевиками в приоритете, тем более что известные примеры такого рода небрежения подавали сами основоположники марксизма. Как и их последователи, Маркс и Энгельс также высоко ставили творческую роль фантазии в историческом конструировании, в возможности заниматься революционным творчеством.

Так, например, ими последовательно вырабатывалось представление об аграрной реальности будущего. В этом после смерти Маркса особенно преуспел Энгельс. В «Предисловии ко второму изданию работы «Крестьянская война в Германии» он писал: «Сельские рабочие могут избавиться от своей ужасающей нищеты только при условии, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частого владения крупных крестьян и — еще более крупных — феодалов и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельских рабочих» [Маркс, Энгельс, т. 16, с. 419].

Согласно Энгельсу, выходило, что уже в 1893 г. в Европе были условия для превращения частной собственности в общественную. В этой связи, продолжал он, «латифундии и крупные дворянские поместья по сравнению с мелким крестьянским хозяйством представляют для нас более пригодный материал, так же как для такого перехода в промышленности более подходят крупные фабрики, чем мелкие ремесленные предприятия» [Маркс, Энгельс, т. 39, с. 89]. Рабочим и сельскому пролетариату надлежало конфисковать феодальную собственность и превратить ее аграрные колонии с объединенным в ассоциации сельским пролетариатом. В этом сразу бы обнаружилось преимущества крупного земледелия. Возникающее «великое общенациональное производственное товарищество», работающее по «общему плану», будет формой коммунизма. На замечание социалиста-консерватора Рудольфа Мейера о разной продолжительности трудово-

го дня в земледелии Энгельс отвечал: «Что касается рабочего времени, то нам ничто не мешает во время сева или уборки урожая и вообще всякий раз, когда необходимо быстро увеличить количество рабочей силы, ставить на работу столько рабочих, сколько потребуется. При 8-часовом рабочем дне можно установить две и даже три смены в сутки, даже если бы каждый должен был работать ежедневно только два часа — на данной специальной работе, — то, коль скоро у нас имеется достаточно людей, обученных для такой работы, можно установить восемь, девять, десять последовательных смен» [Маркс, Энгельс, т. 39, с. 88]. Нужно лишь разделить сельскохозяйству Германии на участки в 600—900 гектаров, применить технику и иные аграрные механизмы и возникнет избыток рабочей силы. В этом случае рабочих можно отправлять трудиться на полях, а крестьян на заводы. «Допустим даже, — продолжает Энгельс, — что нынешнее взрослое поколение не годится для этого. Но молодежь-то можно этому обучить. Если несколько лет подряд в летнюю пору, когда есть работа, юноши и девушки будут отправляться в деревню, — много ли семестров придется им зубрить, чтобы получить ученую степень пахаря, косаря и т.п.? Вы же не будете утверждать, что необходимо весь свой век ничем другим не заниматься, что надо так отупеть от работы, как наши крестьяне, и только так научиться чему-нибудь путному в сельском хозяйстве?» [Там же, с. 88—89].

В футурологических размышлениях классиков марксизма есть много идей, которые позднее были реализованы в аграрной практике СССР и, без сомнения, рассматривались в связи с идеей «всемирного СССР». Речь идет об идеях общественной (государственной) собственности на землю, абсолютизации в сознании производителей психологических установок общинного типа, о фантазиях об универсальном аграрно-промышленном работнике в связи с идеей «всесторонне развитой личности».

К ним можно добавить и «родственные», однотипные идеи русских большевиков о всеобщем принудительном «перевоспитывающем и облагораживающем» труде как основном факторе создания «нового человека» — речь как о крестьянах, так и позднее о заключенных ГУЛАГа, а также об особой партии, которая естественным образом оказывается руководителем самого передового класса — пролетариата.

Но до времени фантазии оставались фантазиями, а в действительности русские последователи Маркса и Энгельса выводили из их наследия то, что общинная собственность и протокоммунистическая привычка крестьянина к общинной коллективности позволит избежать капиталистического пути развития и сделает возможным и легким расставание крестьянина со своим клочком земли, со своим парцеллярным хозяйством и, соответственно, становится возможным массовый, в короткие сроки переход к хозяйству коллективному, что создаст во всей экономике «естественную основу коллективного производства и присвоения» [Маркс, Энгельс, 1986, т. 6, с. 65].

Напрасны были предостережения Энгельса о том, что коммунистам не нужно уничтожать мелкого крестьянина. «Во-первых, ...мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством. А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это вы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянами состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели. ...Поступая так, мы будем действовать соответственно неизбежному ходу экономического развития, а оно уже прочистит крестья-

нам мозги для понимания наших слов» [Маркс, Энгельс, т. 22, с. 521]. Что же до крупных и средних собственников, то их следовало «предоставить их собственной судьбе», поскольку они все равно не выдержат конкуренции с крупными земледельческими товариществами, и это само покажет преимущества крупного социалистического хозяйства.

В своем последнем тексте по аграрному вопросу Энгельс еще раз подчеркнул значение крупного земледелия как неотъемлемой части социализма и вновь акцентировал необходимость не насилия, а убеждения. Однако, как бы предугадывая будущие действия российских коллективизаторов начального этапа становления СССР в письме Плеханову он заключал: «Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, ...которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов. Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окруженной более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» [Маркс, Энгельс, т. 39, с. 344]. Именно вековая вера русских марксистов в провиденциальные пути России, идущие хоть от III Интернационала, хоть от III Рима, вера, ни на чем, кроме собственной буйной фантазии и недавнего опыта успешного насилия не основанная, брала верх в определении реальных политических действий. И хотя эта вера материализовалась в практику в начале в пределах СССР, нельзя сомневаться в том, что то же самое виделось и для «всемирного СССР». Впрочем, и позднейшая, послевоенная (Второй мировой войны) история это подтвердила наглядно.

* * *

Становление СССР с начала 20-х, но, в основном, в 30-е гг. XX столетия масштабно происходило в экономике, политической жизни, в общественном сознании, что находило отражение в создаваемых духовных продуктах, прежде всего, в литературе и кинематографе. Вот как об этом и послевоенное время в 1954 г. говорил один из соиздателей нового общества писатель Л. М. Леонов: «Страна и народ наш стали гигантской лабораторией, где выверяются нормы будущих людских отношений и создаются эталоны новых добродетелей, на которые обопрётся здание новой коммунистической морали... Советская литература стала также отличной лупой для изучения внутренних процессов народной жизни и, надо надеяться, станет в ближайшем будущем не меньшей силы телескопом, позволяющем рассмотреть великолепную духовную и материальную архитектуру коммунизма. Народ хочет видеть будущее глазами нашей литературы. Для такой литературы слишком слабая нагрузка быть только песенниками народа нашего, она должна стать и разведкой его» [Леонов, 1956, с. 477].

Тезис Леонида Леонова, одного из признанных «прорабов» отечественного социализма, принявшего «эстафету» от Максима Горького, важен потому, что, наряду с политической пропагандой, целью которой было переформатирование сознания в чистом виде, художественно-философские по своей природе тексты были тонкими инструментами, подспудно, но неуклонно направлявшими общественное сознание в нужное властью русло.

До периода собственно конструктивной работы по созданию СССР, который начался с курса на коллективизацию, в течение почти десяти лет шла подготовительная партийно-политическая работа по перестройке политической жизни вообще, и по пересозданию ленинской партии, в частности — с прокламационной ориентации на демо-

кратизм и коллективное руководство она была перенацелена на партию — бюрократический механизм, который вместе с политической полицией — ЧК — НКВД обеспечивал диктатуру одного человека. Этот процесс был обширной социальной практикой, которая гарантировала появление нового массового солдата партии — функционера ВКПб посредством физического устранения прежних кадров и выдвижение на их место новых, лично никак не связанных с прошлым революционным опытом и ничего доподлинно о нем не знавших и, напротив, всем обязанным новой сталинской власти.

Реализация замысла СССР в аграрной сфере опиралась на опыт, полученный в ходе политики военного коммунизма. В течение 1918–1921 гг. в стране была уничтожена самостоятельная аграрная кооперация, которая включала в себя все виды деятельности крестьян¹, за исключением насильственно насаждаемой производственной (колхозы, совхозы, коммун) кооперации. Также произошла не замеченная массами крестьянства легитимация аграрного законодательства от включающего в себя идею пользования и распоряжения крестьянином земельным наделом и свободного выбора организационно-производственных форм хозяйственной деятельности, в том числе посредством сохранения парцелльного хозяйства, до закона о государственной собственности на землю и настоятельной «рекомендации» переходить на социалистические коллективные хозяйственные формы. Кроме этого, в период военного коммунизма большевики обрели опыт упразднения советов как формы народного самоуправле-

¹ Наряду с самой массовой, потребительской кооперацией, была распространена кредитная, снабженческая, сбытовая и по уровню кооперирования, как отмечал В. П. Данилов, среди мировых держав Россия считалась одной из самых передовых

ния, а также ими была опробована практика «всеобщей трудовой повинности»¹.

Непосредственный переход к строительству СССР начался со сворачивания НЭПа². В это время главным содержанием практической политики большевиков стала основная цель ленинизма — не допустить (искоренить) в России капитализм и создать социалистическое хозяйство и общество. Большевики проигнорировали отказ Маркса и Энгельса от их первоначального тезиса о крестьянской общине как возможности от феодализма непосредственно перейти к коммунизму. Они также игнорировали негативный опыт военного коммунизма, равно как и противоположное — экономические успехи в сельском хозяйстве в период НЭПа, когда этот сектор экономики давал порядка 10% прироста в год. Сталин и большевики также «забыли» о том, что сам Ленин в последние два года жизни ясно заявлял об иллюзорности надежд на переход к коммунизму без «промежуточных ступеней».

На XV съезде ВКПб (2—19 декабря 1927 г.), взявшем курс на коллективизацию и индустриализацию, было заявлено о политике ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни — борьбе с кулачеством как классом. Однако в деревне все еще действовали законы об аренде земли и о найме труда, с чем связывались в первую очередь «кулаки». Но вскоре эти практики, наряду с размерами хозяйств, количеством недвижимого и движимого имущества и скота сделались признаками кулацких элементов, подлежащих искоренению.

Поводом для начала коллективизации стал кризис хлебозаготовок 1927—1928 гг. («ножницы цен») — ре-

¹ Подробнее см.: *Никольский С. А.* СССР в его интернациональном аспекте: философско-исторический анализ решения большевиками аграрного вопроса // *Вопросы философии.* 2021. № 10. С. 90—100.

² НЭП в деревне означал: замену продразверстки продналогом; возврат к дооктябрьским экономическим методам регулирования; свободу торговли и эквивалентный обмен между городом и деревней; разрешение аренды и наемного труда; восстановление кооперации.

зультат непомерно высоких цен на промышленные товары и низких закупочных цен на сельскохозяйственные продукты. «Правая оппозиция» (Н. Бухарин, А. Рыков, М. Томский) выступили за выработку экономических механизмов ликвидации кризиса¹. С научными исследованиями против «левореволюционных» идей выступали А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, Н. Д. Кондратьев, А. Н. Челинцев, Б. Д. Бруцкус и другие ученые, предлагавшие снизить планируемые крайне высокие темпы коллективизации и индустриализации и продолжать политику свободной торговли. «...Единственно возможный в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства — это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий» [Чаянов, 1925, с. 11], — заявлял А. В. Чаянов.

¹ Как утверждал в 1930 г. на XVI Съезде ВКП(б) И. Сталин, именно кризис хлебозаготовок стал главной причиной перехода к «коренному разрешению зерновой проблемы», выразившемуся в «развёртывании социалистического строительства в деревне, насаждая совхозы и колхозы, способные использовать тракторы и другие современные машины». Это была неправда, поскольку в это время производство тракторов в СССР исчислялось несколькими сотнями штук в год, в то время как строительство тракторных заводов еще не начиналось. Так, например, строительство Харьковского тракторного завода началось весной 1930 г., а завершилось осенью 1931. При этом, на проектную мощность — 145 машин в сутки завод вышел только к октябрю 1933 г. Сталинградский тракторный завод выпустил первый трактор в июне 1930 г., а на проектную мощность — 144 машины в сутки — вышел в июне 1932. То есть, ломка хозяйственного уклада под декларированное крупное механизированное социалистическое аграрное предприятие началась практически за три года до того, когда техника начала поступать в деревню. «Превентивная» мера потребовалась для того, чтобы ограбить крестьян и на отнятое у них зерно оплатить будущие сельхозмашины. Мера эта прогнозировалась теоретиками большевиков (в частности, Е. А. Преображенским) еще в период военного коммунизма и именовалась «социалистическим первоначальным накоплением».

Однако идея немедленного искоренения капитализма (И. Сталин) одержала верх. Игнорировался тот факт, что Маркс и Энгельс были сторонниками опережающего прогресса техники и технологий в сравнении с перестройкой аграрного хозяйственного механизма, а также того, что, по их мнению, крестьянство само должно было выбирать пути своего развития.

Свой выбор Сталин объяснял тем, что в СССР существует государственная собственность на землю и, значит, ее хозяин — государство, управляемое партией. «... Так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству», а есть национализация земли, то это облегчает «дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизма» [Сталин, Сочинения, т. 12, с. 152].

Начало коллективизации связано с речью Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР», произнесенной 27 декабря 1929 г. в Коммунистической академии на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. «Основным фактом нашей общественно-хозяйственной жизни в настоящий момент, фактом, который обращает на себя всеобщее внимание, является факт колоссального роста колхозного движения». Никакого «колоссального роста» образования колхозов и совхозов в стране, конечно, не было, а добровольно в производственную кооперацию крестьянство не шло. «Можно ли сказать, — продолжал Сталин, — что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно очень редко имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизвод-

ство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства» [Сталин, URL].

Основным методом проведения коллективизации — начала строительства СССР в экономике было насилие. Метод этот был наиболее привычен и естественен как для большевиков, так и для населения. Его применение также определялось тем, что натуральным образом следовало из недавнего опыта революционного переворота и политики военного коммунизма. Оружие аргументов легко уступало место аргументацией оружием. И, наконец, он снимал вопрос о разумном обсуждении разных позиций, мыслительной деятельности вообще, применялось на основе привычного критерия «социальной близости». Этот метод, как были уверены большевики, был самым быстрым и надежным способом решения любой проблемы.

К строительству СССР в аграрной сфере партия в кадровом вопросе подготовилась основательно. За десять лет после Октября партаппарат увеличился в несколько раз и достиг к 1927 г. 4 миллионов. А еще был аппарат комсомола и профсоюзов, не говоря о численности рядовых членов: партийцев — около 600 тысяч, комсомольцев — свыше 2 миллионов, членов профсоюза — около 8 миллионов при населении страны около 150 миллионов; т.е., в целом актив реализаторов политики коллективизации и начального строительства СССР составлял порядка 7 процентов, что немало.

Была создана и соответствующая репрессивная база. Для «изъятия денежных накоплений из деревни» уста-

навливались «максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне... на основе законов о самообложении». При взыскании недоимок предписывалось «применять немедленно жесткие кары, в первую очередь в отношении кулачества. Особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих с/х цены». Была введена личная ответственность руководителей организаций за исполнение госзаданий. Появились и соответствующие репрессивные статьи Уголовного Кодекса РСФСР: статья 107 — против спекуляции частных скупщиков; статья 105 — против «пособников спекуляции из низового аппарата»; статья 60 — против недоимщиков при взимании налогов и других платежей. Применялась уголовная ответственность к «держателям хлеба» — к крестьянам-производителям, отказывающимся сдавать хлеб заготовителям по заниженным ценам. Налоги на деревню по сравнению с 1913 г. выросли в диапазоне от 2-х до 10-ти раз. Все это — в сочетании с высокими темпами коллективизации. Так, если к 20 января 1930 г. было коллективизировано 21 процент хозяйств, то к 20 февраля уже 52 процента.

На очередное насилие крестьяне ответили восстаниями. Только в марте 1930 г. их прошло более 7 тысяч, а всего за 1930 год в них участвовало почти 3,4 млн человек. Против восставших были двинуты регулярные части Красной армии, а на Северном Кавказе, кроме конницы и артиллерии, использовалась даже авиация. 2 марта вышла сталинская статья «Головокружение от успехов», в которой ответственность за репрессивную политику перекладывалась на работников низового звена. Однако политика коллективизации продолжалась в прежнем масштабе и прежними темпами. В 1932–1933 г. она совпала с постигшим страну неурожаем. В результате голодало не менее 30 млн крестьян, в том числе порядка 7 миллионов погибло от голода.

Но бедствие большевиков не останавливало. Десятки тысяч уполномоченных (в том числе, так называемых двадцатипятидесячников, которых на самом деле было 76 тысяч) и горожан объединяли в «буксирные» бригады и рассылали по деревням искать зерно. «Всего к хлебозаготовительной кампании 1932 г., по некоторым свидетельствам, было привлечено 112 тыс. человек. ...Голод, вызванный плохим урожаем и его несвоевременной уборкой, превращался в результате чудовищного давления на село и полного изъятия продовольствия в страшный, невиданный в прежние времена голодомор» [Максудов, 2019, с. 65, с. 71].

Понесенные деревней потери¹ были огромны, а аграрная хозяйственная структура коренным образом трансформирована. Так, если в 1927 г. в России числилось около 24 млн индивидуальных крестьянских хозяйств, то к концу коллективизации осталось 3,6 млн. Зато резко возросло количество колхозов: от 15 тысяч (200 тысяч дворов) до 237 тысяч (объединяли 18 млн 700 тысяч дворов) к концу коллективизации. При этом, среднегодовое производство зерна в 1926–1930 составляло 75,5 млн тонн, в 1931–1935—70,0 млн тонн, а в 1936–1940 гг. — 79,1 млн т. За границу вывозилось: в 1930 г. — 5,2 млн т., в 1931 г. (при недороде и начале голода) — 5,18 млн т. и даже в при голоде 1932 и 1933 гг. — 1,8 и 1,7 млн т. соответственно.

В отличие от зернового хозяйства, контролировать животноводство было сложно: крестьяне уничтожали скот, лишь бы не обобществлять. Если на начало 1928 г. в стране имелось 60 млн голов крупного рогатого скота, включая 29,2 млн коров и 32 млн лошадей, а также 22 млн свиней и 97 млн овец, то в 1932 г. осталось: крупного ро-

¹ В процессе коллективизации также широко применялась мера выселения. «2 млн крестьян было депортировано, из них около 600 тысяч умерло или покончило жизнь самоубийством» [Мироненко, 2019, с. 191].

гатого скота — до 33 млн, лошадей — до 15 млн, свиней — до 9 млн, овец — до 33 млн. В целом спад по животноводству превысил 52 процента [Сельское хозяйство СССР. Статистическая справка, 1960, с. 263] и уровень 1928 г. по основным видам поголовья скота в СССР был превзойден лишь в 1958 г.

* * *

Наследование большевиками Российской империи с ее народами и территориями оказалось не только приобретением, но и проблемой с точки зрения замысла о «всемирном союзе рабочих и крестьян». «Отпустить» национальные окраины империи для большевиков было делом невыполнимым, в том числе и с позиции рассмотрения СССР как базы будущей мировой революции, а после ее победного завершения, в качестве сырьевого придатка¹. Но и сохранять их в прежней форме подчинения имперской бюрократии и русскому православию тоже было нельзя.

Большевики захватили власть под лозунгом уничтожения самодержавия, ликвидации частной собственности и основанной на ней власти человека над человеком. Но именно эти две «константы» российского существования обеспечивали бытие российского социума в качестве империи — константы третьей [Никольский, 2018, с. 115—128]. И, поскольку территория СССР рассматривалась как плацдарм и база будущей мировой революции, а новое государство иначе как в унитарной форме не мыс-

¹ Один из лидеров большевиков экономист Е. А. Преображенский завершал свой футурологический опус так: после социалистической революции в Европе: возникла Федерация Советских республик Европы с единым плановым хозяйством. Промышленность Германии соединилась с русским земледелием. Советская Россия, перегнавшая до этого Европу в политической области, теперь «скромно заняла свое место экономически отсталой страны позади передовых индустриальных стран пролетарской диктатуры» [Преображенский, 1922].

лилось, идее удержания народов под властью Москвы требовалась новая, по видимости федеративная форма.

С другой стороны, большевики наследовали выпестованное в Российской империи отношение к русским как к угнетателям. Поэтому на первом этапе создания СССР (до конца 30-х гг.) большевикам нужно было подавить проявляемый в отношении русских местный национализм. Сделать это предполагалось политикой «коренизации», путем предоставления «аборигенам» преимуществ при приеме в учебные заведения и на работу, выдвигая их представителей на руководящие должности в управлении, в образовании и в промышленности, а также реальными шагами по развитию культуры, языка, элит [Мартин, 2011, с. 177]. Однако несмотря на это, реальные составные части СССР создать жизнеспособное объединение не могли. Поэтому, начиная с 30-х гг., был избран вариант «квазифедеративного» государства, в том числе, со сменной политики «коренизации» на политику русификации с подавлением местного национализма, его «согласования» с интернационализмом. То, что это сделать прямым нажимом не удастся, большевикам стало ясно уже после провала польского похода весной — летом 1920 г. с целью стимулирования пролетарской революции в Польше, вместе с крахом идеи, будто польские рабочие и крестьяне при поддержке Красной армии выступят против своих помещиков и городской буржуазии. Не допустить повторения польского урока было актуальной задачей.

Тактика большевиков выработывалась вокруг главного вопроса единства будущей коммунистической империи — о праве наций на самоопределение. Дебаты по нему происходили еще на VIII съезде партии в марте 1919 г. в спорах Ленина и Сталина, с одной стороны, и Г. Л. Пятакова и Н. И. Бухарина, с другой. Последние выступали как интернационалисты и утверждали, что лозунг права наций на самоопределение в ходе гражданской войны показал себя как сила, объединяющая националь-

ный пролетариат и буржуазию в контрреволюционной борьбе против русских. Ленин с этим фактом соглашался, но утверждал, что если лозунг права наций на самоопределение и право наций самостоятельно формировать некоторые несущественные формы государственности выдвигать, то это разрушит надклассовый национальный альянс и пролетариат национальных окраин в ходе строительства в рамках федерации собственного национального государства выступит против своей буржуазии и его можно будет поддержать русскими силами. В уловке автономии («квазифедерализма») был смысл, но она требовала определенных жертв со стороны «титულიной» русской нации.

Ленин и Сталин понимали, что национальное в общественном сознании социальной общности возникает по мере развития капитализма и поэтому этот этап развития неизбежен. В этом случае, казалось, большевикам следовало бы рассуждать тем же логическим путем, к которому они прибегали, когда настаивали на возможности «перескока» русского крестьянства от «общинного коммунизма» к коммунистическому коллективизму. Однако опыт подъема национальных движений в ходе гражданской войны от этого умозаключения их предостерег, для чего применительно к культуре Сталиным был придуман лозунг «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Национальная культура должна была всячески поощряться, но предполагалось, что постепенно она исчерпает себя и, тем самым, создастся основа для единой культуры — интернациональной и социалистической. Что это значит, Сталин не уточнял, «и эта неопределенность была намеренной, поскольку планы большевиков по социальному преобразованию страны не допускали сохранения каких-либо существенных характерных национальных черт — религиозных, правовых, идеологических или относящихся к обычаям» [Мартин, 2011, с. 24].

Однако до единой интернациональной общественной среды было далеко. А то, что было необходимо сразу, так это приоритетная поддержка всех нерусских народов... за счет русских. Бухарин, например, высказывался об этом так: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны ...поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только... этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций» [Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет, 1968, с. 613]. Более политичный Сталин упрекал Бухарина за грубую откровенность, но не оспаривал ее смысла¹.

Таким образом, хотя советская национальная политика создала национальные территории, поддерживала развитие национальных языков и стимулировала продвижение национальных элит и культур, она ни в коей мере не допускала появления полноценной федерации [Мартин, 2011, с. 47—104], действовала по логике и в рамках унитарной государственности, в итоге похоронившей СССР.

* * *

Тема «СССР в период Второй мировой и Великой Отечественной войны» — особая и огромная. В общем виде о ней можно сказать лишь то, что в условиях, когда над населением советской Восточной Европы и Азии нависла реальная угроза тотального уничтожения или рабства, народы отодвинули все негативное, недавно произошедшее и связанное с насильственным единением под име-

¹ Диктатура пролетариата (партии) для успеха своего функционирования должны была быть отождествлена с исторически укоренившимся великодержавным шовинизмом, господствовавшим в Российской империи. Для этого — успешности диктатуры — и требовалось не допустить такого исторического сравнения, требовалось принизить русское национальное самосознание, проводить политику «положительной деятельности». И именно таким способом была сохранена национальная структура прежней империи.

нем СССР, и вместе начали бороться за свое выживание¹. При этом, имя Сталина, с которым часто шли в бой, для многих звучало не как символ отстаиваемого прошлого и чаемого будущего, но как знак желанной победы над гитлеризмом и нацизмом, как смерть Гитлеру.

Разгром немецко-фашистских захватчиков на восточном фронте Второй мировой войны привел к освобождению советскими войсками ряда стран Центральной и Восточной Европы, в которых существовал немецкий порядок, уничтоживший национальный суверенитет. В этих странах также имела место борьба с оккупантами населения, организованная движением Сопротивления, в котором коммунисты играли ведущую роль. После окончания войны, в то время как союзными силами англичан и американцев в Западной Европе поддерживались политические партии и движения либеральной ориентации, в Восточной Европе страна-освободитель Советский Союз патронирует коммунистические силы. СССР принадлежала заслуга в уничтожении гитлеровцев в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Австрии, Венгрии, на востоке и северо-востоке Германии, совместно с партизанами И. Б. Тито в Югославии. В первые послевоенные годы авторитет коммунистов населением не оспаривался, их заслуги признавались.

Однако в странах Восточной Европы, за исключением Югославии, при опоре на советские вооруженные силы пришедшие к власти коммунистические партии стали проводить социально-экономические преобразования, в корне отличные от довоенного развития, следующие образцу Советского Союза 30-х гг. В результате жизненный уровень населения начал падать, что было особенно

¹ Отдельные аспекты темы рассмотрены, например в коллективном труде: «Человек и война. Материалы к Дню философии, посвященному 75-летию победы во Второй мировой и в Великой Отечественной войнах и к 17 конференции Института философии РАН с регионами России «Проблемы российского самосознания»» / отв. ред. С. А. Никольский. Москва : Голос, 2020.

заметно при сравнении с уровнем жизни в странах западной ориентации. Это не могло не вызвать недовольства, которое в политическом ключе направлялось против социалистических черт общественного устройства. Однако первая масштабная попытка демонтажа коммунистического режима в Венгрии в 1956 г. против национализации в промышленности и коллективизации в сельском хозяйстве, а также с целью перехода к многопартийности была подавлена советской военной силой¹. Первоначально освободительный советский режим начал приобретать черты насильственного, препятствующего свободному развитию народов стран Восточной Европы. Наиболее зримую попытку освобождения от него явила в 1968 г. Чехословакия.

Первоначально, как отмечал один из видных деятелей «пражской весны» З. Млынарж, «в Чехословакии 1945 г. поклонение Советскому Союзу и Сталину не противоречило общенародному стремлению к свободе и справедливости, которые должны были воцариться в новом государстве. Напротив, поклонение было органической составляющей этого стремления, наполняло его конкретным содержанием борьбы за социальную справедливость и равенство людей» [Млынарж, 1992, с. 4]. Однако за прошедшие после войны время в компартии выросло новое поколение партийцев, которые ясно сознавали несовместимость выработанного в СССР марксизма с историей и реалиями жизни чехов и словаков как европейского народа. Вспоминая о своей пятилетней жизни в СССР в начале 50-х гг., Млынарж отмечал: нас шокировали «не сами по себе убогие материальные условия жизни, а то и нищета, не низкий общий уровень культуры быта. И дело было не в том, что Москва представляла собой большую деревню с деревянными домами, что

¹ «Не исключено, что в Будапеште перестрелки на улицах были советской провокацией, предпринятой с целью оправдания военного вмешательства советских войск» [Млынарж, 1992, с. 185].

люди питались кое-как, пять лет спустя после войны все еще одевались чаще всего в поношенную военную форму, жили по несколько человек в комнате, вместо современных туалетов было лишь отверстие в канализационной трубе, а сморкаться даже среди студентов было принято без помощи носового платка. И не в том, что в людской толчее вам непременно очищали карманы, стоило только зазеваться» [Там же, с. 13]. Нашу веру подтачивало «отсутствие позитивного, тех ценностей, которые по канонам самой этой веры являлись важнейшими элементами коммунистической перспективы» [Там же].

Молодые коммунисты не видели перспектив материализации одной из основных марксистских идей — о свободном развитии каждого как условии развития всех. Ими также не принималась идея насильственного, в ходе классовой борьбы, уничтожения частной собственности, безраздельное доминирование во власти сталинистов, лежащий вне рамок правопорядка надзор и репрессии политической полиции, идея гегемонии пролетариата до той поры, пока не «отомрет государство», насильственная коллективизация крестьянства¹, господство цензуры, фиктивное разделение властей, попрание прав и свобод человека².

Сознавая свое вынужденное включение в орбиту политики СССР, часть чехословацких коммунистов рядом

¹ «Летом 1955 г. Антонин Новотный начал проводить жесткую линию на завершение коллективизации сельского хозяйства, и на полную мощь заработали жернова полицейского и судебного террора, направленного против крестьян, не желавших вступать в сельскохозяйственные кооперативы. В тогдашней Чехословакии сталинский тезис «обострения классовой борьбы» по мере успешного продвижения к социализму оставался официально исповедуемой идеологией. После смерти Сталина КПЧ видела свою задачу в последовательном продолжении и завершении дела «вождя мирового пролетариата»» [Млынарж, 1992, с. 29].

² «Тоталитарная система была чуждой, извне (из СССР) импортированной системой, отечественная же историческая традиция тяготела к плюралистическому, демократическому обществу, по крайней мере последние пятьдесят лет» [Млынарж, 1992, с. 82].

паллиативных мер, предпринимаемых начиная с весны 1968 г., надеялась установить у себя в стране то, что они именовали «социализмом с человеческим лицом». Однако советское руководство не разделяло веры части руководства КПЧ в возможность претворения в жизнь идеалов марксизма-ленинизма ненасильственными средствами, было равнодушно или негативно настроено к приверженности значительной части чехов и словаков идеям демократии и гуманизма. После незначительной дипломатической оттяжки, 21 августа 1968 г. СССР пошел на оккупацию Чехословакии. «Логика Брежнева была проста: мы в Кремле поняли, что на вас полагаться нельзя. Во внутренней политике вы делаете что вам заблагорассудится, не обращая внимания на то, нравится нам это или нет. По-хорошему вы не понимаете. При этом ваша страна находится в пределах тех территорий, по которым во время второй мировой войны прошел советский солдат. Мы оплатили их огромными жертвами и уходить не собираемся. Границы этих территорий — это и наши границы. ...Именем погибших во второй мировой войне, отдавших свои жизни и за вашу свободу, мы имеем полное право направить в вашу страну войска, чтобы чувствовать себя в безопасности в наших общих границах. ...И так будет “на вечные времена”» [Млынарж, 1992, с. 259].

За историческим эпизодом — победой над фашизмом в Европе — всегда стояло более значимое и существенное, а именно марксистская идея о мировой гегемонии, в которой СССР был первым шагом, а страны Восточной Европы — закономерным продолжением на пути к «всемирному СССР». При этом, реальное волеизъявление всех социальных слоев этих стран существенного значения не имело. В конечном счете все должен был решить освоивший марксизм мировой пролетариат, а реально коммунистическая партия Советского Союза в лице ее вождей.

* * *

Говорить о причине краха СССР в наиболее общем виде значит говорить о судьбе лежащих в его основании идей. Дальнейшее — распространение идей, которые привели к тому, что они «овладели массами и стали материальной силой», роль в этом процессе пролетарской партии и ее вождей, равно как и состояние экономики, вопросы для понимания, хотя и важные, но вторичные.

Создавая СССР, русские марксисты попытались пойти против процессов исторического развития человечества. Фундаментальные и первичные идеи пришедшей на смену дикости и варварству цивилизации — о собственности (в самом общем виде — собственности человека на самого себя), системе права и правосознания, а также культуры — русскими марксистами были либо отвергнуты, либо извращены. Частная собственность, воспринятая ими только с одной своей стороны как основа эксплуатации, была уничтожена. Право и правосознание, как и мораль, были подчинены задачам «революционной морали и революционного правосознания». Как говорил Ленин в речи «Задачи союзов молодежи» в октябре 1920 г., морально то, что служит интересам рабочего класса [Ленин, т. 41]. Культура также была поделена классовым образом и «буржуазная» культура отвергнута, а ей противопоставлена культура «пролетарская» в вариантах от Владимира Маяковского до Демьяна Бедного.

Процессы экономического развития, шедшие в направлении развития капитализма, были искусственно насильно блокированы уничтожением тех, кто в них начинал хозяйствовать, а зачатки рациональной капиталистической экономики — кооперация и свободное развитие parcelных хозяйств — извращены или уничтожены.

Идея мировой революции, началом которой объявлялись Октябрь и СССР, не только не уменьшили, но по-

стоянно обостряли отношения страны с внешним миром¹. Развивающийся по капиталистическому пути мир воспринимал советскую аномалию как опасное чужеродное явление и после Второй мировой войны вновь консолидировался против СССР. Созданный на волне уничтожения германского фашизма в Восточной Европе социалистический лагерь с его военной организацией Варшавским договором уже спустя десять лет начал сознавать себя советским заложником и вопрос о его разрушении был только вопросом времени.

Начавшаяся в СССР в 1985 г. так называемая перестройка, основное назначение которой было в выработке варианта «социализма с человеческим лицом», а содержание которой было в свободе слова, позволила прежде интуитивно или несистемно ощущаемое общественным сознанием сделать рационально осмысленным и общественно доступным. Фундаментальные идеи коммунизма на русской почве показали свою ложность, а построенная на их основе экономика обнаружила свою неэффективность. В этих условиях обрушение советского социально-экономического и политического уклада делалось неизбежным.

Насильственно собранные в состав СССР территории Российской империи, прежде идеологически и насильственно удерживаемые, вышли из советского сообщества, провозгласив себя суверенными национальными государствами. Субъективные моменты (конфликты, недомыслие и амбиции лидеров бывших союзных республик), лежащие на поверхности и чаще всего рассматриваемые как существенные факторы, решающей роли в «разбегании» территорий СССР не играли. Крах советской идеи в значительной мере привел составные части бывшего СССР к тому естественному уровню их развития, которые они

¹ Уже в марте 1919 г. в России был создан III Интернационал с задачей подготовки кадров и стимулирования мировой революции, распущенный (и то, фиктивно) лишь в 1943 г.

имели на момент насильственного объединения и по которому они теперь, конечно, с учетом произошедших в период нахождения в составе СССР изменений, но уже как суверенные сообщества продолжили развиваться. Их современное разнообразие — от восточных султанатов до либеральных демократий, равно как и нежелание в какой-то форме снова воссоздавать СССР марксистского типа, демонстрирует неуничтожимость внутренних потенциалов каждого сообщества идти своим собственным путем. И это справедливо не только для иллюзий собрать всех под социалистическую идею, но и попыток соединить на глобалистской основе под эгидой США. Можно утверждать, что если бы СССР не распался в 1991 г. в результате логики собственного развития, то это бы произошло в наше время в ответ на идею мира однополярного.

Литература

- Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. Москва: Политиздат, 1968. С. 613.
- Ленин — *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1967–1981.
- Леонов, 1956 — *Леонов Л. М.* Доклад «О новом Уставе Союза писателей» // Второй Всесоюзный Съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. Москва: Советский писатель, 1956.
- Максудов, 2019 — *Максудов С.* Победа над деревней. Демографические потери коллективизации. Москва, Челябинск: Социум, 2019.
- Маркс, Энгельс, 1986 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения в 9 томах. Т. 6. Москва: Политическая литература, 1986.
- Маркс, Энгельс — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1981.

- Мартин, 2011 — *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. Москва, 2011. С. 177.
- Мироненко, 2019 — *Мироненко С. А.* 100 событий, которые изменили Россию. Москва: Кучково поле. Музеон, 2019.
- Млынарж, 1992 — *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. Москва, 1992.
- Никольский, 2018 — *Никольский С. А.* Российская философия истории: опыт понимания // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.
- Никольский, 2022 — *Никольский С. А.* СССР в его интернациональном аспекте: философско-исторический анализ решения большевиками аграрного вопроса // Вопросы философии. 2021, № 10. С. 90–100.
- Преображенский, 1922 — *Преображенский Е. А.* От НЭПа к социализму. Взгляд в будущее России и Европы. Москва, 1922.
- Сталин, 1929, URL—*Сталин И. В.* Речь И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов «К вопросам аграрной политики в СССР», 27 декабря 1929 г. // URL: <https://istmat.org/node/20180> (дата обращения: 05.06.2022).
- Сталин, 1947 — *Сталин И. В.* Речь 9 июля 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) // Сочинения. Москва: Политиздат, 1947.
- Сельское хозяйство СССР. Статистическая справка. Москва, 1960.
- Чайанов, 1925 — *Чаянов А. В.* Краткий курс кооперации. Москва, 1925.

References

- Dvenadcatyj s'ezd RKP(b): Stenograficheskiy otchet [Twelfth Congress of the RCP(b): Verbatim report]. Moscow: Politizdat, 1968.

- *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij [Complete collection of works]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literaturi, 1967–1981.
- *Leonov L. M.* Doklad «O novom Ustave Soyuzha pisatelej» [About the new Charter of the Writers' Union] // Vtoroj Vsesoyuznyj Sezd sovetskih pisatelej. 15–26 dekabrya 1954 g. Stenograficheskij otchet [Second All-Union Congress of Soviet Writers 26 December 1954: Verbatim report]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1956.
- *Maksudov S.* Pobeda nad derevnej. Demograficheskie poteri kollektivizacii [Defeating the village. Demographic losses of collectivization]. Moscow, Chelyabinsk: Socium, 2019.
- *Marks K., Engels F.* Izbrannye sochineniya v 9 tomah. T. 6 [Collected works in 9 volumes. Vol. 6]. Moscow: Politicheskaya literatura, 1986.
- *Marks K., Engels F.* Sochineniya. 2-e izd. [Works. 2nd edition]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955–1981.
- *Martin T.* Imperiya «polozhitel'noj deyatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 [The affirmative action Empire. Nations and nationalism in The Soviet Union]. Moscow, 2011.
- *Mironenko S.A.* 100 sobytij, kotorye izmenili Rossiyu [100 events that changed Russia]. Moscow: Kuchkovo pole. Muzeon, 2019.
- *Mlynarzh Z.* Moroz udaril iz Kremlya [Frost hit from the Kremlin]. Moscow, 1992.
- *Nickolsky S.A.* Rossijskaya filosofiya istorii: opyt ponimaniya [Russian philosophy of history: an essay in understanding] // Filosofskij zhurnal [The philosophy journal]. 2018. T. 11. N 4. P. 115–128.
- *Nickolsky S.A.* SSSR v ego internacional'nom aspekte: filosofsko-istoricheskij analiz resheniya bol'shevikami agrarnogo voprosa // Voprosy filosofii. 2022, № 10. P. 90–100.

- *Preobrazhensky E.A.* Ot NEPa k socializmu. Vzgl'yad v budushchee Rossii i Evropy [From NEP to socialism. A look into the future of Russia and Europe]. Moscow, 1922.
- *Stalin I.V.* Rech' I.V. Stalina na konferencii agrarnikov-marksistov «K voprosam agrarnoj politiki v SSSR», 27 dekabrya 1929 g. [Speech by I.V. Stalin at the conference of Marxist agrarians “On the issues of agrarian policy in the USSR,” December 27, 1929.] // URL: <https://istmat.org/node/20180> (accessed on 05.06.2022).
- *Stalin I.V.* Rech' 9 iyulya 1928 g. na plenumе CK VKP(b) [Speech 9 July 1928 at the plenum of the Central Committee of the CPSU (in)] // Sochineniya [Works]. Moscow: Politizdat, 1947.
- Sel'skoe hozyajstvo SSSR. Statisticheskaya spravka [Agriculture of the USSR. Statistical reference]. Moscow, 1960.
- *Chayanov A. V.* Kratkij kurs kooperacii [Short course of cooperation]. Moscow, 1925.

Nickolsky S. A.

THE USSR AND “WORLD USSR:” PLAN, REALITY, COLLAPSE

Sergey Anatolyevich Nikolsky, doctor of sciences in philosophy, chief researcher of the Department of philosophy of culture of the Institute of Philosophy RAS. 109240, Russia, Moscow, Goncharnaya st., 12. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru.

Abstract. The idea of a “world USSR” as a union of workers and peasants of the whole world [Lenin, vol. 40, p. 43] was more global and possibly emerged earlier than the idea of the USSR

itself. In any case, the creation of the Soviet Union was conceived as the first step on this path.

The epistemological basis for the formulation and proclamation of both USSRs was the belief of Russian Marxists and, above all, V. Lenin, that in the works of K. Marx and F. Engels, humanity finally gained knowledge of the fundamental laws of its development. This belief was expressed in Lenin's thesis of 1913: Marx is omnipotent, it is full and harmonious, giving people an integral worldview, irreconcilable with any superstition, any reaction, any defense of bourgeois oppression. It is the legitimate successor to the best that humanity created in the 19th century in the forms of German philosophy, English political economy, French socialism" [Lenin, vol. 23, p. 43]. And again in 1920: "Marx relied on the solid foundation of human knowledge won under capitalism; having studied the laws of the development of human society, Marx understood the inevitability of the development of capitalism to communism, and, most importantly, he proved this on the basis of the most accurate, most detailed, most profound study of this capitalist society, assimilating everything that the former science gave. Everything that was created by human society he reworked critically without leaving a single point unattended. Everything that was created by human thought, he reworked, criticized, tested on the labor movement" [Ibid., vol. 41, p. 304]. As Lenin believed, the point now is to transform reality on the basis of knowledge of the law.

What were the specific laws of Marxism adopted by the Bolsheviks? And, no less important, what did the Bolsheviks see as reality and how did they transform it?

Key words: *USSR, Marxism, Leninism, Stalinism, philosophy of history, Russian society, revolution, classes, proletariat, peasantry, world revolution, Soviet block.*

Тулчинский Г. Л.

МАЛЬЧИК БЫЛ: ИСТОЧНИКИ И СУДЬБА СОВЕТСКОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИДЕАЛА¹

*Тулчинский Григорий Львович, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»-Санкт-Петербург. 190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.
E-mail: gtul@mail.ru.*

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки, становление и эволюция антропологического идеала советского периода российской истории. Преимущественным материалом рассмотрения выбрана русская дореволюционная и советская литература, биографии политиков, деятелей культуры, философов.

¹ Выполнено по Гранту РФФ № 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

Анализ показывает, что в первые два послереволюционные десятилетия сформировалось поколение молодых людей с активной жизненной позицией, принципиально новой для отечественной культуры. Речь идет уже не о умопостроенных «разумных эгоистах», не о подпольных борцах за счастье народное. Это не «лишние», а нужные социуму люди, кто уже реально обустроивает новую жизнь в новом обществе, знающие, как эта жизнь должна и может выглядеть, верящие в свои силы это осуществить.

История этого поколения довольно трагична. Прежде всего, оно было в большом масштабе выкошено репрессиями и Великой отечественной войной. Однако потенциал этого поколения сыграл существенную роль в исторической победе над гитлеровским фашизмом, помог восстановить страну в послевоенный период. Сказался он и в 1960-х во время «оттепели».

Однако, в силу ряда причин, также как оказался несостоятельным сам советский эксперимент, и советский народ не стал гражданской нацией, так и идеал советского человека пришел в противоречие с социальной реальностью. Инерция системы образования, официальной культуры, принятая у нас с середины 1930-х гг. для воспроизводства этого типа личности, не смогла ответить на вызовы общества массового потребления и эволюции российского общества. После распада СССР этот тип личности стал маргинальным. Место этого антропологического идеала заняли установки индивидуального жизненного успеха, роста «человеческого капитала» как роста благосостояния, влияния, известности. Однако в некоторых сферах социальной жизни сохраняется роль установки на социальную справедливость и личностную ответственность.

Ключевые слова: «Новые люди», ответственность, русская литература, сверхчеловек, советский антропологический идеал, советский человек, СССР.

Постановка проблемы

В заголовок вынесен ответ на вопрос из последнего романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» — произведения, в наши дни менее известного, чем этот вопрос, который проходит лейтмотивом через весь, в известной степени, автобиографический роман. Его герой

страдает от комплекса вины за гибель приятеля детства, которого он по собственной трусости не спас. И с годами, избавляясь от угрызений совести и оправдывая собственное малодушие, он все больше убеждает себя: «Да — был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?».

Можно пытаться в этой теме искать корни, связанные с горьковским принятием сталинского политического режима. Роман, посвященный судьбе российской интеллигенции в эпоху исторического перелома, писался в 1925—1936 гг. А в 1929 г. во время второго приезда в СССР Горький 20—23 июня посетил Соловецкий лагерь особого назначения, в очерке о котором потом с восторгом писал не только о замечательном виде с Секирной горы, но и, главное — об успешном опыте чекистов по перевоспитанию («перековке») «колонистов» [Горький, 1949, с. 201—232].

В воспоминаниях Д. С. Лихачева, бывшего соловецкого «заключенного/колониста», описан эпизод этого посещения, свидетелем которого он был: Горький почти час оставался наедине с подростком, который вызвался рассказать ему правду о жизни и работе заключенных, и выйдя из барака писатель плакал на глазах у всех. После отъезда Горького последовали массовые репрессии, а мальчик сразу исчез. Д. С. Лихачев, вспоминая этот эпизод и явно уже зная содержание романа, упрекает Горького вопросом о мальчике [Лихачев, 1995, с. 187—188].

Вопрос о том — то ли мальчик из «Клима Самгина» обострил воспоминания Д. С. Лихачева, то ли соловецкий мальчик обострил горьковскую рефлексию в романе — сам по себе интересен. Однако в данной работе sacramентальный вопрос служит метафорой для осмысления не эпизода жизни знаменитого писателя и его возможных тяжелых рефлексий, а для более широкого обобщения — о судьбе чуть ли не главного советского проекта — нового человека. Был ли он? Какой? И какова его судьба?

Речь не о новой исторической общности — советский народ — результате противоречивой национальной политики, чему была посвящена другая работа [Тулчинский, 2021]. В этой работе в центре внимания не социологическая общность, а личностная типология, если не персоналогия позитивного конструктивного идеала личности.

Во многом эта работа построена на материале артефактов художественной культуры, прежде всего — литературы, и, отчасти, кинематографа. Художественные произведения обладают особыми возможностями смыслообразования, будучи связаны не только с рационально выстроенным представлением содержания, но и с эмоционально выраженными переживаниями авторов и акторов повествования, активирующими соответствующие оценочно окрашенные переживания читателей и зрителей.

Автор чрезвычайно признателен исследователям, немало сделавшим в осмыслении данной темы. Прежде всего, это реализуемый известным поэтом, публицистом и исследователем Д. Л. Быковым грандиозный длящийся проект осмысления идей, представленных в русскоязычной литературе, включая досоветскую, советскую, постсоветскую, русские переводы зарубежных авторов, оказавших серьезное влияние на отечественную аудиторию. Помимо отдельных монографий, результаты этой аналитики в концентрированной форме представлены на страницах каждого номера ежемесячного журнала «Дилетант», продолжающейся с самого первого номера журнала в 2012 г., «Портретной галереи Дмитрия Быкова», каждый выпуск которой посвящен конкретному автору, его вкладу в отечественную культуру, актуальности этого вклада для понимания российской истории и современности¹. Кроме того, нельзя не отметить колоссальную работу, проделанную социологом А. П. Давыдовым, пере-

¹ Материалы этой галереи оперативно аккумулируются на ресурсе http://www.limonow.de/myfavorites/DB_DILETANT.html#2019.07 (дата обращения 01.09.2022).

читавшим весь корпус русской литературной классики — предмета особой гордости, реального вклада русской культуры в мировую — в поисках позитивного конструктивного идеала [Давыдов, 2012].

Оригинальность исследования А. П. Давыдова в том, что он, отвлекаясь от известных всем со школы клише «особого гуманизма», «критического реализма», «трагедии маленького человека», «трагедии лишнего человека», реализовал «сквозное» прочтение литературной классики в поисках развития в ней потенциала свободной и ответственной личности. Результаты этой колоссальной многолетней работы (автором было опубликовано свыше десятка книг, посвященных творчеству практических всех титульных русскоязычных писателей) были отжаты в единый текст, придавший реализованной аналитике целостность, законченность, а в чем-то и полноту рассмотрения. И эти результаты открыли довольно непривычные горизонты творчества конкретных авторов, русской литературы, российской культуры в целом, относительно идеала любой морали — личности, способной к нравственному поведению в силу не внешних ограничений, а внутренне выработанных и принятых правил, норм, идеала автономной личности, способной свободно и ответственно обустроить жизнь.

Основной итог исследования А. П. Давыдова — отсутствие в русской классической литературе идеала конструктивно ответственной личности. Попытки ее представить (Костанжогло у Гоголя, Штольц у Гончарова, Левин у Толстого) выглядят резонерски ходульными, не находили позитивного отклика ни у читателей, ни у критики, в отличие от других персонажей — ярко и убедительно страдающих «лишних людей», представителей народа, который «безмолвствует» (Калиныч, Платон Каратаев) и гиперактивных неотмирных персонажей, стремящихся к трансцендированию в иное (герои Ф. М. Достоевского, горьковские Сокол, Буревестник, Человек).

Все они — люди, не нашедшие возможности самореализации в российском общественном бытии. Люди замечательные, а вот общество, обстоятельства негодны. Из чего напрашивался вывод о необходимости смены обстоятельств и переустройстве общества. Собственно, именно таким выводом и подпитывалось российское революционно-демократическое движение XIX — начала XX века.

Некоторым исключением были воспетые Н. Г. Чернышевским «новые люди» в его романе «Что делать», на котором воспитывалось не одно поколение революционеров, частью образованного российского общества были восприняты как тургеневские «нигилисты», оборачивающиеся рационалистическими дистопиями Ивана Карамазова, Шигалева и прочими «бесами» Ф. М. Достоевского. И, наверное, неспроста упомянутая быковская «Галерея» открывается именно Н. Г. Чернышевским, которого Д. Л. Быков квалифицировал даже как «русского Ницше». Действительно, Чернышевский писал не о социальной революции (призывы к которой ему приписывали), а о революции антропологической, о необходимости людей нового типа, которых он описал в своем романе. Качества этой новой породы людей — «разумных эгоистов»: ум, целеустремленность, сила характера, в сочетании с почти полным отсутствием сентиментальности, интереса к иррациональному. Речь идет о качествах, в какой-то степени — «сверхчеловеческих», до этого в русской литературе с ее акцентированной гуманистической ориентацией особо не замеченных

В этой связи, тот же Д. Л. Быков приписывает Чернышевскому идею расчеловечивания — мол, неспроста так любил «Что делать?» В. И. Ленин, которого этот роман по его собственным словам — «перепахал». Можно, конечно, при желании, проследить у лидера большевиков черты «разумного эгоизма» в их нравственном изводе: отбрасывание условностей морали и права вроде

брака, сословной чести, деликатности, сострадания, понимаемых как лицемерие, лживость и трусость. Думается, что тезис о расчеловечивании и суперменстве героев Чернышевского достаточно спорен. Скорее речь, все-таки, идет о «новых людях», готовых к жизни в этом мире и своим образом жизни этот мир меняющих — не за счет властных переворотов и насилия над другими, а живя «по правде» и раскрывая потенциал этой правды своим личным примером.

«Новые люди» из подполья

Другое дело, что идеал «новых людей» в российском революционном движении обрел несколько воплощений — отнюдь не безобидных, сочетающих самоотверженность с насилием. Провал движения декабристов, одного из наиболее ярких российских плодов Просвещения, а затем и народнического «хождения в народ» — сделали практически невозможными в России гражданское общество и естественные процессы обновления, загнав их в подполье. Дороги власти и нравственного авторитета разошлись надолго.

Недаром после отмены крепостного права наиболее радикальные революционеры-народники предали анафеме и реформу, и ее последствия, и ее авторов. Это был уже путь революции если и для народа, то без него, а то и вопреки ему. Этот отрыв от народа выражался и в непонимании простолюдинами смысла убийства народниками Александра II. Оно расценивалось как месть господ «царю-освободителю» крестьян, как нежелание допустить «черный передел». Левонароднический экстремизм все более становился «катакомбным» сознанием с «подпольным» мировосприятием, в котором трагическая идея героического самопожертвования сливалась с мыслью об избранничестве «героев» и оправданием насилия.

Практика индивидуального террора оправдывается не просто талионом типа «око за око, зуб за зуб» и (или) золотым правилом нравственности «не делай другому того, чего не желал бы по отношению к себе», и даже не с высот кантовского категорического императива, отождествляя свою волю с универсальным нравственным законом. Речь идет об особой экзистенциальной глубине обоснования экстремизма. Выдающийся практик российского экстремизма — Б. Савинков приводил обращенные к нему слова «интеллигентной девушки», процитировавшей Евангелие: «Почему я иду в террор? Вам не ясно? “Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю” — Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу». Российский экстремизм — сознательное душегубство по высоким нравственным мотивам, видящее спасение души в двойном душегубстве ради великой идеи.

Начиная с конца XIX — начала XX века можно говорить о нарастающем формировании нового социально-культурного типа сознания. Его мифологемы адекватно выражены в произведениях таких авторов, как А. А. Богданов и М. Горький. Так, повести «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» интересны не только тем, что написаны одним из крупнейших теоретиков-марксистов и являются дореволюционными предтечами советской фантастики. В них не только выражены цели, идеалы революционного преобразования мира, но и передана нравственная атмосфера этого преобразования, пафос изнурительной конспиративной борьбы за счастье землян и марсиан. Еще более богатый материал дают горьковские «Песни» («О соколе» с ее противопоставлением «рожденных летать» «рожденным ползать», «О Буревестнике» с ее самоценностью бури), «Мать» с ее явно новозаветным сюжетом, «Старуха Изергиль» с легендой о Данко, огнем своего сердца осветившего путь заблудшим людям. Иначе, чем проповедью титанизма сверхче-

ловека, не назвать поэму Горького «Человек», которую он долгое время считал своим кредо:

«...Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует — вперед! и — выше! трагически прекрасный Человек!»

Я вижу его гордое тело и смелые, глубокие глаза, а в них — луч бесстрашной Мысли, той величавой силы, которая в моменты утомления — творит богов, в эпохи бодрости — их низвергает...

...”Все — в Человеке, — все — для Человека!” — Вот снова, величавый и свободный, подняв высокую гордую главу, он медленно, но твердыми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним — пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди — стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его...

Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! все — вперед! и — выше!»

Чем не Заратустра?! Этот Человек — не живой человек, а ницшеанский Сверхчеловек. Все про него — с большой буквы. А «все — в Человеке, — все — для Человека!» — это ведь не для живых людей, а для этого абстрактно-плакатного Голема. Его дело — не жизнь, а Подвиг — двигать Общее Дело.

Образно-мифологическое выражение содержания этого сознания включает в себя ряд компонентов. Во-первых, это противостояние нравственного героя и толпы. «Герой», осуществляющий, говоря словами П. Лаврова, «свою историческую деятельность во имя нравственного идеала» оказывается не только вне нравственной оценки — отрицается даже сама возможность такой оценки его деятельности. С этих позиций нравственной самодостаточности весьма неоднозначными предстают не только «нигилисты» Тургенева, но и «реалисты» Писарева, и «новые люди» Чернышевского. Их нравственный максимализм способен не только к критике действительно-

сти, но и к активному неприятию ее, вплоть до насильного ее преобразования.

Во-вторых, это необходимость безоговорочной веры идеалу и в идеал. Эта установка тесно примыкает к предыдущей. Вне-нравственный «герой», противостоя толпе и ведя ее за собой, нуждается в том, чтобы толпа верила ему, а еще лучше — в него. Тема «культы» органически присуща этому менталитету. Богостроительский (не путать с богоискательством Д. М. Мережковского, Н. С. Бердяева, Н. О. Лосского и других русских религиозных философов!) сюжет в российской социал-демократии далеко не случайный и заслуживает более пристального внимания. Среди богостроителей — те же М. Горький и А. Богданов, а также А. В. Луначарский, который в книге «Религия и социализм» рассматривал К. Маркса как «продолжателя дела пророков», а марксизм — как «последнюю великую религию», «подаренную титаном евреям пролетариату и человечеству». Заслуживает внимания и тема сатанизма. Так, М. Бакунин восславлял Сатану — «великого мятежника, первого свободного мыслителя и эмансипатора миров», а тот же Луначарский развивал вполне в ницшеанском духе мысли о Люцифере.

В-третьих, среди других составляющих этого сознания — конспиративность, установка на тайну и секретность замыслов, следствием чего, помимо прочего, является и допущение «лжи во благо». Толпе не только незачем знать подлинное лицо и мысли «героев», ее можно сознательно вводить в заблуждение...

В-четвертых, еще одним компонентом, вытекающим из предыдущих и дополняющим их, является самоценность беспрекословного единства — не все вместе, а все как один.

Несогласие с существующим — духовный опыт всей российской культуры. Все мыслящие так или иначе, но всегда были «против». Формы этого изначально, «онтологического» несогласия были многообразны.

Но начало XX века, сочетание народнических традиций с модернизмом и авангардизмом породило эпически парадоксальную форму — сплав эгоцентризма, элитарности и жертвенности.

Сознание, имеющее целью конспиративно, заговорщицки, в тайне от других людей и вопреки их воле делать их счастливыми — удивительно целостно. Упомянутые установки и ориентации дополняют и подкрепляют друг друга. Эта целостность двояка. С одной стороны, она тесно увязана с нравственными установками, находящими отклик в глубинах «коллективного бессознательно». С другой стороны, эта целостность разворачивается и использует аргументацию в виде рационалистических построений. Поэтому мы имеем дело фактически уже с «первоклеточкой» того мифологического сознания, которое переходит в сталинизм. Остается только получить прививку марксизма, чтобы принять окончательную форму.

«Чудо-партия» по ту сторону добра и зла

Разложение архаического сознания народничества, крайним выражением которого стал индивидуальный террор, вызвало энергичные поиски союзников в неприятии все более прораставшего в России капитализма и борьбе с ним. В нем виделась угроза не только патриархально-общинному укладу жизни, но и индивидуалистическая угроза нравственности высокой духовности. Такой союзник парадоксальным образом был найден в лице марксизма, который был использован для оправдания уже массового насилия. Александр Ульянов был одним из «друзей народа», организующих индивидуальный террор. Его младший брат действительно пошел «другим путем».

Марксизм в России был воспринят народнически, а народничество «оделось» в него. В итоге мифологемы

российской духовности были выражены в марксистской терминологии, а сам марксизм приобретал характер мифологического сознания, что лишь усиливалось его опрочением в целях популяризации в неподготовленной среде. Из учения о научном социализме было прежде всего воспринято не учение об объективных законах, детерминирующих общественное развитие, а именно нравственное учение о миссии пролетариата. Собственно, именно на этом и разошлись меньшевики и большевики. И первые оказались чужды, а вторые — в высшей степени созвучны традиционной русской идее.

Как писал В. Соловьев, — «та великая духовная реформа, которую мы желаем и предвидим... должна дать нам церковную дружину,... деятельный, подвижный и властный союз духовных учителей и руководителей народной жизни, истинных “показателей пути”, которых желает, которых ищет наш народ, не удовлетворяемый ни мирской интеллигенцией, ни теперешним духовенством» [Соловьев, 2007, с. 45]. Такая дружина и явилась в несколько неожиданном облике ленинской партии «нового типа», партии по оценке того же М. Горького — «по ту сторону добра и зла», сталинском «ордене меченосцев».

Большевизм очень быстро адаптировал рационалистические схемы марксизма. Он впитал в себя не только интеллигентское отрицание существующего мира. Он не только выразил на этой основе мессианизм российской духовности, заменив «народ» на «рабочий класс», а III Рим на III Интернационал. Гордые спасители мира, противопоставлявшие себя и свои стремления как высшее и благое начало злу и хаосу всей реальной жизни, сами оказались проявлением и продуктом — притом отнюдь не лучшим — этой самой русской действительности. Ненависть и горечь обиды, легкомыслие и нравственная распушенность, невежество и легковерие, самодурство, неуважение к праву, личности и правде — сказались

именно в них самих, как бы из иного мира пришедшими спасителях России от зла и страданий.

Показательны также оценки политики и мировоззрения большевиков, а заодно и личности Ленина, самими членами партии «нового типа», например, Г. Л. Пятаковым, о котором Ленин упоминает в своем политическом завещании. Согласно Пятакову, Октябрьской революции была «чудом», свершенным Лениным, потому что он не пожелал считаться с так называемыми «объективными препятствиями» и «отсутствием объективных» предпосылок, «это чудо есть результат проявленной воли». «Вот в этом растаптывании так называемых «объективных предпосылок», в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творящей воле, решающему и все определяющему фактору — весь Ленин». И Ленин давал повод для таких оценок — хотя бы такими словами: «диктатура пролетариата есть власть, осуществляющаяся партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами». Апеллируя к этой ленинской фразе, Пятаков подчеркивает: «Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами — тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, падает до нуля. Беспредельным расширением возможного, превращением того, что считается невозможным, в возможное, этим и характеризуется большевистская партия. В этом есть настоящий дух большевизма. Это есть черта, глубочайше отличающая нашу партию от всех прочих, делающая ее партией «чудес». [Валентинов, 1990]. Одно из таких «беспредельных чудес» продемонстрировал сам Пятаков, с санкции которого сначала была гарантирована жизнь всем белогвардейцам, оставшимся в Крыму, при условии их добровольной сдачи и регистрации. А после регистрации последовала резня по спискам.

Это сознание носителей неоспоримой истины, когда сама истина приносится в жертву ее «неоспоримости», когда эта неоспоримость становится наркотиком власти для людей, алчущих «бес-предельной» свободы воли (своей) как воли к неволе — других, уходящих от ответственности даже в акте самоидентификации, самоназывающих себя кличками. И в этой неменяемости «чудодействующих».

Пятакову потом пришлось испить сполна «чашу чудес». Будучи под арестом, понимая, что будет репрессирован, он, наверное, вспоминал свои слова, сказанные им в Париже Н. В. Валентинову, что «настоящие большевики-коммунисты — люди особого закала, особой породы, не имеющей себе исторических подобий. Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможные возможным: проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, и, если партия того требует, если для нее это нужно или важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами... Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера — сущие пустяки перед проявлением воли, о котором я говорю. Такое насилие над самим собой ощущается остро, болезненно, но в прибегании к этому насилию, с целью сломать себя и быть в полном согласии с партией и сказывается суть настоящего идейного большевика-коммуниста... если партия для побед, для осуществления ее целей — потребует белое считать черным — я это приму и сделаю это моим убеждением». Самому Пятакову и многим его соратникам были предоставлены все возможности продемонстрировать свои «способности» перед сталинскими палачами. Готовность к насилию над собой была реализована «чудо-партией» сполна.

Итак, это «чудесная» партия, состоящая из «необыкновенных» людей, занимающихся «недопустимой» деятельностью, запросто «ампутирующих» свои убежде-

ния, снявших своей волей с себя лично ответственность за собственные действия. Убежденно безответственные взяли на себя «ответственность» за переобустройство жизни других людей и самих этих людей.

А что же интеллигенция — «соль земли русской»? Российский тонкий просвещенный слой — сверхкультурен. Его горе — «горе от ума». Бороться за счастье Человека легче, чем заботиться о ближнем человеке. Российская интеллигенция мало чем помогла собственному народу. Общим было стремление служить ему, но странное это было служение.

Маяковский, 1915 год:

Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
Как у каждого порядочного праздника,
Выше вздымайте, фонарные столбы,
Окровавленные туши лабазников.

Блок, 1907 год:

И мы подыдем их на вилы,
Мы в петлях раскачем тела,
Чтоб лопнувшие на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.

Служение — вплоть до приветствия самоуничтожению культуры, как у В. Брюсова:

Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Сколь бы ни были тщательными социологические анализы и подсчеты социального состава ВКП(б) после смерти Ленина — сталинизм восходит не к сознанию крестьянской стихии или «рабочего в первом поколении», крестьянам до такой рафинированного самозванчества просто не додуматься. Российская леворадикальная интеллигенция — и художественная в том числе — «выстрадала» сталинизм во всех смыслах этого слова.

Такую оценку подтверждает и позиция интеллигенции в послеоктябрьский период. В этом, наверное, главная трагедия образованных, творческих людей, не участвовавших в революции активно, но стремившихся примирить себя с нею и ее результатами. Это путь многих: А. Блок, Г. Шпет, М. Булгаков, О. Мандельштам... Сначала «Двенадцать», затем — стремление примириться с реалиями, искупить «вину», дальше — заигрывание со Сталиным и его сатрапами. «Батум» М. Булгакова, воронежский период О. Мандельштама... Другие, подобно М. Горькому, сомневаясь в период Октября, приняли безоговорочно сталинский режим, освятив его идеологию перлами типа «Если враг не сдается, его уничтожают» или «жалость унижает человека».

Гордые советские люди между победителями и «озимым» поколениями

Ранее было проведено сравнение типологий сознания «победителей» (периода второй половины 1920-х — начала 1930-х гг.), наиболее ярко представленного в творчестве А. Гайдара и «озимого» сознания (периода «развитого социализма» 1970-х — 1980-х) наиболее полно представленного в творчестве В. Маканина [Тулчинский, 2022]. Речь шла о существенной трансформации антропологического типа советского человека.

А что было между этими крайностями. Был ли конструктивный результат? Если — да, то — чем он обеспечивался? И почему он трансформировался именно таким образом?

Если говорить о факторах формирования, то, кроме пропаганды и культурной революции — специфической грамотности на специфическом материале, задающей рамки смысловой картины мира, были и другие факторы. Так, известную роль сыграл и массовый энтузиазм начала 1930-х, обусловленный социальными лифтами, открыв-

шимися с индустриализацией, а отчасти и массовыми депрессиями [Тулчинский, 2012].

Кроме того, утвердившаяся советская власть была все-таки власть, рассчитанная — хотя бы в замысле и публичном позиционировании — на романтиков справедливости утверждения этой справедливости. Это был время не только разгрома всего и вся, но время социального творчества: коммуны, субботники, педагогика Макаренко и Сороки-Росинского, перелетов, освоения горных вершин, полярных и таежных экспедиций, трудовых рекордов... Этот общий пафос строительства нового мира определял содержание публичного смыслового пространства 1930-х¹.

И в это время сформировался особый тип (отчасти даже — поколение) советского человека, который можно рассматривать в качестве действительно «нового человека». Возможно, это был реальный главный антропологический результат советского периода. Это были уже не умопостроенные «разумные эгоисты» Чернышевского, не самоотверженные борцы подполья или воины гражданской войны, а уже реально обустроивающие новую жизнь в новом социуме, не «лишние», а нужные этому социуму люди, знающие, как эта жизнь должна и может выглядеть, верящие в свои силы это осуществить.

Речь идет о поколении Солженицына-Коржавина, Галича-Окуджавы, Самойлова-Трифоновы, примерно с 1919 по 1925 гг. рождения, поколении, детство которого пришлось на гражданскую войну, юность — на становление советской власти², молодость на индустриализацию, взросление — на Великую войну, пережить которую удалось не всем. Это поколение рано активно вступало в ре-

¹ В 1960-х это было реанимировано (освоение космоса, «геологи», «туристы», авторская песня), но с меньшим пафосом и даже долей фальши (освоение целины).

² Именно это советское детство и юность, когда дети активно участвуют в борьбе за правое дело и утверждают это правое дело в мирное время описана в рассказах А. Гайдара, его повестях о Тимуре и его команде.

альную жизнь, занималось жестким самовоспитанием и самообразованием, активно и смело строя свою жизнь. Им свойственны специфическое понимание демократии и классового подхода с полюсами прогрессивности и реакционности, твердая привычка к нетерпимости и безальтернативности, ожидание от всех «сознательности» во всем. Помимо прочего, это служило основой практик и даже культа бдительности, секретности, доносов, чистки рядов, бесконечной череды собраний и политинформаций.

У них считалось нормальным постоянно испытывать, тестировать себя и окружающих — на смелость, на знание, на физическую силу, самостоятельно изучать несколько языков, знать наизусть оперы, становиться королями московских катков и крымских пляжей. В их раннем взрослении огромную роль играли влюбленности, античные страсти, бегства из родительских семей, создание собственных в 19–20 лет. Всеволод Багрицкий (сын поэта и сам поэт) в восемнадцать лет стал мужем семнадцатилетней Лены Боннэр, Юрий Нагибин в девятнадцать встретил — и увел у жениха — Марию Асмус.

К этому поколению принадлежали «ифлидцы», которые создали новую советскую поэзию и философию. Это было поколение ненасытных преследователей истины. Этих коммунаров 1920-х уцелело мало. Одних смела волна репрессий, смывшая энтузиазм реализации утопии, уцелевших, добила война. Но тот импульс помог О. Берггольц пережить блокаду, а В. Пановой — оккупацию. Как полагает Д. Л. Быков, именно об этом поколении писали всю жизнь В. П. Беляев, Ю. В. Бондарев, Ю. М. Нагибин, А. Н. Рыбаков, Б. А. Слуцкий, ...

Именно это поколение смогло выиграть войну, поднять страну после нее, устроить тут оттепель и создать великую культуру. Наверное, они бы и перестройку вытянули — но были уже стары и малочисленны. Возможно, их

«пассионарности» недоставало для реализации «нового мышления» и «социализма с человеческим лицом».

Поколение отрефлектированного «ожога»

Импульс того поколения отчасти реализовался в «оттепели» 1960-х, например, — в жизни и творчестве В. Аксенова, В. Высоцкого, Ю. Семенова, В. Пикуля... Это уже были дети «оттепели», видевшие и помнившие трагедии краха утопии родителей, сломавших судьбы родителей, во-многом хранивших память о «той единственной — Гражданской» и «комиссарах в пыльных шлемах», благодарные оттепели за хотя бы частичное восстановление попорченного идеала. В. Аксенов квалифицировал синдром этого поколения как «ожог». И это была трагедия поколения с длинными мыслями и длинной волей. Потом уже были персонажи «Звездного билета», «Коллег» и «Апельсинов из Марокко» В. Аксенова, с их сильно сократившимся горизонтом жизненного мира. За которыми последовали персонажи «озимого поколения» В. Маканина с уходом в постчеловеческие глубины распадающегося сознания текстах Ю. Мамлеева, В. Сокурова и В. Пелевина.

В «оттепель» интересующий нас советский антропологический тип проявился и в философском изводе. Яркими примерами являются фигуры А. А. Зиновьева, Г. П. Щедровицкого — таких разных, но удивительно по-советски нетерпимые, и при этом — постоянно рефлектирующие. «Отрефлектированным поколением» характеризовал их А. А. Гусейнов [Гусейнов, 2009]. Так, Г. П. Щедровицкий с детства воспринимал мир как чёрно-белый, не терпел вранья, расхождения между словом и делом, видя расхождение между представлением о норме, идеале — и реальной ситуацией, воспринимал это очень болезненно. Если его отец, будучи убежденным большевиком, руководящим работником, не рефлексировал своё отношение

к делу, а просто строил социализм, то сын, от руки в 8-м классе переписавший «Капитал» К. Маркса, постоянно вырабатывал своё отношение к происходящему, держа этическую максиму «не врать, не приспособливаться, идти только вперед» [Щедровицкий, 2012, с. 140–143]. И всегда был готов отстаивать эту максиму, рискуя учёбой, работой, жизнью. Такая активность, ригоризм, максимализм, готовность идти до конца, стремление делать всё по-честному, на полную катушку были свойственны и А. А. Зиновьеву. Все это, замешанное на глубоком знании и понимании марксизма, делало их в советском обществе того времени противниками режима, хотя никакими диссидентами они не были и быть не могли.

Но Щедровицкий фиксирует, что в нашей стране сложилась весьма неоднозначная ситуация. То, что мы получаем через культуру, через систему образования, принятую у нас с середины 1930-х гг., принципиально не соответствует тому, что нужно людям в их реальных социальных повседневных ситуациях жизнедеятельности. И это есть основной момент, определяющий формирование, становление и развитие многих поколений в России, начиная с 20-х гг. и до сегодняшнего времени, констатирует Щедровицкий [Щедровицкий, 2012, с. 143–144]. Главное — это сугубо личностная самодиагностика ситуации своего личностного развития, вывод он делает на материале жизненной ситуации своей личной и своего поколения. На материале своего рефлексивного анализа, на материале истории отца, истории семьи Щедровицкий формулирует нечто вроде жизненных принципов [Щедровицкий, 2012, с. 232–233]:

1. Быть целостным, свободным. Существование личности не должно быть связано с местом, с должностью. Всегда должна быть возможность всё своё унести с собой. А это возможно только при условии предельной свободы, когда у человека в его распоряжении есть только его личность.

2. Постоянная выработка альтернатив, постоянная постановка себя на границу, готовность идти до предела. Всякого рода непоследовательность сохраняет человеку жизнь, но разрушает его как личность.

3. Никогда не надо обращаться куда-то ради собственного спасения или утверждения какой-то истины.

Эти три максимы удивительным образом совпадают с правилами выживания в лагере, сформулированные В. Франклом, Б. Бетельгеймом, В. Шаламовым, А. Солженицыным. «Не верь! Не бойся! Не проси!» — парадоксальный итог реализации советского идеала «нового человека».

Вместо заключения: постсоветские парадоксы

Утрачиваемый советский идеал, наследник рахметовской мечты о сверхчеловеке, не менее парадоксальным образом оказался воплощен в 1970-х (серией книг Ю. Семенова и знаменитом телефильме Т. Лиозновой) образе Исаева-Штирлица — не просто советского шпиона, работающего «на холоде» во вражеском окружении, а носителем мировоззрения исчезающего социума, «посла не имеющей названья державы» (А. Галич). И этот «шпионский модус» идеально пришелся на жизненную практику, когда на работе говорят одно, дома другое, сами думают третье, а делают четвертое. Этот модус оказался настолько живучим и востребованным, что оказался ключевым для кастинга кандидата на смену первому российскому президенту [Асмолов, 2000], а реализация этого проекта оказалась на редкость политтехнологически успешной.

Не меньший парадокс истории — внук А. Гайдара, сын его Тимура — психосоматически напоминающий Мальчиша-Плохиша из экранизаций притчи его деда — призывал защитить новую демократию (факти-

чески — президентскую власть Б. Н. Ельцина) от рудимента «советскости» Верховного Совета. Кто видел эту картинку на экране телевизора, тот помнит растерянный, если не сказать потерянный облик зам. главы правительства — творца малопродуманных реформ.

Хотя О. Э. Мандельштамом в «Ламарке» (1932) был напророчен путь российской интеллигенции и цивилизации от Петербурга, от европейского блеска, от внешнего мира — глубже, глубже в себя, в зыбкий хаос, от европейской культуры — в роеные одноклеточных, антропологическое содержание реального пути намного сложнее и интересней. Другой разговор, что, похоже, тема «Да, были люди в наше время, // Не то, что нынешнее племя: // Богатыри — не вы! // Плохая им досталась доля: // Немногие вернулись с поля...» в русской литературе переплетается с темами «И мальчики кровавые в глазах» и «слезинки ребенка», образуя единую тему российской философской антропологии — расплаты человеческим материалом за исторические социально-политико-экономические пертурбации.

И в этой связи нельзя пройти мимо Андрея Платонова — наверное, единственного гения в русской прозе прошлого века, если понимать под гением человека, сказавшего нечто новое о человеческой природе. Он открыл, что главным героем XX века (и, возможно, последующих) будет масса, что главное в человеке — его духовное и, главное, физическое тяготение к слиянию, слипанию с другими. Платонов описывает, как эта масса формируется, действует, слипается, включая слияние жертв и палачей, тяготея от бытия к небытию. Собственно, это и есть главная его тема.

Действительно, в любых исторических обстоятельствах, русские люди ищут шанса стать этой массой, слиться с ней, и только в этом качестве достигают грандиозных прорывов. В этом состоянии народ был, например, несколько раз во время войны, иногда бывал во время

грандиозных государственных кампаний вроде индустриализации либо освоения космоса. Во время коллективной травли тоже иногда доходил до состояния плазмы, когда личность, как писал Г. Г. Шпет, распускается как кусок масла на сковородке — а российская сковородка всегда раскалена. Сам по себе переход в такое состояние, по-видимому, несет в себе ощущения столь приятные, прямо гипнотические, что люди готовы опьяняться чем угодно, в том числе и ложью, и рабством. И дело не в каком-то злодее-тиране. Просто страна впадает в отчаянную ломку без очередной дозы жаждущих осуществиться «счастливой Москвы» и Чевенгура. Эта матрица была реализована в послереволюционный советский период. Но этот же период оказался уникальным в российской истории в социологическом и антропологическом планах, что выразилось в формировании советского народа — «новой исторической общности» и «нового человека» — активного преобразователя и хозяина своей жизни.

Так что, следует признать, что «мальчик», похоже, был. Однако, в силу ряда причин, как оказался несостоятельным сам советский эксперимент, как и советский народ не стал гражданской нацией, так и идеал советского человека пришел в противоречие с социальной реальностью. Ответ на вопрос о причинах этого пути из ничто в ничто выходит за рамки данной работы и нуждается в серьезном и глубоком осмыслении апофатичности российско-советского культурного опыта.

Литература

- Асмолов, 2000 — *Асмолов А. Г. (ред.) Президент по выбору. Моделирование желаемого будущего.* Москва: Сагре Diem, 2000.
- Валентинов, 1990 — *Валентинов Н. В. Разговор с Пятаковым в Париже. // Страницы истории. Дайджест прессы. Июль-декабрь 1989.* Ленинград: Лениздат. 1990. С. 60—80.

- Горький, 1949 — *Горький М.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 17. Рассказы, очерки, воспоминания 1924–1936. Москва: Гослитиздат, 1949.
- Гусейнов 2009 — *Гусейнов А.А.* Учение о житии Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 337–358.
- Давыдов — *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. Москва: Фонд «Либеральная миссия», «Мысль», 2012.
- Лихачев, 1995 — *Лихачев Д.С.* Воспоминания. Санкт-Петербург: Logos, 1995. 519 с. С. 187–188.
- Соловьев, 2007 — *Соловьев В.* Национальный вопрос в России. Москва: АСТ, 2007.
- Тульчинский, 2021 — *Тульчинский Г.Л.* Национальная политика как фактор создания и распада СССР. // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 101–111.
- Тульчинский, 2012 — *Тульчинский Г.Л.* Ролевая революция и массовый энтузиазм первых советских лет. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012, № 5. С. 4–25.
- Тульчинский, 2022 — *Тульчинский Г.Л.* Трансформация советского культурного кода человека: от героики к «озимому сознанию» (А. Гайдар и В. Маканин) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 160–167.
- Щедровицкий, 2001 — *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... Москва: Институт развития им. Г. П. Щедровицкого, 2001.

References

- *Asmolov, A.G. (ed.)* Prezident po vyboru. Modelirovanie zhelaemogo budushchego [President by choice. Modeling a desirable future]. Moscow: Carpe Diem, 2000.
- *Valentinov N.V.* Razgovor s Pyatakovym v Parizhe [Conversation with Pyatakov in Paris]. // Stranitsy istorii. Dajdzhest pressy. Ijul'-dekabr' 1989 [History

- pages. Press digest. July-December 1989]. Leningrad: Lenizdat. 1990. P. 60–80.
- *Gor'ky, M.* Sbranie sochinenij v 30 tomakh. T.17. Rasskazy, ocherki, vospominanija 1924–1936 [Collected works in thirty volumes. Vol.17. Stories, essays, memoirs 1924–1936]. Moscow: Goslitizdat, 1949.
- *Gusejnov, A.A.* Uchenie o zhitii Aleksandra Zinovjeva [The Alexander Zinoviev hagiography]. // Aleksandr Aleksandrovich Zinovjev [Alexander Alexandrovich Zinoviev]. Moscow: ROSSPEN, 2009. P. 337–358.
- *Davydov, A.P.* Nepoliticheskij liberalism v Rossii [Non-political liberalism in Russia]. Moscow: Mysl, 2012.
- *Likhachjov D.S.* Vospominanija [Memories]. Saint Peterburg: Logos, 1995.
- *Solovjov, V.* Natsional'nyj vopros v rossii [The national question in Russia]. Moscow: AST, 2007.
- *Tulchinskii G.L.* Natsionalnaja politika kak factor sozdanija i raspada SSSR [National Policy as a Factor in the Creation and Disintegration of the USSR]. // Voprosy filosofii [Philosophical Questions]. 2021. N 12. P. 101–111.
- *Tulchinskii, G.L.* Rolevaja revolutsija i massovyj entuziazm pervyx sovetskikh let [The Role Revolution and Mass Enthusiasm in the First Soviet Years]. // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnyx issledovanij [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research]. 2012. No.5. P. 4–25.
- *Tulchinskii, G.L.* Transformatsija sovetskogo kul'turnogo koda cheloveka: ot geroiki k "ozomomu soznaniju" (A. Gaydar i V. Makanin) [The Soviet cultural-personality code transformation: from heroism to "winter sowing consciousness" (A. Gaidar and V. Makanin)]. // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2022. No.3 (126). P. 160–167.

- *Shchedrovitskij, G. P.* Ja vseгда byl idealistom... [I have always been an idealist...]. Moscow: G. P. Shchedrovitsky Development Institute, 2001.

Tulchinskii G. L.

THE BOY WAS: SOURCES AND THE DESTINY OF THE SOVIET ANTHROPOLOGICAL IDEAL

Tulchinskii Grigory Lvovich, *Honored Scientist of Russia, doctor of science in Philosophy, professor of National Research University "Higher School of Economics" in Saint Petersburg. 190008, Russia, Saint Petersburg, Soyuz Pechatnikov str., 16. E-mail: gtul@mail.ru.*

Abstract. The article deals with the prerequisites, formation and evolution of the anthropological ideal of the Soviet period of Russian history. The predominant analysis material is Russian pre-revolutionary and Soviet literature, biographies of politicians, cultural figures, and philosophers.

The analysis shows that in the first two post-revolutionary decades a young generation was formed with an active life position, fundamentally new for the national culture. We are no talking about mind-built "reasonable egoists," not about underground fighters for the people happiness. These are not "superfluous," but people needed by society, who are already really arranging a new life in a new society, who know how this life should and can look like, who believe in their own strength to carry it out.

This generation history was rather tragic. First of all, it was mowed down on a large scale by repressions and the Great Patriotic War. However, this generation potential played a significant role in the historic victory over Nazi fascism and helped to restore the country in the post-war period. It also affected in the 1960s during the "thaw."

However, for a number of reasons, just as the Soviet experiment itself turned out to be untenable, and the Soviet people did not become a civil nation, so the Soviet person ideal came into

conflict with social reality. The inertia of the education system, the official culture, adopted in our country since the mid-1930s for the reproduction of this personality type, could not respond to the challenges of the mass consumer society and the evolution of Russian society. After the USSR collapse, this type of personality became marginal. The place of this anthropological ideal was taken by the attitudes of individual success in life, the growth of "human capital," as the growth of well-being, influence, fame. However, in some areas of social life, there are the attitudes towards social justice and personal responsibility

Key words: "new people," responsibility, Russian literature, superman, Soviet anthropological ideal, Soviet man, USSR.

Заостровцев А. П.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР: КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Два класса столкнулись в последнем бою;
Наш лозунг — Всемирный Советский Союз!

Из гимна Коминтерна

Заостровцев Андрей Павлович, кандидат экономических наук, профессор департамента государственного администрирования. Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), 190121, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. E-mail: zao-and@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс образования СССР как продолжение российского империализма. В первой части статьи подчеркивается внутреннее единство Российской империи и Советской России, несмотря на их существенные различия. Лозунг всемирной рево-

люции представлял собой, по сути, ни что иное, как модернизацию идеологической оболочки традиционного экспансионизма. Расширение его до глобальных масштабов. Во второй части статьи на примерах истории Финляндии в 1917–1918 годах и Грузии в 1920–1921 годах показано, что большевики не следовали на практике концепции о праве наций на самоопределение. И В. И. Ленин был реальным руководителем и идеологом «красной экспансии». О чем свидетельствует также его позиция в период войны Советской России с Польской республикой (1920 год). В заключении делаются два вывода о природе «красного империализма». Во-первых, он обусловлен укорененным в течение веков мессианским идеалом России, которому идеально подходила доктрина всемирной коммунистической революции.

Новизна предлагаемой статьи заключается во втором выводе. Целью «красного империализма» являлось подавление альтернативных советскому социализму институтов в силу полной несовместимости с ними и их превосходству в обеспечении благосостояния. Эти альтернативные институты (особенно, как сейчас говорят, в «ближнем зарубежье») делегитимировали советский строй.

Ключевые слова: коммунистическая экспансия, российский империализм, Финляндия, Грузия, В.И. Ленин, смысл «красного империализма».

Имперские скрепы

В настоящее время довольно широко распространена ошибочная доктрина, которая отделяет СССР от предшествующей истории России. Эта позиция очень ярко представлена философом Игорем Чубайсом в его работах по русской истории. Для него Октябрь — это начало цивилизационного разрыва со старой императорской Россией. Он любит цитировать образное сравнение писателя Александра Солженицына, который утверждал: «Советский Союз соотносится с исторической Россией как убийца с убитым» [Цит. по: Чубайс, 2022, с. 87]. Другое сравнение принадлежит самому Чубайсу, который пи-

шет, что «историческая Россия соотносится с СССР как ФРГ с третьим рейхом» [там же, с. 93–94].

При этом довольно голословно утверждается, что «с конца XIX века Россия отказалась от идеи экспансии и перешла к стадии обустройства» [там же, с. 94]. Этот тезис нетрудно опровергнуть хотя бы обращением к российской экспансии на Дальнем Востоке (Маньчжурии), которая, в конечном итоге, и привела к русско-японской войне 1904–1905 гг. Далеко не чужды были Российской империи и территориальные претензии по итогам I мировой войны. В 1915 г. с союзниками было достигнуто соглашение, что в случае победы к ней переходили Константинополь и проливы с прилегающими к ним территориями. По согласованному с Францией в 1916 г. плану к России должна была отойти и большая часть восточной Турции: Эрзерум, Эрзинджан, Трапезунд, Ризе, Ван, Муш и Битлис, а также часть Курдистана к югу от Вана и Битлиса. В Европе Россия претендовала на Мемель (современную Клайпеду) и Восточную Галицию [История России..., 2018, с. 416–417].

Что же касается якобы «цивилизационного разрыва» между императорской и Советской Россией, то и в этом никак нельзя согласиться с Чубайсом. В крайнем случае можно говорить о преломлении тенденций к сдвигам в сторону Западной цивилизации, которые, надо признать, временами во многом определяли вектор движения царской России с XVIII века. Большевицкая революция оборвала эту тенденцию на период вплоть до распада СССР. И возникший в результате этой революции социальный порядок стал реинкарнацией Московии применительно к реальностям XX века. Своего рода, Московией 2.0 [Заостровцев, 2017]. Правомерно утверждать и об определенной институциональной преемственности коммунистической России с выстроенной Петром I системой, более поздние аналоги которой стали называть тоталитарными государствами.

В отличие от сторонников концепции «разрыва истории» Николай Бердяев показал цепочку преемственности в русской истории: «Большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма: первым явлением было Московское царство, вторым явлением петровская империя» [Бердяев, 2017, с. 455]. На эту же преемственность неоднократно указывал и другой русский философ — Георгий Федотов, который, в частности, писал о «национализации русской революции» и о Сталине как переводе Ивана Грозного на современность [Федотов, 1991, с. 193].

В наши дни философ и культуролог Андрей Пелипенко в системе социальных качеств того, что он называет «Русской матрицей», на первое место выдвигал имперство. Согласно его определению, «под имперством имеется в виду идеократический проект установления должного мирового порядка везде, где только возможно» [Пелипенко, 2014, с. 60]. Россия, по Пелипенко, это — теократическая империя, всегда противостоявшая Европе, где империй не было. Ближе всего к имперскому проекту подошли испанские Габсбурги, но потерпели неудачу в столкновении с нарождающимся буржуазным миром. Имперское сознание в Европе не сложилось. «Колониальные империи — это явления совершенно другого порядка, нежели империя как теократический проект» [там же, с. 63].

В России же в XX в. произошла смена вывески: православная догматика сменилась на коммунистическую. «Идеократическая империя, изжив православную догматику, трансформировалась в империю советскую...» [там же, с. 64]. Идеи Пелипенко, надо сказать, очень близки видению Бердяева. «После народа еврейского русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит чрез всю русскую историю вплоть до коммунизма» [Бердяев, 2017, с. 237]. И далее он констатировал: «И Москва — Третий Рим, и Москва — Третий

интернационал связаны с русской мессианской идеей» [там же, с. 360].

В русле этих же идей лежат ключевые положения книги Абдурахмана Авторханова «Империя Кремля. Советский тип колониализма». «Советская империя прежде всего идеократическая империя. Поэтому всякое ее сравнение со старыми империями не только ошибочно, оно просто вводит нас в заблуждение...» [Авторханов, 1988, с. 9]. И, продолжает он: «Советский тип империализма добывается не просто покорения чужих народов и присвоения их богатств, а он еще ставит конечной целью обращение покоренных народов в новую коммунистическую веру, чтобы навязать им коммунистический образ жизни» [там же, с. 10].

Таким образом, между императорской Россией и Россией коммунистической была явная преемственность. Прежний империализм, опиравшийся на религиозно-этническую почву, сменил свое моральное оправдание, в основу которого легла марксистская идеология всемирной коммунистической революции. Переход в «новую веру» обеспечил больший простор для экспансии, глобальный ее размах: ведь теперь для покорения других народов не нужно было искать общие этнические корни (панславизм) или религиозные убеждения (православие). Коммунизм рассматривался как общее будущее для всего человечества безотносительно узких этнических или религиозных рамок. Достаточно вспомнить советский герб в виде двух пучков колосьев, охватывающих весь Земной шар.

Образование СССР как коммунистическая экспансия: Ленин как красный империалист

Другая ошибочная доктрина — это видение Владимира Ленина как политика, который заложил мину под СССР в форме провозглашения права союзных респу-

блик на выход из него. Обычно ссылаются на неопубликованную в свое время статью «К вопросу об национальностях и “автономизации”», написанную в самом конце 1922 г. [Ленин, 1970а]. Однако все его инвективы по адресу «шовинистической великорусской швали» и предложения оставить за Москвой только дипломатическую и военную функции не имели практического выхода¹. Авторханов не видит в Ленине последовательного борца с империализмом. Он пришел к следующему выводу: «Ленин боролся против царской империи не потому, что она империя, а потому, что она — царская. Он был за мировую советскую империю» [Авторханов, 1988, с. 12].

Впрочем, лучше слов всегда говорят реальные дела. Вряд ли история с независимостью Финляндии (а, точнее, борьбой с ней) происходила без участия Ленина. В то время (первая половина 1918 г.) он активно руководил политикой и, во многом, единолично определял ее (достаточно вспомнить ситуацию с Брестским миром). Так что же произошло с Финляндией?

Обычно считается, что независимость ее — результат какого-то ленинского подарка. На самом деле это просто популярный исторический миф. Далее изложим вкратце некоторые факты². Начнем с того, что Финляндский сейм в июле 1917 г. объявил себя носителем верховной власти. Временное правительство это не признало. На прошедших в октябре выборах в Сейм победили национально-патриотические партии. 4 ноября правительство провозгласило полную независимость Финлян-

¹ «Его (Ленина. — А.З.) предложения не ликвидировали неравноправие народов, не нарушили сложившуюся иерархию союзных и автономных образований, уже обозначенную решениями Сталина, не предоставляли автономным образованиям достаточных, а главное — действенных гарантий от российского господства» [Рейман, Литера, Свобода, Коленовская, 2015, с. 307].

² Изложены на основе [История России..., 2018, с. 639–643].

дии от России. Понятно, что в тот день (за 3 дня до переворота в Петрограде) большевикам было не до нее.

Однако сразу после прихода к власти в ноябре 1917 г. большевики создали отряды финской красной гвардии, которые попытались захватить власть 13 ноября во время всеобщей забастовки в стране. К ним примкнули русские войска (порядка 40 тыс.), размещенные в Финляндии в ходе I мировой войны. Однако путч провалился.

Сейм утвердил решение правительства о независимости 6 декабря 1917 г. Большевики признали это решение 31 декабря. В то же время они не отреагировали на просьбы правительства вывести войска. Русскими частями руководил совет солдатских депутатов, располагавшийся в Выборге. И это нежелание было совсем не случайным.

Не прошло и месяца с признания Совнаркомом независимости Финляндии, как в ночь с 27 на 28 января 1918 г. финские коммунисты при помощи русских частей и военно-морского гарнизона Хельсинки подняли мятеж. В результате большевики захватили столицу и всю южную часть страны. Формально вооруженные силы красных возглавлял финн Э. Хаапалайнен, но фактическим командиром был полковник царской армии М. С. Свечников, ставший позднее командармом в СССР.

В январе указом Сената (Сейм был переименован) командующим национальными вооруженными силами был назначен барон Карл Маннергейм (генерал-лейтенант Российской гвардии). Были организованы и добровольческие отряды (шюцкор). Однако изгнать превосходящие силы большевиков не получилось. И самое знаменательное: 1 марта 1918 г. Советская Россия подписывает договор о дружбе с красной Финляндией, в котором предлагалась военная помощь в разгроме сил шюцкора. В ответ Финское правительство подписывает 7 марта соглашение с Германией о помощи и сотрудничестве. К началу мая 1918 г. немецкие войска полностью очистили Финляндию от красных, лидеры которых бежали в Советскую Россию.

Так что если кого и могут финны благодарить за независимость, то Германию. И, конечно, собственное сопротивление красному империализму. В противном случае о независимости страны можно было бы надолго забыть¹.

Из этой истории можно сделать следующие выводы:

1. Права наций на самоопределение признавались большевиками лишь в той мере, в какой эти нации принимали и воплощали коммунистические принципы общественного порядка.

2. В случае отказа от коммунистических принципов большевики стремились навязать их силовым путем, уничтожая национально-государственный суверенитет.

В то же время первый вывод нуждается в существенном уточнении. Его нельзя понимать буквально. Обычно это право на самоопределение было фиктивным и в случае, когда в СССР входили «красные» национальные регионы бывшей царской империи. Тем более, что красными они становились вследствие экспансии Центра. В сущности, все той же российской империи, но только облачившейся в красные одежды. Это облачение позволяло представлять покорение национальных окраин бывшей царской империи как классовую борьбу с буржуазией. Последняя тоже реально присутствовала, но она выступала как побочный продукт захватнической политики.

Лучшим примером здесь будет история с включением в состав СССР Грузии. Опять же с помощью того же источника [История России..., 2018, с. 854–856; 908–914] изложим ряд фактов, позволяющих в этом убедиться. В Грузии у власти находились меньшевики: выборы в январе 1920 г. принесли им решительную победу. 17 марта 1920 г. Ленин отдал приказ о захвате Азербайджана

¹ «Если бы мы не поднялись на борьбу в 1918 г., Финляндия в лучшем случае превратилась бы в автономную область Советского Союза — без каких бы то ни было национальных свобод, без настоящей государственности, и нам бы не нашлось места среди свободных наций» [Маннергейм, 1999, с. 135].

и Грузии. Однако наступление поляков на Украине ненадолго спасло Грузию. 7 мая Советская Россия подписала с правительством Грузии договор, в котором признавалась ее независимость и давалось обязательство невмешательства во внутренние дела республики. Грузия была признанным участником международного сообщества, членом Лиги Наций и входила в Социнтерн.

После заключения мира с Польшей, настало время довести до конца дело с Грузией. В феврале-марте 1921 г. с ее независимостью было покончено вооруженным путем. Несколько позднее из ставших советскими Азербайджана, Армении и Грузии была создана Закавказская Советская Федеративная Республика (ЗСФСР), подписавшая в 1924 г. договор о создании СССР.

Таким образом, как очевидно следует из истории с Грузией, наличие «розового» (социал-демократического, меньшевистского) правления никоим образом не являлось для большевиков основанием для уважения национально-государственного суверенитета. Скорее, наоборот. Они никак не могли бы смириться с существованием под боком социалистической альтернативы большевизму, которая, в то время, представляла для него большую опасность в силу заряженности масс социалистическими идеями, чем какое-то бы ни было буржуазное правительство¹.

Интересно, что с другой стороны, глава правительства Грузии Ной Жордания занимал симметричную позицию: он видел в большевиках большую опасность, чем в традиционном буржуазном мире. После выборов в январе 1920 г. он так сформулировал принципиальный курс своей администрации: «Наш путь идет к Европе, путь России — к Азии. Я должен решительно заявить, что предпо-

¹ В этой связи не случайна кажущаяся на первый взгляд преувеличенная оценка Лениным опасности Кронштадтского восстания: «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые...» [Ленин, 1970b, с. 24].

читаю империалистов Запада фанатикам Востока» [Цит. по: История России..., 2018, с. 856].

С тем, чтобы завершить изгнание мифа о Ленине как поборнике национал-сепаратизма (права наций на самоопределение вплоть до отделения) после Октября 1917 г., приведем выдержку из его беседы с французскими делегатами II Конгресса Коминтерна (состоялась в дни кульминации похода Красной Армии на Польшу, когда она находилась под Варшавой). «Да, советские войска в Варшаве. Скоро нашей будет Германия. Мы снова завоюем Венгрию, Балканы поднимутся против капитализма. Задрожит Италия. Буржуазная Европа трещит по всем швам в бурю» [Цит. по: Геллер, Некрич, 1996, с. 100].

Смысл красного империализма

У «красного империализма» два источника. Во-первых, это трансформировавшееся и усиливавшееся мессианство: на место одной «самой верной веры» в виде православия пришла другая — идея коммунизма во всем мире. Нетрудно предположить, что в основе мессианства (в любой форме) лежит глубоко укоренная историческим прошлым национальная идентичность как представление о своей общности в качестве воплощения наилучшего мирового социального порядка. Тогда силовое навязывание его другим рассматривается как «решающий вклад в дело прогресса» всего человечества. Такое видение мира связывает империализм Российской империи с коммунистическим империализмом СССР.

Во-вторых, отторжение коммунистических институтов: построенная на их основе социальная система, как правило, не принимается добровольно. В то же время существование национальных сообществ в виде альтернатив ей (особенно, когда эти альтернативные сообщества расположены территориально рядом и ранее входили в общее государственное образование — Российскую

империю) делегитимирует саму коммунистическую систему в глазах подвластного ей населения как не обеспечивающую сравнимый уровень благосостояния и прав. Отсюда стремление расширяться как можно дальше (осуществлять институциональную агрессию), ослабляя тем самым притягательность несовместимого с ней социального устройства.

Литература

- Авторханов, 1988 — *Авторханов А.Г.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988. 426 с.
- Бердяев, 2017 — *Бердяев Н.А.* Россия и новая мировая эпоха. Москва: Издательство «Э», 2017. 704 с.
- Геллер, Некрич, 1996 — *Геллер М.Я., Некрич А.М.* История России 1917–1995. В 4-х т. Т. I: Утопия у власти. Кн. 1: Социализм в одной стране. Москва: Издательство «МИК», издательство «Агар», 1996. 500 с.
- Заостровцев, 2017 — *Заостровцев А.П.* Матрица Московии и ее реинкарнации: как реальность опровергает благие пожелания // *Общественные науки и современность.* 2017. № 6. С. 67–76.
- История России, 2018 — *История России, XX век.* Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца гражданской войны (1894–1922). Т. I. Москва: Издательство «Э», 2018. 992 с.
- Ленин, 1970а — *Ленин В.И.* К вопросу об национальностях или об «автономизации» // *Полн. собр. соч.* Т. 45. Москва: Изд-во политической литературы, 1970.
- Ленин, 1970б — *Ленин В.И.* X съезд РКП(б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б). 8 марта 1921 г. // *Полн. собр. соч.* Т. 43. Москва: Изд-во политической литературы, 1970.
- Маннергейм, 1999 — *Маннергейм К.-Г.* Мемуары. Москва: Вагриус, 1999. 512 с.

- Пелипенко, 2014 — *Пелипенко А.А.* Код к «Русской матрице» // *Власть.* 2014. № 2. С. 58–65.
- Рейман, Литера, Свобода, Коленовска, 2015 — *Рейман М., Литера Б., Свобода К., Коленовска Д.* Рождение державы: история Советского Союза с 1917 по 1945 г. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 839 с.
- Федотов, 1991 — *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). Санкт-Петербург: София, 1991. 352 с.
- Чубайс, 2022 — *Чубайс И.Б.* Русская История: авторская концепция против официальной мифологии (Философско-историческая публицистика). Москва: Яуза, 2022. 254 с.

References

- *Avtorokhanov A.G.* Imperiya Kremlya. Sovetskyi tip kolonializma [Kremlin Empire. Soviet type of colonialism]. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988. 426 p.
- *Berdyayev N.A.* Rossiya i novaya mirovaya epokha [Russia and the new world era]. Moscow: “E” Publ., 2017. 704 p.
- *Geller M. Ya., Nekrich A.M.* Istoriya Rossii 1917–1995. V 4-kh t. T. I. Utopiya u vlasti. Kn. 1: Sotsializm v odnoi strane”. [Russian history 1917–1995, In 4 vols. Vol. I. Utopia in power. Book 1: Socialism in one country]. Moscow: MIK Publ., Agar Publ., 1996. 500 p.
- *Zaostrovtssev A.P.* Matritsa Moskovii i ee reinkarnatsii: kak real’nost oprovergaet blagie pozhelaniya [The Matrix of Muscovy and its reincarnations: how reality refutes good wishes] // *Social Sciences and Modernity.* 2017. N 6. P. 67–76.
- *Istoriya Rossii, XX vek.* Kak Rossiya shla k XX veку. Ot nachala tsarstvovaniya Nikolaya II do kontsa grazhdanskoi voiny (1894–1922). T. I. [History of Russia, XX century. How Russia went to the XX century. From the beginning

- of the reign of Nicholas II to the end of the civil war (1894–1922).]. Vol. I. Moscow: “E” Publ., 2018. 992 p.
- *Lenin V.I.* K voprosu ob natsionalstyakh ili ob “avtonomizatsii” [On the question of nationalities or “autonomization”] // Poln. sobr. soch. Vol. 45. Moscow: Izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1970 P. 356–362.
 - *Lenin V.I.* X s’ezd RKP (b). Otchet o politicheskoi deyatelnosti CK RKP (b). 8 marta, 1921 [X Congress of the RCP(b). Report on the political activities of the Central Committee of the RCP(b). March 8, 1921]. Poln. sobr. soch. Vol. 43. Moscow: Izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1970. P. 7–33.
 - *Mannerheim K.-G.* Memuary [Memoirs]. Moscow: Vagrius Publ., 1999. 512 p.
 - *Pelipenko A. A.* Kod k “Russkoi Matritse” [Code for the “Russian Matrix”] // Vlast’ [Power]. 2014. N 2. 2014. P. 58–64.
 - *Reiman M., Litera B., Svoboda K., Kolenovska D.* The Birth of a Power: A History of the Soviet Union from 1917 to 1945. Moscow: Political encyclopedia Publ., 2015. 839 p.
 - *Fedotov G. P.* Sud’ba i grekhi Rossii (izbrannye stat’i po filosofii russkoi istorii i kultury) [The fate and sins of Russia (selected articles on the philosophy of Russian history and culture)]. Sankt-Peterburg: Sophiya, 1991. 352 p.
 - *Chubais I. B.* Russkaya istoriya: avtorskaya kontsepsiya protiv ofitsialnoi mifologii (filosofsko-istoricheskaya publitsistika) [Russian History: the author’s concept against the official mythology (Philosophical and historical journalism)]. Moscow: Yauza Publ., 2022. 254 p.

Zaostrovsev A. P.

FORMATION OF THE USSR: COMMUNIST EXPANSION AS A CONTINUATION OF RUSSIAN IMPERIALISM

Zaostrovsev Andrey Pavlovich, candidate of science, professor of the Department of government management, National Research University — Higher School of Economics (St/Petersburg), 198207, Russia, Saint. Petersburg, Soyuza Pechatnikov st., 16. E-mail: zao-and@yandex.ru

Abstract. The article deals with the formation of the USSR as a continuation of Russian imperialism. The first part of the article emphasizes the internal unity of the Russian Empire and Soviet Russia, despite their essential differences. The slogan of the world revolution was, in fact, nothing more than the modernization of the ideological shell of traditional expansionism. Expanding it to a global scale. In the second part of the article, on the examples of the history of Finland in 1917–1918 and Georgia in 1920–1921, it is shown that the Bolsheviks did not follow in practice the concept of the right of nations to self-determination. And V. I. Lenin was the real leader and ideologist of the “red expansion.” This is also evidenced by his position during the war between Soviet Russia and the Polish Republic (1920). In conclusion, two inferences are drawn about the nature of “red imperialism.” First, it is conditioned by the messianic ideal of Russia rooted over the centuries, which was ideally suited to the doctrine of the worldwide communist revolution.

The novelty of the proposed article lies in the second conclusion. The goal of “red imperialism” was to suppress institutions alternative to Soviet socialism due to their complete incompatibility with them and their superiority in ensuring welfare. These alternative institutions (especially, as they say now, in the “near abroad”) delegitimized the Soviet system.

Key words: *Communist expansion, Russian imperialism, Finland, Georgia, V. I. Lenin, the meaning of “red imperialism.”*

Зак Л. А.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ОСНОВАННАЯ НА ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОСТОЯНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ

Зак Лев Абрамович, доктор философских наук, ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»; профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. 620149, Россия, Екатеринбург, ул. Студенческая, 19, оф. 404. E-mail: rector@guniver.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две ключевые парадигмы советской цивилизации: модернизации и социальной вражды (гражданской войны). Их единство и противоречие — фундаментальная особенность советской цивилизации. Подчеркивается объективная необходимость модернизации и ее осознание, определившие доминанту модернизации в политике советской власти

ее первого периода и ее поддержку массами. Однако вскоре на первый план в СССР вышел процесс тоталитаризации социокультурной системы, ядром которого явилось рождение особого типа социальности: социальности вражды и войны (антагонизма). Характеризуются основания такой социокультурной парадигмы: политические (тоталитарная диктатура государства-партии, универсальность насилия), экономические (господство государственной собственности, отчуждение от собственности граждан и их объединений), идеологические (концепция неустранимых внешних и внутренних социальных антагонизмов, образ-концепт врага, идеологическая нетерпимость) и социально-психологические (радикально интерпретируемая оппозиция мы/они, где «они» всегда маркируются негативно и несовместимо с «мы», что культивирует атмосферу вражды, нетерпимости, агрессии и войны, схематизма эмоций и мышления). Показан универсальный, охватывающий все сферы социокультуры характер социальности вражды и войны, сохраняющийся и в условиях относительной «либерализации» политического режима в послесталинский период. Важнейшими следствиями господства социальности вражды и войны и ликвидации в условиях тоталитаризма свободы и субъектности граждан стали антропологическая катастрофа (М. Мамардашвили) и ликвидация необходимых объективных и субъективных условий успешной модернизации. Логика тоталитаризма победила логику модернизации, что определило остановку развития СССР, его отставание от мирового прогресса, а потом и крах, падение советской цивилизации.

Ключевые слова: советская цивилизация, парадигмы модернизации и социальности вражды (гражданской войны), тоталитаризм, насилие, образ врага, собственность, свобода, субъектность граждан и их отчуждение, антропологическая катастрофа, влияние социальности вражды на модернизацию.

Актуальность юбилея. О теме этой статьи

Столетие после рождения и более тридцати лет после смерти Советского Союза мы и весь мир продолжаем осмысливать этот феномен, находясь с ним не только в познавательной, но и в ценностной и практической связи. Это

и помогает, и мешает осмыслению своеобразия, последствий и уроков этой цивилизации и одновременно исторического эксперимента. Автор бы хотел остановиться на такой особенности советской социокультурной системы, как противоречивое единство двух основополагающих для нее парадигм: модернизации и социальной вражды. Первая выразила общий для передовой части человечества новейшего времени тип преобразовательного мироотношения. Вторая стала выражением объективно враждебного прогрессу, но тоже типологического для эпохи типа социальности. Одно неформально важное предварительное замечание: здесь не будут рассматриваться исторические (традиционные) корни советской цивилизации, чему многие современные исследователи склонны предавать основополагающее значение. Отрицать значение таких «корней» было бы нелепо. Но, во-первых, в предсоветской истории России было достаточно результативных процессов, во многом влияние этих корней, сегодня нередко подчеркиваемое как решающее, практически преодолевших (преодолевающих). А, во-вторых, масштаб и радикальность советского опыта многократно превосходит любое влияние своих корней-предтеч.

Модернизация — тренд двух первых десятилетий советской власти

Переходя к своей теме, скажем, что для неподвизтых исследователей наличие, фундаментальная роль и парадигмальный характер модернизации очевиден (потому о ней как таковой коротко). Невозможно отрицать, что в советской России существовала не только объективная необходимость модернизации (отсталость страны, бедность большинства населения и др. проблемы), но и убежденное ее осознание. Без преувеличения, советская цивилизация началась ради модернизации, была устремлена к ней (причем поначалу в ее всестороннем

социокультурном масштабе), сделала ее важнейшей составляющей политики правящей партии и государства, содержания и форм жизни. И этот тренд получил, особенно в первые два десятилетия СССР, мощную поддержку в массовом энтузиазме граждан и их практической готовности к созидательной работе. Первые произведения советской литературы и кинематографа, советская массовая песня (Дунаевский, Шостакович) и живопись [Зак 2022, с. 169–171], при всей их идеологической заданности, передают социопсихологическую атмосферу подъема, сопровождавшего важнейшие модернизационные деяния тех лет (индустриализация, освоение Дальнего Востока, Арктики, воздушного и океанского пространства, научные открытия и художественное новаторство мирового уровня, приобщение масс к знаниям и ценностям культуры¹). Недавно эти предметные реалии и атмосферу выразительно передал в романе «Истребитель» Д. Быков. Но он также (правда, на наш взгляд, излишне завуалированно и опосредованно — через художественный намек и подтекст) дал понять ограниченность, жесткую зависимость советской модернизации и модернизаторов от политико-идеологических условий страны. Поэтому обратимся ко второй стороне темы статьи.

Немного теории: тип социальности и его антропологические аспекты

Всякая цивилизация как материальное тело общества как социокультурной системы имеет своим структуро- и смыслообразующим ядром *специфический тип социальности с доминантным способом совместно-*

¹ Две реже называемые составляющие модернизации также должны быть зачислены в ее актив: создание современных социокультурных институций во всех сферах освоения мира и возвращение современных субъектов всех сфер деятельности (от так называемых кадровых рабочих и инженеров до профессионалов сфер науки, искусства, образования, здравоохранения, военного дела и т.д.).

го существования людей = способом коллективной самоорганизации совместной жизни, определяющим объективный порядок связи между людьми и образуемыми ими группами — то, что принято называть системой социальных отношений. Способ самоорганизации совместной жизни и реализующая его через практики людей и групп система социальных отношений выступают основаниями и рамками индивидуальной жизни людей. Эти основания реализуются как материально-организационно (институционально и общенчески), так и идеально: информационно-репрезентационно, ценностно-символически. В результате каждый тип общества-цивилизации реализует определенное антропологическое состояние — свою, так сказать, *антропологическую модальность*, включающую: объективное место и значение основной массы индивидов, спектр их деятельностных и социально-статусных возможностей и императивов, характер их социального (в обществе и для общества) и для-себя-бытия. Последнее, в свою очередь, включает: характер/меру «обеспеченности» материальными и духовными ценностями (по осям: экономическое богатство-бедность; приобщенность к богатствам культуры-отчуждение от них); персональной индивидуации, самореализации, духовной и практической свободы во всем хронотопе социума (= мера объективной человечности той или иной цивилизации), что идеально репрезентируется местом человека-индивида в системе ценностей и норм данного социума и его сознания (по оси наиндивидуальное — личностное), в типе этоса (морально-нравственного сознания, персонифицированности совести), персонального самосознания, содержательной иерархической структуре персональной идентичности («весу» в ней собственной, индивидуальной уникальности, самооценности в соотношении с другими, наиндивидуальными компонентами: общеродовым, государственным, этническим, региональным и историческим).

Противоречия социальности советской цивилизации

Если с этой точки зрения посмотреть на советскую цивилизацию, идеолого-мировоззренческим истоком которой был, что ни говорите, марксистский = «коммунистический» (т.е. определяемый идеалом коммунизма как наиболее совершенного общественного устройства) гуманизм, то — вслед за многими из разных оснований исходивших ее критиками — мы констатируем существенные различия и даже противоречия реалий «советского социализма» с идейными декларациями и идеальными моделями. А поскольку эти последние были заявлены и утверждены как установки и нормы нового общества, как его программные основы = руководства к действию, то и сама реальность советской цивилизации также являла свою глубокую социальную и культурно-антропологическую противоречивость.

Критики социализма в СССР из числа убежденных сторонников как первого, так и второго, были уверены, что недостатки советской системы — результат искажений в принципе правильной, здоровой основы советского общества. Доказательства «здоровья» находились. Речь даже не идет об экстремальных ситуациях вроде Великой Отчужденной войны (ведь в таких ситуациях героические примеры рождаются практически во все эпохи и в любых цивилизациях). Хватало красивых примеров и в повседневной мирной жизни, особенно в первые десятилетия советской власти. Трудовой энтузиазм первых лет, оптимизм масс питался новым (в сравнении с дореволюционным) уровнем *демократизма* общества; востребованность массового, причем активного, участия некогда лишенных прав и самосознания социальных слоев нашла логическое продолжение в актуализации и декларировании их *субъектности*, всеми средствами тогдашней массовой культуры утверждаемой. Модернизация нуждалась в субъектности ее исполнителей, в массовом чувстве, что

«мы — молодые хозяева Земли» и что «нам нет преград ни в море, ни на суше». И идеология, и политика на первых порах шли за этой потребностью и культивировали такого рода идеологемы, массовые чувства и устремления. Но не только «идеально» закрепляли эту необходимость, но и практически: слоям-субъектам открылись богатства культуры, широкий доступ к образованию, материальные блага и услуги цивилизации (вроде медобслуживания, защиты трудовых и бытовых прав трудящихся) и, наконец, самое яркое проявление демократизма молодого общества: доступные для масс социальные лифты, привлечение представителей новых стратов к социальному управлению, работе в органах политической власти.

Однако эти привлекательные и стимулирующие активность людей черты социальной системы достаточно быстро были превращены в ритуальную формальность. Как и такая, тоже первоначально демократическая и стимулировавшая активность масс форма социально-политической системы СССР, как советы. Они были включены в политическую систему совсем иной сущности, были подчинены получившей абсолютную власть и беспредельное господство в советской цивилизации машине тоталитарного государства. Государство-партия стало абсолютным хозяином всех без исключения сторон общественной и частной жизни. Так, в замысле своем демократическая, советская власть объективной логикой системы и выражающей ее волей правящей партии (к тому моменту уже переставшей быть свободным демократическим объединением единомышленников) превратилась в тоталитарную диктатуру. Самоценную, самодовлеющую, самозаконную и самовластную, не имеющую легитимного «начала» и, соответственно, конца. Судьба субъектности и свобод в СССР была предreshена, смягчившийся после Сталина общественно-политический режим сущности тоталитаризма не изменил (хотя жить людям все же стало легче). Не изменилось и главное материальное основание тоталитарной системы.

Отчуждение собственности как основание деформации субъектности

В любом обществе *власть* и ее институты (именно как власти-господства, власти-силы превосходства одних над другими, власти-права определять ход вещей и судьбу людей, права казнить и миловать, власти-обладателя монополии на насилие по отношению ко всему, для кого и чего она власть) имеет своим основанием-исток, фундаментом-ресурсом *собственность* с ее собственными институтами. Власть, конечно, всегда полагает себя выше собственности, хотя бы потому что видит себя ее законодателем, контролером и регулятором. Но реальная сила как материальная возможность что-то определять и на что-то влиять сосредоточена, прежде всего, в собственности. Собственность производна непосредственно не от власти как таковой, а от уровня технико-технологического развития общества и системы совместной деятельности людей и отношений между ними. Однако власти для ее легитимации необходимы также узаконенные, стабильные и предсказуемые отношения с собственностью, которые включают в себя возможности влиять на собственность и собственников, пользоваться ее возможностями и влиянием, а также, если и насколько это возможно, самой управлять какой-то собственностью. Этот многогранный комплекс и определяет во многом реальные силовые возможности власти во всех сферах жизни социума, начиная с экономики и кончая духовным производством и массовой психологией. Потому в истории человечества всегда, вплоть до сегодняшнего дня сосуществуют и борются две противоположные тенденции строения и функционирования общества и государства: тенденция разделить и обособить власть и собственность и тенденция их взаимного соединения, тесной интеграции для взаимовыгодного функционирования. Последняя исходит равно из обеих институциональных сил и механизмов: власть стремится обладать

собственностью, собственность (в лице ее собственников) стремится заполучить власть. Не зря европейские короли и русские императоры были крупнейшими собственниками в своих странах.

Социализм как учение (в том числе и особенно «научный коммунизм») логично увязывал принцип «власти народа» с лозунгом и принципом «общественной собственности» (на средства производства и не только). Революционный лозунг большевиков так и утверждал: «Власть — советам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам», что во многом определило рост политического влияния и силы ВКП (б) в 1917 г. Власть действительно в результате Октябрьской революции перешла к советам, только они вскоре стали ритуальным придатком большевистского тоталитарного государства. Ширмой абсолютной власти Партии-Государства. Эта форма власти, однако, также утверждала, что базируется на общественной собственности в двух ее основных формах: общенародной и коллективной = кооперативной (будто бы реализуемой в колхозах). Ленин, как известно, связывал свои надежды на подъем сельского хозяйства и страны в целом с «цивилизованными кооператорами», т.е. с институциями коллективной собственности. Что такое общенародная собственность так никто в Советском Союзе и не узнал, т.к. на деле собственником «фабрик», как и всего остального, включая и колхозы, стало государство. Да к тому же государство репрессивное, жестокое в защите собственных интересов и ставящее эти идеологически оформленные и обоснованные интересы выше интересов и самой жизни любого своего гражданина, с легкостью превращающего его во врага.

Так закономерно свершилась двойная метаморфоза: отчуждение государства от людей с их реальными интересами и подчинение людей трансцендентным «заоблачным» целям государства; отчуждение масс трудящихся (как раз «народа» в терминологии самого государства)

от «общенародной» собственности, тем самым лишившее их субстанциональной основы своей суверенности, самостояния, важной мотивации к деятельности¹. В результате политическое подавление «сверху» тоталитарным государством всяких, даже малейших притязаний на свободу «органично» дополняется «снизу» утратой реальными двигателями модернизации материальных оснований полноценной субъектности, возможности и даже необходимости проявлять какую-то творческую социальную инициативу и предприимчивость. Но и ассоциации таких не-субъектов (трудовые коллективы, общественные объединения, творческие союзы, поселенческие сообщества) также не имеют собственности и потому фактически лишены экономических прав и суверенности, а отсюда и политических прав, находясь в полной экономической и политической зависимости от государства. Торжествует железный порядок ненарушаемых иерархий, практического и ценностно-мировоззренческого однообразия, унификация жизни и сознания миллионов, выдаваемые за «социальное равенство» и «социальную гармонию». Любое, даже малейшее отклонение от этого нормативного порядка воспринимается системой как преступная угроза общему благополучию и высоким целям социума, как пособничество его многочисленным врагам².

На почве такого рода отношений возникает уродливая, однобокая и элиминирующая большую часть естественных прав человека социальность. Можно говорить о странном

¹ Эта материальная «операция» дополняется агрессивной идеологической установкой, интерпретирующей стремление к активному достижению собственных материальных целей гражданина как постыдную и неприемлемую для государства и общества корысть, как буржуазный «пережиток», «мещанство» и «бездуховность».

² Таким пособничеством являлись не только политическое диссидентство, но также и всяческие не санкционированные «свыше» заимствования и подражания чужим и потому враждебным стилям поведения и ценностным ориентациям («стиляги», увлечение религией, джазом или абстрактной живописью (ср.: «сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст»).

в своей односторонности и дисгармоничности «общественном договоре» между обществом и государством. Условия игры и ее рамки диктует государство, в «нормальных» условиях само существующее «по воле» своих граждан во имя их интересов и обязанное учитывать эти интересы и права. В условиях примата и диктата государства общественный договор «абстрагируется» от важнейших естественных прав человека — как раз тех, которые делают людей субъектами, вносят в жизнь общества и государства разнообразие, плюрализм мнений, динамизм и конкурентные отношения в общественной жизни. Но некоторые потребности и интересы людей ликвидировать полностью невозможно, не рискуя получить протесты и бунты, к тому же «социалистическое» государство не может отказать от некоторых своих социальных лозунгов, причем не только на словах (вроде тезиса о социалистической демократии), но и на деле. Лишив граждан политических и экономических (собственность) прав, советское государство «компенсировало» этот «отъем» рядом социальных гарантий — своего рода социальных «услуг», назначаемых и дозируемых самим государством (граждане и тут лишены прав и возможностей как-то влиять на характер «услуг», выбирать их и требовать их изменения). В результате отношения государства и граждан приобретают характер *патерналистских*, «опекунских», в которых роль граждан сводится к пассивному, в целом благодарному приятию-потреблению дарованных свыше, властным, не терпящим инакомыслия «отцом», благ.

Парадокс советской социальности: вражда vs солидарность

Но у этой патерналистского типа тоталитарной государственности и, соответственно, конструируемой и реализуемой ею социальности неизбежной оказывается другая сторона. Советская государственность и социаль-

ность, чьими «любимыми» идеологемами были и постоянно пропагандистски и другими способами артикулировались такие ценности, как мир, дружба между странами, народами, государствами, людьми, социальная гармония, взаимопомощь и т.д. и т.п., на практике чаще выступали как государственность и социальность нетерпимости, подозрительности, вражды, поиска врага и агрессии. Что было характерно как для внешней, так и в не меньшей степени для внутренней политики. Эти особенности не исчезли, только стали в чем-то более мягкими (менее «людоедскими») в послесталинские эпохи оттепели, разрядки, застоя. Не будет преувеличением назвать эту черту советской цивилизации атрибутивной для нее *парадигмой социальной* вражды, или *социальностью гражданской войны*.

Парадокс советской социальности заключался в том, что названная парадигма сопрягалась и уживалась со своей противоположностью. Любой, кто еще не забыл советские годы, понимает, о чем я говорю: в повседневных взаимоотношениях советских людей отнюдь не доминировали вражда и гражданская война. Наоборот, в них преобладали атмосфера и практики, так сказать, *коммунальной солидарности*, повседневной, а когда случалось — экстраординарной взаимопомощи (как это трогательно показано в сериале С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»). Уже в школе мы становились «тимуровцами»: шефствовали над одинокими пожилыми людьми. И газеты постоянно приводили невыдуманные примеры самоотверженности одних ради других (например, подвиг Шаварша Карапетяна)¹. Материальным ос-

¹ Всё это тогда утверждалось «преимуществом» социализма. Жившие за железным занавесом и воспринимавшие жизнь «за бугром» через окуляры советской пропаганды и столь же критического к своему обществу «прогрессивного» искусства, советские люди даже не догадывались о не меньшей солидарности и взаимопомощи граждан развитых капиталистических стран, как и об их материальном благополучии и социальной защищенности.

нованием такого позитивного социального микрокосма служила относительная социальная однородность, равенство граждан различных социальных слоев, что, в свою очередь, обеспечивалось примерно одинаковым отношением к собственности, которой ни у кого не было.

Социопсихологические выражения двойственной социальности

«Порядок» и атмосфера в СССР после XX съезда стали «мягче», можно даже сказать, либеральнее (Ахматова по этому поводу говорила о более «вегетарианских» временах). Именно тогда рядом с одиозным гиперидеологизированным и крайне схематично видевшим мир искусством соцреализма появилось другое, гораздо более сложное, тонкое, проще говоря — правдивое. И в нем — где завуалированно, где открыто — критиковались (еще до произведений о репрессиях и ужасах ГУЛАГа) сталинские практики отношения к человеку, маниакальная подозрительность и поиски врагов везде и повсюду. Примеры всем хорошо известны.

И всё же страх жил и был совсем не только результатом памяти о страшных временах массового террора. Пример из моего личного опыта начала 60-х. Отец моего отца однажды получил посылку от давно «потерявшегося» израильского двоюродного брата (дело было еще до разрыва дипотношений с Израилем). Радость деда длилась недолго. К его огорчению и изумлению пришедший с работы отец встретил новость с нескрываемым ужасом и буквально обрушился на родителей с обвинениями в том, что эта посылка может иметь для него, работающего на оборонном заводе, плохие последствия. Он заставил деда все запаковать в ящик и отнести его на почту, написав отказ от посылки.

Потом я не раз практически убеждался в принципиальной двойственности отношений советского человека

со своим обществом и, соответственно, двойственности его сознания, часто принимавшего форму трусливого и циничного двоедушия. В собственном социальном микромире — с близким и вызывающим доверие окружением советский человек был раскован, свободен, дружелюбен, откровенен в высказываниях, с удовольствием рассказывал «антисоветские» анекдоты и всерьез размышлял о пороках советской системы, о ее упущенных возможностях и нереализуемых в ее условиях потребностях и устремлениях людей. В социальном же макромире — в «официально-ролевых» социальных отношениях он, в основном, или молчал, или, если требовалось, высказывал полагающиеся, «правильные» мысли, не вступал в дискуссию с руководством своей организации и, тем более, представителями власти. Львиная доля всех публичных высказываний (независимо от уровня, или масштаба, публичности и массовости) была инициируема, программируема и одобряема «свыше» и заранее. Выражавшее это советское «обыкновение» сталинское «Кто организовал вставание?!» (по поводу вставших для приветственных аплодисментов Ахматовой и Пастернаку сотен присутствовавших в Колонном зале Дома Союзов) вполне отражало и послесталинские времена. И это было прямым — и адекватным — следствием социально-психологического климата и нормативно регулируемых советских «нравов». Они задавались ценностями и нормами советской политической идеологии. Важнейшей особенностью советского социума была *тотальная политизация* всех без исключения аспектов коллективной и частной жизни. А другой особенностью, придававшей уже названной особо воинственный, грубо-агрессивный характер, была вошедшая в норму еще со времени Ленина и достигшая уже после его ухода полной однозначности, абсолютности и универсальности (распространявшаяся на всех без исключения) *политико-идеологическая нетерпимость*. В сущ-

ности, в закон ценностных и практических отношений возводились нормы биологической «борьбы за существование», продленные (перенесенные) на социокультуру как законы непримиримой *классовой борьбы, антагонистических противоречий*, где руководящий принцип прост и однозначен: либо мы — либо они, третьего не дано; «если враг не сдается — его уничтожают» (Горький).

В завуалированной, внешне смягченной форме, но нередко и вполне открыто и бескомпромиссно этот принцип сохранил свою программную роль и в повседневной жизни послесталинского СССР, и в сферах специализированной духовной культуры (философии, социогуманитарных науках, искусстве). Всё, буквально всё тут понималось как политически значимое, причем трактуемое в примитивно-прямолинейной двузначной системе «политическая польза/политический вред», так что любое слово, любой поступок и даже имплицитные феномены (как, например, вызывавшие особое неприятие цензуры «неконтролируемые ассоциации» в литературе, спектаклях и фильмах) становились потенциальной угрозой их субъектам. Самой безопасной и правильной тактикой социального поведения поэтому и становилось молчание, но и оно в политизированном контексте с установкой на «наш»/«не наш» могло стать причиной осуждения, преследования, репрессии.

Образ врага — продолжение и выражение социальности вражды

Социально-психологической основой-стержнем социальности вражды стала известная с глубокой древности оппозиция мы/они [Поршневу, 1971]; по Н. А. Бердяеву, «деление мира на два лагеря, которое есть главный метод концентрации сил коммунизма и фашизма, есть деление военное и приспособленное для войны» [Бердяев,

1939]. А необходимым концептуальным семантическим ядром картины мира, духовно-психологически обслуживающей социальность вражды, выступает *образ врага* [Гудков, 2004], [Образ врага, 2005]. «Враг» — семантическая универсалия, логически — инвариантная для ментальной матрицы социальности вражды *пропозициональная функция*, всегда востребованная и с легкостью «заполняемая» разной предметностью, всегда одинаково радикально-негативно ценностно маркируемой в контексте видения мира как вечной вражды сил-антагонистов. Как «свято место пусто не бывает», так не пустует и важнейшая ячейка образа врага.

В условиях капиталистического окружения и железного занавеса практически весь западный мир (обобщенно — «заграница») интерпретировался советской идеологией и пропагандой как *враждебный* нам в своем существе и *вражеский* в своем практическом и духовном отношении. «Пропуск» для поездки за рубеж, особенно в капстраны можно было получить только после тщательной проверки «благонадежности» и специальных, часто нелепых и унижительных экспертных собеседований с кандидатом на поездку. Кроме того, в каждой сфере социокультуры выделялись свои, особые, враги. В обыденной жизни (для рядовых советских граждан) такими врагами выступали основные черты «буржуазного образа жизни»: его ценности, символы, стили, такие, как, например, рок- и поп-музыка, свободные типы поведения, включая сексуальные отношения, разнообразные варианты создаваемых в контр-культуре форм совместности (коммуны хиппи, панков, других маргиналов — маргинальность вообще, сама по себе считалась врагом: советское общество, его идеология и власть всякую пограничность, межграницность и безграницность убежденно считали угрозой социальному порядку и стабильности, предпочитая устойчивые, по возможности неизменные и, конечно, идеологически безупречные способы поведе-

ния). В «правильных» советских театре и кино западная жизнь подавалась исключительно в критическом ключе, а особое место занимали истории подрывной работы западных спецслужб против советских людей, их нравственного развращения и склонения к «измене Родине». А сама сфера «буржуазного» искусства была объектом постоянных критических разоблачений немногих допущенных к первоисточникам. Особо жестко и бескомпромиссно проявилась идеологическая нетерпимость и враждебность к «иному» в сфере философии. В отличие от «разрешенного» классического (домарковского) идеализма, чьи тексты издавались (пусть нечасто и ограниченным тиражом) и объективно анализировались, работы современных западных философов издавались редко и, в основном, с грифом «для научных библиотек», а изучение первоисточников на языке авторов образовывало особое подразделение советской философии: «Критика современной буржуазной философии», что предполагало обязательность «разоблачения» этих работ как совокупности «ошибок», «упущений», «односторонностей», а также политически и культурно вредных следствий. Только такая установка и такая «упаковка» позволяли рассчитывать на допуск к закрытым текстам и на публикацию работ о них. К чести многих советских исследователей, они научились соединять видимость соответствия своих работ идеологическим нормам с глубоким объективным анализом и содержательной позитивной интерпретацией «критикуемых» текстов (см., например, работы по экзистенциализму М. Кисселя, М. Мамардашвили, Н. Мотрошиловой, Э. Соловьева).

Но матрица врага и враждебность как принцип социальности в советской цивилизации никогда не ограничивались отношениями к зарубежной реальности. Наоборот, практически с первых дней советской власти в ней выращивалась и утверждалась презумпция идейной нетерпимости и жесткого противостояния яко-

бы неизбежно существующим внутренним врагам: людям, группам, организациям, принципам и ценностям. Таким советский строй был до своих самых последних дней — до путча августа 1991 г., последнего проявления того, что в идеологических святцах называлось классовой борьбой и гражданской войной. В годы сталинского руководства страной «матрица гражданской войны» стала важнейшим и универсальным идеологическим и практически-политическим принципом, послужившим основой массового террора и репрессий (прятавшим их экономическую цель: жесточайшую эксплуатацию миллионов репрессированных, брошенных на освоение зон вечной мерзлоты, труднодоступной тайги, разработки полезных ископаемых, строительства промышленных объектов и т.д.). Атмосфера бесконечной гражданской войны и неослабевающей вражды породили практику массового доноительства, культивирования ожесточения, агрессии, моральной деградации миллионов людей, общей дегуманизации социальных отношений, институтов, практик, коллективной ментальности. Они же культивировали примитивность, прямолинейность, догматизм и схематизм сознания и психологии многих советских людей. Так, как показали [Ахиезер, 2008] и [Лотман, 1992], главным логическим механизмом советского сознания стала бинарная система «либо А — либо не-А» и неспособность находить третий, компромиссный вариант, мирно, в диалоге разрешать противоречия. Логика, психология и практика вражды и гражданской войны образовали единый целостный комплекс, определивший общее состояние общества, культуры и личности в СССР.

И в послесталинское время социальность вражды, поиски врагов и практики войны с ними никуда не делись. Правда, в творчестве шестидесятников и творцов последующих советских десятилетий эти парадигмы все чаще подвергались критическому осмыслению и им настойчиво противопоставлялись общечеловеческие морально-нравственные

критерии (официальная идеология презрительно называла их «абстрактным гуманизмом» и десятилетиями, начиная с ленинской речи на III съезде комсомола, подвергала остракизму). В недавней статье кинокритик Е. М. Стишова показала, как репрезентировалась матрица гражданской войны в кино шестидесятников и как лучшие советские кинорежиссеры оспаривали ее и показывали ее антигуманную сущность [Стишова, 2022]. Характерный пример ответной реакции Системы: выдающийся фильм А. Аскольдова «Комиссар» стал жертвой той же матрицы: он был запрещен, а карьера его автора оказалась навсегда погублена. Социальная ткань повседневности также продолжала включать в себя матрицу гражданской войны и ее влияние, пусть и не в предельных «сталинских» тоталитарных формах. Система не могла и не хотела мыслить социальный порядок иначе; порожденная социальностью вражды ментальность «черно-бело» регулировала любые коллизии, в нормальном обществе разрешаемые на основе моральных и правовых норм. Вектор был (на всех уровнях) один: защитить своих, уничтожив «врага». Помню «модельный» случай на моем родном философском факультете УрГУ. Молодой преподаватель обнаружил плагиат собственных текстов в публикациях своего научного руководителя. Его заявление об этом факте вначале замалчивалось и игнорировалось, а когда против плагиата выступили другие молодые философы, их заклеили как «нарушителей конвенции», сутяжников, неблагодарных бессовестных людей. И вскоре изгнали с факультета. Обращение защитников правды и справедливости в главную газету страны — «Правду» никакого результата не дало. «Своих не бросаем» — могли бы сказать защитники плагиатчика, знай они тогда язык наших дней. Обобщенный человеческий результат такой семидесятилетней системной практики советской социальности — практики элиминации ментальных и духовных основ человеческой социокультуры и расчеловечивания людей М. К. Мамардашвили бесстрашно и точно назвал «ан-

тропологической катастрофой» [Мамардашвили, 1992], и мне не раз приходилось выступать в поддержку и в развитие этого тяжелого вывода (см.: [Закс, 2017; Zaks, 2020]). Здесь же кратко о влиянии социальности вражды и гражданской войны на модернизацию.

Социальность вражды и модернизация

Во-первых, советская эпоха существенно сузила сам объем содержания этого ключевого явления XX века. В СССР исторически назревшая модернизация стала модернизацией преимущественно материального технико-технологического базиса цивилизации, тогда как трансформация социально-организующей подсистемы культуры никак не может считаться его модернизацией или только весьма частично может ею считаться. Что связано с пониманием сущности модернизации как *прогрессивного развития системы, ее свойств и структур*¹. Если первый период существования советской власти был временем действительно прогрессивного обновления социализирующей культуры — временем создания новых, с новыми функциями и по-новому организованных институций — по крайней мере в сферах экономики, промышленности, науки, образования, художественной культуры (чему во многом способствовала либеральная политика НЭПа с плюрализмом и высокой степенью индивидуальной свободы во всех этих сферах), то окончательное воцарение Сталина в качестве вождя партии и страны повернуло процесс трансформации социально-политической системы в сторону жесткой тотальной централизации,

¹ Здесь советская эпоха, всегда сама себя выделявшая и отделявшая от других этапов (эпох) российской истории, наследует печальную закономерность всей истории России: модернизация ее технико-технологического базиса почти никогда не дополнялась соразмерным ей прогрессом социализирующей подсистемы материальной культуры, прежде всего, социально-политических институтов — достаточно назвать многовековое сохранение системы государственного абсолютизма и крепостного права.

ликвидации любых проявлений демократии, плюрализма, элиминации всех гражданских прав и свобод, установления жестокой репрессивной диктатуры вождя и главных приводных ремней его всевластия — силовых органов. Такого рода трансформацию невозможно интерпретировать как модернизацию. Смягчение форм диктатуры после XX съезда КПСС не изменило репрессивной антидемократической сущности советской системы с теми чертами, о которых уже сказано выше.

Во-вторых, нужно говорить о влиянии названной подсистемы культуры на модернизацию продуктивных осваивающих отношений общества с миром, т.е., обобщенно говоря, всех сфер материального и духовного производства, их средств и способов, процессов и результатов.

Тут надо вернуться к началу разговора: к констатации советского двуединства модернизации (в ее, как уже ясно, «суженном»: «природопреобразующем» варианте) и «тоталитаризации». И важные вещи добавить к ней. А именно: 1. Сосуществуя совместно, они, каждая, обладают собственной имманентной логикой; 2. В силу разных, а на деле — противоположных логик, эти две стороны, два начала, тенденции и процесса в России конкурируют, борются, соперничают и — NB! — пытаются своей логикой подчинить логику-антипода, доминируя, определить собой эту вторую, сформировать ее для и «под» себя. И победа каждой из логик дает два принципиально разных социокультурных системных результата.

Нужна ли была модернизация природоосваивающей (технико-технологической) культуры тоталитарной системе, социальности вражды и войны? Несомненно! Она умножала необходимую для политического господства и победы над врагами *силу* системы, оснащала и укрепляла сакральный для нее *порядок*. Ловушка подчинения модернизации логике тоталитарной системы заключалась в том, что эта логика фактически утверждала и в пространстве модернизации ту же логику насилия, подозре-

ния, поиска врага и репрессий. Иногда прагматика заставляла проницательных вождей системы (таких, как Берия и Микоян) во имя интересов развития локально отменить автоматизм безудержного насилия как универсального средства управления. Но ненадолго. Не случайно главной институциональной формой модернизационного творчества в науке, технике, производстве стали закрытые секретные организации («ящики», целые закрытые от внешнего мира города), а ее «идеалом» — «шарашки», где решали сложнейшие технические и производственные проблемы бесправные заключенные. К тому же репрессии рождались не только изнутри — как имманентная «шарашке» форма управления, но в не меньшей степени — извне, как часть общерепрессивной политики системы (так, разгар строительства Уралмаша пришелся на разгар массовых репрессий по всей стране, жертвами которых «на общих основаниях» становились и строители и работники УЗТМ, в том числе талантливые инженеры).

Конечно, если бы в процессе советской индустриализации (и коллективизации) побеждала собственная логика самой модернизации с ее целями и средствами (количественный и качественный прогресс, достигаемый посредством создания условий и стимулов для свободного труда и творчества заинтересованных масс, для их неформальных инициативы и соревнования), она, во-первых, предполагала бы и должна была бы создать совсем иную социальность, иную социокультуру. А, во-вторых, и результаты (конкретные и общие) были бы, несомненно, иные. Сила и порядок — в одном случае, творческая инициатива и множественные инновации — в другом. Неизменность — и постоянная динамика; унификация — и плюрализм, разнообразие, поливариантность способов и результатов. Обобщенно-категориально говоря, модернизация советского типа обслуживала функционирование и самосохранение системы, модернизация «не случившегося» у нас демократического типа рабо-

тала (бы) на повышение степеней сложности и свободы социокультурной системы, т.е. на ее развитие. Показательны, наряду с названными объективными векторами, мировоззренческий и практический «потолки» двух типов модернизации. Там, где основанная на демократии и правах человека цивилизация, освоив индустриализацию и ее плоды в разных сферах, вступила в новый впечатляющий этап развития: *постиндустриальный*, чьими спутниками, компонентами и ресурсами в науке и технике стали появление и развитие кибернетики, теории информации, автоматизации и компьютеризации, генетики и космонавтики, в СССР, при наличии пионерских работ в этих областях раньше западных или одновременно с ними, при достигнутых (благодаря оборонному их значению) прорывах в ядерной отрасли и ракетной технике, победили (и в сталинское, и в брежневское время) силы «консервации»: недоверия к науке, торможения и застоя во всех сферах, что привело нас к отставанию «навсегда» не только в «генетике и кибернетике», но и в информатизации и компьютеризации, роботизации и космонавтике, био- и нанотехнологиях, а также и в социогуманитарных науках (социологии, социокультурной антропологии, нейро- и когнитивных науках). Это, повторю, о «потолках», т.е. вершинах. Но ведь та же картина и применительно к «полу» = базовым потребностям. Развитые демократические страны условного Запада, куда сегодня входят и Израиль, и азиатские постиндустриальные страны (Япония, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, а в последние годы и Индия, ОАЭ, Иордания), решили продовольственную проблему, а также обеспечили высокий жизненный уровень, социальное обеспечение и защиту своих граждан. А провозглашавшая лозунг «Всё во имя человека, всё для блага человека!» Страна Советов думала о повседневных потребностях советских людей в последнюю очередь, стала страной постоянного продовольственного и товарного дефицита, «равенства

в бедности», неразвитости всей «социальной» сферы (шок редких советских людей, побывавших на Западе, от уровня жизни и заботы о человеке, хорошо известен). Ленин выделял в качестве важнейшего показателя в соревновании социально-экономических систем производительность труда. СССР проиграл развитым демократиям не только по этому показателю, но и по качеству продукции, по ее разнообразию, по уровню жизни трудящихся, по способности удовлетворения «растущих» (советский термин!) потребностей людей в товарах и услугах.

И основная причина, в конечном счете, хорошо известна: противоречие общества без собственности и свободы его граждан материальной и духовной природе человека, что привело к утрате мотивации к количеству и качеству труда у многомиллионных масс, к их гражданской индифферентности, социальной апатии и нигилизму, к росту потребности в государственном патернализме и к трудовой детренированности, что в полной мере проявилось при переходе к капитализму и в особенностях нашего «постсоветского» капитализма.

Противоречие модернизации и тоталитаризма, включая социальность вражды и гражданской войны, в рамках советской цивилизации, таким образом, увенчалось победой второго, что закономерно привело вначале к эпохе стагнации и деградации советской цивилизации, а затем к ее краху и концу. И если Российская империя в начале XX века ускоренными темпами ворвалась в число самых развитых стран мира и наращивала темпы развития, то Советский Союз в конце этого века проиграл холодную войну и социально-экономическое соревнование с развитыми капстранами, отстал по основным направлениям мирового развития и вышел из числа самых развитых государств.

Литература

- Поршневу, 1971 — *Поршневу В. Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. Москва: Издательство «Наука», 1971. С. 7–35.
- Бердяев, 1939 — *Бердяев Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики // URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Berdyaev-NA/o-rabstve-i-svobode-cheloveka-1939.html> (дата обращения: 10.08.2022)
- Гудков, 2004 — *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. Москва: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.
- Образ врага, 2005 — *Образ врага.* Москва: ОГИ, 2005.
- Ахиезер, 2008 — *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. Изд. 3-е доп. Москва: Новый хронограф, 2008.
- Лотман, 1992 — *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. Москва: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992.
- Стишова, 2022 — *Стишова Е.* Разрыв шаблона. Тема для исследования // Искусство кино. 2022. № 1–2.
- Мамардашвили, 1992 — *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. Москва: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1992.
- Закс, 2017 — *Закс Л. А.* Антропологические последствия советской власти // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг.: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 11–12 апреля 2017 г.: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 63–84.
- Закс, 2022 — *Закс Л. А.* Мифология forever. Универсальное/вечное и конкретно-историческое в мифоло-

гизме искусства соцреализма // Искусство Евразии. № 1 (24) 2022. С. 166–181.

- Zaks, 2020 — *Zaks, L. A.* The Power of the Past. Socio-Cultural Foundations of Retromania in Russia at the Turn of the Twentieth and the Twenty-First Centuries // Convention 2019 «Modernization and Multiple Modernities» 20–23 May 2019, Yekaterinburg, Russia, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University, KnE Social Sciences, 2020. P. 169–179.

References

- *Porshnev B. F.* Kontrsuggestiya i istoriya (Elementarnoe social'no-psihologicheskoe yavlenie i ego transformaciya v razvitii chelovechestva) [Countersuggestion and History (An elementary socio-psychological phenomenon and its transformation in the development of mankind)] // Istoriya i psihologiya [History and psychology]. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1971. P. 7–35.
- *Berdyaev N. A.* O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy metafiziki [Slavery and freedom. Experience of personalistic metaphysics] // URL: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Berdyaev-NA/o-rabstve-i-svobode-cheloveka-1939.html> (accessed on 10.08.2022).
- *Gudkov L.* Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov [Negative identity. Articles 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM-A», 2004.
- *Obraz vraga* [An image of an enemy]. Moscow: OGI, 2005.
- *Ahiezer A. S.* Russia: kritika istoricheskogo opyta. (Sociokul'turnaya dinamika Rossii). Ot proshlogo k budushchemu. Izd. 3-e dop [Russia: criticism of historical experience. (Sociocultural dynamics of Russia). From past to future. Ed. 3rd add.]. Moscow: Novyj hronograf, 2008.
- *Lotman J. M.* Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis; Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1992.

- *Stishova E.* Razryv shablona. Tema dlya issledovaniya [Template break. Topic for research] // *Iskusstvo kino*. 2022. № 1–2.
- *Mamardashvili M. K.* Kak ya ponimayu filosofiyu. 2-e izd., izm. i dop. [How I understand philosophy. 2nd ed., rev. and additional]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress»; «Kul'tura», 1992.
- *Zaks L. A.* Antropologicheskie posledstviya sovetsoj vlasti [Anthropological consequences of Soviet power] // *Rossiya mezhdru modernizaciej i arhaizaciej: 1917–2017 gg.: materialy HKH Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Gumanitarnogo universiteta*, 11–12 aprelya 2017 goda: doklady / redkol.: L. A. Zaks i dr.: v 2 t. T. 1 [Russia Between Modernization and Archaization: 1917–2017: materials of the XX All-Russian Scientific and Practical Conference of the Humanitarian University, April 11–12, 2017: reports / editorial board.: L. A. Zaks and others: in 2 vols. T. 1.]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. P. 63–84.
- *Zaks L. A.* Mifologiya forever. Universal'noe/vechnoe i konkretno-istoricheskoe v mifologizme iskusstva so realizma [Mythology forever. The universal/eternal and specifically historical in the mythologist of the art of social realism] // *Iskusstvo Evrazii [Eurasian art]*. № 1 (24) 2022. P. 166–181.
- *Zaks, L. A.* The Power of the Past. Socio-Cultural Foundations of Retromania in Russia at the Turn of the Twentieth and the Twenty-First Centuries // *Convention 2019 «Modernization and Multiple Modernities» 20–23 May 2019, Yekaterinburg, Russia, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University, KnE Social Sciences*, 2020. P. 169–179.

Zaks L. A.

THE SOVIET UNION AS A CIVILISATION BASED ON UNITY AND OPPOSITION OF MODERNISATION AND SOCIAL HOSTILITY

Zaks Lev Abramovich, doctor of sciences in philosophy, rector of ANO VO “Humanitarian University,” Professor of the Department of the History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin. 620149, Russia, Yekaterinburg, Student st., 19, of. 404. E-mail: rector@guniver.ru

Abstract. The article discusses two key paradigms of Soviet civilization: modernization and social enmity (civil war). Their unity and contradiction is a fundamental feature of Soviet civilization. It emphasizes the objective need for modernization and its awareness, both predetermining the domination of modernization in the policy of the Soviet government in its first period and its support by the masses. However, soon the process of totalitarianization of the socio-cultural system came to the fore in the USSR, the core of which was the birth of a special type of sociality: the sociality of enmity and war (antagonism). The foundations of such a sociocultural paradigm are characterized in the article: political (totalitarian dictatorship of the state-party, universality of violence), economic (dominance of state property, alienation from the property of citizens and their associations), ideological (the concept of irremovable external and internal social antagonisms, the image-concept of the enemy, ideological intolerance) and socio-psychological (radically interpreted opposition we/they, where “they” are always labeled negatively and incompatible with “we,” so atmosphere of enmity, intolerance, aggression and war, schematism of emotions and thinking is cultivated). The universal nature of the sociality of hostility and war, covering all spheres of socioculture, is shown, which persists even in the conditions of the relative “liberalization” of the political regime in the post-Stalin period. An anthropological catastrophe (*M. Mamardashvili*) and the elimination of the necessary objective and subjective conditions for successful modernization became the most important consequences of the domination of the sociality of

hostility and war and the elimination of freedom and subjectness of citizens under totalitarianism. The logic of totalitarianism defeated the logic of modernization, which determined the stoppage of the development of the USSR, its lagging behind world progress, and then the collapse, the fall of Soviet civilization.

Keywords: *Soviet civilization, paradigms of modernization and sociality of enmity (civil war), totalitarianism, violence, image of the enemy, property, freedom, subjectivity of citizens and their alienation, anthropological catastrophe, the impact of the sociality of enmity on modernization.*

Шевченко В. Н.

СССР КАК «ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ»

Шевченко Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: vladshevchenko@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается исторический путь, пройденный Советским Союзом в качестве осажденной крепости. Дается объяснение этого феномена через обращение к проблематике особого пути России. Рассматриваются доводы противников «особого пути» России, которые настаивают на всеобщем характере процесса модернизации как трансформации традиционного общества в современное, т.е. в либерально-демократическое общество (проект Модерн). Странники национального, самостоятельного, особого пути указывают на асимметричный характер отношений России с Западом, который в реальной жизни придавало развитию России зависимый и отсталый ха-

рактически. Первым конкретно-историческим видом «осажденной крепости» явилась императорская Россия николаевской эпохи. Центральное место в статье занимает рассмотрение СССР как второго конкретно-исторического типа «осажденной крепости». Показаны как достижения, так и неудачи страны на этом пути, делается попытка объяснения распада СССР и гибели социалистического строя в стране. Эпоха современности, отмечается далее, связанная с реализацией проекта Модерна как универсального проекта для всего мира, закончилась, началась новая эпоха, эпоха новой современности. Поэтому в статье высказано сомнение в отношении к возможности нового конкретно-исторического вида России как «осажденной крепости» XXI века. Особо подчеркивается, что страна приступила к выбору политического вектора движения по своему собственному, особому пути развития на длительную историческую перспективу. Одним словом, Россия возвращается к себе. В этом отношении исторический опыт становления советского социализма в его конкретно-историческом виде — в виде «осажденной крепости» — его достижений и ошибок, а главное, причин распада в 90-е гг. XX века представляет особый интерес.

Ключевые слова: *осажденная крепость, особый путь, проект модерн, Россия николаевской эпохи и СССР как виды осажденной крепости, социализм, становление много-цивилизационного мира.*

Осажденная крепость как феномен и как понятие

Феномен осажденной крепости в его различных ипостасях весьма широко представлен в современной публицистике [Школьников, 2022] и особенно в социальных сетях. В литературе по истории словосочетание «осажденная крепость» является общепринятым. «Осажденная крепость» применительно к отдельному государству используется как метафора. В этом случае речь идет о переносе названия с одного предмета — оборонительного сооружения, обнесенной крепостной стеной территории, на другой предмет — на отдельное государство — на ос-

новании сходства их положения, когда они подвергаются осаде с целью принуждения их к уступкам самого разного характера вплоть до полной и безоговорочной капитуляции. Данное словосочетание оказалось настолько удачным, что претендует на статус понятия, поскольку широко используется в исторических и социальных науках.

Однако этот перенос потребовал серьезного научного переосмысления, который и сегодня далек от законченного решения. Если применительно к самой средневековой крепости осада, прежде всего, носит военный характер, то отношение к государству как к «осажденной крепости» в целом негативное на самых разных уровнях российского общественного сознания. Считается, что такое государство есть неизбежное следствие существования в стране авторитарного, недемократического режима с необходимостью принуждения населения к признанию авторитарной власти легитимной и единственно возможной. Мне представляются такого рода суждения достаточно поверхностными, которые скорее зависят от личной позиции автора, чем от глубины проработки этой весьма непростой в теоретическом и философско-историческом отношениях проблематики.

Принимая во внимание многоаспектность феномена «осажденной» крепости, в настоящей статье мы ограничимся рассмотрением проблемы в одном, но чрезвычайно важном для нас ракурсе: осажденная крепость как определенное состояние российского государства в условиях взаимодействия с западным капитализмом. Конкретно-исторических видов «осажденной крепости» можно выделить, по крайней мере, три: первый конкретно-исторический вид осажденной крепости — Россия в николаевскую эпоху; второй ее вид — СССР; и, наконец, третий вид, несомненно сегодня проблемный: станет ли современное российское государство еще одним вариантом «осажденной крепости» но уже XXI в.?»

Осажденная крепость и вопрос об особом пути России

Понятие осажденной крепости появляется при обсуждении вопроса об особом пути развития России. Известную сложность вызывает анализ причин, порождающих этот особый путь и его характерные черты, накладывающие отпечаток на цивилизационный облик российского общества. Разумеется, дело здесь не в том, что Россия пытается с переменным успехом развиваться в течение многих столетий по своему собственному пути. В определенном смысле у каждой страны свой собственный путь. Речь идет о другом.

Дискуссии между сторонниками самостоятельного, национального, особого пути развития России и противниками такого «особого пути» в последнее время становились все более острыми, они имеют большую многовековую историю, но приобретают современную форму примерно с 30-х-40-х гг. XIX века, когда у капитализма появляется в результате промышленной революции адекватная ему индустриальная основа. Примечательная особенность дискуссий состоит в том, что само это понятие «особый путь» в кавычках обычно служит маркером, по которому почти безошибочно можно определить позицию авторов, отвергающих идею национального, самостоятельного пути развития страны. Сторонники последнего обычно пользуются понятием особый путь наряду с близкими ему по смыслу понятиями национальный или собственный путь. Но здесь нужны пояснения. К сожалению, предложить читателю обзор дискуссий в современной литературе по теме особый путь России не представляется никакой возможности [см. Кофырин, 2018]. Ограничусь несколькими замечаниями.

В постсоветской России одним из первых критику «особого пути» дал Е. Т. Гайдар в своей книге «Государство и эволюция», вторая глава которой так и называется «Особый путь догоняющей цивилизации» [Гайдар, 1995,

с. 52–53]. Это также работы В. Л. Иноземцева, Э. А. Паина, Д. Я. Травина, Л. Ф. Шевцовой, ряд объемистых сборников.

Основной круг вопросов, обсуждаемых с начала 90-х гг. в рамках критики «особого пути», если говорить кратко, существенно не изменился. По-прежнему критика «особого пути» неразрывно связана с проблемой модернизации. Существует один магистральный путь исторического развития общества — это модернизация, как переход от традиционного общества к современному либеральному обществу, обществу Модерн. В недавно изданной работе «Особый путь» России. От Достоевского до Кончаловского» известный и весьма активный противник «особого пути», посвятивший этому вопросу много публикаций, Д. Я. Травин, утверждает, что «модернизация это в первую очередь формирование рынка и демократии» [Травин, 2018, с 93]. Протекание конкретного хода модернизации зависит от особенностей исторического развития. В одних случаях они благоприятствуют ходу модернизации, а в других его осложняют. Но не более того.

Что касается «особого пути», то анализ его теорий показывает, «что, несмотря на всю популярность подобного подхода, за ним не стоит серьезных фактов. Особый путь — это лишь пессимистический конструкт нашего сознания, рождающийся в кризисные моменты развития» [Травин, 2018, с. 10]. Другими словами, это миф, связанный в основном с проблемой фрустрации. Русская фрустрация — так называется заключение в указанной выше книге. Дело, конечно, не в фрустрации и даже не столько в том, что острый кризис развития порождает фрустрацию, т.е. ситуацию, когда особо сильные желания не соответствуют имеющимся возможностям. Дело совсем в другом — в концептуальном видении этой проблемы в ее историческом ракурсе.

В недавно изданном сборнике «Особый путь: от идеологии к методу» предпринимается еще одна попытка развеять иллюзию об «особом пути» развития России, иллюзию, которая традиционно считается, как пишут авторы, одной из самых «коренных» черт отечественного исторического самосознания. «Концепция «особого пути», ставшая сегодня практически государственной идеологией, — отмечается в сборнике, — пользуется широкой общественной поддержкой. Неудача попытки стать «нормальной страной» привела к новому расцвету идеи возврата к национальным, религиозным и нравственным ценностям» [Зорин, 2019, с. 51]. Конечно, сложности исторического развития могут порождать мифологему «особого пути», говорится в сборнике. Германия переболела этой идеей, и теперь она нормальная страна, т.е. страна высокоразвитого капитализма. А вот Россия, оказывается, все никак не может переболеть этой болезнью. Сегодня она вновь больна, как и все двести лет, если не больше. Страна все время ищет свой «особый путь», это и является главной причиной ее нахождения в постоянно переходном состоянии.

Сторонники концепции догоняющей модернизации объясняют неудачи модернизации политическими ошибками власти, средневековой неподвижностью политического строя и общества в целом, отсталостью народа, его неготовностью к реформам. Но если поместить российское государство в контекст всемирной истории, тогда общая картина успехов и поражений приобретает несколько иной вид. Прежде всего, нельзя упускать из вида, что сравниваемые страны находятся на разных уровнях социально-экономического, более того, формационного развития. Догнать — это, прежде всего, совершить буржуазную революцию, аналогичную тем, какие имели место в западноевропейских странах, хотя пределы аналогии сами по себе — это сложнейшая проблема. Поэтому важно акцентировать внимание на первом условии

реализации догоняющей модернизации — на проблеме радикальных в своей основе революционных перемен. Общество Модерн, проект Модерн, есть социально-исторический процесс становления буржуазного, либерально-демократического общества, который продолжался на протяжении ряда столетий и который так и остался незавершенным проектом, утопией.

Ответ на вопрос, по каким причинам в российском обществе складываются объективные предпосылки для поисков национального, самостоятельного, особого пути развития и соответственно для появления в социальной теории концепта «осажденная крепость» может дать лишь рассмотрение взаимодействия внешних и внутренних факторов. При таком подходе особый путь есть следствие радикальной смены вектора российской политики в отношениях с Западом.

Когда на Западе начинается ускоренное развитие капитализма, России приходится все больше специализироваться на вывозе природного сырья, иногда первично обработанного, сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, зерна. Для Англии и других европейских стран первого, спонтанного, пути капиталистического развития, такой характер торговли становится важным условием развития мануфактурного, а затем и промышленного капитализма, страны в целом. Указанное разделение труда ведет сначала к отставанию России, а затем к появлению и углублению зависимости, которая начинает носить неустранимый характер. Россия не виновата в том, что к середине XVII века центр экономического развития на континенте смещается в западную Европу, и она оказывается на окраине формирующейся европейской (западной) капиталистической мир-экономики, агрессивно стремящейся к тому, чтобы стать всемирной и единственной капиталистической мир-системой.

На каждом историческом этапе в первую очередь англосаксонский Запад в условиях непрекращающейся

борьбы за свое доминирование в мире выдвигает все новые конкретные угрозы и вызовы при проведении агрессивной, нередко откровенно русофобской политики в отношении России. Море против суши, англосаксы против континентальных государств, и эта борьба англосаксов за мировое господство составляет главный смысл проводимой ими геополитики. Отечественная геополитика есть ответ на все эти попытки так или иначе колонизировать Россию. Отсюда непрерывный процесс циклического развития — сближения или отдаления России от Запада, насколько это возможно в конкретно-исторических условиях. Удаление от Запада и от навязываемой им модели развития — проекта Модерн вызывает у Запада мощную агрессивную реакцию и потому порождает у России состояние осажденной крепости, власти которой вынуждены добиваться высокого уровня единения общества перед лицом многообразных и постоянно растущих угроз, идущих извне.

Первый конкретно-исторический вид осажденной крепости — Россия в николаевскую эпоху

Проблема национального пути, которая осознается, прежде всего, правящей элитой, императором как первым лицом государства именно как политическая проблема, возникает только в условиях стремительного развития европейского капитализма с конца XVIII века. Впервые в развернутом виде проблема поиска национального пути приобретает практический характер с приходом к власти Николая I.

Российскую империю как форму организации власти отличают, по крайней мере, следующие черты,носящие характер онтологических констант государства: самодержавие, сакральность высшей власти, жесткая централизация властно-управленческой, бюрократиче-

ской вертикали, доминирование в обществе отношений непосредственного личного господства и подчинения, сращенность власти и собственности, многоэтнический характер населения империи, наличие доминирующей русской культуры [Шевченко, 2019]. Догоняющее развитие в собственном смысле слова нужно рассматривать как модернизационную самотрансформацию всей этой структуры России как периферийной империи. Вопрос, однако, в том, какую пользу или вред обществу, стране в целом несет она в той конкретно-исторической ситуации, в какой оказывается Российская империя.

Эпоха Николая I представлена в основной массе литературы в искаженном виде [Николай I, 2013]. «Доброе имя Николая I несправедливо оклеветано силами, выступающими против «исторической России» [Тарасов, 2016], и это далеко не случайно. Трактовки многих событий в отечественной истории пришли к нам с Запада. Значимость этой эпохи в истории страны наглядно продемонстрировал известный историк А. Н. Янов, покинувший Советский Союз в 70-е гг. и написавший обширное трехтомное исследование «Россия и Европа», в котором он показал себя убежденным сторонником европейского пути России. Он особо подчеркивал огромное негативное воздействие николаевской эпохи на последующее развитие страны. Николаевской эпохе (30 лет) он посвятил целый том [Янов, 2010]. Он считает эти годы судьбоносными для России.

Отношения между капитализирующейся Западной Европой и Россией носят циклический характер на протяжении последних четырех-пяти столетий. В конце каждого цикла вектор российской политики претерпевает радикальное изменение с проевропейского на противоевропейский или точнее на пророссийский. В итоге получается следующая картина российской истории. Первым на путь реализации национального пути попытался встать Николай I, затем имел место антилибе-

ральный курс Александра III. С конца 20-х гг. XX в. при И. Сталине началась реализация концепции «строительства социализма в одной стране» в условиях капиталистического окружения. Сегодня многие действия и планы В. В. Путина можно интерпретировать как стремление проложить для России тот самый особый путь по идее обгоняющего развития с учетом кардинальных перемен, происходящих в мире. Выбор догоняющего пути развития связан с такими именами, как Александр I, Александр II, Николай II и М. С. Горбачев. Однако пределы действия как того, так и другого пути развития обуславливались их социальной эффективностью и конкурентоспособностью на исторической арене а, в конечном счете, и сохранением целостности Российского государства.

Поскольку имеет место дистанцирование страны от Запада, от стран первого эшелона развития — Центра капиталистической мир-системы, то при анализе альтернативного пути развития возникает реальный вопрос, возможно ли ускоренное и, по идее, обгоняющее развитие государства и общества в целях преодоления отставания и зависимости в условиях создаваемой для этого государством в той или иной мере своего состояния как «осажденной крепости». Идея самостоятельного национального пути России (особого пути) формировалась как ответ на вызовы западного капитализма в условиях формирования у него индустриальной, машинной основы.

Выбор, сделанный Николаем I, был продиктован растущим англосаксонским давлением, очевидной зависимостью и отсталостью, необходимостью ускорения развития страны на основе использования внутренних источников развития. Николай I отказывается менять имперскую форму организации власти и общества в направлении создания конституционной монархии. А напротив, стремится найти свой особый путь движения самодержавной империи по пути прогресса, опираясь на существующую до-буржуазную форму организации российской власти

и общества. Вряд ли Николай I ясно и отчетливо полагал, что речь идет об иной конкретно-исторической форме капитализма, альтернативной западному англо-французскому капитализму. Тем не менее, несколько упрощая ситуацию, государственная, иначе говоря, императорская власть сознательно создает современные по тому времени капиталистические предприятия в самых ключевых областях производства. Политика протекционизма энергично проводится в жизнь для защиты пока еще слабых предприятий, не могущих в открытую конкурировать с английскими товарами.

Политику Николая I можно охарактеризовать как первую попытку создания в до-буржуазном, традиционном, обществе альтернативы западному пути промышленного развития, объективно допускающей в то время появление только ранних форм государственно-бюрократического по своей природе капитализма. Совершенный им поворот сопровождался не просто выдвиганием идеи национального самоуважения, но и моральным отторжением либеральных основ Запада. Это вызывает до сих пор не просто критику деятельности императора, но и попытки тотальной негативной оценки этого периода русской истории.

Неравноправные отношения с Англией как главным торговым партнером России весьма негативно влияли на промышленное развитие страны. В первые десятилетия XIX века в общественном мнении России нашли отражение бесконечные споры между сторонниками протекционизма и свободы торговли. Были весьма популярны идеи Адама Смита, который заложил основы экономического либерализма и свободной конкуренции, невмешательства государства в экономические процессы.

За протекционизм выступали российские промышленники. Свободный ввоз товаров из Англии, которая с конца XVIII века становится главным торговым партнером России, весьма негативно влиял на промышленное развитие страны. Положительные последствия снятия континен-

тальной блокады Англии сошли на нет после принятия нового таможенного тарифа Александром I в 1819 году, многие фабрики понесли большие убытки, были разорены. Напротив, за свободу торговли выступали помещики. И в основе правительственной политики Александра I лежала озабоченность сбытом сельскохозяйственной продукции.

При Николае I промышленность вновь стала расти быстрыми темпами. Николай I поддерживал протекционистские меры против захвата внутреннего рынка английскими товарами. Разумеется, одного этого шага было достаточно для того, чтобы представить императора и всю Россию в европейском общественном мнении в совершенно непривлекательном свете. В течение всех сороковых годов Англия регулярно ставит вопрос о пересмотре таможенного тарифа. Крымская война — это была, можно сказать, нулевая мировая война, когда Англия и Франция позвали на помощь в борьбе с Россией всю Европу. А когда в 1856 г. Александр II отменил николаевский таможенный тариф, английская пресса рассыпалась в комплиментах ему.

Главная причина борьбы Запада, в первую очередь, англосаксов, с Россией на политическом уровне состояла и по-прежнему состоит в том, чтобы не допустить возникновения такого центра силы на континенте, который будет угрожать его экономическому могуществу и стремиться к независимому, суверенному существованию на мировой арене.

Обычно принято говорить об антилиберальной эпохе Николая I как об эпохе угрюмой и безжалостной бюрократии, существования жесткой цензуры, ограничений для русских в поездках за границу и в установлении контактов с Западом. Все это было представлено в оппозиционной мысли как строительство «осажденной крепости». Защита государственной безопасности здесь не ограничивается лишь таможенными тарифами, можно говорить

и о суровых мерах по подавлению политической жизни в стране. Об этом забывать нельзя. Но Николай I не был реакционером, каким его часто изображают, он был консерватором, не чуждым идее эволюционного прогресса, способным к умеренным реформам сверху.

С другой стороны, именно в период правления Николая I, в 30–40-е гг. складывается в обществе в полной мере национальное самосознание и национальное самоуважение, национальная русская литература, получившая мировое признание. Были достигнуты огромные успехи не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, музыке, театре, публицистике. Именно они становятся выразителями общественных идеалов, вопросов становления личности, критиками рождающейся буржуазной морали. Есть несомненная связь между политикой «удаления» России от Западной Европы, противостояния западной критике российского общества, его исторических традиций и достижениями в сфере культуры на национально-ориентированном, особом пути развития.

Пророссийский вектор мог дать другое, но тоже перспективное направление развития страны, если бы линия Николая I была продолжена в дальнейшем. Пожалуй, это был тот самый момент, когда Россия могла стать центром иного, но тоже капиталистического развития. Но это была бы другая модель — модель государственного капитализма, в которой целенаправленное строительство капиталистической экономики ставится на службу государству, способствует достижению им своих национальных задач, что впоследствии продемонстрировала Германия Бисмарка. Если в этой Германии был реализован альтернативный вариант развития по капиталистическому пути в результате революции «сверху», то в России самые первые и скромные попытки его реализации в эпоху Николая I потерпели неудачу.

Второй конкретно-исторический облик осажденной крепости

Второй конкретно-исторический облик осажденной крепости связан с возникновением Советского Союза и построением советского социализма. Особый путь — это альтернатива западному пути развития теперь уже на социалистическом пути, и движение по нему могло идти только в формате «осажденной крепости».

В 20-е гг. прошлого столетия в отечественной литературе постепенно становится актуальным рассмотрение СССР как «осажденной крепости». Это центральная идея в формирующейся тогда геополитической доктрине Советского Союза. С этого времени он будет стремиться к достижению статуса великой державы и вместе с тем начинает нести на себе зримые черты «осажденной крепости». Сталин как руководитель много раз говорил об этой проблеме, не один раз предупреждал, что «неприступные крепости легче всего берутся изнутри благодаря преступной деятельности врагов, имеющих целью открыть ворота крепости иноземному врагу». «Мы живем не на острове. Мы живем в капиталистическом окружении. То обстоятельство, что мы строим социализм и революционизируем тем самым рабочих капиталистических стран, — не может не вызывать ненависть и вражду со стороны всего капиталистического мира. Думать, что капиталистический мир может равнодушно смотреть на наши успехи на хозяйственном фронте, успехи, революционизирующие рабочий класс всего мира, — это значит впасть в иллюзию. Поэтому, пока мы остаемся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере, в ряде стран, мы не можем считать свою победу окончательной» [Сталин, 1953, с. 262–263].

Здесь мы подходим к центральному вопросу. Осажденная крепость — это свидетельство непримиримости национальных интересов двух государств, которые тем не менее вынуждены взаимодействовать между собой, при

этом одно из них — осаждающее — является гораздо более сильным, чем осаждаемое государство. Осаждающее государство, обладая более мощными ресурсами, способно реально воздействовать на состояние более слабого государства, влиять на параметры процесса его развития, пытаться затормозить или направить на ложный путь. Но если более слабое государство не может создать достаточно эффективные механизмы контроля над действием внешних факторов, сдерживать агрессию, то ситуация в его обществе приводит в обозримом будущем к невозможности противостоять разрушению и деградации отдельных сторон и процессов общественной жизни, к нарастанию системных противоречий и к вполне возможной и неизбежной общенациональной катастрофе. Эти самые общие соображения можно рассматривать как общеметодологическую позицию для понимания исторической судьбы любого вида «осажденной крепости», в том числе и реального взаимодействия России — СССР — Российской Федерации с Западом, которое конечно же носит гораздо более сложный и многоаспектный характер.

Россия попадает под постоянное агрессивное воздействие становящейся западной цивилизации примерно с XVI века [Шевченко, 2022]. Никакие разоблачения не изменяют той ее установки, что в отношении России цель остается предельно ясной — не допустить такого уровня экономического развития и военного могущества Российской империи, затем СССР, а теперь Российской Федерации, который стал бы реальной угрозой для достижения ею своих стратегических целей монопольного доминирования над всем остальным миром.

Опишем теперь ситуацию, как она складывалась в 20-е гг., и отметим те факторы, которые начинают активно работать на теоретическое и практическое формирование «осажденной крепости».

Советский Союз вел активную пропаганду идей революционного социализма и оказывал через различные органи-

зации и учреждения всяческое содействие революционным движениям. Временная стабилизация капиталистического мира к середине 20-х гг., равновесие между двумя мирами, между страной Советов и миром капитализма подошло к концу, пишет Сталин в заметках на современные темы в июле 1927 г.: «Основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны... войны против СССР — в особенности» [Сталин, 1948, с. 322]. И по этой причине начинает меняться отношение западных стран к Советскому Союзу, прежде всего, со стороны Британии. Джозеф Остин Чемберлен, министр иностранных дел Британии в 1924—1929 гг., активный сторонник разрыва дипотношений с СССР в 1927 г. и настроенный крайне враждебно к СССР, потребовал от него прекратить антибританскую пропаганду и поддержку китайских коммунистов и выступил инициатором попыток организовать новую военную интервенцию против СССР.

В Обращении ЦК ВКП(б) от 1 июня 1927 г. «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам» говорилось об угрозе империалистического вторжения. Некоторые авторы пишут о том, что угроза войны была преувеличена, поэтому объективное воздействие событий 1927 г. на последующее развитие страны ими преуменьшается и на первое место выдвигаются факторы субъективного характера, связанные со стремлением Сталина к единоличной власти. Можно достаточно обоснованно утверждать, что никакого однозначного хода событий и процессов в этом направлении не было. Тем более интересен конкретный ход советской истории, ведущий к великому перелому 1929 г.

Для объективной оценки возможности военного столкновения и вытекающих отсюда выводов мы должны принять во внимание всю совокупность действовавших в тот момент факторов. Выделим главные из них.

1. Военный фактор. Анализ соотношения совокупного потенциала вооруженных сил РККА и возможных про-

тивников показывал, что Красная Армия была заведомо слабее по всем видам вооружения — по танкам, самолетам, количеству боеприпасов, общей численности воинских подразделений.

Строительство «Линии Сталина» — система узловых оборонительных сооружений на границе СССР (до 1939 г.), состоявшая из укрепрайонов (УР) от Карельского перешейка до берегов Чёрного моря, — было начато в 1928 г. после объявления военной угрозы в 1927 г.

Большое влияние на оценку советским руководством военной угрозы оказала позиция Польши в отношении СССР. Переворот Пилсудского в мае 1926 г. и объявление курса на восстановление Речи Посполитая в границах 1772 г., обозначали реальную возможность территориальных претензий к СССР, усиление влияния Великобритании на внешнюю политику Польши. Предвоенная Польша становится бастионом антисоветизма, главным звеном созданного Западом «санитарного кордона» вокруг СССР. В геополитической концепции СССР отношение к Польше всегда занимало особое место. Были совершены многочисленные акты терроризма на территории Советского Союза, а также убийство 7 июня 1927 г. полпреда СССР в Польше П. Войкова. Ответом явился расстрел 20 представителей знати бывшей Российской империи и многочисленные аресты. Военная угроза 1927 г. нашла отражение и в литературе.

В. В. Маяковский опубликовал в октябре 1927 г. стихотворение «Англичанка мутит». Стихотворение заканчивается следующими строчками:

На всех маневрах
в марширующих ротах
слышу
один и тот же мотив:
«Англичанка,
легче на поворотах!» [Маяковский, 1958, с. 202].

В романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова на собрании членов общества «Меча и орала» в провинциальном городе Старгород заговорили о войне. «Война — дело решенное... Как же большевики будут воевать? Чем? Чем они будут воевать? Старыми винтовками? А воздушный флот? Мне один видный коммунист говорил, что у них — ну, как вы думаете, сколько аэропланов? Штук двести! Двести? Не двести, а тридцать два! А у Франции восемьдесят тысяч боевых самолетов [Ильф, Петров, 2010, с. 194].

2. Опасность новой военной интервенции ставит со всей остротой вопрос об ускоренной индустриализации. Экономическая ситуация в стране была весьма сложной. Заготовительный кризис 1927 г. был первым серьезным выступлением в условиях нэпа капиталистических элементов деревни против Советской власти. В общественном мнении побеждает идея создания самодостаточной или, другими словами, интенсивной экономики. В отличие от морских держав, в которых формируется экстенсивная экономика, связанная с колониальной эксплуатацией, поисками внешних рынков, навязыванием другим странам модели догоняющего развития, ведущей к сохранению постоянной их зависимости и экономической отсталости.

Основная задача НЭПа — установление смычки между строительством новой, социалистической экономики и единоличным крестьянским хозяйством. Если окажется правильным отступление, — говорил В.И. Ленин в 1922 г., — то мы сможем «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами» [Ленин, 1970, с. 78]. Но история не предоставила стране таких возможностей медленно и всем вместе двигаться и с точки зрения мировой обстановки, и с точки зрения угрозы термидора, термидориан-

ского переворота — перерождения власти под напором успехов капиталистического уклада в экономике, громадного роста класса мелкой буржуазии, его стремления добиваться политической власти. Тогда стране реально бы угрожало возвращение на путь зависимого и отсталого капитализма в условиях глубокого спада революционной активности в странах Западной Европы и растущей их агрессивности в отношении Советского Союза.

На смену медленному продвижению вперед приходит мобилизационный тип развития как антитеза медленной эволюции. Коренным образом меняется отношение к капиталистическому укладу, который фактически ликвидируется при сохранении его аграрных и индустриальных производственных основ. Меняется и отношение к крестьянской массе. Вместо установки на достижение согласия, которое ведет к «бесконечно медленному» продвижению власти вместе с единой крестьянской массой, приходит не только добровольное, но и во многих случаях насильственное ее подчинение целям мобилизационного развития. Редистрибутивная (или сдаточно-раздаточная) экономика только и была возможна в стране, сохранившей многие онтологические константы социальной жизни, сформировавшиеся на имперском, до-буржуазном этапе развития, которому свойственна, прежде всего, неразделенность связи власть-собственность.

Неустойчивые отношения между миром капитализма и СССР закончились в октябре 1929 год, когда разразился мировой экономический кризис, который временно отодвинул угрозу военного нападения на Советский Союз. Но он оказался тем триггером, сделавшим возможным и необходимым практический переход к форсированному строительству основ социализма на путях развернутой индустриализации, массовой коллективизации и культурной революции. К 1941 г. были созданы многие условия для восстановления геополитического статуса СССР как великой державы, в том числе включения в его границы

ряда территорий, ранее входивших в состав Российской империи.

3. Главная особенность общества в 20–30-е гг. состояла в том, что стремление к достижению общенационального единства вызывало вместе с тем и обострение противоречий между различными слоями советского общества. Конечно, в обществе шел процесс возникновения советского патриотизма. Вместе с тем, военная угроза выветила целый ряд серьезных проблем и опасностей. Прежде всего, вновь появляется революционный радикализм. В жизнь входило молодое советское поколение, которое сформировалось в ходе гражданской войны и военного коммунизма и которому был присущ, хотя и в разной мере, революционный романтизм. Оно было охвачено недовольством, массовым разочарованием результатами НЭПа, наличием высокого уровня безработицы и низкими зарплатами. Отсюда твердое желание поддержать мировую революцию, стремление дать должный отпор, если мировой капитализм и, в первую очередь, Великобритания, решится напасть на Советский Союз. Эти настроения умело использует объединенная (новая) оппозиция во главе с Троцким, которая с радикально левых позиций выступает за смену партийного руководства. После событий в ноябре 1927 г. оппозиция фактически становится пятой колонной. Впрочем, обширные группы трудового населения проявляли умеренность во взглядах на сложившуюся в военном отношении кризисную ситуацию с Западом. Проблема достижения общенационального единства в стране течение переходного этапа оказалась чрезвычайно сложной и далекой от своего решения. Острая необходимость в преодолении отставания и предпринимаемые в этом направлении меры наталкиваются на неготовность общественного мнения, сознания различных слоев общества принять и одобрить намечаемые стремительные перемены в образе их жизни и повседневной, и профессиональной, что приводит к высокому

уровню насильственного принуждения, далеко не всегда оправданного, населения к выполнению намеченных властью решений стратегической значимости.

Эта особенность переходного периода от одного социально-экономического уклада к другому, более высокому, можно принять за определенную закономерность, которая прослеживается в истории практически всех европейских государств, но причины этого требуют отдельного рассмотрения.

4. Большим препятствием на пути к достижению социально-политического единства выступает информационная война коллективной Европы с советским обществом, все более становящимся и по этой причине осажденной крепостью. Поэтому для осажденной крепости становится закономерное выдвижение на первый план ведение информационного противоборства с информационной агрессией западных государств, что приводит к созданию целой системы идеологического воспитания народных масс. И на первом месте в ней выдвигается защита государственной, национальной безопасности и независимости. Оборонное сознание становится неотъемлемой реальной чертой ментальности жителей страны.

В годы форсированной индустриализации и коллективизации страны в условиях «осажденной крепости» была построена универсально-административная модель социализма. Но отрыв от традиции лишает возникающий социализм устойчивой исторической перспективы в том смысле, что он опирается, прежде всего, сам на себя, на свою административную силу, а затем уже на творчество и самодеятельность народных масс. Государственная модель социализма показала свою высокую эффективность и надежность и в годы Великой Отечественной войны, и в годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Исключительно необычная ситуация сложилась тогда как для теории, так и для практики в понимании дальнейшего развития советской модели со-

циализма после окончания мобилизационного периода, т.е. фактически после смерти Сталина.

Мобилизационный тип движения советского общества имел как начало, так и свой конец. Универсально-административный социализм был похож на могучее растение, выращенное в определенном смысле в тепличных условиях. Но едва страна приоткрылась миру в середине 50-х гг. прошлого столетия, как возникла задача пересадки тепличного растения в естественную почву.

В действительности, речь могла пойти о практическом решении трех задач важнейших задач, вставших перед страной. Во-первых, социализм должен был обрести свои исторические корни, прежде всего, переосмыслить отношение к традиции, поставить вопрос о преодолении отрыва от исторической Традиции, о полноте возвращения к ней. Социализм в каждой стране по мере его становления должен обретать свои все более прочные исторические корни. Во-вторых, о возможностях использования самых разных достижений западного капитализма, прежде всего, финансово-банковской системы, рыночных механизмов экономики. Наконец, третье — это пересмотр отношения к повседневной жизни людей, когда значимые изменения в ней придают уверенность в достижении величественных целей будущего.

Все эти три составляющие создают в обществе сложную мозаику обычаев и привычек, ценностей и целей, личных и групповых идеалов. Но чтобы не потерять правильное направление движения в этом разнообразии, нужно было новое идеологическое оформление целей и задач дальнейшего движения по социалистическому пути.

С окончанием второй мировой войны враждебное отношение Запада к Советскому Союзу, агрессивное и все более многостороннее его наступление стало одной из важнейших причин развала СССР [Швейцер, 2010]. Историк А. И. Уткин пишет о таком мощном военном, экономическом и дипломатическом давлении на совет-

скую страну во второй половине XX века, «что с полным правом можно говорить «об осаде СССР-России Западом» [Уткин, 2010, с. 4].

Либерально настроенные авторы пишут о периоде советского социализма как об осажденной крепости исключительно в негативных тонах. К примеру, именно таким предстает советское общество в книге Л. М. Млечина «Осажденная крепость», посвященной его истории. Автор пишет: «В нашей стране ненависть к Западу, Америке, вообще внешнему миру намеренно культивировалась властью. Все десятилетия советской власти государство тщательно изолировалось от внешнего мира. Никого не впускать и никого не выпускать. Штампы советской пропаганды укоренились в сердцах и умах, хотя, если вдуматься, — эти страны несколько не виноваты в несчастьях, постигших Россию в XX столетии» [Млечин, 2013, с. 10]. С этими рассуждениями решительно невозможно согласиться, особенно с последним.

Здесь следует сказать, что советская идеология в целом не смогла дать нужные ответы на духовные запросы и поиски советских людей. Советское общество в условиях наступившей в середине 50-х гг. определенной информационной открытости подверглось резкой атаке со стороны пришедшей с запада идеологии потребления, которая стала постепенно вытеснять из сознания людей высшие смысло-жизненные ценности. В общественном сознании страны началась борьба двух идейных установок. Страна вступала в качественно новый этап совершенствования социализма, на очереди должна была быть духовная революция, революционное обновление смыслов жизни. Нужно было решительно перенести центр внимания в идеологии с ценностей общества на ценности человека. Чем дальше движется страна по социалистическому пути, тем больше на первый план объективно выходит приоритетное развитие культуры, удовлетворение

духовно-нравственных потребностей всех наций и народов советского общества.

Но революция духа не состоялась. С конца 60-х гг. страну захватывает волна потребительства, порождающая духовную пустоту в головах и сердцах миллионов людей. Власть не осознала главной внутренней угрозы существованию советского социализма — мещанства или, если переводить на язык теории, растущего стремления в обществе под воздействием идеологии потребительства к максимальному удовлетворению постоянно растущих именно материальных потребностей. Можно сказать, что не были философски осмыслены не только уровень развития советского социализма, но и глубокое онтологическое своеобразие российской цивилизации, заключающееся в приоритете духовного над материальным.

И когда началась перестройка, то главным лозунгом идеологов перестройки стало возвращение в цивилизацию на путь естественного развития, т.е. возвращение в капитализм, причем в тот оставшийся в прошлом капитализм, которого давно уже не было на Западе. Советские люди были просто обмануты лозунгом возвращения в единую для всего мира цивилизацию, поскольку капитализм представлялся идеологам перестройки естественным состоянием человечества. Отсюда и появилась трактовка лозунга перестройки «иного не дано» именно в смысле неизбежности возвращения к капитализму. Советский Союз становится невероятно открытым обществом. В нем разрушаются все скрепы, которые держат государство, и тем самым оно совершает самое настоящее самоубийство и распадается.

Великая иллюзия теории модернизации состояла в обещании сделать всю капиталистическую экономическую мир-систему «ядром» без периферии, как сказал однажды И. Валлерстайн. Сегодня стало очевидным фактом, что эта цель была и остается недостижимой.

Заключение. Можно ли сегодня говорить о новом конкретно-историческом виде России как «осажденной крепости»?

Станет ли современное российское государство новым вариантом «осажденной крепости XXI в.» в сегодняшнее время, когда началась принципиально новая историческая эпоха? Февральские события означают конец эпохи современности и начало новой современности. Эти события, несомненно, окажут огромное влияние на жизнь многих поколений. Перемены в отношениях России с Западом вполне могут приобрести поистине революционный характер. Сегодня железный занавес начинает создаваться Западом для того, чтобы самому отгородиться от России. С этой целью на страну оказывается огромное давление — разрыв отношений, блокада и санкции, политический шантаж и обман, нечестная конкуренция, насильственный отъем российских финансов и российской собственности, все это проявления радикального изменения баланса сил на мировой арене.

Россия стала самым опасным врагом Запада, потому что она хранит традиционные ценности! В ней живут нормальные мужчины и женщины, которые создают нормальные семьи, в ней работают и учатся, строятся храмы и мечети, выдвигаются вполне реальные планы по обновлению общества.

Сегодня, когда началась новая историческая эпоха, эпоха новой современности, когда многополярный, много-цивилизационный мир идет на смену гегемонии одной сверхдержавы, страна приступила к оформлению окончательного политического выбора особого пути своего цивилизационного развития на длительную историческую перспективу. Россия возвращается к себе. В этом отношении исторический опыт становления советского социализма — его достижений и ошибок, а главное, причин распада в 90-е гг. XX века представляет особый интерес.

Многие из тех вынужденных перемен, которые сегодня происходят в стране, не являются простым возрождением «осажденной крепости». Они по своей сути есть возвращение к тем неизменным онтологическим константам, которые присущи российскому государству. Но смысл возвращения к ним в эпоху становления многополярного, много-цивилизационного мира приобретает радикально иной характер.

Литература

- Гайдар, 1995 — *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. Москва: Евразия, 1995.
- Зорин, 2019 — *Зорин А.* «Особый путь России» — идея трансформационного прорыва в русской культуре // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Ильф, Петров, 2010 — *Ильф. И., Петров Е.* Двенадцать стульев. Москва: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2010.
- Кофырин, 2018 — *Кофырин Н.* Особый путь России // <http://blog.nikolajukofygin.ru/?p=1376> (дата обращения 01.09.2022).
- Ленин, 1972 — *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП (б) 27 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. Москва: Изд. полит. лит. 1970.
- Маяковский, 1958 — *Маяковский В.В.* Англичанка мутит // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 8. Стихотворения, поэмы, очерки. 1927. Москва: Худ. лит. 1958.
- Млечин, 2013 — *Млечин Л. М.* Осажденная крепость. Москва: Центрполиграф. 2013.
- Николай I, 2013 — *Николай I: pro et contra* / сост. Т. В. Андреева. Л. В. Выскочков. Санкт-Петербург: НОКО, 2013.
- Сталин, 1948 — *Сталин И. В.* Заметки на современные темы // Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. Москва: Госполитиздат, 1948. С. 322–361.
- Сталин, 1953 — *Сталин И. В.* О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП (б). 1 ноября 1926 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. Москва: Госполитиздат, 1953. С. 234–247.
- Тарасов, 2018 — *Тарасов Б.* — цит. по раб. Пирин Д. Николай I: PRO ET CONTRA // <https://историк.рф/journal/19/nikolaj-i-pro-et-contra-1f.html> (дата обращения 01.09.2021).
- Травин — *Травин Д.* «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2018.
- Уткин, 2010 — *Уткин А.* СССР в осаде. Москва: Эксмо: Алгоритм, 2010.
- Швейцер, 2010 — *Швейцер П.* Тайная стратегия развала СССР. Москва: Эксмо: Алгоритм. 2010.
- Шевченко, 2019 — *Шевченко В. Н.* Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. 2019. № 1. С. 29–47.
- Шевченко, 2022 — *Шевченко В. Н.* Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24. № 2 (114). С. 70–88.
- Школьников, 2022 — *Школьников А.* Очерк о стратегии России «Осажденная крепость» // <https://aurora.network/articles/153-geopolitika/98026-ocherk-o-strategii-rossii-osazhdennaja-krepost> (дата обращения 01.09.2022). См. также: Крепость Россия: прощание с либерализмом. Сб. Статей. Москва: Яуза, Эксмо, 2005. Авторы статей: М. Леонтьев, М. Юрьев, М. Хазин, А. Уткин.

- Янов, 2007 — Янов А. Россия и Европа. Том 2. Загадка николаевской России (1825–1855). Москва: Новый хронограф. 2007.

References

- *Gaydar Ye. T.* Gosudarstvo i evolyutsiya [State and evolution]. Moscow: Yevraziya, 1995.
- *Zorin A.* «Osobyu put' Rossii» — ideya transformatsionnogo proryva v russkoy kul'ture [“Special Way of Russia” — the idea of a transformational breakthrough in Russian culture] // «Osobyu put'»: ot ideologii k metodu / collected by T. Atnashev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. С. 36–51.
- *Il'f. I., Petrov Ye.* Dvenadtsat' stul'yev [The twelve chairs]. Moscow: AST: Astrel'; Vladimir: VKT, 2010.
- *Kofyrin N.* Osobyu put' Rossii [Russia's special path] // <http://blog.nikolaykofyrin.ru/?p=1376> (accessed on 01.09.2022).
- *Mayakovsky V. V.* Anglichanka mutit [Englishwoman stirs up] // Mayakovsky V. V. Polnoye sobraniye sochineniy v 13-ti tomakh. T. 8. Stikhotvoreniya, poemy, ocherki. 1927 [Collected works in 13 volumes. Poems and essays. 1927]. Moscow: Khud. lit. 1958. P. 200–202.
- *Mlechin L. M.* Osazhdennaya krepost' [Besieged fortress]. Moscow: Tsentrpoligraf. 2013.
- Nikolay I: pro et contra: antologiya [Nicholas I: pro et contra: an anthology] / collected by T. V. Andreyeva. L. V. Vyskochkov. Saint Petersburg: NOKO, 2013.
- *Stalin I. V.* Zametki na sovremennyye temy [Notes on contemporary topics] // Sochineniya [Works]. T.9. Moscow: Gospolitizdat, 1948. С. 322–361.
- *Stalin I. V.* O sotsial-demokraticheskom uklone v nashey partii. Doklad na XV Vsesoyuznoy konferentsii VKP (b). 1 noyabrya 1926 g. [On the Social-Democratic Deviation in Our Party. Report at the XV All-Union Conference of the CPSU (b). November 1, 1926] // Sochineniya [Works]. T. 8. Moscow: Gospolitizdat, 1953. P. 234–297.
- *Tarasov B.* — cited from Pirin D. Nikolay I: PRO ET CONTRA // <https://историк.рф/journal/19/nikolaj-i-pro-et-contra-1f.html> (accessed on 01.09.2021).
- *Travin D.* «Osobyu put'» Rossii: ot Dostoyevskogo do Konchalovskogo [“Special way” of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky]. Saint Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v SPb, 2018.
- *Utkin A.* SSSR v osade [USSR under siege]. Moscow: Eksmo: Algoritm, 2010.
- *Shveytser P.* Taynaya strategiya razvala SSSR [The secret strategy of the collapse of the USSR]. Moscow: 2010.
- *Shevchenko V. N.* Ontologicheskiye konstanty Rossii kak gosudarstva-tsvilizatsii v kontekste vseмирной истории [Ontological Constants of Russia as a State-Civilization in the Context of World History] // Filosofskie nauki. 2019. № 1. P. 29–47.
- *Shevchenko V. N.* Osobennosti tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii v kontekste protivostoyaniya s Zapadom. Fenomen rusofobii [Features of the civilizational development of Russia in the context of confrontation with the West. The phenomenon of Russophobia] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2022. T.24. № 2 (114). P. 70–88.
- *Shkolnikov A.* Ocherk o strategii Rossii «Osazhdennaya krepost'» [Essay on the strategy of Russia “Besieged fortress”] // <https://aurora.network/articles/153-geo-politika/98026-ocherk-o-strategii-rossii-osazhdennaja-krepost> (accessed on 01.09.2022). See also *Krepost' Rossiya: proshchaniye s liberalizmom* [Fortress Russia: farewell to liberalism]. Sb. Statey [Collected articles]. Moscow: Yauza, Eksmo. 2005. The authors of the articles: M. Leont'yev, M. Yur'yev, M. Khazin, A. Utkin.

- Yanov A. Rossiya i Yevropa. Tom 2. Zagadka nikolayevskoy Rossii (1825–1855) [Russia and Europe. Volume 2. Mystery of Nicholas Russia (1825–1855)]. Moscow: Novyy khronograf. 2007.

Shevchenko V. N.

USSR AS A “BESIEGED FORTRESS”

Shevchenko Vladimir Nikolaevich, doctor of philosophy, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, chief researcher of Institute of Philosophy RAS. 109240, Russia, Moscow, Goncharnaya st., 12, building 1. E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Abstract. The paper deals with the historical path traversed by the Soviet Union as a besieged fortress. An explanation of this phenomenon is given through an appeal to the problems of Russia’s special path. The arguments of the opponents of the “special path” of Russia are considered. Such opponents insist on the universal nature of the modernization process as the transformation of a traditional society into a modern one, i.e. into a liberal democratic society (Modern project). Supporters of a national, independent, special path point to the asymmetric nature of Russia’s relations with the West, which in reality made the development of Russia dependent and backward. The first concrete historical type of “besieged fortress” was the Imperial Russia of the Nikolas I era. The main theme of the article is the consideration of the USSR as the second concrete-historical type of “besieged fortress.” Both achievements and failures of the country on this path are shown, an attempt is made to explain the collapse of the USSR and the death of the socialist system in the country. The era of modernity, associated with the implementation of the modern project as a universal project for the whole world, has ended, as it is noted further, and a new era has begun, the era of new modernity. Therefore, the paper raises doubts about the possibility of a new concrete historical view of Russia as a “besieged fortress” of the 21st century. It is especially noted that

the country has begun to choose a political vector of movement along its own, special path of development for a long historical perspective. In a word, Russia is returning to itself. In this regard, the historical experience of the formation of Soviet socialism in its specific historical form — in the form of a “besieged fortress” — its achievements and mistakes, and most importantly, the reasons for the collapse in the 90s of the 20th century are of particular interest.

Key words: *besieged fortress, special way, modern project, Russia of the Nikolaev era and the USSR as types of a besieged fortress, the formation of a multi-civilizational world.*

Аршин К. В.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
«СОВЕТСКИЙ НАРОД»
В УСЛОВИЯХ ОТКАЗА ОТ
ПОЛИТИКИ «КОРЕНИЗАЦИИ»
(КОНЕЦ 1920—НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)**

*Аршин Константин Валерьевич, кандидат философских наук, ученый секретарь
Федеральный исследовательский центр
картофеля имени А. Г. Лорха, 140051, Россия,
г. Люберцы, дп. Красково, ул. Лорха, д. 23.
E-mail: kosta-10@yandex.ru.*

Аннотация. Политика «коренизации» рассматривалась как важный элемент политического развития Советского Союза. Однако к концу 1920-х гг. она в значительной степени себя исчерпала. В условиях нарастающего военного противостояния СССР с окружающими его капиталистическими странами («военная тревога 1927 г.») рост «местных национализмов» служил ослабляющим страну фактором. В этих условиях было принято решение о постепенном отказе от политики «коренизации» в пользу поощре-

ния «советского патриотизма». Итогом указанной политики стало формирование концепта «Советский народ», который фактически выстраивался как «социалистический по форме, национальный по содержанию» (на основе русской культуры и истории). Указанное противоречие воспрепятствовало формированию единой советской нации и послужило одной из причин распада СССР, поскольку концепт «Советский народ» не оказался близок ни одному из народов СССР, в том числе русскому народу.

Ключевые слова: *коренизация, национализм, советский народ, нация, национальное меньшинство.*

Политика «коренизации» в 1920-х гг. рассматривалась как необходимый элемент общегосударственной политики Советского государства по построению социалистического общества. В ее основе, с одной стороны, лежало поощрение культурного и политического развития национальных меньшинств, а с другой стороны, проведение мероприятий, направленных на снижение статуса русского народа, а именно преобразование его из государствообразующего народа в один из народов, населяющих территорию Советского государства. Как и всякий комплекс мероприятий, связанный с преобразованием национальной идентичности (а «коренизация» была направлена именно на это), «коренизация», проводимая в 1920-х гг., оказывает влияние и на наше время. Как следствие, «коренизации» как явлению, а также ее отдельным аспектам («коренизации» и языковой политике, «коренизации» и территориальному размежеванию, «коренизации» в отдельных регионах страны) посвящен огромный комплекс работ. Только за последние 10 лет в России вышло около 10 крупных монографий (в том числе переводных) и сборников статей. [Наиболее важные из них: Советские нации, 2014; Мартин, 2011; Государство наций, 2011; Аманжолова, Красовицкая, Дроздов 2021, Аманжолова, 2019; Борисенко, 2017].

Вместе с тем, вопрос социальных предпосылок, которые послужили основой для формирования концепта «со-

ветский народ», освещен не столь подробно. Остается смутным и вопрос, что послужило триггером, побудившим руководство СССР к отказу от политики «коренизации» как поощрения культурного и политического развития этнических меньшинств в пользу попыток создания единой социальной общности, в которой вопрос этнической принадлежности имел бы второстепенное значение. С точки зрения, представленной в данной работе, таким триггером послужила «Военная тревога 1927 г.», показавшая слабость СССР как военно-техническом, так и в социальном отношении. Далее, пусть и в сжатой форме, будут представлены причины, побудившие руководство Советского государства пойти по пути «коренизации», а также основания, заставившие его от данной политики отказаться.

Придя к власти в результате Октябрьской революции 25–26 октября 1917 г., «большевики» оказались перед дилеммой — как управлять такой сложной (в культурном и этническом плане) и находящейся в ситуации революционного брожения страной. Уже 27 октября 1917 г. II Всероссийским съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было создано первое советское правительство в составе 13 народных комиссаров. Примечательно, что одним из вновь назначенных комиссаров был И. Сталин, возглавивший комиссариат по делам национальностей [Декреты Советской власти, 1957]. Одним из первых действий нового комиссариата стало налаживание отношений с лидерами национальных меньшинств бывшей Российской империи, которые в период февраль-октябрь 1917 гг. крайне активно заявили о национальных правах своих этнических общностей. Указанные требования колебались от требований экстерриториальной автономии (евреи) до желания создать собственное независимое государство (Польша, Финляндия, Прибалтийские земли Российской империи) [Аманжолова, Красовицкая, 2020; Хирш, 2022].

Необходимо отметить, что победа большевиков в Гражданской войне, развернувшейся на всей территории бывшей Российской империи, и поражение Белого движения, не в последнюю очередь может быть объяснено подходом противоборствующих сторон к национальному вопросу. Если Белое движение исходило из максимы «Единой и неделимой России» и русского языка как единственного государственного [Бугай, 2017; Аманжолова, 1994], то большевики уже на VII Всероссийской конференции РСДРП обозначили свою позицию, которая сводилась к признанию права нации [т.е. национальных меньшинств — К.А.] на отделение и создание собственного государства, а случае если она этого хочет, либо, в случае, если национальное меньшинство желает остаться в составе России, ему предоставляется право создать областную автономию, границы которой будут определяться «самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и пр.» [Сталин, 1936а, с. 48].

Впоследствии в рамках Гражданской войны и последовавшей дискуссии о создании СССР позиция РКП (б) была уточнена. Фактически большевики столкнулись с ситуацией необходимости поддержания единства территорий, которые существенно отличались друг от друга по своему хозяйственному, политическому и культурному облику, что требовала реализации комплекса мер, направленных на ликвидацию указанных различий. О последнем было заявлено И. Сталиным в докладе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г.: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [Сталин, 1936б, с. 76]. Решение указанной задачи виделось в территориальной организации страны в рамках сочетания этнографиче-

ского принципа и территориального принципа, в основе которого идея о равномерном экономическом развитии [Хирш, 2022].

На X съезде РКП(б) в 1921 г. был дан старт реализации политики коренизации, суть которой заключалась в следующем: «а) развить и укрепить у себя [национальных окраинах — *К.А.*] советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке» [Сталин, 1936с, с. 70]. Однако окончательно линия на «коренизацию» была оформлена только на XII съезде РКП(б) в 1923 г.

В целом компания по осуществлению политики «коренизации» оказалась успешной: увеличилось представительство национальных меньшинств в государственных и партийных органах (к 1930-му г. от 12,7% в Казахстане, до 93,53% — в Армении) [Хмара, 2006]; 46 этносов получили свой алфавит; увеличилась доля использования национальных языков в официальном делопроизводстве и преподавании [Сянчжун, 2014].

Однако, события 1927 г., а именно так называемая «военная тревога» 1927 г., показала всю неоднозначность этой политики в условиях нарастающей опасности военного столкновения с капиталистическими странами. Анализ общественных настроений, проведенный органами государственной безопасности, показал, что «враждебное отношение к коммунистам и их власти было весьма распространено среди рабочих различных регионов страны». Отношение крестьянства к коммунистическое власти характеризовалось как еще более критическое: «в Тамбовской губернии, в Армавирском, Майкопском, Ставропольском и Амурском округах крестьяне отказы-

вались голосовать за резолюции, в которых указывалось на их готовность защищать СССР. Это же отказались сделать крестьяне двух селений Милеевской волости Жиздринского уезда Калужской губернии. В д. Иржино Нижегородской губернии раздавались призывы не отчислять в фонд «Наш ответ Чемберлену» по причине того, что все действия СССР по подготовке к войне только провоцируют Англию. Крестьяне многих регионов страны фактически сорвали начатую осенью 1927 г. «Неделю обороны» и отказывались жертвовать в фонд обороны, отмечая свое нежелание воевать» [Брянцев, 2017, с. 104–105].

Примечательно, что негативные настроения в отношении грядущей войны и, как следствие необходимости защиты социалистического Отечества, высказывали как раз исконно русские области. И это не удивительно, едва ли как для рабочих, так и для крестьян русских регионов страны были тайной издержки коренизации, суть которых сводилась к фактически нарушению прав русских не только в союзных республиках, но и автономных республиках РСФСР. Так, в Горской АССР русское население жаловалось «Жизнь русского населения стала... невыносимой и ведёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики... Полное разорение экономике края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими...» [Советские нации, 2014, 131–132]. В Калмыкии оно же просило «Нам нужно предоставить право наравне с калмыками». В Саратовской области, в местах реализации политики коренизации в пользу немецкоговорящего населения наблюдались волнения на национальной почве между русским большинством и немецким меньшинством, причина которых заключалась в нежелании русских обучать своих детей на немецком языке [Герман, 2013]. На Кубани коренизация в пользу национальных меньшинств также вызывала крайне негативную реакцию среди русского большинства.

Особенно это касалось политики в области поощрения продвижения национальных кадров в промышленности. Так, в 1932 г. газета «Красное знамя» писало о сотруднике «Красэлтрама» комсомольце Шульгине, который открыто выступил против поощрения работников промышленных предприятий на основе национального признака и был поддержан коллективом [Васильев, 2010]. В селениях Белорусской ССР, непосредственно граничащих с РСФСР, умоляло оставить русский язык в качестве языка преподавания в школах [Хмара, 2006]. Очевидно, что против коренизации активно выступали не только в национальных республиках, но и в российских регионах. Причем роль активистов порой играли, казалось бы, те, кто должен поддерживать советскую власть — промышленные рабочие. Очевидно, что в ситуации крайне вероятного военного столкновения, СССР в подобных условиях вряд ли продемонстрировал бы необходимое единство.

Как следствие, было принято, вероятно, единственно правильное решение о постепенном повороте от интернационализма к советскому патриотизму, основанному на повышении статуса русского народа.

Однако, указанный процесс растянулся до начала 1930-х гг. Еще в 1930 г. в рамках работы Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов главный идеолог советской исторической науки академик М. Н. Покровский заявлял в отношении русской истории «мы поняли, — чуть-чуть поздно — что термин “русская история” есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и “единой и неделимой» [Труды, 1930, с. 494–495]. И далее, конкретизируя свои тезисы уже в рамках статьи «Возникновение Московского государства и великорусская народность»: «А кто такие эти «великорусы»... никаких великорусов не было вообще — на этой территории [территории возникновения Киевской Руси — *К.А.*] проживали финские пле-

мена автохтоны, которые... финизировали своих поработителей» [Цит по: Кузнечевский, 2016, с. 29]. Но уже в 1931 г. И. Сталин пишет письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором указывает на наличие принципиальных исторических ошибок в трудах официальных большевистских историков, которые пренебрегают реальной практикой большевизма [Сталин, 1931].

Одновременно, начинается атака на шовинизм в отношении русских со стороны национальных меньшинств. Так, в 1928 г. в Армении была раскрыта группа «специфистов», обвиненная в акцентировании исключительного положения армян по отношению к другим народам республики. И в официальных речах руководства страны все чаще начинают появляться обвиняющие реплики в адрес национализма малых народов, проявления которого служат выражением недовольства режимом диктатуры пролетариата, «стремлением обособиться в свое национальное государство», и как следствие ослабить единство СССР [Сталин, 1936d].

Впрочем, указанный поворот порождал порой фантастические ситуации. Например, в Коми АССР, некоторые руководители, боясь обвинений в «воинствующем коми национализме», в начале 1930-х гг. переводили делопроизводство на русский язык, и тут же получали обвинения в «великодержавном шовинизме» [Киросова, 2019].

Смерть М. Н. Покровского в 1932 г. открывает новую страницу в повышении статуса русского народа до уровня «старшего брата». В рамках работы XVII съезда ВКП(б) в января 1934 г. одним из идеологов партии Н. Бухариным, в духе концепции Покровского, был провозглашен лозунг о русских как нации Обломовых. Однако уже в конце января — начале февраля 1934 г. в передовицах газеты «Правда» была напечатана гневная отповедь на указанные обвинения в адрес русского народа, который представлялся

локомотивом социалистических преобразований и наделялся статусом «первого среди равных». Еще два года спустя, в 1936 г., как указывает известный исследователь советской истории 1917–1953 гг. Дэвид Барнденбергер «сфера «русского» влияния распространилась за пределы советского опыта как такового» [Бранденбергер, 2009, с. 57–58]. Была осуществлена реабилитация как персоналий внесших существенный вклад в развитие русской науки и культуры (наиболее примечательный пример — придание А. С. Пушкину статуса «великого русского национального проекта»), так и ряда государственных деятелей царской России. Одновременно, официальный статус получил тезис о связи культуры нерусских народов с культурой русского народа [Волин, 1938], следствием чего стала кампания по переводу письменности нерусских народов с латиницы на кириллицу (официально завершившаяся в июне 1941 г.) [Аманжолова, Красовицкая, 2020, с. 241–242].

Однако у указанной кампании по повышению статуса русского народа были и свои ограничения, выразившиеся как в официальном неприятии неоднократно ставившегося вопроса о создании ЦК Российской коммунистической партии [Аманжолова, Красовицкая, 2020; Кузнечевский, 2016], так и «Ленинградском деле», проходивших по которому представителей советской элиты обвиняли в русском национализме [Бранденбергер, 2009; Кузнечевский, 2016].

Можно констатировать, что изменение статуса русского народа в сторону его повышения так до конца и не произошло. Вероятно, именно с этим связан тот факт, что концепт «Советский народ», основанный на заложенных в 1930-х гг. представлениях о роли русского народа как «старшего брата» и «первого среди равных», так и не был принят в качестве основной идентификационной матрицы народами СССР, что в итоге привело к обострению, помимо прочих причин, в конце 1980-х и начале 1990-х гг. национальных противоречий, этническим конфликтам и распаду страны.

Литература

- Аманжолова, Красовицкая, 2020 — *Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю.* Культурная сложность Советской России: Идеология и практики управления 1917–1941 гг. Москва: Новый хронограф, 2020.
- Аманжолова, Красовицкая, Дроздов 2021 — *Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю., Дроздов К. С.* Советский национальный проект в 1920–1940-е гг. Идеология и практика Москва: Новый хронограф, 2021.
- Аманжолова, 2019 — *Аманжолова Д. А.* Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2019.
- Аманжолова, 1994 — *Аманжолова Д. А.* Национальная политика правительства Колчака А. В. (1918–1919 гг.) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 1994. № 1 (7). С. 20–32.
- Бранденбергер, 2009 — *Бранденбергер Д.* Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. Санкт-Петербург: Академический проект, 2009.
- Борисенко, 2017 — *Борисенко Е. Ю.* «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. Москва: Издатель Степаненко, 2017.
- Брянцев, 2017 — *Брянцев М. В.* Англо-советский конфликт 1927 г. в представлении населения советской провинции // *Новейшая история России.* 2017. № 3. С. 100–114.
- Бугай, 2017 — *Бугай Н. Ф.* Русский генерал А. И. Деникин: вопросы национальной политики на Юге России. 1917–1920 гг. // *ИСОМ.* 2017. № 1–2. С. 15–24.
- Васильев, 2010 — *Васильев И. Ю.* «Шагай, нацмен». Политика «коренизации» на Кубани в 1920-х — на-

- чале 1930-х гг. // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 151–156.
- Волин, 1938 — *Волин Б.* Великий русский народ // Большевик. 1938. № 9. С. 26–37.
 - Герман, 2013 — *Герман А. А.* Политика «Коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е гг. (на материалах АССР немцев Поволжья) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. № 4. С. 94–97.
 - Государство наций, 2011 — Государство нация. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011.
 - Декреты Советской власти, 1957 — Декреты Советской власти. Т. I. Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.
 - Киросова, 2019 — *Киросова Н. В.* Коренизация партийно-государственного аппарата как тактическая задача осуществления национально-языковой политики в Коми регионе в 1920–1930-е гг // Манускрипт. 2019. № 6. С. 39–43.
 - Кузнецевский, 2016 — *Кузнецевский В. Д.* Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг., Москва: Центрполиграф, 2016.
 - Мартин, 2011 — *Мартин Т.* «Империя положительной» деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923–1939. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011.
 - Советские нации, 2014 — Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е гг. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2014.
 - Сталин, 1936а — *Сталин И. В.* Доклад по национальному вопросу на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП 29 апреля (12 мая) 1917 г. // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный

- вопрос. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 46–50.
- Сталин, 1936б — *Сталин И. В.* Очередные задачи партии в национальном вопросе // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 73–81.
 - Сталин, 1936с — *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 65–72.
 - Сталин, 1936д — *Сталин И. В.* Об уклонах в области национального вопроса // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 191–198.
 - Сталин, 1931 — *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. № 6 (113). 1931. С. 101–102.
 - Сянчжун, 2006 — *Сянчжун Л.* Плюсы и минусы политики коренизации в 1920 г. // Ойкумена. 2006. № 1. С. 41–49.
 - Труды, 1930 — Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Москва, 1930.
 - Хирш, 2022 — *Хирш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. Москва: Новое литературное обозрение, 2022.
 - Хмара, 2006 — *Хмара Н. И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР 1920–1930-е гг. // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126–139.

References

- *Amanzholova D. A., Krasovickaya T. YU.* Kul'turnaya slozhnost' Sovetskoy Rossii: Ideologiya i praktiki upravleniya 1917–1941 gg. [Cultural Complexity of

- Soviet Russia: Ideology and Management Practices 1917–1941] Moscow: Novyj hronograf, 2020.
- *Amanzholova D.A.* Nacional'naya politika pravitel'stva Kolchaka A.V. (1918–1919 gody) [National policy of the government of Kolchak A.V. (1918–1919)] // *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii.* [Magistra Vitae: electronic journal for historical sciences and archeology] 1994. № 1 (7). P. 20–32.
 - *Amanzholova D.A., Krasovickaya T.YU., Drozdov K.S.* Sovetskij nacional'nyj proekt v 1920–1940-e gody. Ideologiya i praktika [Soviet national project in the 1920s–1940s. Ideology and practice] Moscow: Novyj hronograf, 2021.
 - *Amanzholova D.A.* Sovetskij proekt v Kazahstane: vlast' i etnichnost', 1920–1930-e gg. [Soviet project in Kazakhstan: power and ethnicity, 1920–1930s] Moscow: Centr gumanitarnyh initsiativ, 2019.
 - *Borisenok E.YU.* «A chto my znaem o lice Ukrainy?»: Ukrainizaciya kak model' gosudarstvennoj politiki v 1918–1941 gg. [“What do we know about the face of Ukraine?:” Ukrainization as a model of state policy in 1918–1941.] Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2017.
 - *Brandenberger D.* Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya. 1931–1956. [Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity. 1931–1956]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2009.
 - *Bryancev M.V.* Anglo-sovetskij konflikt 1927 goda v predstavlenii naseleniya sovetskoj provincii [The Anglo-Soviet Conflict of 1927 as Perceived by the Population of the Soviet Province] // *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia] 2017. № 3. P. 100–114.
 - *Bugaj N.F.* Russkij general A.I. Denikin: voprosy nacional'noj politiki na YUge Rossii. 1917–1920 gg. [Russian General A. I. Denikin: Issues of National Policy

- in the South of Russia. 1917–1920] // *ISOM.* 2017. № 1–2. P. 15–24.
- *Vasil'ev I.YU.* «SHagaj, nacmen». Politika «korenizacii» na Kubani v 1920-h — nachale 1930-h gg. [“Walk, nationalist.” The policy of “indigenization” in the Kuban in the 1920s — early 1930s] // *Voprosy nacionalizma* [Nationalism Issues] 2010. № 4. P. 151–156.
 - *Volin B.* Velikij russkij narod [Great Russian people] // *Bol'shevik.* [Bolshevik] 1938. № 9. P. 26–37.
 - *German A.A.* Politika «Korenizacii» v avtonomnyh respublikah RSFSR v 1920-e gody (na materialah ASSR nemcev Povolzh'ya) [Politics of “Indigenization” in the Autonomous Republics of the RSFSR in the 1920s (based on the materials of the ASSR of the Volga Germans)] // *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* [News of the Saratov State University. Series History. International relationships] 2013. № 4. P. 94–97.
 - *Gosudarstvo naciya. Imperiya i nacional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina.* [State of the Nation. Empire and nation-building in the era of Lenin and Stalin.] Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2011.
 - *Dekrety Sovetskoj vlasti.* [Decrees of Soviet Power] T. I. Moscow: Gos.izd-vo polit.literatury, 1957.
 - *Kirosova N.V.* Korenizaciya partijno-gosudarstvennogo apparata kak takticheskaya zadacha osushchestvleniya nacional'no-yazykovoj politiki v Komi regione v 1920–1930-e gg [Indigenization of the party-state apparatus as a tactical task of implementing the national language policy in the Komi region in the 1920–1930s] // *Manuskript.* [Manuscript] 2019. № 6. P. 39–43.
 - *Kuznechevskij V.D.* Stalin i «russkij vopros» v politicheskoi istorii Sovetskogo Soyuza. 1931–1953 gg. [Stalin and the “Russian question” in the political history of the Soviet Union. 1931–1953] Moscow: Centrpoligraf, 2016.

- *Martin T.* «Imperiya polozhitel'noj» deyatel'nosti. Nacii i nacionalizm v SSSR. 1923–1939. [Affirmative Action Empire. Nations and nationalism in the USSR. 1923–1939] Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2011.
- *Sovetskie nacii i nacional'naya politika v 1920–1950-e gody.* [Soviet nations and national politics in the 1920s-1950s.] Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2014.
- *Stalin I. V.* Doklad po nacional'nomu voprosu na VII (Aprel'skoj) Vserossijskoj konferencii RSDRP 29 aprelya (12 maya) 1917 g. [Report on the national question at the VII (April) All-Russian Conference of the RSDLP on April 29 (May 12), 1917] // Stalin I. V. Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros. [Marxism and the national-colonial question.] Moscow: Partizdat CK VKP(b), 1936. P. 46–50.
- *Stalin I. V.* Ocherednye zadachi partii v nacional'nom voprose [Immediate tasks of the party in the national question] // Stalin I. V. Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros. [Marxism and the national-colonial question.] Moscow: Partizdat CK VKP(b), 1936. P. 73–81.
- *Stalin I. V.* Ob ocherednyh zadachah partii v nacional'nom voprose [On the immediate tasks of the party in the national question] // Stalin I. V. Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros. [Marxism and the national-colonial question.] Moscow: Partizdat CK VKP(b), 1936. P. 65–72.
- *Stalin I. V.* Ob uklo nah v oblasti nacional'nogo voprosa [On deviations in the field of the national question] // Stalin I. V. Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros. [Marxism and the national-colonial question] Moscow: Partizdat CK VKP(b), 1936. P. 191–198.
- *Stalin I. V.* O nekotoryh voprosah istorii bol'shevizma: pis'mo v redakciyu zhurnala «Proletarskaya revolyuciya»

- [On some issues of the history of Bolshevism: a letter to the editors of the journal “Proletarian Revolution”] // Proletarskaya revolyuciya. [On some issues of the history of Bolshevism: a letter to the editors of the journal “Proletarian Revolution”] № 6 (113). 1931. P. 101–102.
- *Syanchzhun L.* Plyusy i minusy politiki korenizacii v 1920 g. [Pros and Cons of Indigenization Policy in 1920] // Ojkumena. [Oikumena] 2006. № 1. P. 41–49.
- *Trudy Pervoj Vsesoyuznoj konferencii istorikov-marksistov.* [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians] Moscow, 1930.
- *Hirsh F.* Imperiya nacij. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuz a. [Empire of Nations. Ethnographic knowledge and the formation of the Soviet Union.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022.
- *Hmara N. I.* Iz opyta nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR 1920–1930-e gody [From the experience of national-state construction in the USSR in the 1920s-1930s] // Otechestvennaya istoriya. [National history] 2006. № 3. P. 126–139.

Arshin K. V.

SOCIAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE CONCEPT “SOVIET PEOPLE” UNDER THE CONDITIONS OF THE REJECTION OF THE POLICY OF “KORENIZATION” (LATE 1920S—EARLY 1930S)

Arshin Konstantin Valerievich, candidate of sciences in philosophy, academic secretary in Federal Research Center for Potato named after A. G. Lorkha. 140051, Russia, Lyubertsy, Kraskovo, Lorkh st., 23. E-mail: kosta-10@yandex.ru.

Abstract. The policy of “korenization” was seen as an important element in the political development of the Soviet Union. However, by the end of the 1920s, it much exhausted itself. In the context of the growing military confrontation between the USSR and the capitalist countries surrounding it (the “military alert of 1927”), the growth of “local nationalisms” served as a weakening factor for the country. Under these conditions, it was decided to gradually abandon the policy of “indigenization” in favor of encouraging “Soviet patriotism.” The result of this policy was the formation of the concept “Soviet people,” which was actually built as “socialist in form, national in content” (based on Russian culture and history). This contradiction prevented the formation of a single Soviet nation and served as one of the reasons for the collapse of the USSR, since the concept of “Soviet people” was not close to any of the peoples of the USSR, including the Russian people.

Key words: *indigenization, nationalism, Soviet people, nation, national minority.*

Ерохина Т. И.

«ДРУЖБА НАРОДОВ»: СОВЕТСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СССР¹

Ерохина Татьяна Иосифовна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Почетный работник сферы образования РФ. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, Российская Федерация, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: tatyanaer@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается концепт «дружба народов», сформировавшийся в советской культуре как мифологема и идеологема. Конструкт «дружба народов», декларирующий новый тип взаимоотношений в советском государстве, был обоснован теоретиками советской идеологии, закреплён в нормативно-правовых

¹ Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

документах, репрезентирован в художественной культуре СССР. Обращаясь к генезису и эволюции термина «дружба народов», автор акцентирует внимание на конструировании в культуре советского периода разноуровневой трактовки данной мифологемы. Бинарная оппозиция «национальное/интернациональное» в контексте «дружбы народов» трансформируется в оппозиции «свой/чужой», «советский/несоветский», «коммунистический (социалистический) /капиталистический» и приобретает символические проекции в художественных практиках. Наиболее репрезентативно концепт «дружба народов» представлен в визуальных образах: в советских плакатах и живописи, скульптурах и памятниках, советской символике. Автор отмечает, что «дружба народов» становится советским проектом, который конструирует советскую идентичность как в пределах СССР (дружба братских советских народов и республик), так и в пространстве мировой культуры (дружба социалистических народов и угнетенных народов). Феномен «дружба народов» в контексте советской культуры приобретает амбивалентность и уникальность вследствие его утопического основания и антиутопических форм реализации, символизации и эстетизации в художественном творчестве.

Ключевые слова: советская культура, «дружба народов», мифологема, идеологема, СССР, национальное, культурная идентичность, бинарные оппозиции.

Генезис дефиниции «дружба народов»

Советская культура смоделирована рядом онтологически значимых мифологем, среди которых особое место занимает «дружба народов». Генезис этого концепта в отечественной культуре можно обнаружить не только в советский период. Россия как многонациональное государство так или иначе должна была решать национальный вопрос, специфика которого была обусловлена рядом особенностей. Прежде всего территориальными границами Российской империи («Гигантская протяженность границ и материковое положение в центре Евразии делали ее уязвимой с военной точки зрения и с точки зрения ее многонационального характера, поскольку

территории на окраинах были далеки от центра империи как географически, так и экономически, политически и социально-культурно» [Сосновских, 2016]. Кроме того, национальный вопрос был связан, по мнению исследователей, с переосмыслением имперской идентичности, которая привела к политике русификации [Киор, 2010]. Анализируя достижения и промахи в решении национального вопроса в Российской империи, исследователи отмечают, что Российское государство стремилось не вмешиваться в сферу, «регулируемую обычаями и традиционными установками (религия, культура, семья, быт)» [Киор, 2010], готовило ряд реформ, которые не смогли быть реализованными вследствие Первой мировой войны, но в целом, не уделяло должного внимания национальному вопросу, что и привело к обострению политических проблем и обострению кризиса: «Последовательное решение проблем, возможно, не привело бы к революции и падению монархии в нашем государстве» [Сосновских, 2016].

Национальный вопрос так или иначе звучал в политических программах многих партий, боровшихся за власть в начале XX века: «Ни одна из политических партий России, сохранивших влияние после февральской революции, не могла игнорировать национальную проблему. Все партии еще до революции имели свои программы, предполагавшие ту или иную степень расширения автономии национальных окраин и прав национальных меньшинств» [Бочкарева, 2015]. И хотя он не был первоочередным в программе большевиков, национальный вопрос в формулировке «право наций на самоопределение» уже прозвучал в программе Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРА) в 1903 г. Вместе с тем, теоретическое обоснование национального вопроса в работах В. И. Ленина («Критические заметки по национальному вопросу») и И. В. Сталина («Марксизм и национальный вопрос») появилось только в 1913 году, что также сви-

детельствует о том, что решение национального вопроса было менее значимо, чем решение вопроса классового.

В статьях, посвященных национальным вопросам, В. И. Ленин и И. В. Сталин, признавая право наций на самоопределение, тем не менее, негативно оценивали национальную разобщенность: «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией <...>. Борьба против всякого национального гнета — безусловно, да. Борьба за всякое национальное развитие, за “национальную культуру” — безусловно, нет» [Ленин, 1969, т. 24]. Провозглашая революционную по своему звучанию в начале XX века идею возможности самоопределения, большевики подготавливают почву для создания нового представления о нации и национальном вопросе. Широко известно сталинское определение нации, ставшее классикой советского периода: «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин, 1946]. Нация определяется через этнические признаки, а целью нового государства становится создание интернационального государства: «пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность “только” — “только!” — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно симпатиям населения. Вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется практически абсолютное устранение ма-

лейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создается ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства» [Ленин, 1969, т. 30].

В числе первых нормативных актов нового советского государства принимается Декларация прав народов России (от 2 ноября 1917 года), которая закрепляет право народов России на свободное самоопределение и декларирует ряд значимых позиций: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [Декларация прав народов России, URL]. Позже был создан Народный комиссариат по делам национальностей, в рамках которого были организованы комиссариаты по польским, литовским, мусульманским, белорусским, еврейским, армянским, латышским и др. делам [Декларация прав народов России, URL]. Задачи национальных комиссариатов также были закреплены документально. Они должны были информировать советскую власть о «нуждах данной национальности», информировать национальности «о всех шагах и мероприятиях Советской власти», а также пропагандировать идеи Советской власти «между массами данной национальности», улаживать конфликты, возникающие «между органами Советской власти и национальностями» и т.д. [Декларация прав народов России].

Таким образом, была подготовлена почва для появления одного из базовых культурно-идеологических конструктов советского государства — «дружба народов».

Мифологема «дружба народов»

В основе данного конструкта лежит, прежде всего, идея «непременного и полного слияния наций и народностей в ходе строительства коммунизма» [Кульшанова, 2016], следовательно при декларируемом, как было отмечено выше, утверждении, что каждая нация имеет право на самоопределение, советское государство, разрабатывающее концепцию нового советского человека, утверждает необходимость создания новых социалистических наций, между которыми отсутствуют противоречия и конфликты: «унитаризм игнорирует национальные различия и решения национальных проблем видит во всеобщей взаимной ассимиляции — стирании культурных, психологических, бытовых, государственно-организационных, языковых и всяких других различий между народами» [Кульшанова, 2016].

Тем не менее, культурно-идеологический концепт «дружба народов» приобретает в контексте советской культуры статус «мифологемы». Не останавливаясь на дискуссиях, связанных с смысловым содержанием термина «мифологема», отметим, что в рамках нашего исследования мы опираемся на понимание мифологемы, предложенное К. Г. Юнгом. Он называл мифологемой повествования, которые «всем хорошо известны, но которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества» [Юнг, 1996, с. 13]. Мифологема становится значимой единицей мифосистемы и имеет ряд базовых признаков: «свернутую сюжетность», этническую специфику (вследствие влияния национальной картины мира), ретроспективность (ориентация на метафорический и метафизический опыт предшествующих поколений) [Ерохина, 2021]. Особое значение в культуре мифологема приобретает благодаря реализуемым функциям: «являясь сжатой формой мифа, мифологема выполняет ряд коммуникативных функций, в частности, познавательную (алогично-эвристическое

объяснение причин мироустройства), аксиологическую (передачу необходимых для развития социума духовных ценностей), регулятивную (образ запрета-разрешения в социуме), эстетическую (сохранение нарративной традиции и выразительных возможностей языковой и фольклорной архаики)» [Ильинова, 2012, с. 188].

Концепт «дружба народа» соответствует всем выше-названным условиям: генетически он связан с решением национального вопроса в СССР; содержание его обусловлено спецификой советской мифосистемы [Ерохина, 2020], в рамках которой национальные различия практически нивелируются; мифологема «дружба народов» объясняет специфику советской системы, дает представление о системе ценностей советской культуры, формирует канон воплощения образа «дружбы народов» в советском искусстве.

Термин «дружба народов» сменяет словосочетание «национальный вопрос» в силу ряда факторов. Во-первых, в новом советском государстве национальный вопрос как проблема теряет свою актуальность. Национальный вопрос как проблема характеризует досоветский (даже — дореволюционный) период, на смену которому должна была прийти новая формулировка, символизирующая путь решения вопроса. В этом контексте дефиниция «дружба народов» становится наиболее успешной, не случайно Большая советская энциклопедия дает следующее определение дефиниции «дружба народов»: «всестороннее братское сотрудничество и взаимопомощь народов и наций, ставших на социалистический путь развития; в многонациональных государствах — одна из движущих сил развития социалистического общества; в межнациональных отношениях социалистических стран — основа единства в борьбе за мир, за сохранение и умножение социалистических завоеваний, за торжество идей коммунизма» [Дружба народов, URL]. Обратим внимание на то, что в этом определении заложена мно-

гоуровневая характеристика дружбы народов (сотрудничество, движущая сила развития общества, единство в борьбе за мир), при этом объединяющим все уровни условием становится понятие «социалистический» (социалистический путь, социалистическое общество, социалистические завоевания, социалистические страны). Дружба народов понимается как «подлинное решение национального вопроса, как Интернационализм в действии» [Дружба народов, URL]. Во-вторых, «дружба народов», в отличие от национального вопроса, рассматривается не только как принцип построения и функционирования советского государства, но и как результат его деятельности, который значим в советской и мировой культуре: дружба народов «СССР упрочилась в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции, с шовинизмом и национализмом, с реакционными традициями и предрассудками, успешно прошла историческую проверку на всех этапах строительства социализма, блестяще выдержала испытания Великой Отечественной войны 1941—45. Все советские нации и народности сплочённо выступили против фашистской Германии и отстояли Советскую Родину, общие социалистические завоевания» [Дружба народов, URL]. В-третьих, «дружба народов» наделяется новыми коннотациями, которые расширяют её до масштабов мифологемы, что невозможно в рамках термина «национальный вопрос»: дружба народов становится частью бинарных оппозиций, моделирующих советскую мифосистему.

«Дружба народов» в системе бинарных оппозиций

В контексте советской мифосистемы мифологема «дружба народов» раскрывается посредством нескольких бинарных оппозиций. Прежде всего, в обозначенной выше бинарной оппозиции «национальное/интернаци-

ональное». Изначально «дружба народов» противопоставляется национальному как националистическому (о чем и писал В. И. Ленин), поскольку национальный путь должен совпасть с путем социалистического (советского) развития, а он не имеет национальной специфики. Но, совпадая с пониманием интернационального как цели советского государства и идеальной модели общества, концепт «дружба народов» был более органичен, поскольку опирался на реалии советской исторической действительности: многонациональное государство, в котором понятие «нация» не могло быть отменено. С. В. Лурье справедливо отмечает, что советский проект не предполагал полной ассимиляции граждан, «исторически это был первый проект такого рода — проект многонациональной общности <...> Для осуществления идеологемы интернационализма нужны были нации, не говоря уже о том, что развитое общество с точки зрения советских идеологов непременно состоит из наций, модели отношений между которыми и предстояло выработать, равно как и создать образ “советского человека”, носителя интернационализма» [Лурье, 2011]. Советская культура пропагандировала необходимость развития национального самосознания, поскольку именно советскому государству нации, входящие в состав СССР, были обязаны появлением возможности развивать национальную культуру (письменность, театры, университеты, народную культуру). Но наличие национальной культуры в рамках единого проекта советской культуры могло быть представлено только в контексте интернационального: «Советский народ в итоге должен был представлять собой идеал интернационализма, т.е. не образовать единую нацию, а оставаться совокупностью наций. Национальное самосознание не должно было коррелировать с проективным национализмом, связанным с мифом о “золотом веке” в прошлом народа и мифом о “золотом веке” в будущем <...>. “Золотой век” в будущем мог стать достоя-

нием только советского народа в целом, а “золотого века” в прошлом у наций не могло быть ввиду их социального и национального угнетения» [Лурье, 2011].

Таким образом, «дружба народов» становится своего рода «медиатором» в бинарной оппозиции «национальное/интернациональное», выступая в итоге все же на стороне интернационального, как искомого идеала. Гимн Советского Союза закрепляет концепт «дружба народов», при этом, что особенно важно, исторически гимн сменяет в 1943 г. «Интернационал», который в качестве гимна существовал в советском государстве с 1922 года. Текст «Интернационала» имел космополитическое содержание и был обращен к мировому пролетариату, который должен был привести к мировой революции. Смена гимна в 1943 г. в контексте нашего исследования знаменует переход от концепта «интернационализм» к мифологеме «дружба народов». Патриотические настроения, связанные с Великой Отечественной войной, роспуск Коминтерна — все это способствовало созданию нового национального сознания, в котором «дружба народов» становится искомым синтезом национального и интернационального: «Славься, Отечество наше свободное, *Дружбы народов* надежный оплот» (курсив мой. — Т.Е.). И если для раннего советского государства национальный вопрос был значимым, но не доминирующим, то в СССР идеологема «дружба народов» приобретает ключевой характер: дружба народов становится сложной культурной системой, отразившей «и самопредставление русских, и самопредставление других народов, но самое главное — отразившей представление других народов о русских» [Лурье, 2011]. «Дружба народов» становится своего рода критерием определения «советскости», мериллом «советского человека»: «Тот, кто участвует в сценарии “дружба народов”, — “советский человек”» [Лурье, 2011].

Именно такой трансформацией и включением мифологемы «дружба народов» в советскую мифосистему обусловлена роль понятия «дружба народов» в других бинарных оппозициях: «свой/чужой», «советский/несоветский», «коммунистический (социалистический) / капиталистический». Советский человек маркирует границы «своего» и «чужого» на основании советской идентичности: «в советском обществе гражданская идентичность, соединившись с национально-культурной, образовали уникальную в своем роде целостность — идентичность советского человека» [Савельева, Буденкова, 2017]. Большая советская энциклопедия дает следующее определение советскому народу — это «новая историческая, социальная и *интернациональная общность* людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию и многообразную по *национальным особенностям* культуру...» [Советский народ, URL] (курсив мой. — Т.Е.). Обратим внимание на то, что в этом определении концепт «дружба народов» снова представлен двумя составляющими: интернациональное и национальное. Но парадоксальность бинарной оппозиции «свой/чужой» заключается в том, что в контексте «дружбы народов» чужой (в значении представитель другой нации) становится своим (при условии, что он является представителем нации, входящей в состав СССР (например, киргиз, белорус) или нации дружественных социалистических стран (например, венгр, болгарин)): «Представитель какого-либо народа советской России — будучи другой национальности — рассматривается как “свой”, но “особенный”, а не как Чужой, абсолютно непостижимый и представляющий угрозу» [Савельева, Буденкова, 2017]. Гражданская идентичность (которая и представлена понятием «советский человек») поглощает этно-национальную идентичность. Именно этим исследователи объясняют подвижность границ между «своим» и «чужим», поскольку «растет число Других (индивидов, этносов, на-

ций, религий), которые становятся Своими» [Савельева, Буденкова, 2017]. Так, например, наиболее репрезентативно трансформация «чужого» (в значении иной национальности) в «другого» (но «своего») можно обнаружить в кинофильме «Мимино» (реж. Г. Данелия). Концепт «дружба народов» заявлен в этом фильме не только в комедийном сопоставлении и противопоставлении Мизандари/Мимино (Б. Кикабидзе) и Хачикяна (Ф. Мкртчян), которые представляют разные национальные культуры, являясь при этом советскими людьми, но и в сюжетной линии, связанной с ветераном войны Волоховым (Е. Леонов), который помогает Мимино реализовать его мечту.

Формируется позитивный образ «другого» с точки зрения национальных критериев, но, если бинарная оппозиция «свой/чужой» начинает коррелировать с оппозициями «советский/несоветский», «коммунистический (социалистический)/капиталистический», концепт «дружба народов» приобретает новые культурные смыслы. Так, «чужой» в значении «несоветский» выступает в качестве врага, враждебного по отношению к ценностям советского государства. Но национальный критерий в данном случае не является доминирующим, напротив, как правило, он представлен двумя полюсами бинарной оппозиции. Например, в кинофильме «Белое солнце пустыни» (реж. В. Мотыль) мы также обнаруживаем бинарную оппозицию «свой/чужой» в аспекте «дружбы народов», где «свой» (хотя еще и не в полной мере «советский») — Саид (С. Мишулин), а «чужой» в том числе в значении «несоветский» — Абдулла (К. Кавсадзе); где гибнут в борьбе за советские идеалы и Петруха (Н. Годовиков) как представитель своей/советской культуры, и Верещагин (П. Луспекаев) как представитель прежней досоветской России, который становится своим/советским героем, и Гюльчатай (Т. Федотова) как представительница национальной культуры, которая не успела, но готова была стать частью советской культуры. Показа-

тельно, что действие фильма происходит в начале 1920-х годов, поэтому мы не можем определенно сказать, что уже было образовано советское государство, но на экраны кинофильм вышел в 1969 году, поэтому концепт «дружба народов» репрезентирован в нем многоаспектно.

Еще более сложно в контексте «дружбы народов» выстраивается бинарная оппозиция «коммунистический (социалистический)/капиталистический», поскольку эта бинарная оппозиция возвращает нас к «интернациональному/национальному». Так, «чужим» становится представитель западного, капиталистического мира, который противостоит советскому человеку, представителю социалистического лагеря. И этот «чужой» может быть любовью национальности. Но этот же «чужой» представитель капиталистического мира становится «своим» при условии, что он принимает советские ценности, и в этом случае его национальность не имеет значения, поскольку она заменяется советской идентичностью. Примером подобной трансформации становится кинофильм «Цирк» (реж. Г. Александров), который вышел на экраны в 1936 г. и выстраивает бинарную оппозицию «свой/чужой» как «социалистический/капиталистический» посредством системы персонажей. Американка Мэрион Диксон (Л. Орлова) становится «своей», в то время как немец Франц фон Кнейшиц (П. Массальский) демонстрирует образ «чужого». Финал фильма, в котором Мэрион вместе с Иваном Мартыновым (С. Столяров) поют песню «Широка страна моя родная», маршируя на демонстрации, — символическая сцена демонстрации советской идентичности, пришедшей на смену идентичности национальной: «Свои — безусловно, за социалистическое мироустройство, а именно: за социальную справедливость, интернационализм, коллективизм, патриотизм, мировую революцию и т.д. Другие опознаются по агрессивно-активному либо пассивному сопротивлению данному устройству общества» [Савельева, Буденкова, 2017].

«Дружба народов» в советском искусстве

Анализируя мифологему «дружба народов», мы не случайно обратились к художественной культуре. Во-первых, мифологема «дружба народов» имеет различные формы выражения в искусстве советского периода, которое становится одним из средств пропаганды советской идеологии. Во-вторых, являясь идеологическим конструктом, «дружба народов» представлена в искусстве в контексте обозначенных выше бинарных оппозиций.

Наиболее репрезентативно концепт «дружба народов» представлен в визуальных образах. Не ставя перед собой целью проанализировать все примеры воплощения «дружбы народов» в советском искусстве, обозначим основные тенденции репрезентации данной мифологемы в художественных практиках. Отметим, что мы не будем обращаться к эволюции и трансформации концепта «дружба народов», а рассмотрим константные составляющие данного феномена в искусстве. В рамках нашего исследования мы, прежде всего, обратились к тем произведениям искусства, в которых концепт «дружба народов» вынесен в заглавие. Именно такое название имеет монументальное полотно (размер: 205 x 248 см.) С. М. Карпова 1923—1924 гг. (Музей современной истории России). Не останавливаясь на художественных достоинствах этой картины, обратим внимание на символическую составляющую образа «дружба народов». Центром композиции становится группа из семи мужчин, несущая на своих руках предметы, символизирующие советскую власть: Конституцию СССР, государственный герб и флаг СССР, снопы колосьев, лавровую ветвь (символ мира и победы). Изображена эта группа на фоне Кремлевской стены, рядом с группой представлены символы готовности советского народа с оружием в руках отстаивать свои убеждения (пушка, винтовка, щит с надписью СССР). Каждая из фигур имеет символическое значение. Но символика эта разноуровневая: так, нам показаны традиционные для

советской культуры представители трех важнейших социальных групп (классов): в центре расположен рабочий, слева от него — красноармеец, а справа — крестьянин. И эти фигуры не имеют национальной специфики. Стоящие вслед за ними фигуры уже обозначены как представители того или иного народа (нации): олицетворение народов Кавказа, славянских народов, народов Средней Азии, малых народов Севера и Сибири. Правая часть картины представляет собой пейзаж, в котором доминирует изображение неба со светлыми облаками и лучами солнца, также мы можем увидеть самолет, дымящиеся трубы заводов, крыши домов, поля и леса, символизирующие светлое будущее, за которое готов бороться народ СССР. Показательно, что вынесенный в название концепт «дружба народов» представлен в этой картине в контексте национального и интернационального, поскольку совмещает в себе как указание на народности и нации, водящие в СССР, так и на классовую принадлежность, которая является главной в раскрытии системы ценностей советского государства.

Отметим, что еще более репрезентативно образ «дружбы народов» представлен в советских плакатах. Можно выделить наиболее часто повторяющиеся символы дружбы народов. Прежде всего, это герб СССР, в котором идея дружбы народов передана в надписях на языках союзных республик, входящих в СССР, знаменитого интернационального призыва: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Именно герб повторяется на многих советских плакатах, становится центром композиции, вокруг которого изображаются представители всех союзных республик. Национальная принадлежность к той или иной республике (народу, нации), определяется, как правило, по национальному костюму, а также (несколько реже) по чертам лица. К этому типу относятся плакаты, в которых представители всех союзных республик об руку с развевающимися флагами союзных республик

идут навстречу светлому будущему. Часто подобного рода визуальные образы на плакатах сопровождается текст: «Да здравствует братский союз и великая дружба народов СССР!» (Елкин В. Н., 1938), «Славься, Отечество наше свободное, Дружбы народов надежный оплот!» (Пяткин Д. И., 1950), «Да здравствует созданный Великим Октябрем братский союз и нерушимая дружба народов СССР!» (Рейх М. В., 1957) и др.

Среди этой группы плакатов, посвященных дружбе народов в СССР, отдельное место занимают плакаты, раскрывающие более бытовые аспекты советской мифологии: например, это плакат, на котором изображены женщина с дочкой-пионеркой, которые улыбаются и протягивают руки к молодой узбечке в национальном костюме, держащей на руках своего ребенка. Надпись на плакате призывает к дружбе: «Из поколения в поколение крепите дружбу народов СССР!» (Коновалов В., 1948). Этот плакат представляет особый интерес, поскольку он, с одной стороны, имеет национальную специфику, представленную в национальном костюме, национальной причёске (множество тонких косичек), головном уборе (тюбетейке), но, с другой стороны, образы второй женщины и её дочери лишены национальной принадлежности, зато девочка изображена в пионерском галстуке, что подчеркивает её приверженность идеологии советского государства. Национальный образ «своего» трактуется в аспекте советского.

Столь же показателен и советский плакат, в центре которого изображен мужчина славянской внешности в деловом костюме со звездой героя социалистического труда, вокруг центральной фигуры сгруппированы мужчины и женщины в национальных костюмах. Надпись на этом плакате гласит: «Колхозники и колхозницы! Крепите дружбу народов СССР социалистическим трудом!» (Ватолина Н. Н., 1950). Таким образом, снова подчер-

кивается, что дружба народов может быть рассмотрена в контексте национального и классового (социального).

Представлен в советском плакатном искусстве и образ «дружбы народов», связанный с бинарной оппозицией «интернациональное/национальное», которая раскрывается и через оппозицию «коммунистический (социалистический)/капиталистический». Мы сознательно не обращаемся к образу врага, поскольку эта тема требует отдельного рассмотрения, а акцентируем внимание на образе «своего», который представлен не в контексте СССР, а в контексте мирового содружества — дружбы социалистических народов или дружественных стран и угнетенных народов. Плакаты, посвященные этой тематике, наиболее часто обращаются к образам людей, в которых подчеркивается расовая принадлежность, например, изображение мужчин европейской, негроидной и монголоидной рас. Текст на плакате гласит: «Не позволим сеять вражду между народами!» (Ватолина Н. Н., 1957). Близкий по символике плакат, но уже в более интимно-бытовом звучании — плакат В. Каленского и И. Каленской «Мир на земле — наше счастье!» (1961), на котором изображены матери с детьми на руках, при этом принцип изображения не меняется: по-прежнему даны представительницы трех рас. Дружба народов представлена и другими плакатными образами, например, в плакате Н. Ватолиной (1957), на котором на фоне земного шара изображены счастливые танцующие пары в одежде, имеющей некоторые признаки разных национальных культур: Индии, Мексики, Испании и др. Надпись на плакате также имеет «общемировое» звучание: «Наш горячий привет облетает весь мир! Мы за дружбу и мир!»

Встречаются и плакаты, посвященные братской дружбе как между союзными республиками (например, плакат, посвященный дружбе РСФСР и УССР), так и между дружественными странами (СССР и Китай, СССР и Вен-

грия). Соглашаясь с точкой зрения М. Б. Ворошиловой, которая отмечает, что «визуальные образы дружбы народов стереотипны, клишированы, что в полной мере соответствует и анализируемому жанру, и анализируемому пропагандистскому дискурсу. Стереотипность лежит и в основе вербального компонента плаката о дружбе» [Ворошилова, 2015], отметим, что плакатное искусство, используя средства визуального и вербального воплощения образа «дружба народов», репрезентирует все указанные выше трактовки этой мифологемы, в полной мере отвечая советскому канону понимания дружбы народов.

Подобную каноничность и стереотипность обнаруживаем мы и в других видах искусства. В скульптуре символом дружбы народов становится фонтан «Дружба народов», созданный к открытию ВДНХ в 1954 г. (К. Топуридзе и Г. Константиновский), скульптурное оформление которого символизировало шестнадцать республик, входящих на момент создания фонтана в состав СССР. Отдельного упоминания заслуживают скульптурные монументы, посвященные дружбе народов, установленные в Уфе (монумент Дружбы, 1965, М. Ф. Бабурин и Г. П. Левицкая, Е. И. Кутырев и Ю. И. Гаврилов, установленный в честь 400-летия присоединения Башкирии к России), Ижевске (монумент «Дружба народов» или «Навеки с Россией», А. Бурганов, Р. Топуридзе, 1972, посвященный 400-летию вхождения Удмуртии в состав России), Кемерово (скульптурная композиция «Дружба народов», А. П. Хмелевский, В. В. Челенко, Н. С. Сосе-лия, 1980, посвященный дружбе городов-побратимов Кемерово и Шалготарьян (Венгрия)) и др. Отметим, что в этих монументах и скульптурах воплощены разные аспекты дружбы: дружбы народов, входящих в СССР, и народов, дружественных по отношению к СССР.

Концепт «дружба народов» достаточно широко представлен и в других памятных событиях и явлениях в истории СССР: это и основанный в 1939 г. советский

литературный журнал, призванный изначально пропагандировать и популяризировать произведения писателей союзных республик, переведенные на русский язык; основанный в 1960 г. Университет Дружбы народов (Москва) (ныне — Российский университет дружбы народов), учрежденный в 1972 г. в честь 50-летия образования СССР орденом Дружбы народов, и др.

Таким образом, мы можем утверждать, что «дружба народов» — советский проект, который создавался в рамках решения национального вопроса и стал одной из наиболее значимых мифологем советской мифосистемы. Утверждая единство наций в советском государстве, феномен «дружба народов» приобретает амбивалентность, поскольку обосновывается и реализуется в контексте системы взаимосвязанных и взаимообусловленных бинарных оппозиций: «национальное/интернациональное», «свой/чужой», «советский/несоветский», «коммунистический (социалистический)/капиталистический». При этом «дружба народов», с одной стороны, формирует систему близких понятий: дружба народов — это свой, советский, коммунистический (социалистический). С другой стороны, концепт дружба народов становится медиатором в бинарной оппозиции «национальное/интернациональное», снимая противопоставление посредством «примирения» национального в значении союза наций в СССР и интернационального как условия построения коммунизма; медиативная функция конструкта «дружба народов» связана и с трансформацией понятий «свой» и «чужой», которая имеет контекстуальный характер.

Уникальность «дружбы народов» как советского проекта заключается в его утопическом основании, поскольку именно утопия создает модель идеального социального устройства, на которую и была ориентирована советская культура («модель идеального общества, основанного на справедливости, гармонии, гуманизме» [Черткова,

2001], и антиутопических форм его реализации в истории советского государства, которые привели к депортации народов СССР, репрессиям по «национальным линиям». Утопические проекты, как правило, в процессе реализации приводят к антиутопии, поскольку «избежать зла и страдания можно лишь ценой отрицания свободы. Тогда мир был бы принудительно добрым и счастливым. Но он лишился бы своего богоподобия. Ибо богоподобие это прежде всего в свободе» [Бердяев, 2006], тем не менее, мифологема «дружба народов» содержит в себе идеальные основания, поскольку базируется на гуманистических идеалах.

Литература

- Бердяев, 2006 — *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского. Москва: Хранитель, 2006. 214 с. // URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1921_dostoevsky.shtml (дата обращения: 25.08.2022).
- Бочкарева, 2015 — *Бочкарева И.Б.* Национальный вопрос в программных установках большевиков в дооктябрьский период // Известия Алтайского государственного университета. Серия Исторические науки и археология. 2015. № 4–2 (88). С. 33–37 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyu-vopros-v-programmnyh-ustanovkah-bolsh-evikov-v-dooktyabrskiy-period/viewer> (дата обращения: 25.08.2022).
- Ворошилова, 2015 — *Ворошилова М.Б.* «Дружба крепкая не сломается»: визуальные символы дружбы в советском политическом плакате // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 91–94 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/druzhba-krepkaya-ne-slomaetsya-vizualnye-simvol-y-druzhby-v-sovetskom-politicheskom-plakate/viewer> (дата обращения: 25.08.2022).

- Декларация прав народов России, URL — Декларация прав народов России // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 16 (3) ноября 1917 г. // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (дата обращения: 25.08.2022).
- Дружба народов, URL — Дружба народов // Большая советская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия. 1969–1978 // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/85861/Дружба> (дата обращения: 25.08.2022).
- Ерохина, 2020 — *Ерохина Т.И.* Героизация личности и быта в советской культуре начала XX в.: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4. 2020. С. 147–155.
- Ерохина, 2021 — *Ерохина Т.И.* Субъективность восприятия времени в мифотворчестве советской эпохи // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3. С. 155–161.
- Ильинова, 2012 — *Ильинова Е.Ю.* Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXI. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения: сб. научных трудов. Санкт Петербург: Политехника-сервис, 2012. С. 184–194.
- Киор, 2010 — *Киор В.Б.* Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения: Регионоведение». 2010. № 4. С. 204–218 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika-v-imperskoj-rossii-1/viewer> (дата обращения: 25.08.2022).
- Кульшанова, 2016 — *Кульшанова А.А.* К проблеме теории и практики национального вопроса в СССР // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 3. С. 120–123 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-i>

- praktiki-natsionalnogo-voprosa-v-sssr (дата обращения: 25.08.2022).
- Ленин, 1969 — *Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении (1916 г.) // Полн. собр. соч. Т. 30. Москва, 1969 // URL: <http://communist-ml.ru/archives/10643> (дата обращения: 25.08.2022).
 - Ленин, 1969 — *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полн. собр. соч. Т. 24. Москва, 1969. С. 113–150 // URL: http://az.lib.ru/l/lenin_w_i/text_1913_kriticheskie_zametki_po_natzionalnomu_voprosu.shtml (дата обращения: 25.08.2022).
 - Лурье, 2011 — *Лурье С. В.* «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // *Общественные науки и современность.* 2011. № 4. С. 145–156 // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/analit02.php> (дата обращения: 25.08.2022).
 - Савельева, Буденкова, 2017 — *Савельева Е. Н., Буденкова В. Е.* Образ другого как отражение национально-культурной идентичности в советском и постсоветском кино // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2017. № 45. С. 114–119 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-kak-otrazhenie-natsionalno-kulturnoy-i-denticnosti-v-sovetskom-i-postsovetskom-kino/viewer> (дата обращения: 25.08.2022).
 - Советский народ, URL—Советский народ // Большая советская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия. 1969–1978. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133856/Советский> (дата обращения: 25.08.2022)
 - Сосновских, 2016 — *Сосновских А. В.* Национальная политика к началу XX века и её влияние на развитие кризисной ситуации в Российской Империи // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2016. Т. 5,

- № 1. С. 205–207 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-k-nachalu-xx-veka-i-ee-vliyanie-na-razvitie-krizisnoy-situatsii-v-rossiyskoj-imperii/viewer> (дата обращения: 25.08.2022)
- Сталин, 1946 — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения: Т. 2. Москва; Тверь, 1946 // URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm (дата обращения: 25.08.2022).
 - Черткова, 2001 — *Черткова Е. Л.* Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) // *Вопросы философии.* 2001. № 7. С. 12–37 // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1166 (дата обращения: 25.08.2022).
 - Юнг, 1996 — *Юнг К. Г.* Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

References

- *Berdyayev N. A.* Mirosozercanie Dostoevskogo [Worldview of Dostoevsky]. Moscow: Guardian, 2006. 214 p. // URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1921_dostoevsky.shtml (accessed on 25.08.2022).
- *Bochkareva I. B.* Nacional'nyj vopros v programmnyh ustanovkah bol'shevikov v dooktyabr'skij period [The national question in the program settings of the Bolsheviks in the pre-October period] // *Izvestiya Altai State University. Series Historical Sciences and Archaeology.* 2015. N 4–2 (88). P. 33–37 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-vopros-v-programmnyh-ustanovkah-bolshevikov-v-dooktyabrskiy-period/viewer> (accessed on 25.08.2022).
- *Voroshilova M. B.* «Druzhba krepkaya ne slomaetsya»: vizual'nye simvoly druzhby v sovetskom politicheskom plakate [“Friendship strong will not break”: visual symbols of friendship in Soviet political posters]

// Political Linguistics. 2015. № 3 (53). P. 91–94. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/druzhba-krepkaya-ne-slomaetsya-vizualnye-simvoly-druzhby-v-sovetskom-politicheskom-plakate/viewer> (accessed on 25.08.2022).

- Deklaraciya prav narodov Rossii [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia] // Gazette of the Provisional Workers' and Peasants' Government of 16 (3) November 1917 // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (accessed on 25.08.2022).
- Druzhba narodov [Friendship of Peoples] // The Great Soviet Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia. 1969–1978. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/85861/Дружба> (accessed on 25.08.2022).
- *Erokhina T.I.* Geroizaciya lichnosti i byta v sovetskoj kul'ture nachala HH v.: genezis i transformaciya [Heroization of personality and life in the Soviet culture of the early twentieth century: genesis and transformation] // Yaroslavl Pedagogical Herald. 2020. N 4, P. 147–155.
- *Erokhina T.I.* Sub"ektivnost' vospriyatiya vremeni v mifotvorchestve sovetskoj epohi [Subjectivity of the perception of time in the myth-making of the Soviet era] // Yaroslavl Pedagogical Herald. 2021. N 3. P. 155–161.
- *Ilinova E.* Yu. Mifologema kak evristicheskiy priem interpretacii kognitivnoj kartiny mira [Mythologem as a heuristic method of interpreting the cognitive picture of the world] // STUDIA LINGUISTICA. Issue XXI. Anthropocentric linguistics: problems and solutions: collection of scientific works. St. Petersburg: Polytechnic-service, 2012. P. 184–194.
- *Kior V.B.* Gosudarstvennaya nacional'naya politika v imperskoj Rossii [State national policy in imperial Russia] // Vestnik (Herald) of the Russian State University of Humanities. Series "International Relations: Regional Studies". 2010. N 4. P. 204–218 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika-v-imperskoj-rossii-1/viewer> (accessed on 25.08.2022)

[naya-politika-v-imperskoj-rossii-1/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika-v-imperskoj-rossii-1/viewer) (accessed on 25.08.2022)

- *Kulshanova A. A.* K probleme teorii i praktiki nacional'nogo voprosa v SSSR [To the problem of theory and practice of the national question in the USSR] // Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan. 2016. N 3. P. 120–123 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-i-praktiki-natsionalnogo-voprosa-v-sssr> (accessed on 25.08.2022)
- *Lenin V.I.* Itogi diskussii o samoopredelenii (1916) [The results of the debate on self-determination (1916)] // Complete Works. Vol. 30. Moscow, 1969 // URL: <http://communist-ml.ru/archives/10643> (accessed on 25.08.2022).
- *Lenin V. I.* Kriticheskie zametki po nacional'nomu voprosu (1913) [Critical Notes on the National Question (1913)] // Complete Works. Vol. 24. Moscow, 1969 // URL: http://az.lib.ru/l/lenin_w_i/text_1913_kriticheskie_zametki_po_natzionalnomu_voprosu.shtml (accessed on 25.08.2022).
- *Lurie S.V.* «Druzhba narodov» v SSSR: nacional'nyj proekt ili primer spontannoj mezhetnicheskoy samoorganizacii? [“Druzhba narodov” v SSSR: National Project or Example of Spontaneous Interethnic Self-Organization?]. 2011. N 4. P. 145–156 // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/analit02.php> (accessed on 25.08.2022).
- *Savelieva E.N., Budenkova V.E.* Obraz drugogo kak otrazhenie nacional'no-kul'turnoj identichnosti v sovetskom i postsovetskom kino [The image of the other as a reflection of national-cultural identity in Soviet and post-Soviet cinema] // Bulletin of Tomsk State University. History. 2017. N 45. P. 114–119 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-kak-otrazhenie-natsionalno-kulturnoy-identichnosti-v->

[sovetskom-i-postsovetskom-kino/viewer](#) (accessed on 25.08.2022).

- Sovetskij narod [Soviet People] // The Great Soviet Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia. 1969–1978. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133856/Советский> (accessed on 25.08.2022).
- *Sosnovskikh A.V.* Nacional'naya politika k nachalu HH veka i eyo vliyanie na razvitie krizisnoj situacii v Rossijskoj Imperii [National policy to the beginning of the twentieth century and its influence on the development of the crisis situation in the Russian Empire] // Baltic Humanitarian Journal. 2016. Vol. 5. N 1. P. 205–207 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-k-nachalu-xx-veka-i-ee-vliyanie-na-razvitie-krizisnoj-situatsii-v-rossijskoj-imperii/viewer> (accessed on 25.08.2022).
- *Stalin I.V.* Marksizm i nacional'nyj vopros [Marxism and the National Question] // *Stalin I.V. Works: Vol. 2.* Moscow; Tver, 1946 // URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm (accessed on 25.08.2022).
- *Chertkova E.L.* Metamorfozy utopicheskogo soznaniya (ot utopii k utopizmu) [Metamorphosis of Utopian Consciousness (from Utopia to Utopism)] // Problems of Philosophy. 2001. N 7. P. 12–37 // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1166 (accessed on 25.08.2022).
- *Jung K.G.* Dusha i mif: shest' arhetipov [The Soul and the Myth: The Six Archetypes]. Kiev: State Library of Ukraine for Youth, 1996.

Erokhina T. I.

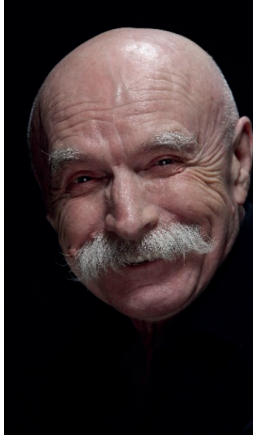
“FRIENDSHIP OF PEOPLES:”

THE SOVIET AND NATIONAL IN THE USSR

Tatiana Iosifovna Erokhina, Doctor of Cultural Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural Sciences, Honored Educator of the Russian Federation. Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. 108/1 Respublikanskaya St., Yaroslavl, Russian Federation, 150000. E-mail: tatyanaer@yandex.ru

Abstract. The article deals with the concept of “ethnic solidarity”, which was formed in the Soviet culture as a mythologeme and an ideologeme. The construct «ethnic solidarity», declaring a new type of relationship in the Soviet state, was substantiated by theorists of the Soviet ideology, was embodied in normative legal documents, was represented in the USSR artistic culture. Turning to a genesis and an evolution of the term «ethnic solidarity», the author focuses on a construction of multi-level interpretation of this mythologeme in the Soviet culture. The binary opposition “national/international;” in the context of “ethnic solidarity” is transformed into the oppositions “us/them,” “Soviet/non-Soviet,” «communist (socialist)/capitalist». It gets symbolic projections in artistic practices. The most representative concept of “ethnic solidarity” is presented in visual patterns: in Soviet posters and painting, sculptures and monuments, Soviet symbolic. The author of article notes that “ethnic solidarity” is becoming a Soviet project engineered the Soviet identity both in the USSR (friendship of friendly nation of the Soviet peoples and republics), and in the space of world culture (friendship between socialist people and oppressed people). The phenomenon of «ethnic solidarity» in the context of Soviet culture get an ambivalence and a uniqueness because of its utopian foundation and anti-utopian forms of realization, symbolization and aestheticization in the artistic creativity.

Key words: *Soviet culture, “friendship of peoples,” mythologeme, ideologeme, USSR, national, cultural identity, binary oppositions.*

Макаренко В. П.,

Акопян А. Г.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗДАРНОСТЬ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Макаренко Виктор Павлович, доктор политических и философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета. 344000, Россия, Ростовская область, Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116.
E-mail: vrtakak1985@gmail.com

Акопян Анаит Гагиковна, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации. Южный федеральный университет. 344006, Россия, Ростовская область, Ростов-на-Дону, Университетский пер., 93.
E-mail: anaitak@sfedu.ru

Аннотация. Проблема политической бездарности наиболее строго в истории СССР поставлена Л.Д. Троцким. С использованием царских офицеров он стал инициатором полити-

ческой импровизации в осуществлении Октябрьского восстания и создания Красной армии [Павловский, с. 165]. Не менее важна его критика Сталина как политической бездарности, поднявшейся к вершинам власти. Троцкий — первый из коммунистов, кто пошел с «кремлевским горцем» на открытый бой [Дойчер, с. 64]. Лишь за это Лев Давыдович заслуживает уже безусловное уважение и благодарную память всех потомков.

Однако в версии Аристотеля и Ханны Арентд его все же нельзя причислять к приверженцам политики как совместных действий. Причина кроется прежде всего в том, что стремление к власти посредством насилия и манипуляции для исполнения марксистской доктрины для него было основным мотивом деятельности, меж тем как общее положение соотношения бездарности и дара в сфере политики Троцкий не рассматривал.

Авторы для этой цели используют идеальные типы бюрократа и политика в формулировке М. Вебера. С его точки зрения, бюрократический способ управления наиболее рациональный, что само по себе уже образует проблему. Политическая бездарность же приписывалась им только Николаю II и рассматривалась как следствие российского самодержавия и связанного с ним полицейского режима государства. Однако о европейских политиках в данном свете он не писал ничего. Как властные и бюрократические стандарты поведения, мышления и деятельности проявляются в самом революционном процессе? — этот вопрос Вебер тоже не обсуждал. Для нас же эта проблема является центральной со времени публикации первых книг [Макаренко, 1987; Макаренко, 1988]. В статье уточняется ее формулировка в контексте авторского понимания советской политической бездарности.

Ключевые слова: *И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, константы политической бездарности в деятельности правительств Российской империи, СССР и России.*

Талант Троцкого — публициста, революционера, государственного деятеля и теоретика — отрицать невозможно, но он был нацелен на создание государства «диктатуры пролетариата» по ленинскому рецепту в специфических обстоятельствах первой мировой войны и революции в Российской империи. Ввиду этого оценка деятельности Троцкого будет всегда зависеть от меры согласия (несогласия) каждого индивида с данным рецеп-

том. Аналогично можно оценить также интерпретацию идей Маркса, которую им на различных этапах борьбы придавали большевики и Троцкий для реализации данного проекта. Марксов проект будущего общества был для Троцкого абсолютной истиной, которая стоила ему жизнь. Впрочем, данный проект представлял собой лишь одно из сторон политической практики и мысли, которую необходимо исследовать в конкретно-историческом контексте деятельности и поведения. В любом случае этот проект не является абсолютной истиной.

В России проблема свободного выбора каждым индивидом своего направления политической мысли и практики была и есть монополия вершины государственной власти, навязывающая свой выбор и волю десяткам миллионов людей. Это указывает на отсутствие в стране нормального гражданства. Взамен него вершиной власти культивируется подданность [Лор, 2017] и навязывается особое видение политической реальности большинству подданных Российской империи-СССР-России. Троцкий же входил как раз в состав верховных революционных и государственных поводырей. Отсюда следует, что типологию российской политической мысли и практики можно соотнести с множеством историй множества государств и судьбами всех харизматических, традиционных и легальных политиков (при согласии с типологией Вебера), которые оставили свое имя в истории России. Для этой цели можно прибегнуть также к политическим, социально-классовым, профессиональным, мировоззренческим критериям, на базе которых возникают иные типологии. Более того, этот список необходимо сопоставлять с судьбами «безмолвствующего большинства», но мемуаров на этот счет есть немалое количество, их систематизация под этим ракурсом неизвестна, тогда как общая теория политического контекста уже существует [The Oxford Handbook, 2006].

Если принять во внимание всемирную историю, то революции, войны и диктатуры оказывали решающее влияние на существование и становление государств. Борьба за власть происходила в контексте возникновения и раскрытия талантов политиков, военных и государственных деятелей. В истории оставались именно выдающиеся представители этих профессий. На этой основе Гегель построил целую философию, предложив изучать деятельность государственных мужей и полководцев, в которой, как он считал, проявляется смысл истории.

Следует исходить из факта величайшей несправедливости Сталина по отношению к человеку, создавшему основы главных политических институтов СССР — и в «благодарность» за это зверски умерщвленному. Главной причиной подобного зверства стало отождествление Сталиным собственного интереса в завоевании и удержании личной власти с интересами советского государства. Причины такого отождествления требуют особого анализа прежде всего потому, что мировой демократической теории и практики было недостаточно (история большинства постсоветских стран после 1989—1991 гг.) для нейтрализации указанного тождества. Попытки его устранить не смогли преодолеть соблазн решать политические проблемы военно-полицейскими методами.

Этот факт можно рассматривать как частный случай абсолютного зла советской системы, созданной с участием Троцкого [Подорога, 2017], но с руководителем которой он боролся до конца жизни. Политическая полиция СССР получила привилегию заниматься наблюдением за «политикой» большинства государственных деятелей СССР, России и других государств; то есть политическая полиция выполняла волю вождя и была главным средством воплощения абсолютного зла — Сталин вовлек ее во внутривластную борьбу на вершине и во всей иерархии советской власти. Обзор литературы на эту тему и по вопросу преодоления возмутительной несправедли-

ности по отношению к Троцкому не вписывается в цель статьи — бросим лишь несколько штрихов на проблемы советской политической бездарности.

И. Дойчер в своем трехтомнике приводит важные констатации: Троцкий — один из самых выдающихся революционеров всех времен и народов; все методы сталинского правления государством, все его идеи, все его политические акции и моральный климат советского государства надо полностью отвергнуть и переосмыслить все, что сохраняет актуальность в наследии Троцкого; жизнь и деятельность Троцкого — высокая современная трагедия, поскольку путь, избранный им для защиты революции, оказался для него способом политического самоубийства [Дойчер, с. 12—15], в состав которого входит ложь, насилие и манипуляция, и инициатором которых был он сам; СССР есть смесь всего самого возвышенного, самого ложного и самого отвратительного в современной цивилизации; жизнь, дела и судьба Троцкого имеют цивилизационное измерение [Дойчер, с. 512—523].

Исследований, применяемых выводы И. Дойчера для анализа славянской, православной и советской цивилизации (если согласиться с приверженцами этой типологии), неизвестно. Особенности этих цивилизаций на основе анализа судеб всех выдающихся революционеров в их истории и внесенной ими меры «исправления» в судьбы «безмолвствующего большинства»¹ еще никем не уточнены. Руководители РПЦ однозначно определяют революционеров как продавших свою душу дьяволу.

В 1923 г. в поэме «Про это» В. В. Маяковский внятно сказал, что он не приемлет и ненавидит

¹ Хотя общая констатация известна давно: «Все, что изобрел генеральный штаб Германии еще в 1917—1918 гг. в качестве чрезвычайных мер для решения все множившихся проблем, возникших из-за необходимости бросить все ресурсы на решение военных задач, для российских коммунистов стало нормой как во время войны, так и в мирное время» [Мак-Нил, с. 108]. Троцкий перенес эту «норму» в российские условия и в этом смысле тоже был эпигоном, как и прочие советские вожди.

Это все —
 Все, что в нас ушедшим рабым вбито,
 Все, что мелочинным роєм
 Оседало и осело бытом
 И при нашем краснофлаге строе.

Накануне самоубийства во введении в поэму «Во весь голос» Маяковский назвал уже это «окаменевшим говном». В современной пропаганде ностальгии по СССР этот мотив почему-то не используется.

Правда, Ю. Л. Слезкин спустя девяносто лет после смерти поэта предложил исследовать русскую революцию и уцелевших «чиновников революции» (кажется, это выражение принадлежит А. Грамши), получивших квартиры в «Доме на набережной», как следствие влияния сектантского мировоззрения на революционный процесс. Сектантский взгляд на мир в этом случае переплетается с революционным и образует сагу о русской революции. Любая сага претендует на вневременной и цивилизационный смысл. Тем самым деятельность Троцкого образует органический элемент православно-славяно-русской цивилизации [Слезкин, 2019] — тогда главной чертой этой цивилизации нужно считать сектантство и тем самым соглашаться с католической версией истории христианских церквей. С этой точки зрения можно классифицировать сюжеты о Троцком по книге Ю. Л. Слезкина.

В 1920-е гг. адепты Сталина изобрели термины *ленинизм* и *троцкизм* для противопоставления первого квазиучения другой квазитеории [Чернявский, с. 354]. Если не возражать мысли, тогда ленинизм и троцкизм — варианты политической лжи. В этом случае необходимо уточнить смыслы подлинных, настоящих, истинных политических учений и теорий. Проблема смещается в сферу политической методологии, где общий вопрос о мере оригинальности и истинности данных учений и теорий изучен недостаточно. Нельзя полагать также существование абсолютно истинного политического учения (тео-

рии). Наоборот, политика, понятая как борьба за власть, всегда порождала мифы. Впрочем, мера мифичности всех направлений политической мысли и практики не установлена тоже.

Чтобы расширить сферы анализа нужно учесть заключения специалиста: троцкизма как особого направления политики не существовало, хотя почти столетняя традиция советской историографии утверждала противоположное; концепция перманентной революции не является изобретением Троцкого — она вытекала из общей марксистской системы взглядов и носила политико-стратегический характер, а не теоретический. «Она была близка к развиваемой Лениным концепции «непрерывной революции» (обратим внимание даже на совпадение термина — ведь «непрерывная» это и есть «перманентная»!), и только политические амбиции и тактические разногласия обоих лидеров препятствовали им в достижении единства по частным вопросам, для чего надо было лишь пойти на мелкие доктринальные уступки» [Чернявский, с. 101–102].

Однако сделать это не смог никто — ни полностью серый большевистский политик, ни самый талантливый. Возникает вопрос относительно описания меры внутреннего единства обоих, несмотря на конфликт, ввиду их общей принадлежности к партии и занятия одной и той же деятельностью. Специфика ее политической формы состоит в неопределенности, которая связана с невозможностью предугадать будущие ситуации и соотношения сил, что приводит к упорству в мелочах, поскольку они могут оказаться решающими, если власть окажется в руках группы или партии, к которой принадлежит тот или иной индивид.

Теория перманентной революции получила свой образ в работах Маркса-Энгельса на основе анализа европейских революций 1848–1849 гг.. Суть ее такова: коммунистическая революция начинается на национальной почве (речь шла тогда о разрушении Священного Союза

под эгидой России, заключенного главами европейских империй после победы над Наполеоном) в виде «весны народов», развивается на интернациональной почве и завершается на уровне мирового масштаба. Теория перманентной революции в таком смысле не подтвердилась: она оказалась романтическим вымыслом, но сохранилась в арсенале социалистического движения [Там же, с. 89].

Если принять во внимание, что указанная теория дала Троцкому убежденность в невозможности построить социализм в стране, мотивируя его идейно на борьбу со Сталиным, но, по сути, не Сталин, а он оказался прав (расплатившись за свою правоту смертью героического революционера), то тогда возникает вопрос относительно критерий верификации любой теории революции, включая перманентную. По этому поводу существуют разные точки зрения, поэтому было бы опрометчиво приписывать истинность лишь одной из них [Штомпка, 1996].

Троцкий указал также на ложь, бесперспективность и демагогический характер изолированного построения в СССР социалистического общества [Чернявский, с. 410]. В этом плане он оказался пророком, учитывая, что поколения, ныне живущие в России, убеждаются лишь в правдивости его предсказаний [Шкаратан, 2009; Шляпентох, 2008].

С другой стороны, прогноз Троцкого о создании Соединенных Штатов Европы оказался реальным и жизненным спустя почти века. Его надо сопоставлять с идеями других идеологов и теоретиков Евросоюза, тем более что такой союз происходит не на утопически-социалистических началах (как считал Троцкий), но на фундаменте контролируемых государством рыночных отношений, преследуемых высокую степень удовлетворения социальных интересов низших слоев общества [Артемов, 2015]. Более того, практическое воплощение Евросоюза порождает ряд проблем и разные подходы для их решения.

Критика Троцким сталинской бюрократии тоже сохраняет свою эвристичность. Хотя он верил, что советская бюрократия есть сословие, а не класс — взгляд, требуемый сопоставления во взаимосвязи с конкретными исследованиями М. Джиласа, М. С. Восленского и анализом современной социальной структуры России [Кордонский, 2008].

Г. И. Чернявский показал, что Ленин и его функционеры (главным из которых был как раз Троцкий) стремились фундаментально основаться у власти в России и действовать в зависимости от обстоятельств [Чернявский, с. 224]. В этом случае провести строгую черту между политическим прагматизмом (не имеющим отношения к взглядам Маркса) и принципиальной (идейной) политикой довольно трудно. Вдобавок, Ленин был мастером аппаратной игры. Он использовал конфликт между Троцким и Сталиным, чтобы удержать их в равноудаленной от его позиции узде [Там же, с. 216]. Сталин прекрасно усвоил науку Ленина и превзошел его спустя несколько лет [Там же, с. 197]. Значит, властно-бюрократическое политиканство входит в состав советской политики, образуя тем самым ее постсоветское наследие [Воронцов, 2006].

Тем не менее желание, способность и умение вести аппаратные игры указывают об отсутствии у Ленина политического характера в смысле М. Вебера. Политический характер предполагает способность выдвигать, отстаивать и реализовывать оригинальные политические идеи. Эпигонство и бездарность — это ничто иное как неспособность к их формулировке. О заимствовании Лениным аграрной программы у эсеров хорошо известно, но малоизвестно и то обстоятельство, что уже во время революции 1905 г. Ленин воровал идеи у Троцкого и одновременно был «пустозвоном», поскольку грезил о «втором Гапоне»: тот на полицейские деньги организовал массовое движение [Чернявский, с. 74, 98].

И все же множество продуктивных идей Троцкого до сих пор не реализован. Еще в 1905 г. он написал фи-

нансовый манифест, который утвердили на совместном заседании Петроградского совета социал-демократов, эсеров и польских социалистов. Он считал реальным путем свержения правительства — лишение его финансовых доходов как источника существования. Этим объясняется призыв к рабочим и беднякам забирать вклады из сберкасс, требовать выдачи зарплаты звонкой валютой, а крестьян — не платить выкупные платежи за землю [Там же, с. 84]. В этом плане идея Троцкого как одно из объяснений необходимости полного разрыва власти и собственности в России остается релевантной.

Троцкий еще менее отвечает за шаблоны мысли и действия, с которыми ему пришлось бороться. Представление о них дает книга «Империя должна умереть» [Зыгарь, 2017]. В ней обсуждаются поведение и идеи Л. Толстого, С. Витте, М. Гоца, Г. Гершуни, П. Струве, П. Милюкова, императриц Александры и Марии, Г. Гапона, А. Дубровина, М. Горького, П. Столыпина, Д. Трепова, С. Дягилева, религиозного фанатика Илиодора, П. Рябушинского, А. Гучкова, Г. Распутина, А. Керенского, И. Церетели, В. Ленина, Л. Троцкого, Л. Каменева. Автор фиксирует множество *совпадений* между шаблонами мышления и поведения перечисленных лиц в ситуациях конца XIX — начала XX в. и положением современной России.

Большинство представителей царской и современной властно-бюрократической иерархии России повторяют суждения Победоносцева о русском народе и демократии. Они убеждены, что знают, чего хочет народ, и имеют право говорить от его имени (20–24)¹. В России до сих пор применяется тактика Зубатова как коренной прием борьбы с политической оппозицией (113–123). Митинги обществу организуются для демонстрации лояльности, а лидеры протестных движений копируют Г. Гапона (129). Члены всех зубатовских организаций обычно делятся на непримиримых и умеренных (272). Петиции

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы книги М. Зыгаря.

к высшей власти копируют шаблон верноподданной жалобы (275–276). Большинство членов аппарата власти и управления не допускают стихийного характера протеста (288). Правительство создает псевдообщественные организации для имитирования гражданской активности, хотя на деле они нужны для демонстративного одобрения действия властей (292–293). Теории заговора и конспирология стали элементами государственной пропаганды (139). Дискуссии на философско-религиозные темы исключены из публичной жизни, открытые письма стали популярным методом борьбы с оппозиционными деятелями культуры (146). От людей искусства власть требует подписать заявление о лояльности (358).

На политической сцене давно подвизаются «рыжие» клоуны (П. Струве на рубеже XIX–XX в., А. Чубайс на рубеже XX–XXI в.) как козлы отпущения при критике процесса реформы (158). Профессиональные дипломаты превратились в ручных исполнителей единовластных политических решений (195).

Тема коррупции в XXI в. превратилась в стимул наибольшей протестной активности, но это не имеет отношения с военными действиями России, как было в 1904 г. (242). Для введения общественного мнения в заблуждение на посты казенных «реформаторов» назначаются лица с межеумочным мировоззрением (251). Из выступлений официальных лиц при публикации исключаются правдивые высказывания, иллюстрирующие их политическое мировоззрение. Любые события внутренней политической жизни квалифицируются как выполненные по заказу зарубежных покровителей (294). Организации бизнеса в современной России исключены из самостоятельной политической жизни — они используются для одобрения действий власти (295). Для объединения русских революционных (оппозиционных) партий и движений используются лица, сотрудничающие с полицией (317).

Уже в начале XX в. правительство и его идеологи, включая либералов, Россию квалифицировали как осажденную крепость. Этот шаблон сохраняется до настоящего времени (322). Первая партия власти и лозунг «Россия для русских» были созданы черносотенными и полицейско-монархическими деятелями для воспроизводства имперской модели во внутренней и внешней политике (341–342). Квалификация вершины власти как инициатора реформ — ложная и опасная политическая иллюзия.

В книге подмечены также параллели между экономическими курсами А. Кривошеина в 1910-е гг. и Н. Хрущева в 1950-е гг., различные взгляды в правительстве относительно перспектив и средств экономического развития России: «Расхождения между Коковцовым и Кривошеиным очень напоминают ту дилемму, перед которой Россия окажется ровно через сто лет, в «тучные нулевые» XXI в. Министр финансов Алексей Кудрин, как и его предшественник, будет сторонником создания стабфонда, тогда как многие его оппоненты будут настаивать на том, чтобы сверхдоходы, которые получает бюджет от нефти, вкладывались бы в инфраструктуру и модернизацию российской экономики. Это противостояние закончится примерно так же, как и в XX в., — «тучные» годы закончатся, а реформы так и не будут проведены» (581).

К каким урокам можно прийти сегодня? С нашей точки зрения, указанные свойства государственной политики России начала XX–XXI в. необходимо включить в состав множества элементов политической бездарности. Каждый из них отражает влияние политической бюрократии на политический процесс и не является предметом сознательной ликвидации, несмотря на войны, революции и реформы на протяжении всего XX в.

Заметим также, что общая идея книги М. Зыгаря о панорамном изображении политической сцены России конца XIX — начала XX вв. не является новой. Аналогичную

информацию можно почерпнуть из мемуаров Н. И. Колышко, где они описывает деятельность трех царей (Александра II, Александра III, Николая II) и 38 персон, которые влияют на выработку политики на протяжении более сорока лет до революции 1917 г.; другими словами, проанализировал деятельность верхушки Российской империи тогда, когда она была занята проведением «великой реформы».

В действительности совокупная реформаторская деятельность всех членов государственной верхушки — от ретроградов до прогрессистов, от полицейских до финансистов — закончилась распадом Российской империи. Н. И. Колышко выводит отсюда правило российских правительственных реформ: «Типичная черта распада русской государственности (да и общественности) не в том ли, что каждый осколок этого многогранного сосуда является и причиной и следствием катастрофы, субъектом и объектом ее, и что каждый в своем падении сверкает молниями подчас ослепительных возможностей: возможностей блага и счастья России. Сверкали этими возможностями и три старших осколка российского безвременья — Толстой, Победоносцев и Делянов, и три младших — Плеве, Витте и Столыпин. На любой почве, только не на русской последнего сорокалетия, эти люди могли бы стать гордостью страны. У нас же даже их положительные качества (талант, патриотизм, трудолюбие) только ускоряли падение страны» [Колышко, с. 92].

Исходя из этого можно заключить, что политическая бездарность представляет собой постоянную характеристику функционирования государственного аппарата России; она не зависит от личных качеств и политических ориентаций индивидов, образующих ее вершину, воспроизводится на протяжении столетий и ведет к катастрофам государства.

Литература

- Воронцов, 2006 — *Воронцов В. А.* В коридорах безвластия (Премьеры Ельцина). Москва: Академический проект, 2006.
- Дойчер, 2006а — *Дойчер И.* Безоружный пророк. 1921–1929 гг. / пер. с англ. Л. А. Игоревского. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2006а.
- Дойчер, 2006б — *Дойчер И.* Троицкий. Изгнанный пророк. 1929–1940 гг. / пер. с англ. А. С. Цыпленкова. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2006б.
- Зыгарь, 2017 — *Зыгарь М. В.* Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900–1917. Москва: Альпина Паблишер, 2017.
- Колышко, 2009 — *Колышко Н. И.* Великий распад: Воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукоянова. Санкт Петербург: «Нестор-История», 2009.
- Кордонский, 2008 — *Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. Москва: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
- Лор, 2017 — *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу / пер. с англ. М. Семиколенных. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
- Макаренко, 1987 — *Макаренко В. П.* Бюрократия и государство: ленинский анализ бюрократии царской России. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1987.
- Макаренко, 1988 — *Макаренко В. П.* Вера, власть и бюрократия (критика социологии Макса Вебера). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1988.
- Мак-Нил, 2004 — *Мак-Нил У.* Восхождение Запада: История человеческого сообщества. К.: Ника-Центр; Москва: Старклайт, 2004. 1064 с.

- Павловский, 2014 — *Павловский Г.* 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефером. — Москва: Издательство «Европа», 2014.
- Подорога, 2017 — *Подорога В. А.* Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. Москва: Рипол-классик, 2017.
- Слезкин, 2019 — *Слезкин Ю. Л.* Дом правительства. Сага о русской революции. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.
- Чернявский, 2012 — *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. 2-е изд. Москва: Молодая гвардия, 2012.
- Шкаратан, 2009 — *Шкаратан О. И.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009.
- Шляпентох, 2008 — *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. Москва: Столица-Принт, 2008.
- Штомпка, 1996 — *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ. яз. ред. В. А. Ядова. Москва: Аспект Пресс, 1996.
- The Oxford handbook of contextual political analysis, 2006 — *Contextual political analysis* / ed. by R. Goodin and Ch. Tilly. Oxford University Press: Oxford New York, 2006.

References

- *Vorontsov V. A.* V koridorah bezvlastiya (Premery Eltsina) [In the corridors of anarchy (Premiers of Yeltsin)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006.
- *Deutscher I.* Bezoruzhnyj prorok. 1921–1929 gg. [Unarmed prophet. 1921–1929] / trans. from English by L. I. Igorevskiy. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2006a.
- *Deutscher I.* Trotskij. Izgnannyj prorok. 1929–1940 gg. [Trotsky. Exiled prophet. 1929–1940] / trans.

- from English by A. S. Tsyplenkova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2006b.
- *Zygar M. V.* Imperiya dolzhna umeret: Istoriya russkikh revolyutsij v litsah. 1900–1917 [The Empire must die: The history of Russian revolutions in faces. 1900–1917]. Moscow: Alpina Publisher, 2017.
- *Kolyshko N. I.* Velikij raspad: Vospominaniya [The Great Decay: Memoirs] / comp., intro, comments by I. V. Lukyanov. Saint Petersburg: Nestor-istorija, 2009.
- *Kordonsky S.* Soslovnaya struktura postsovetsoj Rossii [Class structure of post-Soviet Russia] // Moscow: Institut fonda «Obschestvennoe mnenie», 2008.
- *Lohr E.* Rossijskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu [Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union] / trans. from English by M. Semikolennykh. Moscow: Novoye literature obozrenie, 2017.
- *Makarenko V. P.* Byurokратиya i gosudarstvo: leninskij analiz byurokratii tsarskoj Rossii [Bureaucracy and the State: Lenin's Analysis of the Bureaucracy of Tsarist Russia]. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1987.
- *Makarenko V. P.* Vera, vlast i byurokратиya (kritika sotsiologii Maksa Vebera) [Faith, Power and Bureaucracy (a critique of the sociology of Max Weber)]. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1988.
- *McNeill W.* Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshchestva [The Rise of the West: A History of the Human Community]. Moscow: Starklight, 2004.
- *Pavlovskiy G.* 1993: elementy sovetskogo opyta. Razgovory s Mihailom Geferom [1993: Elements of the Soviet experience. Conversations with Mikhail Gefer]. Moscow: Evropa Publishing House, 2014.
- *Podoroga V. A.* Vremya posle. Osventsimi GULAG: myslit absoljutnoe zlo [Time after Auschwitz and the Gulag: to think absolute evil]. Moscow: Rapol-classic, 2017.

- *Slezkin Yu. L.* Dom pravitelstva. Saga o russkoj revolyutsii [Government House. Saga of the Russian Revolution]. Moscow: ACT: CORPUS Publishing House, 2019.
- *Chernyavskiy G. I.* Lev Trotskij [Lev Trotsky] // 2nd ed. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012.
- *Shkaratan O. I.* Sotsialno-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow: Olma Media Group Zao, 2009.
- *Shlyapentokh V.* Sovremennaya Rossiya kak feodalnoe obshchestvo. Novyj rakurs postsovetskoj ery [Modern Russia as a feudal society. A new perspective on the post-Soviet era]. Moscow: Stolitsa-Print, 2008.
- *Sztompka P.* Sotsiologiya sotsialnyh izmenenij [Sociology of social changes] // Trans. from English by V. A. Yadov. Moscow: Aspect Press, 1996.
- The Oxford handbook of contextual political analysis / ed. by R. Goodin and Ch. Tilly. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006.

Makarenko V. P., Akopyan A. G.

SOVIET POLITICAL MEDIOCRITY: TO THE RESEARCH METHODOLOGY

Viktor Makarenko, doctor of sciences in philosophy and political studies, professor, Chief Researcher of Center for Political Conceptology, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University. 344000, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, Dneprovsky per., 116. E-mail: vpmakar1985@gmail.com.

Anait Akopyan, Institute of Philology, journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University. 344006, Russia, Rostov Region, Rostov-on-Don, Universitetsky per., 93. E-mail: anaitak@sfedu.ru.

Abstract. In the history of the USSR, the problem of political mediocrity most rigorously was posed by L. D. Trotsky. He became the initiator of political improvisation in the implementation of the October uprising and the creation of the Red Army using Tsarist officers [Pavlovsky, p. 165]. His criticism of Stalin as a political mediocrity, who rose to the heights of power, is equally important. Trotsky is the first of the communists who went into open battle with the Kremlin highlander [Deutscher, p. 64]. Just for this Trotsky deserves the unconditional respect and grateful memory of all descendants.

However, he cannot be ranked among the supporters of politics as a collective activity in the version of Aristotle and Hannah Arendt. First of all the desire of power through the use of violence and manipulation for the the Marxist doctrine implementation was his main motive for action. Moreover, he did not consider the general question of the relationship between talent and mediocrity in the sphere of politics.

To move along this path, the authors use the ideal types of politicians and bureaucrats in the formulation of M. Weber. However, Weber considered the bureaucratic method of management to be the most rational, which in itself constitutes a problem. He attributed political mediocrity only to Nicholas II, believing it to be a consequence of the Russian autocracy and the state's associated police regime, but wrote nothing about European politicians from this point of view. How do authoritative-bureaucratic standards of behavior, activity and thinking manifest themselves in the revolutionary process itself? Weber did not consider this question either. For us this problem has been central since the publication of the first books [Makarenko, 1987; Makarenko, 1988]. The article clarifies its formulation in the context of the authors' understanding of Soviet political mediocrity.

Key words: *I. V. Stalin, L. D. Trotsky, constants of political mediocrity in the activities of the governments of the Russian Empire, USSR and Russia.*

ЧАСТЬ 2

Хренов Н. А.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: СУДЬБА ИХ НОСИТЕЛЕЙ КАК СУДЬБА КУЛЬТУРЫ

Хренов Николай Андреевич,
*доктор философских наук, профессор,
Государственного института
искусствознания Министерства культуры
РФ. 125009, Россия, Москва, Козицкий пер., д.5.
E-mail: nihrenov@mail.ru.*

Аннотация. Статья посвящена такому феномену в российской цивилизации, который в современной прессе, в средствах массовой информации, в разного рода документах обозначается как «традиционные ценности». Рассмотрение этой проблематики предпринято как в историческом, так и в культурологическом аспекте. Автор ставит вопрос о происхождении традиционной культуры, о ее носителях, как и о разных ее состояниях в истории. Традиционная культура — одно из слагаемых культуры в целом, а ее происхождение связано с доиндустриальными обществами. Ее носителем является крестьянство, составлявшее на рубеже XIX—XX веков 80% населения России. Наиболее драматический период в исто-

рии крестьянства в России связан с революцией 1917 г., коллективизацией, а также с городской революцией, а она является такой фазой, которую в своей истории проходит каждый тип цивилизации. Городская революция означает вступление России в следующую фазу — фазу индустриального общества. Культурологический аспект проблематики связан с рассмотрением традиционной культуры в контексте взаимоотношений между Западом и Востоком. Возрастающий интерес к проблематике традиционных ценностей связан с развертывающимся поворотом сегодняшней России в сторону Востока. Поскольку процессы вестернизации в предшествующие столетия традиционный пласт культуры не затрагивали, то такой поворот может быть менее драматичным.

Ключевые слова: *Традиционные ценности, традиционная культура, российская цивилизация, доиндустриальное общество, индустриальное общество, ориенталистский дискурс, славянский дискурс, Н.Данилевский, Ф.Достоевский, О.Шпенглер, А.Тойнби, Л.Гумилев, Х.Ортега-и-Гассет, городская революция, коллективизация, вестернизация, концепт «Другой», Запад, Восток.*

В последнее время в средствах массовой коммуникации постоянно мелькает понятие «традиционные ценности». Кто-то пытается их представить средством, способным разрешить какие-то значимые проблемы современности, кто-то их отвергает, а кто-то вообще не понимает, о чем идет речь. В самом деле, прежде чем культивировать какие-то ценности, хорошо бы разобраться, что за ними стоит. Необходимо перестать наполнять их содержание абстрактными смыслами и попытаться представить их происхождение, их носителей, их историческую судьбу и современное состояние. Может быть, этих ценностей вообще уже не существует. Ведь в XX веке продолжает развертываться так называемая «городская революция» как выражение духа нового типа общества — индустриального общества, а оно и в самом деле для традиционных ценностей оказалось разрушительным. За традиционными ценностями стоит проблематика культурной идентичности народа, в данном случае, русского. Но если

иметь в виду, что наше поколение еще не успело окончательно порвать с советской культурой, а это культура многонациональная, то это уже окажется проблематичной культурной идентичности, общей для многих народов и этносов. Короче говоря, традиционные ценности — это производное от того, что можно назвать традиционной культурой, а она представляет самое устойчивое образование, возникшее в истории давно и составляющее одно из слагаемых культуры в целом. Не удовлетворяясь журналистскими объяснениями, хотелось бы кой-какие вопросы на эту тему поставить. Разумеется, это все очень дискуссионно. Видимо, объяснение следует искать в широком историческом и культурном контексте. Интерес к традиционным ценностям кажется частным. Однако это слагаемое какого-то единого и большого гештальта, а именно, взаимодействия между разными культурами. Вот с этого и начнем.

Какое у нас в России отношение к культуре? Чаще всего функциональное, т.е. культура как способ решения каких-то проблем или это нечто самоценное, что-то вроде эстетики. Правда, у нас и эстетика, вопреки Канту, обычно нагружается государственными установками, становясь исключительно функциональной. Традиция, что сложилась в советское время, конечно, ориентирует на функциональное отношение к культуре. В другом качестве мы ее не то чтобы не признаем, а просто не привыкли воспринимать. Мы больше знаем культуру как что-то вроде служанки политики и идеологии. Эти сферы для нас первостепенны. Они даже подменяют культуру, дублируют ее. Зачем культура при мощной административной системе? Разве только для фасада. А фасад-то у нас имперский. В России пытаются разобраться в культуре уже несколько десятилетий. Появляется в ней специальная наука. Что-то меняется.

В самое последнее время культура оказалась в центре внимания в связи с очередным поворотом в истории Рос-

сии. Реагируя на такой поворот, неприемлемый сегодня с точки зрения Запада, утверждают: «Что с русских спрашивать, ведь это запрограммировано у них в культуре. Они же во власти имперского комплекса». Тут, конечно, следует возражать. Под обстрелом уже оказываются выдающиеся фигуры, представляющие нашу культуру, например, Пушкин. Это не может не способствовать уже со стороны нас самих новому углублению в свою культуру, чтобы ее глубже постичь и иметь серьезные аргументы в противостоянии тем, кто считает русскую культуру токсичной. Так расширяется и углубляется познание особенностей культуры с помощью критики со стороны. Да, собственно, мы и сами нередко выступаем критиками прошлого нашей культуры. Критика не только извне, как это происходит сегодня, но и изнутри. Такая ситуация не новость. Она уходит в историю и не случайно. Это закономерно. Культуры не изолированы друг от друга. Взаимоотношения между культурами — один из значимых разделов науки о культуре.

В новейшей философии много внимания уделяется концепту «Другого» [Нойман, 2004]. Под «Другим» при культурологическом подходе можно подразумевать другой народ, чужую культуру или цивилизацию [Хренов, 2021]. Мы много внимания уделяем обсуждению воздействия культуры на коллективную идентичность, как и самой этой идентичности. Советская культура базировалась на исключительно идеологическом фундаменте. Начиная с оттепели, в поддержании идентичности приходится уступать место культуре. Но в этом следует разбираться. Так, возникает наука. Это означает реабилитацию существовавших в русской культуре до 1917 г. отвергнутых явлений и пластов. Это имеет отношение к традиционной культуре. В первый раз эта проблематика в искусстве обсуждалась в связи с дискуссиями 20-х гг., получая выражение в критике поэзии С. Есенина [Правдухин, 1927, с. 184]. Начинает меняться структура культуры, и это свя-

зано с трансформацией идентичности. А это уже серьезно. Какие же факторы определяют и строение культуры, наличие в ней повторяющихся устойчивых элементов, тяготеющих к статичности, и ее диахронию, т.е. эволюцию в истории? И как разворачивается эта эволюция? Всегда ли она соответствует принципу преемственности? Тут следует обсуждать внешние и внутренние факторы.

Внешние факторы — это воздействие на нашу культуру по принципу Другого иных цивилизаций. Они воспринимаются, если грубо выразить мысль, или друзьями или врагами. Но это крайние полюсы. Это скорее переформулировка категорий культуры на язык политики. Понятно, что в зависимости от этого изменяется и структура культуры, а, следовательно, и коллективная идентичность. В этой перспективе можно сегодня рассмотреть и выдвигать на передний план проблематики традиционных ценностей. Можно это объяснить с культурологической точки зрения. В 1992 г. на вопрос о «нынешних союзниках России» Л. Гумилев отвечал так: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [Основы Евразийства, с. 482]. Всем, конечно, это высказывание известно. Как бы к нему ни относиться, какие бы движения в сторону его притяжения или неприятия не происходили, несомненно одно: эта тенденция выражает определенные процессы нашей жизни, позволяя точнее уяснить диктующие изменение структуры культуры внешние факторы. Когда-то творческая интеллигенция бурно обсуждала идеи Л. Гумилева, потом интерес к этому у нее упал. Но сегодня мы к идее Л. Гумилева снова подходим, но уже с другой стороны. Реально такое изменение или нет — это нужно еще долго доказывать и исследовать. Позволим себе некоторые предположения и интуиции. Не более того.

Но спрашивается, а что же Запад? Ведь русская культура на протяжении трех столетий складывалась и оформ-

лялась под мощным воздействием наиболее продвинутого в организации жизни европейского региона-западного. Процесс вестернизации многое определял. Это, вне сомнений, наш Другой, и его участие в трансформации и поддержании нашей идентичности значительно. Но что сегодня делать с западной «пропиской»? Однако мы ведь знаем и всегда знали, что эта «прописка» не исключала конфликтных отношений между двумя культурами-западной и русской. Непростое видение Запада как Другого возникло задолго до Петра I, а позднее и у тех же евразийцев (например, у историка В. Вернадского или философа Н. Трубецкого). Запад предстает не совсем другим. Отсюда и расхождения, в том числе, даже сегодня, в оценке политики Александра Невского, повернувшего от Запада в Степь. А что касается Петра I, то он лишь смягчил напряжение во взаимодействии России и Запада, но совершенно его не устранил.

Сегодня интересно вчитаться в некоторые прозрения наших классиков. Если перечитать «Дневник писателя» Ф. Достоевского за 1877 год, можно обнаружить, что наши сегодняшние переживания были реальными и в XIX веке. И если наши критики на Западе усматривают, что в русской культуре уже было многое запрограммировано заранее (а под этим подразумевается то, что для них сегодня в России неприемлемо), то ведь недружелюбие со стороны наших критиков и стран, которые эти критики представляют, тоже уже давало о себе знать задолго до того, как начнется XX-й, но, в том числе, уже и XXI век. То, что мы сегодня переживаем, могло произойти намного раньше (да оно и произошло в виде второй мировой войны) или должно произойти намного позже. Дело тут даже не в реальных и объективных причинах, а в психологических (подчеркнем, даже настаиваем, психологических) установках, стереотипах, возникших в истории взаимодействия двух этих культур. Они, эти психологические установки способны активизироваться самостоятельно,

в зависимости от меняющихся социальных настроений, а не от реальных фактов. Эти стереотипы способны активизироваться по любому, даже самому незначительному поводу и в любое время. И инициаторами возникающего напряжения во взаимоотношениях с Другим может выступить кто угодно. Так случилось, что все это получает крайнее напряжение в наше время.

Одним из диагностов по этому деликатному поводу (но можно сказать, что, впрочем, соответствует общепринятому мнению, что и пророком) выступил Ф. Достоевский. Так, он усматривал в мире активность трех противостоящих сил-католической, дух которой, как он утверждает, выражает Франция как наследница Древнего Рима, далее, силы протестантской, отождествляемой им с Германией и, наконец, силы славянской, с появлением которой на арене истории и усилением которой в XIX веке в мире начинается нестабильность. Названные культуры в соответствии с используемой нами терминологией — Другие. Пока они еще не враждуют, но и диалог между ними заставляет желать лучшего. Прочитав то, что классик говорит о славянстве, усиливающаяся активность которого в XIX веке порождает неотвратимость событий, которые еще не произошли, но произойдут в будущем. Это народы, выражающие другие силы, пугает. Конечно, не без основания. Вот что Ф. Достоевский пишет о духе славянства: «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. Всем ясно теперь, что с разрешением восточного вопроса двинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая, во всяком случае и наименее говоря, не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно» [Достоевский, 1983, с. 343]. «Восточный вопрос»

у Ф. Достоевского — это славянский, русский вопрос. Посетившее классика прозрение далеко выходит за пределы конкретной ситуации. Это предвосхищение будущего взаимодействия культур по принципу Другого, которое распространяется на всю последующую историю.

Клубок завязан и неизбежно проявится в последующей истории. Как его развязать? Да и вообще осознавался ли своевременно его смысл? Почему же происходит это непонимание? Известно, что великие культуры плохо понимают друг друга. Это констатировали многие, например, немецкий историк Э. Трельч. Он пишет: «Знание чужих культур может быть чрезвычайно важным для самопознания, понимания мира и практических отношений. Но во всем этом мы понимаем и утверждаем только самих себя, формируем, сколько бы мы ни приспособливались к чужим культурам и как бы ни воспринимали их, только самих себя такими, как мы сложились и создавали в течение тысячелетий. Надо иметь мужество признать свою историческую судьбу, ибо нам не удастся выпрыгнуть из нашей исторической кожи» [Трельч, 1994, с. 610]. Это не совсем так. Полного объяснения тут нет. Полное объяснение — в том образе Другого, который создан о России Западом. В устойчивом стереотипе. Как, впрочем, и в образе Другого, который по поводу Запада Россия тоже придумала. Применительно к подобному образу, созданному Западом уже о Востоке, Э. Саид употребляет выражение «ориенталистский дискурс» [Саид, 2006, с. 10]. Его смысл — представление Запада о Востоке, создаваемое в интересах Запада. Другое дело, истинный ли он? Вот Запад создает нечто подобное и по поводу России, а именно, «русский дискурс». В ситуации вестернизации мира, а этот процесс по инерции продолжается и в XX веке, хотя уже начинается и другая ситуация, Запад навязывал России тот образ, который был понятен Западу и для него удобен. Казалось, это соответствовало и установкам России.

Но не так все просто. Россия оказалась крепким орешком, и об этом будет свидетельствовать революция 1917 г. Помимо всего прочего, это и выход за пределы созданного Западом «русского дискурса». Уже в XIX веке это несовпадение установок вызвало в России к жизни трактат Н. Данилевского «Россия и Европа». Он при советской власти не печатался, но в последние годы издается и переиздается. Это показательно. Ф. Достоевский был в восторге от книги Н. Данилевского. Когда он прочитал первую часть этой книги, опубликованную в 1869 г. журнале «Заря», он написал Н. Страхову, что эта книга — «будущая настольная книга всех русских надолго». Ну как же не пророк? Более того, он пишет: «Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь на иных страницах, сходству выводов: многие из моих мыслей я давным-давно, уже два г., записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же самым заглавием, с точно такую мыслью и выводами» [Достоевский, 1986, с. 30].

Казалось бы, речь идет исключительно о политических явлениях. Не совсем. В книге Н. Данилевского было одно чрезвычайно существенное рациональное зерно, а именно — была вызвана к жизни сугубо научная теория о существовании в мировой истории многих культурно-исторических типов, т.е. культур. Под идеей о том, что только Запад создает общечеловеческую культуру, была подложена мина. По-настоящему и на более глубоком научном уровне эта идея была разработана в Германии О. Шпенглером. Это, конечно, не имело отношения к марксистской формационной концепции и поэтому, если об этом и вспоминали, то в жанре критики буржуазной мысли. Между тем, Шпенглер лишь придал идее Данилевского более строгую научную форму. Данилевский и Шпенглер-безусловно, отцы-основатели новой науки. Так в истории возникла еще одна наука — наука о культуре. Ее становление разворачивается до сих пор.

Окончательное оформление эта наука получила в результате необходимости понять, что такое заявившая о себе и вступившая в историю весьма неудобная для Запада, убежденного в том, что создаваемая им культура является общечеловеческой, славянская идея, а, еще более точно, Россия как самостоятельный тип цивилизации. Да, задумались об одном (о том, что имело сугубо политический смысл), а открыли другое — морфологию мировой истории в культурологическом ключе. Удивительно, но прозрения и интуиции самого Достоевского некоторые мыслители на Западе воспринимали выражением этого нового, нарождающегося и активизировавшегося в мировой истории славянского духа. Об этом свидетельствует восприятие Достоевского Шпенглером. «В нем (Достоевском — Н.Х.) писал он — знакомишься с новой народностью («Россия» — неподходящее слово для обозначения этого), которая созревает в земле за Москвой и в следующем тысячелетии, когда великие время для нас, немцев, пройдет, создаст новую культуру с самих азов, как мы около 1000 г. начинали с романского стиля, миннезанга и примитивной живописи, то новое, что теперь вянет и последнюю стадию которого мы, немцы, сегодня игнорируем. Все это я нахожу в Достоевском» [Россия и Германия в XX веке, с. 619]. Но «великое время» для немцев еще не успело пройти, как вспыхнула вторая мировая война, и Другой предстал в образе врага.

Усиление России, как и укрепление ее государственности, не могло Запад не беспокоить. Его беспокоило отклонение от «русского дискурса», т.е. отклонение реальной России от той участи, которая ей была уготована Западом. Так началось критическое восприятие России, определившее последующее взаимодействие между этими культурами. Определившее формирование негативной идентичности России. Однако, если придерживаться концепции Другого и попытаться увидеть в критике Западом России хоть какую-то правду, то не виноват ли в том,

что Россия стала такой, т.е. культивирующей имперское начало, какой она Западу не нравится, сам Запад? Концепт Другого обязывает сформулировать вопрос именно так. Ведь то, что в реальности получается, не всегда нравится не только Западу, но и самим русским. Это ведь неразрешимая драма, длящаяся много столетий. И можно себе представить, какой должна быть дипломатия, чтобы психологический стереотип, не всегда основывающийся на реальных фактах, а часто лишь на ситуативных настроениях, на пропаганде, не активизировался. В осмыслении таких цивилизационных трений можно считать авторитетом английского историка цивилизаций Арнольда Тойнби. Вот что он пишет: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из факторов, побудивших Россию подчиниться новому игу, игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить» [Тойнби, 2003, с. 438]. Это высказывание позволяет понять, что то, что Запад не любит в России, создано при его участии как Другого. Далее Тойнби из истории выводит все наши беды, начиная со Средневековья, причем, беды, случающиеся, в том числе, и по вине Запада. «И вот с тех давних пор, — пишет он — с начала XIV века, доминантой всех правящих режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями» [Тойнби, 2003, с. 438]. Но ведь, как пишет Л. Гумилев, славяне во времена Александра Невского тоже повернули в Степь, «опасаясь быть покоренными агрессивными соседями».

Название данной статьи предполагает высказывание о традиционных ценностях. Кажется, что это совершенно другая проблематика. Не совсем. Так, если посмотреть на это с культурологической точки зрения, то это все та же тема и то, о чем говорилось раньше, подводит к ней. Внимание к традиционным ценностям связано с взаимоотношениями между культурами, опять же, как уже сказано, по принципу Другого. Сегодня Россия, как кажется, не хочет продолжать быть прозападной страной, стремясь включиться в не чуждое ей и раньше евразийское пространство, что, конечно, предполагает трансформацию идентичности русского человека. Если это действительно так, то не существует более значимого явления в современной России, чем это. Это ведь можно сравнить лишь с произошедшим когда-то поворотом в сторону Византии и приобщенностью к этой цивилизации или позднее отходом от византийской традиции и поворотом в сторону Запада. Раз мы в своей истории свою идентичность часто изменяли, то почему этих изменений не может происходить сегодня. Чтобы ответить на вопрос, почему такая трансформация идентичности происходит или может происходить, необходимо иметь представление о строении культуры. Нужно быть культурологом.

Структура русской культуры, как и вообще всякой культуры, имеет множество напластований, происхождение которых соотносится с разными историческими эпохами. Культура — это память и в индивидуальных, и в коллективных формах. Одним из таких пластов является пласт традиционный, происхождение которого уходит в Средние века, а, может быть, даже в более ранние эпохи вообще. Значит, речь уже должна идти об архаических пластах. И, кстати, современное искусство как раз этим и занимается. В связи с этим любопытна только что вышедшая книга М. Ямпольского «Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики» [Ямпольский, 2022]. Но значимость традиционного пласта возрастает в ре-

зультате начавшегося раскачивания маятника в современной истории России уже не в сторону Запада, как это было с петровских реформ, а в сторону Востока. Да, давно это началось. И уже евразийцы в 20-е гг. прошлого века хорошо это ощущали. И, кстати, автор этой статьи написал об этом статью «Россия как подсознание Запада. Восток как подсознание России» [Хренов, 2013, с. 110]. Она была опубликована в журнале «Искусствознание». В ней говорилось о повороте русского искусства на рубеже XIX—XX веков в сторону Востока.

Однако для нового раскачивания маятника в истории должна быть основа. Значит, на первый план в культуре должны выйти те древние пласты, которые вестернизации России в прошлом не поддавались. Вестернизация не затрагивала всех сторон жизни России. Касаясь этого, А. Тойнби применительно к России пишет: «Мощные традиционные культурные пласты оказывали сопротивление процессам вестернизации» [Тойнби, 2003, с. 438]. Очень точное наблюдение историка. Оно сегодня кое-что объясняет. Объясняет смысл усиливающегося интереса к Востоку и связанное с этим внимание к традиционным ценностям. Это наблюдение А. Тойнби по смыслу совпадает с конечным выводом Шпенглера, когда он пытается решить, к какой цивилизации Россия тяготеет больше — к Западу или к Востоку. В конечном счете, у него получилось, что к Востоку. Вот и у одного из самых авторитетных западных философов XX века М. Хайдеггера получилось то же самое. У него в Европу Россия, как и Америка, не включается. Она Европе противостоит [Фай, 2018, с. 333]. А что касается Германии, то это у него народ особенный — сердцевина Европы. Пусть попробуют сегодня утверждать, что прогнозы Достоевского устарели. Нет, не случайно Шпенглер так долго и трудно этот вопрос решал. Так что культивирование традиционных ценностей сегодня можно объяснить именно так. Мы сейчас не делаем оценок. Просто фиксируем настроения. Еще

неизвестно, к чему такой намечающийся поворот может привести.

Спрашивается, а почему такой поворот происходит? Происходит ли он в результате появления новых политических ориентаций и, следовательно, начавшейся трансформации коллективной идентичности или это что-то такое, что следует понимать в более узком смысле, т.е. только как проявление универсального самоценного художественного процесса, независимого от политических установок. Получается, что второе понимание традиционных ценностей тоже важно принимать во внимание. Искусство XX и XXI веков оказывается в ситуации исключительного перехода, предвосхищающего предстоящую радикальную смену культур. Смысл этого перехода объясняет П. Сорокин, и автору этой статьи приходилось этого вопроса касаться в других своих работах [Хренов, 2014, с. 8]. Мы становимся очевидцами и участниками угасания одной культуры и рождения другой, которую еще трудно идентифицировать. Каждая новая культура в момент своего появления демонстрирует, как это не покажется странным, не прогресс, а регресс. Она воскрешает ушедшее в прошлое и забытое, т.е. традиционное, даже архаическое. Оно принимает активное участие в новом культурном синтезе. А вот этот синтез — фундамент рождающейся культуры. Этот поворот выражает искусство. Пожалуй, с него все начинается. Оно в игровых формах демонстрирует то, что в реальности появится лишь со временем. Похоже, что это так.

Но все же необходимо точнее понять, что же это такое — традиционные ценности в социологической и исторической перспективе. Тут культуролог обязан поставить вопрос о их происхождении и носителе этих ценностей. А носитель есть одновременно в некотором смысле и творец. Наука развивается так, что научные теории и теоретические конструкции, конечно, часто приносят новое знание о предмете. Но бывает так, что это знание ста-

новится барьером для более позднего появления новых форм знания. В представлении о носителе традиционных ценностей накопилось много такого, от чего следовало бы отказаться. С этой целью хочется подвергнуть критическому осмыслению весьма популярный, в том числе, в России трактат западного философа Х. Ортеги-Гассета, в котором, как известно, даются определения человека элиты и человека массы [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 43]. Пытаясь осмыслить ситуацию в городах начала XX века, философ утерял представление о судьбе этих ценностей и вообще, о носителе этих ценностей — традиционном типе личности. Он дал определение массового человека как порождения еще одной революции, что происходила на рубеже XIX—XX веков, а именно, городской революции. А городская революция — это обязательная фаза в истории каждой культуры и каждой цивилизации. Это понятие опять же употребляется Шпенглером. Да и работа Х. Ортеги-и-Гассета тоже спровоцирована прочтением его знаменитого научного бестселлера.

Городская революция является настоящим гробовщиком традиционных ценностей и традиционной культуры. На Западе она началась еще в эпоху Ренессанса, и к началу XX века ее там уже успели позабыть. А в России она началась с запозданием и совпала с революцией 1917 г. Вот эта политическая революция заслонила, затмила по сути, как бы сделала городскую революцию несуществующей. Ее значение в России оказалось неосмысленным. Может быть, жестокость, свойственная политической революции, как раз и объясняется тем, что Россия ускоренными темпами проходила одновременно с политической еще и городскую революцию [Цымбурский, 2007, с. 156]. Об этом свидетельствует и коллективизация. Что же в ходе этих революций произошло с носителем традиционных ценностей? И вообще, где его искать? А этим носителем было крестьянство, составлявшее ближе к концу XIX века 80% российского населения. Что же с ним про-

исходило? На этот вопрос ответил А. Солженицын. Так, перечисляя преступления советской власти, писатель в своей произнесенной в 1975 г. в Вашингтоне речи прямо говорит о геноциде крестьянства («Это была система, которая провела геноцид крестьянства: пятнадцать миллионов крестьян было отослано на уничтожение») [Солженицын, 1995, с. 236]. Но геноциду предшествовала теория и публицистика, чем занимались и представители художественной интеллигенции. В этом можно убедиться, читая изданную в 1922 г. в Берлине книгу М. Горького «О русском крестьянстве». Чего только не говорит М. Горький о крестьянах, каких только негативных примеров, чтобы их опорочить, классик не приводит. Говорит он и о ненависти крестьян к городу и горожанам, хотя, как известно, город и притягивал крестьян, о чем свидетельствует усиливающаяся их миграция в города. Хотя тут, конечно, нельзя обходить и экономические аспекты.

Потом, когда начнется оттепель и появятся романы наших почвенников-деревенщиков В. Астафьева, В. Распутина, Ф. Абрамова, Б. Можаяева, В. Шукшина и других, мы пойдем, какую ложь позволил себе пролетарский писатель. В общем, то, что мы привыкли называть культурой, ассоциировалось исключительно с городами, но не с традиционной сельской культурой. Прогресс обязывает. Россия входила в эпоху становления индустриального общества. А между тем тот же Шпенглер (и здесь мы снова обратимся к нему) истинным творцом культуры (причем, не традиционной, а вообще культуры) считал не горожанина, а именно крестьянина. Он пишет: «Крестьянство, связанное корнями с почвой, обитавшее у врат больших городов, которые нынче скептически, практически, искусственно — только и представляют цивилизацию, уже не идет в счет. «Народом» в наши дни считается городское население, неорганическая масса, нечто флюктуирующее. Крестьянин не есть демократ, ибо и это понятие принадлежит к механическому и городскому существова-

нию, следовательно, его не замечают, высмеивают, презирают, ненавидят. После исчезновения старых сословий, дворянства и духовенства, он оказывается единственным органическим человеком, пережитком былой культуры. Ему нет места ни в стоическом, ни в социалистическом мышлении» [Шпенглер, 1993, с. 540]. Да, действительно, миллионам крестьян места в новом обществе не нашлось. Предсказания Шпенглера сбылись. Шпенглер вообще доказывает, что истинным творцом культуры является именно крестьянин. Почему? Да потому, что именно он и сохраняет связь с землей, а земля-основа культуры в ее органических формах. Сегодня в ситуации перенасыщения культуры технологическими новинками следовало бы об этом задуматься.

Но что же произошло с русским крестьянством в первых десятилетиях XX века? Заглянем в стенограмму XIV съезда ВКП (б). У нас любят вспоминать XX съезд, с которого началась оттепель, а вот после XIV съезда (это 1925 год) началась катастрофа. Крестьянская катастрофа, убедительно и почти документально воспроизведенная Б. Можаяевым в романе «Мужики и бабы». Катастрофа, с которой начался закат крестьянской Атлантиды как цитадели традиционных ценностей. В одном из докладов на этом съезде говорилось: «Кулачество растет, крепнет, а они (представители ЦК — Н.Х.) этого не видят или даже скрывают, затушевывают. Строят мещанское государство, то, что Ленин называл «царством крестьянской ограниченности», а они называют строительством социализма» [XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет, с. 237]. Чего же опасались? Опасались реставрации. В соответствии с французской революцией — термидора. Опасались самого работающего, созидającego и способного вывести хозяйствование на новые рельсы из тупика человека. Очевидно, что отношение к труду — это, может быть, один из существенных признаков традиционных ценностей. Ну, и что же дальше

произошло с носителем и творцом традиционных ценностей и с самими этими ценностями? На эту тему очень хотел высказаться В. Шукшин, замышляя фильм о Степане Разине. Не случилось. Но кое-что ему все-таки удалось сказать об этом носителе в фильме «Калина красная». А в своем интервью он высказался так: «В этой горькой истории меня интересует не то, что человек сбился с пути истинного, и не просто человек вообще. Меня интересует крестьянин. Крестьянин, утративший связь с землей, с трудом, с теми корнями, которыми держится жизнь. Как случилось, что человек, в жилах которого течет крестьянская кровь, кровь тружеников, человек со здоровой нравственной биологией, привитой ему крестьянской средой, вдруг вывихнулся, сломался?» [Фомин, 2009, с. 400].

Но вернемся к заявленной полемике с Х. Ортегой-и-Гассетом. Его сочинение «Восстание масс», конечно, в какой-то мере объясняет столь характерный для всех культур XX века процесс омащовления. Процесс драматический. Но в его разворачивании в России особая специфика. Философ фиксирует, что численность городского населения увеличивается. Процесс омащовления принимает гигантские масштабы. Основой культуры становится город, а в нем возникает новый тип человека — человек массы или массовый человек. Это явление, которое, наверное, можно осмыслить лишь на уровне антропологии. Но не преувеличена ли у него мысль о принципиальной новизне этого типа личности? Его характеристика кажется совершенно бессодержательной. Массового человека Ортега-и-Гассет описывает с точки зрения нравственного критерия, а ему массовый человек, оказавшись в ситуации хаоса, мало соответствует. За ним не стоит никакого культурного содержания. У философа он из культуры выпадает. Пусть это массовый человек, но ведь он продолжает быть носителем традиционных ценностей, тем более, что другие, более поздние ценности в ситуации хаоса вытесняются. Может быть, лишь сохраняя эти ценности,

человек в ситуации и политической и городской революции и выживает. Городская революция — выражение духа становящегося индустриального общества. Вообще, не будет ошибкой, если носителя и творца традиционных ценностей мы назовем традиционным человеком или традиционным типом личности.

В каком типе общества происходит его появление? Как известно, социологи делят историю общества на три типа: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. Появление массового человека Х. Ортега-и-Гассет отождествляет с индустриальным обществом. Но на рубеже XIX—XX веков его история еще не закончилась. Все возникающие в этот период образования еще очень неустойчивы, хрупки. А что самое устойчивое в культуре, продолжающее сохраняться в ситуации городской революции? Конечно, это те ценности, что возникли еще на стадии доиндустриального общества. Его история самая длительная. В ситуации хаоса она самая устойчивая. В ситуации перехода она и только она и осуществляет функции культуры в целом. Она обеспечивает и принцип преемственности, и вообще выживание общества, что вообще-то и является определяющей функцией культуры. Это, стало быть, вообще фундамент культуры, в том числе, и элитарного в ней образования. Не случайно символисты так тяготели к фольклору, в том числе, сектантскому. Да, великую русскую литературу XIX века создавали не крестьяне, а чаще всего выходцы из дворянского сословия, но они тоже были связаны с землей. Традиционное — это, в том числе, и Средневековое. Не поэтому ли провозгласивший в начале XX века в России Ренессанс Н. Бердяев уже в начале 20-х гг., будучи в эмиграции, обозначает развертывающиеся процессы «новым Средневековьем». Выброс средневекового, т.е. традиционного как раз об этом и свидетельствует.

То, что Ортега-и-Гассет называет «массовым человеком», это вообще пустота, вакуум, нечто несуществую-

щее. Но за ним тоже стоит и не может не стоять культура, правда, не та культура, которую к этому времени успел создать город, поскольку в соответствии с некоторыми теориями большевизм в России — это система, выражающая дух происходящей в Европе, да и в России городской революции. Но это и не та культура, что в России возникла в так называемом «Серебряном веке» и еще не успела закончить трансляцию новых, созданных элитой, ценностей в массовое общество. Это культура, созданная во время предшествующих этапов и вновь в результате революционной бифуркации снова представшая современной. На этой основе рождается мощный консерватизм и, может быть, даже фундаментализм, который, дойдя до сегодняшнего дня, так удивляет. Конечно, кажется, что мы по принципу машины времени не можем переноситься в Средневековье, как в фильме Л. Гайдая. Но Г. Федотов [Федотов, 1992, с. 177] утверждал, что это именно он, традиционный средневековый человек («москвитянин») после революции 1917 г., а, еще точнее, в 30-е гг. вынырнул из глубины веков и стал психологической основой возведения новой государственности во главе с новым мифологическим спасителем, новым «культурным героем», оказавшимся, правда, одновременно и погубителем. Хотя на этот счет существуют разные точки зрения. Но если это и так, то следует объяснить, почему это могло произойти.

Все не так просто с этим традиционным человеком. Его не следует демонизировать, но не следует и идеализировать. Нужно этого носителя традиционных ценностей еще понять. Ясно одно: культура развертывается в больших длительностях исторического времени, а мы эти явления способны постигать лишь в кратких длительностях социального времени. Совершенствуя политтехнологии, мы забываем об истории, а значит, и о культуре. Традиционные ценности давно уже активно перемалываются городской революцией, да и носители этих ценностей

успели превратиться в городское население, растворилось в нем. Если еще не успели стать городскими, то обязательно станут. Развертывается симбиоз традиционной и массовой культуры, в который пока еще проникают другие, более индивидуализированные культурные пласты, возникшие под воздействием разных европейских культур. Наконец, реабилитируются отечественные авангардные пласты искусства, что возникли в Серебряном веке, но стали понятными новым поколениям лишь во второй половине прошлого века. Культура все больше уступает место цивилизации, утрачивая органическое начало. Не эта ли констатация оказывается лейтмотивом философии М. Хайдеггера? Процесс отчуждения нарастает уже в самой культуре. Стремление преодолеть это отчуждение порождает высокий статус традиционных ценностей, что мы в настоящее время и переживаем. С их помощью мы возвращаем утраченные органические стихии жизни и вообще бытие, которое придется заново возродить, обращаясь и к традиционным, и к архаическим пластам истории культуры.

Литература

- Достоевский, 1983 — *Достоевский Ф.* Искания и размышления. Москва: Советская Россия, 1983. С. 343–464.
- Достоевский, 1986 — *Достоевский Ф.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29. Ленинград: Наука, 1986.
- Нойман, 2004 — *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. Москва, 2004.
- Ортега-и-Гассет, 2002 — *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва: Издательство «Весь мир», 1997.
- Основы евразийства. Москва: Арктогея центр, 2002.
- Правдухин, 1927 — *Правдухин В.* От Иванушки-дурачка до Карла Маркса // Звезда. 1927. № 3. С. 179–190. С. 184–200.
- Россия и Германия в XX веке. Бурные порывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. Москва, 2010.
- Саид, 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока Санкт-Петербург, 2006.
- Солженицын, 1995 — *Солженицын А.* Публицистика. В 3-х т. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995.
- Тойнби, 2003 — *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. Москва: Айрис-пресс, 2003.
- Трельч, 1994 — *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. Москва: Юрист, 1994.
- Фай, 2018 — *Фай Э.* Метафизика или метаполитика? Хайдеггер, Россия и немецкий народ // Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия. Москва: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2018.
- Федотов, 1992 — *Федотов Г.* Письма о русской культуре // Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2. Санкт-Петербург: Издательство «София», 1992.
- Фомин, 2009 — *Фомин В.* Лаборатория // После оттепели. Кинематограф 1970-х. Москва, 2009.
- Хренов, 2021 — *Хренов Н.* Между Америкой и Китаем: концепт «Другого» в трансформации цивилизационной идентичности России // Культура культуры. Электронный журнал научной ассоциации исследователей культуры. 2021. № 1 // URL: <http://cult-cult.ru/archive-2021-1/> (дата обращения 01.09.2022).
- Хренов, 2016 — *Хренов Н.* Концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского: проект новой науки или имперский дискурс // Мир культуры и культурология. Выпуск VI. Санкт-Петербург, 2017–2018. С. 81.

- Хренов, 2013 — *Хренов Н. А.* Русская культура на перекрестке Запада и Востока. Россия как подсознание Запада. Восток как подсознание России // Искусствознание. 2013. № 3–4. С. 110.
- Хренов, 2014 — *Хренов Н. А.* Культурологическая парадигма П. А. Сорокина и гуманитарные науки // Наследие. 2014. № 2. Центр «Наследие» им. П. Сорокина. С. 8–36.
- Цымбурский, 2007 — *Цымбурский В.* «Городская революция» и будущие идеологии в России // Цымбурский В. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: 2007.
- XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Москва, Ленинград: Государственное издательство, 1926.
- Шпенглер, 1993 — *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. Москва: Мысль, 1993.
- Ямпольский, 2022 — *Ямпольский М.* Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2022.

References

- *Dostoevsky F.* Iskaniya i razmyshleniya [Searches and reflections]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1983. P. 343–464.
- *Dostoevsky F.* Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 29 [Complete works in 30 volumes. Vol. 29]. Leningrad: Nauka, 1986.
- *Neumann I.* Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskoj identichnosti [The use of the “Other.” Images of the East in the formation of European identity]. Moscow, 2004.
- *Ortega y Gasset J.* Vosstanie mass [The revolt of the masses] // Ortega y Gasset J. Izbrannye trudy [Collected works]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 1997.

- *Osnovy evraziystva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow: Arktogeya centr, 2002.
- *Pravduhin V.* Ot Ivanushki-durachka do Karla Marksa [From Ivanushka the Fool to Karl Marx] // Zvezda. 1927. № 3. P. 179–190. P. 184–200.
- *Rossiya i Germaniya v XX veke. Burnye poryvy i razbitye nadezhdy. Russkie i nemcy v mezhoennye gody* [Russia and Germany in the XX century. Stormy impulses and dashed hopes. Russians and Germans in the interwar years]. Moscow, 2010.
- *Said E.* Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Saint Petersburg, 2006.
- *Solzhenitsyn A.* Publicistika. V 3-h t. T. 1. Stat'i i rechi [Journalism. In 3 vols. 1. Articles and speeches]. Yaroslavl: Verhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995.
- *Toynbee A.* Civilizaciya pered sudom istorii [Civilization before the court of history]. Moscow: Ajris-press, 2003.
- *Troelch E.* Istorizm i ego problemy [Historicism and its problems]. Moscow: Yurist, 1994.
- *Fai E.* Metafizika ili metapolitika? Hajdegger, Rossiya i nemeckij narod [Metaphysics or metapolitics? Heidegger, Russia and the German people] // Hajdegger, «Chernye tetrady» i Rossiya [Heidegger, Black Notebooks and Russia]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 2018.
- *Fedotov G.* Pis'ma o russkoj kul'ture [Letters about Russian culture] // Fedotov G. Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. T. 2. [Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture. Vol. 2]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Sofiya», 1992.
- *Fomin V.* Laboratoriya [Laboratory] // Posle ottepeli. Kinematograf 1970-h [After the thaw. Cinematography in 1970s]. Moscow, 2009.

- *Khrenov N.* Konceptiya kul'turno-istoricheskikh tipov N. Danilevskogo: proekt novej nauki ili imperskij diskurs [The concept of cultural and historical types of N. Danilevsky: the project of a new science or imperial discourse] // Mir kul'tury i kul'turologiya. Vypusk VI [World of Culture and Cultural Studies. Vol. VI]. Saint Petersburg, 2017–2018. P. 81.
- *Khrenov N. A.* Kul'turologicheskaya paradigma P. A. Sorokina i gumanitarnye nauki [Cultural paradigm of P. A. Sorokin and the humanities] // Nasledie. 2014. № 2. P. 8–36.
- *Khrenov N.* Mezhdru Amerikoj i Kitaem: koncept «Drugogo» v transformacii civilizacionnoj identichnosti Rossii [Between America and China: the concept of the “Other” in the transformation of Russia’s civilizational identity] // Kul'tura kul'tury. Elektronnyj zhurnal nauchnoj associacii issledovatelej kul'tury [Culture of Culture. Electronic Journal of the Scientific Association of Cultural Researchers]. 2021. № 1 // URL: <http://cult-cult.ru/archive-2021-1/> (accessed on 01.09.2022).
- *Khrenov N. A.* Russkaya kul'tura na perekrestke Zapada i Vostoka. Rossiya kak podsoznanie Zapada. Vostok kak podsoznanie Rossii [Russian culture at the crossroads of West and East. Russia as the subconscious of the West. East as the subconscious of Russia] // Iskusstvoznanie [Art studies magazine]. 2013. № 3–4. P. 110.
- *Tsybursky V.* «Gorodskaya revolyuciya» i budushchie ideologii v Rossii [“City revolution” and future ideologies in Russia] // Tsybursky V. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. 1993–2006 [Russia island. Geopolitical and chronopolitical works. 1993–2006]. Moscow, 2007.
- XIV s'ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (b). Stenograficheskij otchet [XIV Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim report]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926.

- *Spengler O.* Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. T. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' [Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. v. 1. Gestalt and reality]. Moscow: Mysl', 1993.
- *Yampolsky M.* Vozvrashchenie Adama. Mif, ili Sovremennost' arhaiki [The Return of Adam. Myth, or the Modernity of the Archaic]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2022.

Khrenov N. A.

**TRADITIONAL VALUES:
THE FATE OF THEIR BEARERS
AS THE FATE OF CULTURE**

Khrenov Nikolai Andreevich, *doctor of Philosophy, professor. State Institute of Art Studies Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky pereulok, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru.*

Abstract. The article discusses a phenomenon of Russian civilization, which is referred to as “traditional values” in the modern press, in the mass media, in various documents. Consideration of this problem has been undertaken both in historical and culturological aspects. The author raises the question of the origin of traditional culture, its bearers as well as its various states in history. Traditional culture is one of the components of culture in general, and its origin is usually associated with pre-industrial societies. Its bearer is the peasantry, which made up 80% of the population of Russia at the turn of the 19–20th centuries. The most dramatic period in the history of the peasantry in Russia is associated with the revolution of 1917, collectivization, as well as with the urban revolution (a phase that every type of civilization goes through in its history). The urban revolution means Russia’s entry into the next phase — the phase of industrial society. The culturological aspect of the issue is connected with

the consideration of traditional culture in the context of the relationship between the West and the East. The growing interest to traditional values is associated with the ongoing turn of today's Russia towards the East. Since the processes of Westernization in the previous centuries did not affect the traditional layer of culture, such a turn may be less dramatic.

Key words: *Traditional values, traditional culture, Russian civilization, pre-industrial society, industrial society, orientalist discourse, Slavic discourse, N. Danilevsky, F. Dostoevsky, O. Spengler, A. Toynbee, L. Gumilev, H. Ortega y Gasset, urban revolution, collectivization, Westernization, the concept of "The Other," West, East.*

Злотникова Т. С.

ЗАГАДОЧНАЯ ЧАСТЬ ПРЕЖНЕГО МИРА: КАКИЕ «ЛОДКИ» ПЛАВАЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МОРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ?¹

Злотникова Татьяна Семеновна, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru.

Аннотация. Когда-то о быт разбивались любовные лодки, о которых писал в последней записной книжке В. Маяковский. Позднее — о «быт» экономических и организационных проблем разбился целый флот. Художественное (в широком смысле) и театральное (в более кон-

¹ Выполнено по Гранту РФФ № 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

кретном смысле) общение перестало существовать в режиме регулярных «рейсов», превратившись в случайные всплески и эпизоды, в необязательные встречи. Речь в данной статье пойдет об опыте коммуникации в культурном пространстве советского периода на материале театральных путешествий, передвижений, встреч, рожденных гастрольной и, реже, фестивальной практикой.

Ключевые слова: советский театр, гастроли.

Ретроспективный взгляд на художественную коммуникацию дает возможность установить важную и при этом печальную закономерность. Мы исходим из признания того, что в постсоветский период, чем дальше, тем все больше, художественная жизнь сосредоточилась в частных локациях, тогда как взаимодействие и физически осуществляемое разнообразие деятельности остались прерогативой немногих. Это касается, прежде всего, фестивальной практики (перемещение в рамках «Золотой маски» [Шамина, 2022], участие в фестивалях, проводимых в регионах — Волковском в Ярославле, Платоновском в Воронеже, Реальный театр в Екатеринбурге, Академия в Омске, Голоса истории в Вологде и некоторые другие [Меньшиков, 2004]). Погруженные в процессы деятельности, которая осуществляется в культурной среде российских регионов, исследователи в последние годы обратили внимание на многообразие институциональных характеристик и функций театральных фестивалей, особо подчеркнув коммуникативную функцию (на которую и мы обращаем специальное внимание), причем опыт недолгого, но активного развития фестивального движения в постсоветской России важен не только сугубо творческими результатами, но самим *процессом развития* как модулем творческой деятельности [Закс, Малинина, 2022].

В постсоветский период театры России резко сменили прежние векторы и логику своих поездок, что стало отражением социально-экономических и нравственных, лишь в последнюю очередь — эстетических проблем [Андреева, 2022]. Актуальными стали театральные фестивали,

проводимые желательно подальше и подольше. Впрочем, российской публике «перепадает» немного, ибо одним, часто камерным, спектаклем, такие города, как Самара, Екатеринбург или Ростов-на-Дону, да и поменьше, Ярославль или Белгород, не «накормить». И тогда работают культурные практики в двух вариантах. Либо — политически детерминированные акции, обусловленные нетеатральной логикой обменов между городами или коллективами; это в социальном аспекте престижно, но далеко не всегда радостно в творческом отношении. Либо — родной и привычный «чѐс», где, в отличие от известных образцов, сложившихся в антрепризной практике на далеком континенте, в провинции не премьеры апробируются, а отыгрываются коммерчески заглохшие в столице проекты. Но, в отличие от фестивалей с их хотя бы в некоторой степени художественными критериями и идеями, такие гастроли имеют аудиторией «среднюю» публику, которая реагирует на имена, названия, но не ищет удовлетворения осознанных эстетических потребностей.

Гастроли, о которых пойдет речь далее, были в советское время социально значимым, психологически непростым и художественно противоречивым процессом, который был рожден советскими (идеологическими и социально-нравственными, но, в определенной степени, и экономическими) реалиями и практически исчез вместе с уходом в прошлое советского бытия как способа организации жизни. Явление ушло в прошлое, как многие рожденные советской эпохой процессы и феномены [Российский человек и власть..., 2019].

В 1960–1970-е гг. были так называемые «большие гастроли» (3–4 недели, задействован весь коллектив — и творческий, и технический состав), теперь же на гастроли, как в семейные путешествия у Толстого или Бунина, с няньками и дядьками, в тяжелых дормезах, не ездят. Дорого. Невыгодно. Рискованно. Гастроли советского времени (например, в Кисловодске середины 1960-х гг.

гастролировал оркестр Ленинградской филармонии, тот самый, «оркестр Мравинского» с тремя штатными дирижерами этого оркестра, Н. Ярви, И. Блажковым, Э. Серовым, и, параллельно, московский театр им. Ермоловой с ведущими актерами, И. Соловьевым, В. Якутом, молодым В. Андреевым, с лучшими спектаклями, «Лес», «Пушкин», «Суббота, воскресенье, понедельник») как образ жизни, единый для театров и публики, умерли. Кончилась традиционная для советской эпохи, особенно в послевоенный ее период, «театральная жизнь» (напомним, так назывался журнал, выходивший с 1958 г. в Москве), объединявшая людей на колоссальных пространствах бодро разбежавшейся по своим «субъектам» страны. Думаю, нынешнее среднее, а, скорее уже, старшее поколение станет последним, кто к этой, гастрольной жизни в качестве участников или зрителей был причастен. Общее, социальное, логично и уверенно интегрировало в себя обыденное, частное — прежде всего, жизнь отдельных людей, их интересы и пристрастия [Бойм, 2002].

Много лет автор этого текста находился в кругу интенсивной гастрольной жизни, которая шла в крупнейшем культурном центре Средней Азии — узбекской столице, Ташкенте. Точно знаю, что в Киеве и Минске, Тбилиси и Алма-Ате (как назывались тогда столицы советских республик) театральная жизнь шла по такой же логике.

По гастрольному морю плавали парадно украшенные линкоры и подуставшие либо свежестроенные катера, привычными были относительно скромные яхты и моторки, заплывали мощные и содержавшие в себе заряд неожиданности авианосцы.

Автору данного текста пришлось разносторонне и детально изучать особенности бытия творческой личности в условиях меняющейся социально-политической и художественной реальности [Злотникова, 2017]. Сегодня мы обращаем внимание на сложность и парадоксальность, подчас мучительное восприятие происходящих

изменений, а в некоторых случаях потребность в таких изменениях, которые приносили в коллективную — ибо в театральной сфере иного быть не могло и не может — творческую жизнь новые интенции, питая творчество и стимулируя либо разочаровывая творцов. «Плавание» по гастрольным «волнам» эти изменения показало особенно отчетливо, обозначив особенности переходного времени — от советской к постсоветской эпохе, что пришлось на конец XX века и начало века нынешнего. Мы же восстанавливаем картину именно советской эпохи в последнее ее 30-летие [Режиссерский театр, 1999].

Линкоры

Сверхмасштабные гастроли в Ташкенте *МХАТа* (это был единый коллектив, достаточно еще далекий от разделения на два самостоятельных учреждения) планировались на лето 1965 г. Возникшая была угроза эпидемии холеры заставила перенести гастроли на сентябрь. Торопившиеся из отпусков жители города ругали «за-разу» не менее темпераментно, чем Пушкин в Болдине, но были вознаграждены в полной мере. Вся звездная труппа официального советского театра № 1 прибыла в один из крупнейших в СССР, столичный по официальному статусу город. По тем давним ощущениям, апофеозом гастролей были медленные, тяжеловатые для самих немолодых корифеев, радостно-узнаваемые «Мертвые души»: и отталкивающе-улыбчивый В. Белокуров-Чичиков, и невозмутимо-вальяжный В. Станицын-губернатор, и лубочно-безлобая А. Зуева-Коробочка, и роскошно-зычный Б. Ливанов-Ноздрев, и идиотически-сладкий М. Кедров-Манилов, и уютно-шкафообразный А. Грибов-Собакевич. А рядом — немисливо прямолинейное, хотя и трогавшее души старшего поколения зрителей многофигурное «полотно» — «Друзья и годы» Л. Зорина. Полюса классического и пытавшегося быть современным великого театра.

Потом были еще одни гастроли *МХАТ, дубль 2*, уже после прихода к руководству театром О. Ефремова (что произошло в 1970 г.) и, далее, разделения театра надвое (*МХАТ имени Чехова*, в Камергерском переулке, и *МХАТ имени Горького*, на Тверском бульваре), и в гастролях участвовала «ефремовская» часть, уже оставшаяся без старейших народных артистов; это была, после почти двадцатилетнего интервала, совсем другая труппа и другой репертуар. Это было в 1983 г., единственный раз — не летом, а зимой, в декабре. Сегодня названия тогдашних рецензий кажутся до прямолинейности пророческими: «В разрушенном доме» — о замечательном, хотя и не без противоречий, спектакле Ефремова «Последние» по Горькому; «Наедине с компромиссом» — о вариациях гельмановского производственного триллера «Наедине со всеми», где всех актеров, включая даже органично поглубевшего С. Любшина и великолепно-стервозную А. Вертинскую, «переигрывала» сценография Д. Боровского, водрузившего посреди нежилой распятой квартиры вульгарную многоспальную кровать.

Александринка (тогда это был еще Ленинградский театр имени Пушкина) побывала в Ташкенте в апреле 1966, уехав из города буквально накануне разрушительного землетрясения.

В тот, первый гастрольный проезд театр был еще в расцвете своего, созданного Л. Вивьеном, академического, романтического очарования. Одними из самых ярких и характерных проявлений ушедшей в прошлое театральной традиции были затухающие раскаты темперамента Н. Симонова и хрупкая наивность Н. Ургант в гауптмановском «Перед заходом солнца»; отработанные по классическим клише мизансцены (режиссером был известнейший в свое время режиссер и педагог А. Музиль) и великолепная дикция актеров. Тот же глыбообразный Н. Симонов составлял едва ли не идеальный

в художественном отношении дуэт с возвышенным интеллектуалом В. Честноковым в «Моцарте и Сальери».

Театр имени Пушкина приезжал в Ташкент на гастроли и позднее, в 1970 г. Это была уже другая ситуация. Тогда бодрый, в отличие от старших корифеев, 43-летний И. Горбачев играл одну из лучших своих ролей в польской мелодраме «Час пик» и готовился изменить алгоритм организации художественного руководства театра, привлекая к административной работе народных артистов СССР А. Борисова и Ю. Толубеева, а, по умолчанию, возглавляя будущую художественную коллегия, о чем тогда было упомянуто в нашей частной беседе. Был активно занят в репертуаре и притягателен для публики В. Меркурьев, улыбочиво и снисходительно выполняющий требование жены, Ирины Мейерхольд, присоединиться к автографу, и подписывающий мне только что вышедший том «Встречи с Мейерхольдом».

Масштабы гастролей соответствовали масштабам творческого влияния и художественного опыта театров. Это была, как принято говорить, живая история, для встречи с которой публике не нужно было уезжать в Москву или Ленинград, но у себя, дома, можно было встретиться с театральными легендами, и эти встречи были значимы для культурной жизни всей большой страны, которая в то время была СССР.

Камера

Появление некоторых театров на гастролях было сродни «семейным радостям». События камерные, значимые, если строго судить об этом, прежде всего, для самих театров, получавших доступ к новой для них публике и совершавших своеобразные экскурсии по городам, куда вряд ли попали бы, не будь этих гастролей.

Вполне рядовой на тот момент, возглавляемый не самым популярным режиссером Б. Голубовским *москов-*

ский театр имени Гоголя в 1971 г. привез репертуар маловыразительный, балансировавший между современным памфлетом о журналистской жизни Л. Жуховицкого «Верхом на дельфине» и исторической драмой А. Толстого «Заговор императрицы», не достигшей уровня популярности современных «сказок из истории».

Самым примечательным лицом гастролей был удивительно живой и не утративший простодушной хитрецы взгляда Б. Чирков, только что отметивший 70-летие. Наглый, мужиковатый, вовсе не мистический Распутин (в «Заговоре императрицы»), простодушный, но не дающий наступить себе на мозоль Кузовкин в тургеневском «Нахлебнике», — Чирков был достаточно открытым и вдумчивым собеседником, в чем мы убедились, беря у него интервью для крупнейшей местной газеты, да и просто увлекательным рассказчиком: не только о Максиме из знаменитой кинотрилогии, но о поездке в Индию, о роли комсомольца Мячика в ранней пьесе Е. Шварца «Ундервуд», о съемках фильма «Каин XVIII», где среди карикатурных персонажей Э. Гарина и Ю. Любимова он сыграл своего «безусловного героя», туалетного работника, утешавшего брошенного всеми короля-деспота.

Такой же «семейной радостью» была странная гастроль театра имени Моссовета в 1982 г. Этот театральный визит именитого театра, бессменный руководитель которого, один из крупнейших советских режиссеров Ю. Завадский, к тому времени уже ушел из жизни, был краткой и не слишком выразительной акцией. Работали в неудобном, на редкость не приспособленном для театральной жизни, но новом и потому престижном Дворце культуры авиастроителей, привилегированном, но крайне неудобном для театральных спектаклей построенном и расположенном не лучшим образом для публики. Привезли такую же не приспособленную для театральной жизни, как и отведенное для работы здание, так называемую производственную пьесу В. Черных «Превышение

власти». Кто не помнит вала производственных спектаклей и фильмов конца 1970 — начала 1980-х гг., предвосхищавших начало советской «перестройки»! Но чудакватый, брюзжащий слесарь-пенсионер, сыгранный Л. Марковым после следователя Порфирия Петровича или графа Орлова, был оправданием этого не самого удачного театрального проекта. Это была если не выдающаяся, то, по крайней мере, яркая работа выдающегося актера, ради которого и спектакль стоило везти на гастроль, и публике не жаль было ехать в далекий район большого города.

К сентябрю 1985 г., когда в Ташкент приехал претерпевший сотрясения от смены художественного руководства и притерпевшийся к своему положению на втором плане художественного пейзажа *ленинградский театр Комедии*, театральные десанты стали делом привычным. Со своим новым главным режиссером, пришедшим из БДТ, Ю. Аксеновым, театр обретал черты существования уравновешенного и скромного. Е. Юнгер, акимовский талисман театра, играла в «датском» спектакле «День победы среди войны» ироничную и неожиданно теплую к молодым артистам старуху-смолянку. История исполнения в блокадном городе Седьмой симфонии Шостаковича, разыгранная пригасившим свою элегантную помпезность И. Дмитриевым-Дирижером, болезненно-ранимым, вечным маленьким человеком Л. Лемке-Альтом, была скорее знаком принадлежности театра великому городу и его традиции, чем самостоятельной художественной акцией. Да и бытовые решения других спектаклей, где были, несмотря ни на что, хороши М. Светин или В. Карпова, отдавали привычкой и боязнью от нее отказаться...

Как это ни покажется странным (имея в виду огромную, сформированную кинематографом, популярность ведущих актеров расположенного в центре Москвы и привлекательного, как говорили некоторые московские зрители и критики, в основном для приезжих), весьма

спокойно переживали зрители, «накормленные» регулярными гастролями, приезд в мае 1973 г. *Московского театра сатиры*, руководимого В. Плучеком. На обсуждении я пообещала, а потом и написала, к своему удивлению не вызвав гнева руководителя театра, гастрольный обзор с характерным для этого театра названием «Под голубыми небесами» (речь шла не столько о сатирическом, сколько о лирическом модусе творчества и самого художественного руководителя, и ряда актеров). Т. Пельцер носилась в экскурсионном экстазе по огромному восточному городу и отплясывала на сцене; держали планку Г. Менглет, В. Васильева, Н. Архипова, скучал в последнем ряду конференц-зала во время творческой конференции А. Миронов, слушающий дифирамбы критиков в адрес театра вообще и его работ в частности.

Привлеченная гастрольным репертуаром, весьма обширным, отражавшим политику театра, публика, разумеется, шла — и не столько на спектакли, сколько на «имена». Привычка к узнаваемости, в том числе кинематографической и телевизионной (знаменитый «Кабачок 13 стульев» в немалой степени представлял зрителям именно «сатириков»), и даруемой ею популярности придавала гастролям не столько праздничный, сколько функциональный характер. Чем-то это напоминало нарочитую усталость и подчеркнутую легкость знаменитых капустнических диалогов А. Ширвиндта и М. Державина, которые в тот момент находились на скромных, но заметных флангах. Гастроли повторились еще через пять лет, восторг еще несколько поуменился, тем более что часть репертуара повторялась, хотя заметной новинкой была вполне дежурная во всех отношениях постановка «Тартюфа» знаменитого француза А. Витеза. Но новинка носила характер скорее экзотического «блюда», чем специально приготовленного творческого *opus'a*.

Любопытной была реакция публики, как и отношение людей, работавших в самих театрах, к повторным гастро-

лям. Реакция на объявления о предстоявших событиях была близка к обыденному поведению: да-да, знаем, любим, привыкли, проходите пожалуйста, вот вам домашние тапочки взамен модельной обуви... Эффект восторженно-го взаимного узнавания сменялся эффектом привыкания, но — привыкания к столичному уровню. Последний аспект для советского времени был важен, поскольку гастроли происходили тоже в столице, пусть в столице союзной республики, но масштаб гастролей только подчеркивал столичный статус города.

Яхты и моторки

Проходные, казалось бы, события для немало уже видавшей публики, гастроли театров-побратимов из похожих между собой (как представлялось издали) городов, из разных республик иногда взрывались неожиданными впечатлениями, акциями с далеко (во времени) ушедшими последствиями.

Среди самых знаменательных «нестолчных» гастрольных впечатлений был *Харьковский театр имени Шевченко*, 1977 г. Не стыжусь признаться: до гастрольной встречи я не знала, что собой представляет уникальный, как оказалось, актер В. Ивченко. Увидела впервые совершенно незнакомого актера — диковатого и ни к чему обыденному не приспособленного Егора Полушкина («Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева), агрессивного и отталкивающего мистера Пичема («Трехгрошовая опера» Б. Брехта). Невероятная органичность во всей его странности, манкость и обаяние нескладного и некрасивого актера произвели такое сильное впечатление, что показалось естественным увидеть его потом блестяще набирающим высоту и ставшим премьером в Большом драматическом, у Товстоногова.

Помнит ли сегодня популярный постановщик кинематографических и телевизионных мелодрам Д. Астра-

хан, на тот момент недавно начавший свою театральную карьеру, ташкентские гастроли *Свердловского ТЮЗа* в 1983 г.? Немыслимо-дидактическую пьесу с агрессивно звучащим названием «Кто, если не ты?», превращенную в антиагитку, а главное — замечательно живую игру в «Красной шапочке» Е. Шварца? Это был хороший театр, без сюсюканья, с вполне умными, хоть и маленькими по возрасту зрителями, с многоплановостью решений, адресованных и взрослым.

В 1980 г. приезжал в Узбекистан *новосибирский «Красный факел»*, один из знаменитых провинциальных театров России. Для того времени постановка А. Абакумовым «Дяди Вани» была приятной неожиданностью: увиделись отголоски важных театральных тенденций, увиделся «жесткий» Чехов со сценографией-разрухой, с тщательно выстроенной скукой и неприкаянностью быта. Спектакль-одиночка делал честь театру на фоне разнокалиберного и не очень внятного репертуара с лубочным Островским, псевдоромантическим Фигейредо, с безумно назидательной «Надеждой Миловановой» В. Пановой.

Сегодня, на фоне одноразовых антрепризных показов, вовлекающих в свою орбиту и больших мастеров, и простаивающих подмастерьев, простенький повторявшийся от театра к театру гастрольный репертуар областных или республиканских театров воспринимается как песня.

В общем и имевшем привкус привычности ряду были визитеры далекие и близкие. Гастроль 1981 г. — театр из *Благовещенска*. Репертуар — среднестатистический, для своего времени типичный: «Гнездо глухаря» В. Розова, «Царская охота» Л. Зорина, «Характеры» В. Шукшина. Относительно небольшая по тем временам труппа — около 30 человек, и явные трудности с распределением ролей: тут и возрастные проблемы, и проблемы внутритеатральной иерархии. По сходной схеме работал в 1985 г. *Душанбинский русский театр имени Мая-*

ковского. В гастрольной афише — набор, традиционный для того момента и для жизни театра, лишенного яркой художественной программы: «Выбор» Ю. Бондарева, для равновесия — мольеровский «Тартюф». Один и тот же актер, С. Тищенко, играл главных героев в обеих постановках, хотя его алчный, лоснящийся от радостей жизни французский лицемер был куда убедительнее «мятущегося» русского художника. В силу развивавшейся моды на спектакли «малой сцены» был и трогательный «Бумажный патефон» А. Червинского, но не было спектаклей по пьесам человека, чье имя носил театр (как часто бывало, имя присваивалось без прямой связи носителя этого имени с местом, где театр располагался). Гастроли рядовые, так — словно случайно встретились и без особых эмоций пообщались.

В начале перестройки и, соответственно, в конце гастрольного бума, в 1986 г., были гастроли почти заграничного театра, *Таллинского государственного русского драматического*. Его главный режиссер Н. Шейко показал спектакли интеллигентные, за которыми стояли и тени великих предшественников, от В. Мейерхольда и Е. Вахтангова до Н. Акимова (памяти которого была посвящена премьера шекспировского «Сна в летнюю ночь»), и собственное нравственное и художественное самосознание. Метафоричность спектаклей, и упомянутого шекспировского «Сна...», и лермонтовского «Маскарада», была едва ли не наивно равна собственно авторской: атмосфера лесной сказки с легкой условностью детской игры — в «Сне...», атмосфера маскарада, где пестрота разнородных масок контрастировала с бледностью лиц и чернотой фраков — в «Маскараде». Всплеска зрительских эмоций эти спектакли не вызвали, полагаю, в силу своей холодноватой рационалистичности, но интерес и уважение к ясности и последовательности реализации художественной программы — несомненно были. Театр работал в соответствии с внятной, хотя и несколько одно-

образной художественной программой. В художественном плане это были важные гастроли, но в плане зрительского восприятия — рядовые и даже скучноватые.

Авианосцы

И, наконец, были гастроли — шок, откровение, взрыв эмоций. Перелом, расцвет, начало взлета театров, пережитые подчас именно на гастролях, ставились и для самих творцов, и для публики особым жизненным этапом. Этот художественно-творческий и социально-нравственный модус остался в прошлом, но сегодня может рассматриваться как свидетельство реальной и значимой части отечественной культурной истории, не забытой и не отвергнутой, но оставшейся в современности в качестве значимого маркера [Богданова, 2017].

Гастроли «Современника» в 1970 г. — последние, где театр был вместе с О. Ефремовым, ушедшим во МХАТ, о чем было сказано выше, буквально следом за гастролями-событием [Ефремов, 2011]. Майская жара, Г. Волчек в белых джинсах — немыслимое для Средней Азии одеяние. Едем в такси на коротенькое расстояние от гостиницы до театрального института, цена поездки — рубль, но Галина Борисовна решительно отталкивает мою руку: «Станешь профессором, тогда будешь платить». Газеты (а их в столичном городе с единственным в советской Средней Азии театральным институтом, институтом искусствознания, «московской» театроведческой заправкой в критике) переполнены рецензиями, творческими портретами. Было сражение с начальством «главной» газеты из-за заголовка, который я хотела дать статье о Евстигнееве — «Любимец публики», советским руководителям от журналистики это казалось неуважительным и легкомысленным.

Прямой эфир на республиканском телевидении, естественный для того времени, поскольку других вариантов, с записью и отработкой фрагментов, в жанре, который потом получит название «ток-шоу», в принципе не было. С актерами по дороге на телестудию, в автобусе, оговорены ракурсы коллективного интервью. В. Гафт приотворно скромничает, он в театре недавно, в эфире не повторит шутки о том, что в этот театр пришел работать, поскольку билетов сюда не достать, а жене хотелось смотреть спектакли. Потом, в студии во время эфира очаровательно-интеллигентная Л. Толмачева будет тонко и деликатно говорить о духовных традициях своего театра; В. Никулин, вжавшись в кресло, вместо «прямой речи» будет читать стихи; И. Кваша поразит всех простым (для него) рассказом о дружбе своей семьи с великим физиком Л. Ландау. Характерная для советского времени особенность той телевизионной встречи: приехали — надо «отрабатывать» свой визит, а молоденькая, еще студентка, готовящая передачу, до этого бывавшая на репетициях и писавшая о спектаклях, — это естественный для гостей, еще не чувствующих себя корифеями, модератор.

Во время этих современниковских гастролей публика будет недоуменно подниматься при звуках «Интернационала» в финале «Большевиков», замирать в сопереживании столь родным персонажам розовского «Традиционного сбора» и едва ли не подпевать милым песенкам из простенького польского мюзикла «Вкус черешни». Будет огорчаться от того, что, вместо популярного О. Табакова в знаменитой «Обыкновенной истории» предстоит увидеть «какого-то» А. Мягкова; а тот уже шестой сезон работал в театре, и Алешу Карамазова сыграл в кино, но на его ташкентской фотографии осталась застенчиво-ироничная улыбка неожиданно застигнутого вниманием человека, — тогда был опубликован едва ли первый его «творческий портрет».

Событие экстраординарное, на пике развития театрального искусства в СССР и развития данного, конкретного коллектива: в 1974 г. «к нам едет» *ленинградский Большой драматический*. В полном составе. Во главе с Г. Товстоноговым. Прием в Центральном комитете партии — за столом заседаний, без угощения и тостов, после чего молодой директор театра удивляется тому, что в немыслимую жару высокие чиновники ходят на работу не только в галстуках, но и в пиджаках. Расселяют гастролеров, как обычно, по ранжиру: сам Товстоногов и народные артисты СССР — в малюсенькой гостинице рядом с резиденцией первого лица республики, остальные — в лучшей из обычных. Спектакли идут на трех площадках. Ничего не играется вполсилы: великие горьковские «Мещане» с Е. Лебедевым, К. Лавровым, Э. Поповой, П. Панковым, Н. Трофимовым, шекспировский «Генрих IV» с С. Юрским и О. Борисовым, удалой гротеск — «Энергичные люди» с Е. Лебедевым и Э. Поповой — как последнее прости умершему в это время В. Шукшину, строго-советская и, несомненно, художественная «Третья стража» с В. Стржельчиком-Бауманом и Е. Копеляном-Саввой Морозовым. Масштаб события был соизмерим только с масштабом популярности (признанности) театра в этот момент, с масштабом таланта каждого из первых и многих других актеров, с масштабом реального воплощения и замыслов великого режиссера. Но и для театра эти гастроли были показательными, уровень понимания и восприятия спектаклей самих людей театра поразил тонкостью и глубиной, что в самом Ленинграде, конечно, бывало, но на гастролях — весьма редко.

В сентябре 1982 г. *театр на Таганке* приехал в Среднюю Азию во второй раз (первый раз — еще в 1970-х). Атмосфера скандала предшествовала и приезду театра (летом пытались и не смогли выпустить премьеру «Бориса Годунова»), сопровождала и его пребывание в городе (жену Ю. Любимова охрана не пропустила через

служебный вход оперного театра, и решительная молодая дама проникла в здание чуть ли не через окно). Уже заигранные «Десять дней, которые потрясли мир»; еще не имевший в Москве прессы «Мастер и Маргарита» — при встрече накануне гастролей Любимов думал, что съязвил, сказав: «Попробуйте, напишите у себя в Ташкенте о «Мастере»...». Тем не менее, написали, и не одну рецензию, в том числе живший в Ташкенте А. Вулис, чьи усилия, вкуче с усилиями К. Симонова, в свое время привели собственно к публикации «Мастера». Для поклонников все того же скандально-публицистического стиля этого театра полной неожиданностью стал тонкий и небанально-многоплановый трифононский «Дом на набережной». Любимов показал самый новый на тот момент и один из самых глубоких своих спектаклей о бесстрашном времени и мстительной памяти [Любимов, 2001].

На взлете популярности, но еще с привкусом то ли привычки к несолидности, то ли окончательной признанности права на нахождение в театральном Пантеоне, в 1981 г. гастролеровал *московский орденосный театр имени Ленинского комсомола*. Театр еще не воспринимается как «культовый», и потому с глубокомысленно-скучноватого «Вора» (пьеса польская, не путать с романом Л. Леонова!) публика пачками уходит, а Е. Леонов, играющий главные роли и в этом спектакле, и в тонко вторгавшемся в привычное благоговение, злом и трогательном чеховском «Иванове», — вызывает недоумение и даже раздражение. Публика впервые видит воочию И. Чурикову: не только в «Тиле» с калейдоскопом женских характеров, не только в том же «Иванове», но и в концерте, где актриса один на один разговаривает серьезно и доверительно с многосотенной аудиторией, читает стихи А. Ахматовой и не боится быть искренней. М. Захаров всю «раскручивает» своих актеров и говорит на встрече с молодыми коллегами о прежде немыслимой для руководителя театра позиции: пусть они как

можно больше снимаются в кино и на телевидении, ибо их популярность — это популярность театра. И ведь прав оказался, как и во многом другом!

Театр, предъявленный Захаровым, напрямую держал марку, играя спектакли, жестоко изъязвленные не только московской критикой, но и самим режиссером: «Автоград-XXI», «Люди и птицы». И — высшие всплески доперестроечной смелости. С одной стороны — сочетание рок-стилистики с молитвенными звуками в любовной истории на фоне господства чинуш — в феерической «Юноне» и «Авось!», радостная энергия негероичного Н. Караченцова. С другой стороны — «Революционный этюд» с безмерно обаятельным и оттого убедительным О. Янковским, без грима играющим Ленина и вольно мишующим специфически-музейный бархатный шнур.

Приплыли...

Гастроли позднего советского периода длились обычно по месяцу, привозилось по десятку-полтора спектаклей, полный состав труппы (если кого-то не брали, это была драма и скандал), везли все, самые сложные в техническом отношении декорации.

Вернусь к тезису, приведенному в начале данного текста. Как автор, активно работавший в сфере критики (это касается активной же художественной жизни советского и раннего постсоветского периода), могу засвидетельствовать важную закономерность. Гастрольная жизнь была суровым испытанием не только для театров, но и для критики. Не принято тогда было «прийти, увидеть, написать», не зная истории коллектива, нюансов его репертуарной и кадровой политики. Это было испытание и для всех СМИ: о чем можно писать, о чем нельзя? Один из малого количества аналогичных примеров: по условиям времени зам. редактора главной республиканской газеты с громкими проклятиями в адрес недосмотревшего

сотрудника выбрасывал из гранок слово «ангелочки», затесавшееся в описание иронического оформления «Бедной Лизы», поставленной М. Розовским в БДТ.

И вот замерли на рейде все «плавсредства»: подчищенные и окончательно развалившиеся, а то и переконструированные до неузнаваемости. Не плывется... Трудно двигаться по мертвой зыби. И стоят театральные лодки «между».

Между закончившимся временем и расформированным пространством. Между художественными потребностями и материальными возможностями. Между театральной жизнью и нетеатральным небытием.

Литература

- Андреева, 2019 — Андреева Е. Ю. Постсоветское искусство 1990-х — начала 2000-х между историей и ностальгией // Международный журнал исследований культуры. 2019 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskoe-iskusstvo-1990-h-nachala-2000-h-mezhdu-istoriei-i-nostalgiey/viewer> (дата обращения 23.07.2022).
- Богданова, 2017 — Богданова П. Б. Культурный цикл: театральная режиссура от шестидесятников к поколению post. Москва: Академический проект, 2017.
- Бойм, 2002 — Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. Москва: Новое литературное обозрение, 2002.
- Закс, Малинина, 2022 — Закс Л. А., Малинина Е. В. Театральный фестиваль как институция художественной культуры: опыт пермского фестиваля «Пространство режиссуры» // URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65974/1/iurp-2018-180-18.pdf?ysclid=15y6z0aqr8255225833> С. 145–158 (дата обращения 23.07.2022).

- Злотникова, 2017 — *Злотникова Т. С.* Философия творческой личности. Москва: Издательство «Согласие», 2017.
- Ефремов, 2011 — *Ефремов О. Н.* Настоящий строитель театра. Москва: Зебра Е, 2011.
- Любимов, 2001 — *Любимов Ю. П.* Рассказы старого трепача. Москва: «Новости», 2001.
- Меньшиков, 2004 — *Меньшиков А. М.* Фестиваль как социокультурный феномен современного театрального процесса. Автореферат. Москва: 2004.
- Режиссерский театр: Разговоры под занавес века / авторы проекта и редакторы-составители А. М. Смелянский, О. В. Егошина. Москва: Изд-во «Московский Художественный театр», 1999.
- Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: сборник научных трудов XXI российской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Екатеринбург, 12–13 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019.
- Шамина, 2022 — *Шамина Д.* Скрытое под «Маской»: что происходит с главным театральным фестивалем страны // URL: <https://www.buro247.ru/culture/theatre/skrytoe-pod-maskoy-chto-proiskhodit-s-glavnym-teat.html?ysclid=15y71q4kv1839104912> (дата обращения 23.07.2022).

References

- *Andreeva E.YU.* Postsovetskoe iskusstvo 1990-h — nachala 2000-h mezhdu istoriej i nostalgij [The post-soviet art 1990th–early 2000th/ Between history and nostalgia] // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'turny* [International journal of cultural research]. 2019 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskoe-iskusstvo-1990-h-nachala-2000-h>

- mezhdu-istoriej-i-nostalgij/viewer (accessed on 23.07.2022).
- *Bogdanova P. B.* Kul'turnyj cikl: teatral'naya rezhissura ot shestidesyatnikov k pokoleniyu post [Cultural Cycle: Theater Directing from the Sixties to the Post Generation]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2017.
- *Bojm S.* Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoj zhizni [Common Places: The Mythology of Everyday Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie obozrenie, 2002.
- *Zaks L. A., Malinina E. V.* Teatral'nyj festival' kak instituciya hudozhestvennoj kul'tury: opyt permskogo festivalya «Prostranstvo rezhissury» [Theatrical festival as an institution of artistic culture: the experience of the Perm festival “Director’s space”] // URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65974/1/iurp-2018-180-18.pdf?ysclid=15y6zoaqp8255225833> S. 145–158 (accessed on 23.07.2022).
- *Zlotnikova T. S.* Filosofiya tvorcheskoj lichnosti [Philosophy of the creative personality]. Moscow: Izdatel'stvo «Soglasie», 2017.
- *Efremov O. N.* Nastoyashchij stroitel' teatra [Real theater builder]. Moscow: Zebra E, 2011.
- *Lyubimov YU. P.* Rasskazy starogo trepacha [Tales of the old trepach]. Moscow: «Новости», 2001.
- *Men'shikov A. M.* Festival' kak sociokul'turnyj fenomen sovremennogo teatral'nogo processa. Avtoreferat [Festival as a socio-cultural phenomenon of the modern theatrical process. Thesis abstract]. Moscow: 2004.
- Rezhisserskij teatr: Razgovory pod zanes veka / avtory proekta i redactory-sostaviteli A. M. Smelyanskij, O. V. Egoshina [Director's theatre: Conversations under the curtain of the century / project authors and editors-compilers A. M. Smelyansky, O. V. Egoshina]. Moscow: Izd-vo «Moskovskij Hudozhestvennyj teatr», 1999.

- Rossijskij chelovek i vlast' v kontekste radikal'nyh izmenenij v sovremennom mire: sbornik nauchnyh trudov XXI rossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) (g. Yekaterinburg, 12–13 aprelya 2019 goda) [Russian people and power in the context of radical changes in the modern world/collection of scientific papers of the 21st of the Russian scientific-practical conference (with international participation)]. Yekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2019.
- *Shamina D.* Skrytoe pod «Maskoj»: chto proiskhodit s glavnym teatral'nym festivalem strany [Hidden under the “Mask:” what is happening with the country’s main theater festival] // URL: <https://www.buro247.ru/culture/theatre/skrytoe-pod-maskoy-chto-proiskhodit-s-glavnym-teat.html?ysclid=15y71q4kv1839104912> (accessed on 23.07.2022).

Zlotnikova T. S.

A MYSTERIOUS PART OF THE FORMER WORLD: WHICH “BOATS” WERE AVAILABLE IN THE ARTISTIC SEA OF THE SOVIET PERIOD

Zlotnikova Tatiana Semenovna, doctor of science in Art studies, professor, honored researcher of Russian Federation. Scientific director of National Research center “World of Russian provinces” of Yaroslavl State Pedagogical University, 150000, Russian Federation, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru.

Abstract. Once upon a time “boats of love” were often crashed with everyday life, as V. Mayakovsky wrote in his last notebook. Later, a whole fleet crashed about the “life” of economic and organizational problems. Artistic (in a broad sense) and theatrical

(in a more specific sense) communication ceased to exist in the mode of regular “sailings”, turning into random outbursts and episodes, into optional meetings. This article will focus on the experience of communication in the cultural space of the Soviet period based on the material of theatrical travels, movements, meetings, which were born with touring and, less often, festival practice.

Key words: *soviet theatre, tours.*

Аристова Е. П.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕАЛЫ РАЗУМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТОВОГО СОВЕТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ» Б.Н. ПОЛЕВОГО¹

Аристова Екатерина Павловна,
кандидат философских наук, научный
сотрудник сектора Философии культуры,
Института философии РАН. 109240, Россия,
Москва, ул. Гончарная, д. 12.
E-mail: ekaterina.ftwr@gmail.com.

Аннотация. С 1990-х гг. Официальное советское искусство интерпретируется как тоталитарное и ассоциируется с государственной машиной, идеологией и пропагандой. Подобная маргинализация основана на политической риторике капиталистических демократий периода

Холодной войны. В центре внимания этой риторики был подробно изученный К. Поппером конфликт индивидуальности и коллективного бытия, который выражался в том числе в конфликте художника и государства. Мысль о подчинении искусства политическим задачам часто высказывалась идеологами большевизма, но задолго до большевиков ее разрабатывал Платон. Политическая философия Платона построена на противопоставлении хаотического и космического начал, и контроль искусства в ней интерпретируется как противостояние «титаническим» силам, выраженным в индивидуальных желаниях. Возникшая в XX в. массовая культура в капиталистических демократиях и в СССР пошла разными путями: в первом случае она основывалась на представлении о массе как о бессознательной наиндивидуальной общности, тяготела к развлекательности, эмоциональной разрядке; во втором — как о носительнице высшей формы сознания, причастной философии в виде диалектического мышления. Советская массовая культура была попыткой противостояния хаотическому началу. Диалектичность делала советский дискурс претендующим на истинность всех возможных суждений одновременно, т.е. тотальным. Но отказ от рационализма в пользу бессознательного мышления сделала западную культуру такой же тотальностью, исключая возможность возражения.

Ключевые слова: социалистический реализм, тоталитарное искусство, советское искусство, сталинизм, пропаганда, мягкая сила, постправда, Б.Н. Полевой, Повесть о настоящем человеке.

Данное исследование написано в военное время. Изложенные в нем рассуждения — это отклик на культурную атмосферу, предшествовавшую трагическим событиям наших дней.

Поводом к рассуждению и иллюстрацией изложенных доводов будет образцовое произведение советского времени о Великой Отечественной войне — «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Этот текст, созданный участником событий 1941–1945 г. и впервые опубликованный в 1946 г., запечатлел духовный опыт, сопровождавший подвиг победы над нацизмом. По воле истории этот опыт был тесно связан с политической идеологией.

¹ Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ НФ 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

Основной вопрос этой статьи — как в наши дни воспринимать идеологизированное искусство СССР, которое несколько десятилетий было негласно табуировано в качестве пережитка «тоталитарного» прошлого? Моральный долг не позволяет относиться подобному наследию наивно — воплощение колоссальной политической утопии разрушило и уничтожило миллионы жизней, чему есть документальные и иные свидетельства. Но было бы столь же наивно не признать, что у «постсоветских» поколений возникла слишком опасная иллюзия, будто с падением СССР страшный «тоталитарный» мир был предан забвению в качестве исторической аномалии. Эта иллюзия не позволила вовремя заметить и адекватно оценить чудовищное по своим масштабам и последствиям возрождение феномена политической пропаганды в современной цифровой среде, повлекшее всплеск насилия, кризис права и экономики, потерю мировым сообществом нравственных ориентиров, сформированных страшным опытом Второй мировой войны.

Настоящая работа — это поиск подхода к исследованию советской культуры как варианта *массовой* культуры, способной нести в себе «тоталитарные» черты в том числе и в странах, относящих себя к демократическим. Подобный подход требует рассмотрения советской культуры в контексте, выходящем за пределы дискурса Холодной войны с его противопоставлением «тоталитарного искусства» искусству какого-то другого, свободного, мира. Философская традиция дает подобный контекст.

«Тоталитарное» искусство и творческая свобода

Термином «тоталитарное искусство» в 1990-е гг. И. Н. Голомшток обозначил «официальную» советскую культуру, превращенную в часть монструозной государственной машины, участвующую в пропаганде и под-

держании культа личности. Ее основой представлялись идеи В. И. Ленина, неоднократно призывавшего к политическому использованию искусства [Голомшток, 1994, с. 92–93; Боров, 2008, с. 45]. Так, в статье «Партийная организация и партийная литература» 1905 г. Ленин сформулировал требование «партийности», предполагавшее преобразование творчества (изначально речь шла о литературе, но позже в СССР это требование было распространено на любое творчество) в «колесико и винтик одного-единого, великого социал-демократического механизма» [Ленин, 1968, с. 101]. Свобода самовыражения интерпретировалась им не как свойство личности, а как классовое явление: истинно свободный художник в представлении Ленина не мог не испытывать сочувствия к миллионам угнетенных, тогда как буржуазное общество вынуждало его зависеть от погони за прибылью и от содержания, угождать малочисленной обеспеченной элите [Там же].

Другая традиция оценки советской культуры основывалась на ассоциации СССР с политической утопией Платона. К. Поппер в знаменитой работе «Открытое общество и его враги» 1939 г. интерпретировал древний проект совершенного полиса как собирательный образ тоталитарного общества, в котором личность считается слабым подобием истинного, коллективного, индивида и принуждается к самопожертвованию ради общественного блага [Поппер, 1992, с. 114, 116]. Идеалом Поппера была эгалитарная модель справедливости, т.е. принцип равенства граждан перед законом. Аристократ Платон, по его мнению, целостность и устойчивость социума, позволяющую сохранить привилегии привилегированных, превратил в высшую цель, ради которой допустил принесение в жертву и отдельных людей и целых сословий [Там же, с. 124]. Идеи Поппера повлияли на западную политическую риторику периода Холодной войны, противопоставлявшую советскому коллективизму свободу

личности. Подобная риторика внесла свой вклад в маргинализацию официального искусства СССР на фоне повышенного интереса к творческому диссидентству как к проявлению индивидуальной независимости.

Оглядываясь на эти оценки в момент, когда после разрушения СССР прошло уже несколько десятилетий, приходится признать, что личная свобода не только не восторжествовала, но и оказалась проблематизирована как никогда раньше. Благодаря стремительному развитию коммуникационных технологий в XXI в. индивидуальное мировоззрение стало настолько зависимо от информационной среды, что актуальным стал вопрос, а можно ли его вообще считать в строгом смысле *индивидуальным*? Открытость информации, как выяснилось, обеспечила не столько независимость мнения, сколько незащищенность перед эмоциональными манипуляциями. Невиданный прежде уровень равенства множества говорящих субъектов (сетевой комментарий любого человека в наши дни может публиковаться и функционировать в инфопространстве наравне с профессиональной прессой, высказываниями образованных экспертов и политиков), привел к кризису доверия всех ко всем и мощному запросу на ощущение авторитета [Harsin, 2015, URL], на который услужливо откликаются радикальные политические силы, распространяя свою примитивную и легко усваиваемую малограмотным обывателем картину мира на целые государства.

Назад к Платону: контроль поэтов и сомнение в разуме

Современник К. Поппера, русский философ А. Ф. Лосев, исследовавший античную культуру в те же 1930-е—1950-е гг., видел в мысли Платона воплощение особой античной классической эстетики, распространявшей разумные законы не столько на социум, сколько

на космос в целом [Лосев, 2000, с. 176]. Изнанкой рассуждений Платона о природе идеального полиса в свете данной парадигмы представляется скорее оппозиция космос-хаос, а не конфликт коллективного и индивидуального. Государство соответственно мыслилось как гармония, противоположная вселенскому разладу, и от человека для ее поддержания требовалось «просветление естественных влечений и страстей» [Там же, с. 716], достичь которого помогало правильное воспитание с помощью воздействия искусства. Поппер почти не затрагивал эту тему.

Можно сказать, что Платон первым в европейской мысли, задолго до Ленина, создал концепцию искусства, полностью подчиненного политическим задачам. Для цели настоящей работы важно, что это была не концепция какой-то особой «партийной» или «тоталитарной» культуры, приписываемой конкретному обществу в мировой истории, а фактически концепция культуры как таковой, т.е. состояния человечества, противоположного дикости.

Исследователи часто обращаются к философии искусства, изложенной Платоном в диалоге «Государство». Согласие социума и рассудительность человеческой души в нем сравниваются с музыкальной гармонией [432a; Платон, 2007, с. 241], которую разрушает «пестрота», т.е. развитие искусств и ремесел, утонченность их произведений, пробуждающие в людях множество желаний и пристрастий, из-за которых возникают разногласия [373 a—c; там же, с. 162—163; 412b, там же, с. 215]. Совершенство общества связывается с отказом от «пестроты» и почитанием гражданами исключительно простых и строгих «примеров стойкости» [390c; там же, с. 185], «главных образцов» достойной жизни [412b; там же, с. 215].

Но в более позднем диалоге «Законы» Платон исследовал природу «воспитания» посредством искусства полнее, затронул его психологическое воздействие и судьбу

творческой личности. Разлад общественной гармонии в этом сочинении представляется уже не столько следствием «пестроты», сколько проявлением присущей людям войны «каждого с самим собой» [626с; Платон, 2014, с. 79] и всех государств друг с другом [625е; там же, с.с. 78]. Этому состоянию, согласно Платону, противостоит Законодатель, который, олицетворяя разум, организует и подчиняет разнонаправленные порывы и личные желания, помогает людям жить совместно. Законодатель может и должен вести себя как своеобразный дрессировщик — с помощью естественных и данных от рождения ощущений страдания и удовольствия формировать у сограждан привычку к прекрасному [653а; там же, с. 103—104], потому что сама доступность образцов еще не означает готовности им следовать. Платон даже называет Законодателя «лепщиком душ» [671с; там же, с. 123], что удивительно напоминает советское именование писателей «инженеры человеческих душ». Поэты в обществе, с таким трудом удерживаемом в состоянии гармонии, являются постоянным источником беспокойства, потому что они подвержены исступлению, словно одурманенные божественные оракулы, и им трудно различать добро и зло [719с; там же, с. 168]. Поскольку с помощью искусства приятные ощущения следует делать спутниками исключительно достойного поведения, законодатель может влиять на поэтов убеждением и наказанием [660а; там же, с. 111]. В противном случае они могут впасть в «вакхическое исступление», «одержимость наслаждением», которое человек испытывает «независимо оттого, плох он или хорош» [700d—e; там же, с. 151], и их извращенное искусство может вернуть граждан к «древней титанической природе» и вынудить их «вести тяжелую жизнь, полную бедствий» [701a—c; там же, с. 151—152].

Кажется, что Платон ставит разум на пьедестал, превращая его во взирающего с высока наблюдателя общественных отношений, их архитектора и регулятора.

Но чем были его рассуждения об искусстве как не постоянным сомнением в силе этого величественного законодателя и поддерживаемого им порядка, пусть и аристократичного, пусть и совершенного?.. Удивительно, но образцы поведения философ в итоге предложил прививать гражданам не рассуждением и не созерцанием, а выработкой условных рефлексов. Некая «титаническая природа», по-видимому, представлялась ему постоянной, хотя и не желательной участницей общественных отношений.

Бессознательное мышление народных масс

Во второй половине XIX в. и первой половине XX в. в европейской мысли возрос интерес именно к хаотическому началу — к иррациональной стороне человеческой психики. Чествование разума сменилось отношением к нему как к хрупкому фасаду более глубоких психических процессов. Школа психоанализа стала самым популярным выразителем данного подхода. З. Фрейд охарактеризовал всю культуру как «сублимацию первичных позывов» [Фрейд, 2009, с. 211], более фундаментальных, чем логическое мышление: разрываясь между жадой удовольствия и страхом страдания, между эротическим влечением и тягой к насилию и смерти, человек создал культуру как средство подавления порывов ради выживания в среде сородичей, и оказался вынужден время от времени восставать против культуры как против давящей, ограничивающей, невротизирующей силы [Там же, с. 209—211]. К. Г. Юнг рассматривал культуру через призму универсальных образов «архетипов», особенно ярко проявляющих себя в снах, фольклоре, мифах и невротических состояниях — т.е. в области внелогического, т.н. «бессознательного» мышления. Архетипы, по его мнению, были свойственны всем людям, надличностны и плохо поддавались контролю сознания, напоминая инстинкты

[Юнг, 2022, с. 97, 106–107]. Доминирование рационального мышления, вытесняющее силу архетипов, Юнгу представлялось не только не благодетным, но даже опасным, поскольку бессознательное мышление, не находя себе здорового выхода, могло стать причиной страшных социальных катаклизмов, в том числе тоталитарных режимов нацизма и сталинизма [Там же, с. 94].

Представление о какой-то неконтролируемой разумом силе очень активно использовали для описания исторических, социальных, политических процессов. К примеру, Г. Лебон в работе «Психология народов и рас» 1895 г. описал толпу как субъект бессознательного мышления: толпа не способна рассуждать критически, внушаема, подвержена обаянию вожаков; она опирается на «устойчивую бессознательную область чувств, где вырабатываются мотивы наших поступков» [Лебон, с. 117], и человек, отрешаясь от ограничений разума и морали, отрешается и от своей индивидуальности, полностью растворяется в толпе, испытывая чувство свободы и даже наслаждения. При этом снимается запрет на насилие — участник толпы способен на жестокость, которую не смог бы даже помыслить в одиночку. Поскольку жестокость составляет суть революционного и военного насилия, согласно Лебону, толпа — это главный субъект истории [Там же, с. 122].

Х. Ортега-и-Гассет в 1930 г. писал как о бессознательном акторе истории о массе: она появилась благодаря доступности благ цивилизации, плодом которой были стремительный рост численности и плотности населения в Европе в начале XX в. а также распространенная иллюзия, что комфорт и мгновенное удовлетворение потребностей — это не результат борьбы и труда, а врожденное *право* каждого человека и основа социального порядка. Масса, не привыкшая к трудностям, в представлении испанского мыслителя инфантильна и нетерпима к преградам в удовлетворении желаний. А поскольку цивили-

лизация невозможна без различных ограничений, жизнь массы — представлялась *одичанием* [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 91–95].

Чуть позже, в 1960-е гг., Э. Канетти все социальные взаимодействия и культурные символы связал с фундаментальными для человеческой психики и родственными животному восприятию ощущениями контакта и дистанции, которые зиждутся на страхе смерти (от контакта как удара, укуса и т. п.) [Канетти, 2015, с. 23] и на чувстве торжества уцелевшего и не поддавшегося смерти (удаленного дистанцией от трупов, уникального) [Там же, с. 279]. Слияние с толпой, растворение в ней собственной индивидуальности, за которую постоянно приходилось бороться, представлялось ему вариантом психологической защиты от фундаментальных страхов [Там же, с. 24]. Он предпочитал, как бы полностью расчеловечивая и обезличивая, сравнивать толпу с природными стихиями и материальными объектами: огнем, ветром, волнами моря, течением реки, грудой предметов, плотностью вещества и т. д. [Там же, с. 101–120].

В работе «Истоки тоталитаризма» 1949 г. Ханна Арендт, размышляя о причинах терпимого и даже восторженного отношения немцев к нацизму, обратила внимание на психологическое восприятие человека массы: в перенаселенном мире, лишенном традиционных барьеров и моделей отношений, он испытывал ощущение потерянности и беспомощности перед жизнью, а тоталитарная идеология отрывала его от этой жизни, внушая модель действительности более простую и ясную, чем сама действительность, а потому и более *приятную*. Упрощение восприятия постепенно сводило человека к сумме «простых психических реакций» [Арендт, 1996, с. 466, 569].

Т. Адорно и М. Хоркхаймер в работе «Диалектика просвещения», также написанной в послевоенные годы, дали одно из первых описаний культуры массового общества, начав с разоблачения всей культуры европейского

Просвещения как своего рода невротического и «тоталитарного» [Адорно, Хоркхаймер, 1997, с. 41] процесса подчинения природы через непрестанную рационализацию пугающего окружающего мира. В XX в. эта рационализация выразилась в т.н. культуриндустрии, превращении всего творческого производства в гигантский машинообразный синдикат, контролирующий привычки аудитории и навязывающий ей потребности, чтобы никто на самом деле не был удовлетворен, и круговорот денег продолжался бесконечно, создавая привычный, устойчивый успокаивающий ритм и порядок. [Там же, с. 167—173]. Таким образом, рациональное мышление фактически отождествлялось с мотивом иррационального страха.

***Официальное искусство СССР:
массовая культура
и контроль бессознательного***

Общество СССР, хотя и имело свою специфику, в целом последовало общей тенденции первой половины XX в., став массовым и создав масштабную культурную индустрию. Но отличительной чертой его становления было восприятие массы не как бессознательной и иррациональной толпы, а наоборот — как носительницы высшей формы сознания. Марксистско-ленинская идеология представляла развитие экономики и общества как разумный целенаправленный процесс, пусть и движимый с помощью «классовой борьбы». Насилие и жестокость исторического процесса при этом ассоциировали не со взрывом фундаментальных бессознательных порывов, а, вслед за философией Гегеля, с особым свойством разума — парадоксальностью, которая находила выражение в т.н. диалектическом мышлении, без которого невозможно было никакое развитие. От массовой культуры СССР, подконтрольной партийному и бюрократическому аппарату, требовалось соответствие диалектическому

мышлению. Известнейшее определение единственного официально одобренного с 1930-х гг. стиля социалистического реализма, гласило, что он должен отражать действительность «в развитии» [Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет, с. 716], т.е. «диалектически» претендовать одновременно и на правдивое отражение реального опыта и на трансляцию ценностей и преимуществ утопического идеала социума, к которому стремился СССР.

У подобного подхода была положительная черта — демократизация философской и политической мысли, которые оказались вручены (впрочем, нередко помимо воли, как вручается документ с официальным предписанием) каждому гражданину, а не только малочисленной элите. За этим жестом, несомненно, стояла искренняя вера в Просвещение, выразившаяся в том числе в беспрецедентных усилиях большевиков по распространению грамотности и образования среди населения бывшей Российской империи. Но была и тайная, тщательно скрываемая и отрицаемая, уязвимость. Культура СССР всегда была ограничена в обращении к бессознательному началу и не давала той бесцельной эмоциональной разрядки, которая зачаровывала в «буржуазных» произведениях. Эмоциональное воздействие пытались контролировать, подчиняя политической повестке и ограничивая идеологическими канонами.

Современникам подобная эстетика казалась схематичной, принужденной и скучной. В 1950-е гг. А. Д. Синявский (работал под псевдонимом А. Терц) написал эссе о социалистическом реализме, в котором обратил внимание, что в советской литературе нет настоящих конфликтов, потому что в ней хорошие соревнуются с лучшими, подчиняясь единой великой Цели [Терц, 1988, с. 27], так что не остается места душевным расколам, сомнениям и глубоким переживаниям; он с иронией отметил неестественность поведения вездесущих советских положи-

тельных героев, которые «твердят о коммунизме на работе и дома, в гостях и на прогулке, на смертном одре и на ложе любви» [Там же, с. 32]; очень показательно и его замечание о комических произведениях: «...мы сделались серьезны и строги. ...смех наш *перестал быть порочным, вседозволенным* и приобрел *целенаправленный* характер: он искореняет недостатки, исправляет нравы, поддерживает бодрый дух в молодежи. Это смех с серьезным лицом и *с указующим перстом*: вот так делать нельзя!» [Там же, с. 47] (курсив — Е. П. Аристова). Стоит ли говорить, что западные веяния в подобной культурной среде приходилось сдерживать всеми способами от карикатур на стилияг до «бульдозерных» выставок «неофициальных» художников? Талантливые авторы, работавшие в одобряемой государством стилистике, при этом напряженно искали творческий подход, способный создать действительно ценные для массовой аудитории художественные произведения, в которых иррациональное начало было бы все же подчинено идеологическим нормам.

Советский шедевр

«Повесть о настоящем человеке» военного корреспондента газеты «Правда» Б. Н. Полевого, увидевшая свет в 1946 г. и удостоенная сталинской премии, печаталась в СССР миллионными тиражами и входила в число важнейших книг для воспитания молодого поколения. Это, несомненно, было «каноничное» произведение. На его примере можно проследить характер сплава восходящих к бессознательному образов и рациональных философских идеалов.

Летчик Алексей Мересьев — самый прославленный герой Полевого. Судьба его прототипа, Алексея Маресьева, который, получив травму ног после падения самолета, много дней пробирался по лесу к линии фронта и после

ампутации вернулся к боевым полетам, стала известна еще в годы войны. Ее литературный пересказ, как бы желая остаться историей, передаваемой из уст в уста, получился сказочным, фольклорным, насыщенным архетипическими образами — это вариант *инициации* героя, который перешел грань, разделяющую жизнь и смерть, «воскрес» (писатель даже подчеркнул, что героя спасли на Пасху [с. 82]) и превратился в «настоящего» человека.

«Потусторонним» пространством, сквозь которое лежал путь иницируемого, предстает оккупированная нацистами территория, в описании которой сочетаются образы дикости, хаоса и смерти. Мы видим героя зимнем лесу, едва волочащим раздробленные ступни и ползущим по земле, подобно зверю, питающимся сырым мясом и болотными ягодами, сражающимся с хищниками. Он идет мимо мертвецов, застывших и замерзших на поле битвы, и говорит с ними как с живыми — благодарит за колотую эсесовцем медсестру за найденную при ней банку тушенки. Ему открывается ужас разрушения обжитого человеком пространства — он видит сожженную деревню с чудовищными пепелищами, трупным запахом и одиноким дворовым псом, одичавшим от голода. Люди этой деревни исчезли, подобно жителям былинного града, скрылись в лесах от чудовищной несправедливости — немцы расстреляли нескольких невинных, когда добровольцы из села не явились на полицейскую службу. Покинув человеческий мир, они будто превратились в непонятных существ с черными лицами, живущих в «плачущих» землянках без обычного людского обихода и хозяйства. Их женщины вынуждены отдавать пищу собственных опухших детей партизанам для продолжения страшной борьбы.

На пути герой встречает трех мудрых старцев, которые помогают ему и наставляют. Сельский дед Михаила выхаживает едва живого и превратившегося в «скелет» летчика в своем вырытом в земле убежище, словно в мо-

гиле, пока не появляются первые весенние всходы. Он олицетворяет физическое воскрешение. Опытный доктор Василий Васильевич в белоснежной московской клинике с «итальянскими окнами», подобно божеству сопровождаемый «свитой» в белоснежных накрахмаленных халатах, успешно борется уже за социальное воскрешение героя — возвращение в армию. Наконец, третий наставник, мудрый комиссар Воробьев, помогает воспрянуть душе Мересьева, вдохновляя его превратиться из отчаявшегося калеки в героя, в «настоящего человека».

Летчика поддерживают верные бескорыстные друзья, такие же как и он сам, юные отважные воины-рыцари. Их окружают возвышенные дамы: женственные медсестры («советские ангелы»), далекие возлюбленные, — желанные и недоступные одновременно, вдохновляющие на подвиг (Оля в далеком Камышине готова принять Мересьева и покалеченным, но он не желая ее страданий, с особым усердием учится ходить, танцевать, летать, и, наконец, сражаться на протезах...).

Фольклорная форма легко захватывает и увлекает. Писатель явно обращается к народной культуре как к высшему поэтическому началу, своеобразному оракулу, захватывающему персонажей и читателя какой-то единой проникновенной мудростью, не нуждающейся в словах — неслучайно герои то и дело поют народную песню о дубе и рябине, понимая без объяснений самые глубокие душевные переживания друг друга (обращение к фольклору вообще было особенно характерно для литературы о Великой Отечественной войне, отразившей народный подвиг). Но богатство космологических, религиозных, народных и поэтических мотивов в повести не самоценно. Оно служит тому, чтобы читатель в собственном эмоциональном опыте пережил те страхи, печали, противоречия, на которые призвана ответить идеология. Путь инициации Мересьева неразрывно связан с созерцанием доведенных до предела совершенных образов: мы видим идеальных

советских колхозников, которые и в хаосе войны сохраняют колхозный порядок, идеального советского доктора, который даже пережив страшное личное горе не нарушает священного порядка белоснежной клиники, идеальных раненых бойцов в палате — исключительно героев, совершивших подвиги, из которых каждый олицетворяет лучшего представителя того или иного рода войск: военный летчик Павел Стручков травмировал колени, защищая от авианалета Москву, танкист Григорий Гвоздев сражался в горящей машине, удачливый хитрый снайпер Степан Иванович прибыл специально из сибирской глуши, оставив любимый колхоз, не в силах оставаться в стороне от народной борьбы, кавалерист комиссар Воробьев сражался в Гражданской войне и в зрелом возрасте стал превосходным политруком, умеющим вдохновить людей даже в самых отчаянных ситуациях. Полевой не забывает упомянуть, что красноармейцы сражаются на новейшей советской технике — опять-таки совершенной. В этой атмосфере всеобщей безукоризненности одна из главных добродетелей человека — не показывать слабости, молчать о страданиях, боли, усталости, не выдавать эмоций. Мересьев, который не издал ни звука даже когда при ампутации под местным наркозом пилили его кости, танцует на протезах, несмотря на кровавые мозоли, и запершись в ванной комнате, тайком погружает саднящие обрубки ног в прохладную ванну. Контуженный комиссар Воробьев — подобие героя Островского, парализованного Павки Корчагина — терпит страшную боль от каждого движения, но остается неизменно бодрым, дружелюбным к товарищам, деятельным: пишет письма, читает газеты, занимается общественной работой, утешает соседей по палате и всех страждущих обитателей клиники. Со страдание в этой реальности молчащих исполинов неизбежно становится делом всего общества — опять-таки идеального общества, в котором люди угадывают скрытые эмоции других, существуя с ними во взаимосвязи, в еди-

ной гармонии, что помогает бескорыстно откликаются на беды других, отдавать последнее и рисковать жизнью. Идеальный гражданин этого социума — пожилой доктор Василий Васильевич. Потеряв на войне единственного сына, он исповедуется комиссару, что с помощью своих связей мог воспрепятствовать отправке убитого на фронт, но не воспрепятствовал, и, несмотря на чувства утраты и вины, поступил бы так же снова, потому что «он не лучше и не хуже других отцов» [Полевой, 2022, с. 156], т.е. потому, что горе другого отца для него не менее страшно, чем собственное. В этом обществе очень «платоновская» роль у искусства: песни поднимают боевой дух красноармейцев, «салонные танцы» помогают бойцу после ампутации ног достичь чувствительности в координации движений, необходимой для дальнейшей борьбы, а художественные произведения, как книга Островского «Как закалялась сталь», дают образцы поведения «советского человека».

Как же смотреть в «постсоветское» время на советский шедевр? Что он такое? В логике западной риторики Холодной войны это был бы рассказ о трагическом подавлении тоталитарной системой молодого человека, лишившегося здоровья и понуждаемого государственной машиной и ее приспешником коммунистическим комиссаром к продолжению бойни. Но подобная интерпретация игнорировала бы и столь же парадоксальный, сколь и очевидный гуманистический настрой произведения — мечту о возвращении раненого бойца к рыцарской, полной юного благородства жизни, идеалы дружбы, любви, самопожертвования ради Отечества, наконец, и древний, еще платоновский и прошедший сквозь всю историю культуры мотив противостояния хаосу и смерти, ярко выраженный в образе разрушения и восстановления красоты и совершенства человеческого тела. Возможно, настало время анализировать советское искусство как особую разновидность массовой культуры, попытку объединить

бессознательное мышление масс и классическую эстетику и философию? Подобный взгляд должен опираться на своеобразную презумпцию доверия культуре как таковой, может быть, даже возвращение ей роли антагониста «древней титанической природы», потому что только такой взгляд позволяет воспринимать художественное произведение, независимо от конкретного политического дискурса, а значит и не допускать тотального диктата оппонентов этого дискурса.

Поражение советской культуры и торжество бессознательного

Уже после распада СССР американский политолог Дж. Най сформулировал знаменитую концепцию «мягкой силы». Под этим термином он подразумевал способность государства привлекать политических сторонников через эмоциональные симпатии, которые оно может получить, транслируя свою культуру, в особенности, популярную [Nye, 2004, с. 7]. По его мнению, несмотря на колоссальную военную и промышленную мощь, Советский Союз почти не обладал мягкой силой, и поэтому потерпел поражение в Холодной войне. Его слова «В СССР не смогли создать своего Элвиса Пресли» [Там же, с. 73, 74] могут показаться странными, потому что популярная культура у советов все-таки была, и многие ее произведения были любимы. Но они странны лишь на первый взгляд, потому что ощущение бесконтрольной эмоциональной разрядки, неразрывно связанное для человека массы с переживанием свободы, для контролируемой и утилитарной идеологической культуры, действительно, не было характерно.

В 1990-е, когда все барьеры пали, на постсоветском пространстве случился настоящий культурный взрыв, позволивший, наконец, насладиться очарованием бесконечных развлечений, легкостью удовлетворения разнообразных индивидуальных желаний, яркостью «буржуазной»

массовой культуры, когда-то запретной и недоступной. Эту свободу порывов уверенно отождествили с гражданской свободой. Отрезвление (к сожалению, не у всех) наступило только несколько десятков лет спустя, когда следствием своеобразного торжества бессознательного стало возрождение нацизма — олицетворения истории без разума, сведенной к биологической борьбе видов.

Как ни странно, тяжелыми оказались последствия «победы» в Холодной войне и для европейской культуры. Своеобразное торжество бессознательного поставило под сомнение саму рациональность и многие идеалы Просвещения, составлявшие основы правовой и политической традиций. В 2010-х гг. понятие *постправды* [Harsin, 2015], описывающее приоритет эмоционального восприятия над анализом фактов в условиях избытка информации в современной цифровой среде, стало своеобразной легитимацией пропаганды и признанием частью европейских и американских интеллектуалов собственного бессилия и отказа от критического мышления.

Заключение: две тотальности и искусство свободного общества

Б. Гройс, известнейший исследователь советского искусства, авторитетный в западном мире, писал о *тотальности* диалектической речи советской власти: утверждая реальность и утопии и не достигшей ее действительности, она одновременно утверждала две противоречащих друг другу истины, и следовательно, притязала на истинность всех возможных высказываний сразу [Гройс, 2007, с. 49]. Но нельзя забывать, что полное превращение политики и культуры в бессознательное мышление, несмотря на сопутствующее ему ощущение «свободы», есть точно такая же тотальность, которая точно так же противостоит любому альтернативному дискурсу, пусть и не с помощью логики, а с помощью отказа от логики. Эпоха Холодной

войны, по-видимому, была не столкновением диктатуры и свободы, а столкновением двух культурных тотальностей, которое могло закончиться только уничтожением одной из них, влекущим безграничную власть другой. Массовая культура, зародившаяся в прошлом столетии, вероятно, еще никогда не была культурой свободного общества. Хочется надеяться, что ей предстоит таковой стать. Исследование же лучших образцов официального советского искусства как вариантов сочетания восприятия массы и философской рациональности должно быть продолжено.

Литература

- Адорно, Хоркхаймер, 1997 — *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения. Москва, Санкт-Петербург: Медиум, Ювента. 1997.
- Арндт, 1996 — *Арндт Х.* Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом, 1996.
- Боров, 2008 — *Боров Ю.Б.* Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. Москва: Аст, 2008.
- Голомшток, 1994 — *Голомшток И.Н.* Тоталитарное искусство. Москва: Галарт, 1994.
- Гройс, 2007 — *Гройс Б.* Коммунистический постскрипtum. Москва: ООО «Издательство Ад Маргинем», 2007.
- Канетти, 2015 — *Канетти Э.* Масса и власть. Москва: АСТ, 2015.
- Лебонн, 2018 — *Лебонн Г.* Психология народов и масс. Москва: Эксмо, 2018.
- Ленин, 1968 — *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. Москва: Издательство политической литературы, 1968.
- Лосев, 2000 — *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. Москва: Аст, 2000.

- Ортега-и-Гассет, 2002 — *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Москва: АСТ, 2002.
- Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет, 1934 — Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. Москва: Государственное издательство «художественная литература», 1934.
- Платон, 2007 — *Платон.* Государство // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. // Платон, общ. ред. А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, Издательство Олега Абышко, 2007.
- Платон, 2014 — *Платон.* Законы. Послезаконие. Письма. Санкт-Петербург: Наука, 2014.
- Полевой, 2022 — *Полевой Б. Н.* Повесть о настоящем человеке. Москва: Аст, 2022.
- Поппер, 1992 — *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. I. Чары Платона. Москва: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- Терц, 1988 — *Терц А.* Что такое социалистический реализм. Париж: Syntaxis, 1988.
- Фрейд, 2009 — *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Сборник. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2009.
- Юнг, 2022 — *Юнг К. Г.* Архетип и символ / К. Г. Юнг, сост. А. М. Руткевич. Москва: Канон+, 2022.
- Harsin, 2015 — *Harsin J.* Post-Truth and Critical Communication Studies // Communication Culture & Critique. 2015. № 8(2) // Researchgate.net [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/272752872_Regimes_of_Post-truth_Post-politics_and_Attention_Economies (дата обращения 01.03.2022).
- Nye, 2004 — *Nye J. S. Jr.* Soft power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.

References

- *Adorno T., Horkheimer M.* Dialectic of Enlightenment. Moscow, Saint Petersburg: Medium, Yuventa. 1997.
- *Arendt H.* Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism]. Moscow: CentrKom, 1996.
- *Borev Yu. B.* Soczjalisticheskij realizm: vzglyad sovremennika i sovremennyj vzglyad [Socialistic realism: contemporary view and modern view] / Moscow: Ast, 2008.
- *Golomstock I. N.* Totalitarnoe iskusstvo [Totalitarian art]. Moscow: Galart, 1994.
- *Groys B.* Kommunisticheskij postskriptum [The Communist Postscript]. Moscow: ООО “Izdatel’stvo Ad Marginem,” 2007.
- *Canetti E.* Massa i vlast’ [Crowds and Power]. Moscow: AST, 2015. 576 p.
- *Le Bon G.* Psihologiya narodov i mass [The Crowd: A Study of the Popular Mind]. Moscow: Eksmo, 2018.
- *Lenin V. I.* Partijnaya organizaciya i partijnaya literatura [Party Organisation and Party Literature] // Lenin V. I. Collected works. 5-th edition. Vol. 12. Moscow: Izdatel’stvo politicheskoy literatury, 1968.
- *Losev A. F.* Istoriya antichnoj estetiki. T. 2. Sofisty. Sokrat. Platon [History of ancient aesthetics. Vol. 2. Socrates. Sophists. Plato]. Moscow: Ast, 2000.
- *Ortega y Gasset J.* Vosstanie mass [The Revolt of the Masses]. Moscow: AST, 2002.
- Pervyj Vsesoyuznyj s’ezd sovetskih pisatelej. 1934. Stenograficheskij otchet [The First Congress of Soviet Writers. 1934. Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo “Hudozhestvennaya literatura,” 1934.
- *Plato.* Gosudarstvo [Republic] // Platon. Sochineniya v chetyrehh tomah. T.3. CH.1. [Collected works. Vol. 3. Part 1] // Plato, ed. A. F. Losev, V. F. Asmus. Saint

- Petersburg: Saint Petersburg University ed., Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2007.
- *Plato*. Zakony. Poslezakonie. Pis'ma [Laws. Epinomis. Letters]. Saint Petersburg: Nauka, 2014.
 - *Polevoi B.N.* Povest' o nastoyashchem cheloveke [A Story of a Real Man]. Moscow: Ast, 2022.
 - *Popper K.* Svobodnoe obshchestvo i ego vragi. T. I. Chary Platona [The Open Society and its Enemies: Volume I: The Spell of Plato]. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyj fond "Kul'turnaya iniciativa," 1992.
 - *Tertz A.* Chto takoe socialisticheskij realizm [What Social realism is]. Paris: Syntaxis, 1988.
 - *Freud S.* Neudovletvorennost' kul'turoj [Civilization and Its Discontents] // Freud S. "YA" i "Ono" [The Ego and the Id]; Sbornik. Saint Petersburg: Azbuka-Klassika, 2009.
 - *Jung K. G.* Arhetip i simvol [The archetype and the symbol] / K. G. Jung, collected by. A. M. Rutkevich. Moscow: Kanon+, 2022.
 - *Harsin J.* Post-Truth and Critical Communication Studies // Communication Culture & Critique. 2015. № 8(2) // Researchgate.net [online-source] // URL: https://www.researchgate.net/publication/272752872_Regimes_of_Post-truth_Post-politics_and_Attention_Economies (accessed on 01.03.2022).
 - *Nye J. S. Jr.* Soft power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.

Aristova E. P.

MASS CULTURE AND IDEALS OF MIND IN CONTEXT OF THE ICONIC SOVIET LITERATURE TEXT — THE “STORY OF A REAL MAN” OF B. N. POLEVOY

*Aristova Ekaterina Pavlovna, candidate of sciences in philosophy, research fellow of the Department of the philosophy of culture in Institute of Philosophy RAS, /109240, Russia, Moscow, Goncharnaya ulitsa, 12.
E-mail: ekaterina.ftwr@gmail.com.*

Abstract. Since the 1990s Official Soviet art is interpreted as totalitarian art and associated with the state machine, ideology and propaganda. This marginalization is based on the political rhetoric of the Cold War capitalist democracies. The rhetoric focused on the conflict of individuality and collective being studied in detail by K. Popper. and often expressed as the conflict of an artist and a state. The idea of the subordination of art to politics was often mentioned by the ideologists of Bolshevism, but long before the Bolsheviks it was developed by Plato. Plato's political philosophy works with the opposition of chaotic and cosmic principles, and the control of art in it is interpreted as opposition to the “titanic” forces expressed in individual desires and the reason. The mass culture, arised in the 20th century, took different paths in capitalist democracies and in the USSR: in the first case, it was based on the idea of the mass as an unconscious supra-individual community and sought entertainment and emotional relaxation; in the second case the mass was interpreted as a bearer of the highest form of consciousness, involved in philosophy in the form of dialectical thinking. Soviet mass culture was an attempt to resist the chaotic force. Dialecticity made the Soviet discourse claiming the truth of all possible judgments at the same time, that is, total. But the rejection of rationalism in favor of unconscious thinking has made Western culture the same totality that excludes the possibility of objection.

Key words: *Social realism, totalitarian art, Soviet art, Stalinism, propaganda, soft power, post-truth, B.N. Polevoi, A Story of a Real Man.*

Сухова О. А.

**МЕЖДУ ЭТНОСОМ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ:
ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СССР
В 1920-Е — НАЧАЛЕ 1940-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ
ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ)¹**

Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». 440026, Россия, Пенза, ул. Красная, д.40. E-mail: savtemp@yandex.ru.

Аннотация. На материалах Пензенской губернии рассматриваются региональные особенности процесса национально-государственного строительства в СССР в 1920-е гг. Методологи-

ей исследования выступит синтез идей социального конструкционизма, новой локальной и новой социальной истории.

Особую познавательную ценность имеет сравнительная характеристика этнической, политической и региональной идентификации на начальном этапе становления советского государства. В изучаемый период территория и население Пензенской губернии оказались в плоскости пересечения нескольких осей интеграции: самоопределение и консолидация этносов; индустриально ориентированное экономическое районирование; централизация управления. Реализация реформистских инициатив в сфере административно-территориального деления может быть прочитана как столкновение стратегии революционной перестройки, модернистского проекта и социальной памяти локального сообщества, ориентированной на воспроизводство идеи обособленности своего места, иными словами, региональной идентичности, рожденной в имперскую эпоху.

Ключевые слова: Пензенская губерния, Пензенская область, этническая, политическая, региональная идентичность, национально-государственное строительство в СССР.

Сравнительно новый для исторической науки концепт «региональная идентичность» с неспешностью, присущей эволюции систем коммуникаций, завоевывает сегодня предметное поле новой локальной истории и истории памяти [Бухараев, Мягков, Юдин, 2016, Тишков, 2011 и др.]. На сегодняшний день устоявшимся канонem *memory studies* признаны наличие устойчивой взаимосвязи между культурной (социальной) памятью и идентичностью и описание механизмов мемориализации и забвения. Так, исследования И. Е. Козновой посвящены изучению характерных черт и содержания памяти российского крестьянства при сталинизме, отразившую разрыв исторической преемственности, социокультурный, мировоззренческий перелом в сознании советского крестьянства [Кознова, 2016].

Неразрывная и безусловная связь между памятью и идентичностью постепенно превращается в аксиому,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–20015 «Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности».

не требующую доказательств, но не всегда согласующуюся с поисками истины о прошлом. Обратной стороной медали является угроза утраты идентичности, что равнозначно распаду общества, поэтому «все общества подозрительны к поискам исторической истины и уделяют много внимания формированию коллективной памяти». «Материализация» памяти осуществляется посредством формирования идентичности, выстроенной на фундаменте примеров из прошлого, следующим ликом нарратива выступает этика — нормы отношения к «своим» и «чужим» [Эрлих, 2017, с. 9].

Особым вниманием со стороны исследователей пользуется XX век, оставивший после себя длинный шлейф травмирующих смыслов, провоцирующих отчуждение общества от культурного наследия. Одним из характерных признаков новой эпохи становится конструирование идентичностей, произвольный порядок закрепления и передачи определенного культурного кода. Этот процесс отчетливо проявился в восприятии локальным сообществом реформ в сфере административно-территориального деления (АТД). Так, по словам Э. Хобсбаума, «именно коммунистический режим принял сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные “национально-административные единицы” (т.е. “нации” в современном смысле)», причем создавать там, где еще никто о них всерьез не помышлял [Хобсбаум, 1998, с. 263–264.].

Рассмотрим последовательную смену конструкторов, зарождавшихся на стыке доктринальных установок, повседневных практик и ментального образа территории на примере Пензенского края. В качестве отправного момента отметим стабильность его территориальной организации в течение длительного периода. Так, с сентября 1801 г., с момента своего восстановления в границах 1797 г. и вплоть до революции 1917 г. Пензенская губерния не сталкивалась со сколь-либо ощутимыми вызова-

ми стихийному процессу формирования региональной идентичности и тяготения населенных мест к административному центру: объявление Пензы губернским городом, восстановление уездного статуса городов в уездах в 1803 г., введение волостного деления в 1861 г. [Любимов, 1925, с. 58] только укрепили эти представления. Уездное же деление восходило в своих границах вообще к эпохе военно-хозяйственной колонизации [Там же, с. 54]. В общей сложности к началу XX в. АТД региона включало 10 уездов и 231 волость.

Крушение имперской формы территориальной интеграции оказало деструктивное воздействие на общественное сознание. Произошла фрагментаризация образа территории. В новых условиях динамику социальных представлений в направлении будет определять изменения доктринальных основ местного управления, а также начальный этап утверждения коммунистической перспективы национально-государственного строительства. Согласно этим критериям, процесс эволюции системы в 1917– начале 1940-х гг. можно представить в виде определенного цикла и выделить пять этапов: 1918–1920 гг.; 1921–1923 гг.; 1924–1928 гг.; 1928–1930 гг.; 1930–1939 гг. Общая динамика изменений может быть представлена как волюнтаристское стремление форсировать модернизационные процессы и укрепить мобилизационную управленческую решетку путем преобразования АТД по принципу территориальной консолидации населения вокруг индустриальных центров, что предполагало укрупнение структуры и перераспределение территорий (тренд на глобализацию). Вместе с тем, инициаторам реформы, особенно на начальном этапе приходилось учитывать «неудобный» национальный вопрос и постоянно маневрировать между задачами экономического развития и потребностями титульных наций. Завершение «реконструкционного» периода в развитии советской экономики, стабилизация социокультурных констант предопре-

делили распространение «реставрационных» настроений (глокализацию), формирование потребности в самоидентификации. В конце 1930-х гг. локальное сообщество получило возможность восстановить историко-культурный код территории.

Первая программа строительства региональных идентичностей была реализована в условиях слома имперской модели государственного управления территориями и структур самоуправления в 1917–1920 гг. В условиях гражданской войны большевики аккумулировали в своем арсенале полный набор средств освоения территорий: от попыток создания структуры коммунистического присутствия на горизонтальном уровне до государственного террора и вооруженных походов и подавления крестьянского сопротивления. Коммунистическая репрезентация строилась в контексте ожидания мировой революции, разрушения национальных границ и формирования «всемирного Совнархоза». В этом случае местные интересы и этническое многообразие приносились в жертву интересам «коммунистического строя» [ГАРФ, ф. 6984, л. 17–17 об.]. Для реализации этой программы в ноябре 1921 г. решением Президиума ВЦИК была создана специальная структура по реформе АТД — комиссия по районированию, имевшая своей целью замену имперской модели революционной (отмена губернского деления и создание более крупных единиц, перераспределение и интеграция территорий в области). Пензенская губерния в этом проекте была отнесена к Средне-Волжской области [Сборник, с. 48]. Тем самым, во главу угла административной реформы был положен принцип политической организации вокруг «пролетарских центров», и, соответственно, большевистских советов.

Что до реального положения дел, то здесь многое не совпадало с декларируемыми устремлениями большевиков. Речь идет, прежде всего, о безуспешных попытках советизации деревни. Формирование низовой сети органов

революционной власти приходится на первую половину 1918 г., но безраздельным хозяином положения оставалась община, восстановившая свои позиции в 1917 г. В отечественной историографии первенство обоснования тезиса о ретрадиционализации и архаизации социальных систем в постреволюционную эпоху принадлежит В. П. Данилову [Данилов, 1976, с. 102–134]. Реактуализация патерна общины, повторение циклов возрождения в периоды кризисов суть свидетельство институционального оформления самоорганизации локального сообщества. В социальном поведении крестьянства вплоть до начала 1930-х гг. фиксируется определенная специфика выбора и адресность социальных реакций. Речь идет об укорененности, устойчивости родового сознания, восходящего в исторической ретроспективе к кровнородственным отношениям и объясняющего восприятие «чужаков» [Медушевский, 2005, с. 145].

Попытки реформирования местного самоуправления, предпринятые революционными властями, не колебали всесилье сельского схода: создание волостной земской единицы, а вслед за этим, насаждение системы советов воспринимались крестьянством как внешние, следовательно, чуждые по отношению к общине формы социально-политической коммуникации, что проявилось в распространении соответствующих поведенческих моделей, родственных абсентеизму. Деревня успешно перетваривала все попытки «советского» вторжения до 1927 г. Как отмечалось в закрытом письме пензенского губкома в апреле 1926 г. «Местами работает один председатель Совета, и председатель превращается в “старосту старого порядка”», «крестьяне его так и называют» [РГАС-ПИ, ф. 17, оп. 60, д. 826, л. 142 об.]. Заметной тенденцией пространственной организации сельского населения в этот период выступила локализация: в 1918–1920 гг. происходит дробление волостей. Так, к концу 1919 г. их

число в губернии увеличилось на 23% и составило 285 [Сборник, 1925, с. 220; ГАРФ, ф. Р. 5677, л. 62.].

Одновременно с началом советизации ставка делалась на вовлечение в коммунистическое строительство национальных меньшинств, что подкреплялось необходимостью заручиться поддержкой последних в условиях слияния очагов военного противостояния в единый фронт Гражданской войны. Тем самым логика национальной политики определялась антибольшевистским движением в целом [Шейфтер, 2011, с. 210]. В этом случае федеративное будущее СССР было изначально задано маневрированием партии власти и формированием автономий еще в границах старых административно-территориальных образований. Уже в начале 1918 г. при Наркомнаце РСФСР появился Центральный мусульманский комиссариат, а затем соответствующие структуры создаются и на губернском, уездном и даже на волостном уровнях. В частности, в Кузнецком уезде Саратовской губернии, где татары составляли до трети населения, было создано семь отделов уездного комиссариата по мусульманским делам [ГАРФ, ф. Р. 1318, л. 20.].

Аналогичные структуры были созданы и системе партийного управления. Так, при Пензенском губкоме осенью 1918 г. было создано бюро «татарских коммунистов-большевиков», основная миссия которого заключалась в создании сети первичных коммунистических ячеек в среде татарского населения. Однако значительный рост числа сторонников большевистской партии на местах в начале 1919 г. сменился полным крахом этой инициативы уже к концу года из-за полного отсутствия финансирования [ГАПО, ф. п-136, оп. 1, д. 102, л. 38, 54].

Таким образом, первые попытки формирования новой гражданской идентичности (на общей платформе строительства коммунистической утопии) закончились провалом. Как отмечали современники, в Краснослободском уезде «первые инициаторы: организаторы-агитаторы,

как бюро, так и в селениях Мусульманских Коммунистических ячеек, прибывших с Центра и с местов, из-за недоверчивого отношения к местной Власти разъехались кто куда...». В итоге, коммунисты уезда индифферентно отнеслись к проведению 20%-ной мобилизации коммунистов и провалили кампанию (отказались «идти добровольно на мобилизацию»), что и привело к роспуску низовых ячеек и переизбранию бюро на I-й конференции коммунистов-мусульман 27 марта 1919 г. Согласно постановлению I-го очередного заседания бюро, основными направлениями деятельности были заявлены: формирование низовых ячеек, агитация и распространение идей коммунизма среди мусульманского населения. Новый состав уездной организации во главе с председателем И. Ишмаметовым сразу же включился в работу, направив двух членов бюро в мусульманские села для проведения агитационной кампании по популяризации коллективной обработки земли. Традиционно ориентированная ментальность населения стала первым серьезным препятствием на пути «строительства Новой жизни», не помогали даже призывы к классовой солидарности: «...крестьянская беднота приняла наших командированных тов. [—арищей] очень холодным приемом и категорически отказалась от агитации и т.п., благодаря такому положению вещей не удалось привлечь крестьянскую массу на свою сторону, даже местные коммунисты отмахивались и старались под разными предлогами оставаться на стороне кулаков и несознательных крестьян...» [ГАПО, ф. п-136, д. 162, л. 81—81 об.].

Новая экономическая политика привнесла серьезные изменения в процессы регионального строительства, главным образом, в силу оптимизации бюджета и укрепления экономической однородности территорий. Либерализация экономической жизни сказалась и на саморепрезентации локального сообщества. И хотя период 1921—1928 гг. связан, главным образом, с введением

новой трехзвенной структурой АТД: область — округ — район, а, следовательно, речь пойдет о терминации губернского образа региональной идентичности, сам процесс разработки программы районирования стал мощным стимулом развития локального сообщества, и, прежде всего, его интеллектуального потенциала. Так, к 1924 г. пензенский Губплан разработал программу административно-экономического районирования. На основе анализа данных подворных переписей за 1910, 1911, 1917, 1920 гг. были определены критерии системного порядка, учитывавшие историческое преемство, и факторы грядущей реформы АТД, главным из которых был назван принцип базарного тяготения. Подразумевалось и создание ряда национальных районов (Рыбкинский, Пичилейский, Шугуровский, Лямбирский и др.) [Проект, 1924].

В 1923 г. процесс перехода к областному делению был остановлен из-за глухого сопротивления уже существовавших на том момент национальных автономий поглощению более крупными административными единицами, но уже в следующем 1924 г. в целях укрепления бюджета был запущен процесс сокращения дробности уездов. Появилась и четкое требование соблюдения интересов национальных меньшинств [ГАРФ, ф. Р. 5677, лл. 66–68.]. Следует отметить, что новая постановка национального вопроса, оформленная решениями XII съезда партии (апрель 1923 г.) и ориентировавшая на необходимость признания этнической идентичности «инонационального крестьянства» и политики коренизации, «что бы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт» [РГАСПИ, ф. 71, л. 98–99] была оценена современниками как «хартия вольностей». В то же время руководство РКП (б) начинает кампанию по политическому «воспитанию» национальной номенклатуры в союзных и автономных республиках, функциональному встраиванию этого уровня властной

вертикали в жестко централизованную модель управления, лишавшую элиты даже намека на возможность сопротивления. Это наглядно показал арест М. Х. Султан-Галиева, члена коллегии Наркомнаца и представителя АТССР при Наркомнаце СССР незадолго до начала работы съезда, 4 марта 1923 г. [РГАНИ, ф. 3, л. 9].

Болезненные процессы перестройки региональных идентичностей, ускоренные началом реконструкционного периода и переходом к плановому ведению хозяйства, завершились в мае 1928 г. Территории Пензенской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской губерний были объединены в Средне-Волжскую область и переформированы по 9 округам [ГАРФ, ф. Р. 5677, оп. 9, д. 150, л. 49; д. 376, лл. 51–54]. Территория прежней Пензенской губернии была разделена между четырьмя округами: Кузнецким, Мордовским, Пензенским и Сызранским [Справочник, 2003, с. 221]. Административная перекройка и растаскивание территории только усугубили негативные последствия последовавшей вскоре коллективизации: ко всему прочему местные власти столкнулись с логистическими проблемами. В то время как важным условием успешности хозяйственной интеграции в процессе реформирования АТД является транспортная освоенность территории, учитывающая такие элементы пространственной организации, как: ареал сплошной освоенности, внешние оси освоения, внутренние лакуны, маргинальные зоны, изолированные узлы и неосвоенная зона [Тархов, 2018, с. 3–9]. Нарушение привычного порядка неминуемо спровоцировало неразбериху и административный хаос.

Неоднократные попытки создания Мордовской автономии (вливания мордвы в «общий котел революции» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 978, лл. 30–30 об.]) привели к созданию национального округа — Мордовского. Необходимо отметить, что из-за децентрализованной структуры расселения мордовского этноса, и слабости национального движения в уездах, вопрос о создании

мордовской автономии хотя и будировался постоянно, но не находил решения [ГАПО, ф. п-136, оп. 1, д.755, л. 49]. К середине 1920-х гг. ситуация меняется. Так, в 1925 г. отказ центральных властей в поддержке инициативы по созданию национальной автономии вызвал негативную реакцию на местах, вплоть до организации несанкционированных митингов и даже демонстраций учащихся педтехникума в г. Пензе [ГАПО, ф. п-136, оп. 1, д.755, л. 67]. Главными факторами формирования этнополитической идентичности назывались: преференции русским в ходе землеустройства; неравномерность обложения сельхозналогом; наличие автономий у других народов и отпуск средств из центра на развитие автономии; низкий культурный уровень мордовского населения и слабость работы по его повышению [ГАПО, ф. п-136, оп. 1, д.755, лл. 70—72]. Серьезным заделом предварительной работы стала реализация курса на коренизацию управления, «приближения низового советского аппарата к массам мордвы и крестьян». К началу 1928 г. на территории Пензенской губернии было создано 274 национальных сельских совета с преобладающим мордовским населением (10 волостей компактного проживания) и 71 совет с татарским населением (1 волость компактного проживания) [ГАРФ, ф. Р. 1235, оп. 121, д. 57, л. 36].

10 января 1930 г. в ходе реформы по ликвидации окружного деления в составе Средне-Волжского края появилась Мордовская автономная область [ГАРФ, ф. Р.1235, оп. 123, д.271. л. 26.]. Зримым выражением политики конструирования образа территории выступила борьба между бывшими уездными городами: «мещанским» Саранском и «пролетарской» Рузаевкой за статус административного центра автономии. В конечном итоге возобладал прагматический подход. Несмотря на протесты райкома ВКП (б) и рабочих Рузаевки, выбор определило наличие развитой инфраструктуры: каменные казармы, большее количество домов (по переписи 1923 г.

в Саранске — 2182 домов, а в Рузаевке — 468) и торговых предприятий, сеть уличного освещения и т.д. [ГАРФ, ф. Р.1235, оп. 123, д.271. л. 196].

На этом этапе логика конструирования идентичности региона нивелировалась средствами мобилизационной стратегии и практически полностью растворялась в задачах завершения сплошной коллективизации, что, по факту, порождало управленческий хаос. Рушились и только устоявшиеся представления о локусе, упорядоченности повседневности, ментальные структуры. Так, согласно постановлению ВКП (б) от 15 июля 1930 г. ликвидацию округов предстояло завершить менее чем за три месяца в срок до 1 октября, районы при этом переходили под непосредственное управление краевых структур. Работники окружного уровня должны были пополнить собой районные отряды партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 789, лл. 10—11].

В процессе ликвидации округов и укрупнения районов национальный критерий уже не учитывался. Так, территория Поимского района, создававшегося именно по принципу концентрации нацменского населения (самый национальный район в Пензенском округе после реформы 1928 г., до 25% нацменского населения) была разделена между Башмаковским и Чембарским районами [ГАПО, ф. п-54, л. 19].

Предпосылки перехода к новому этапу конструирования региональной идентичности сложились к концу 1930-х гг. Оценивая экономический потенциал территории, планируемой к выделению в самостоятельную административно-территориальную единицу, следует отметить, что по сравнению с 1913 г., экономика Пензенского края изменилась кардинально: возникли новые отрасли (например, практически заново воссоздана металлообрабатывающая промышленность, представленная ранее лишь мелкими мастерскими, созданы предприятия отраслей машиностроения, фабричного производства одежды

и обуви, текстильной, пищевой промышленности, производства мебели, бумаги и т.д.); число промышленных предприятий увеличилось с 1913 до 1938 г. с 200 до 500, количество занятых на них рабочих с 13 до 50 тысяч соответственно; введено в действие 69 электростанций; стоимость промышленной продукции выросла с 39 млн рублей (в довоенных ценах) до 325 млн рублей (в ценах 1927 г. без оборонной промышленности); увеличились показатели энерговооруженности производства, почти в три раза выросла производительность труда [ГАПО, ф. п-148, д. 53, лл. 7–13]. Основными землепользователями стали крупные коллективные хозяйства, закрепившие за собой 90% всех посевных площадей (70% всех земель области или 3200 тыс. га закреплено за крестьянскими хозяйствами, объединенными в 1967 колхозов; уровень коллективизации превысил показатель в 90%) [ГАПО, ф. п-148, д. 53, лл. 16–17]. К 1939 г. на территории области действовало 62 советских хозяйства. Качественно изменились характеристики технической оснащенности сельскохозяйственного производства. В 1939 г. на колхозных и совхозных полях работали: 7960 тракторов мощностью в 162298 лошадиных сил, 2334 комбайна, убравших урожай с площади в 800000 га, 1430 грузовых автомашины, 6954 мощных многокорпусных тракторных плугов, 3433 тракторных сеялок, около 2600 сложных и полусложных молотилок, 2707 тракторных культиваторов и целый ряд других машин. Практически вся механизированная сельскохозяйственная техника была сосредоточена в 89 машинно-тракторных станциях, созданных в годы первых пятилеток [ГАПО, ф. п-148, д. 53, лл. 19–21]. Значительных успехов районы будущей области достигли и в сфере образования и культуры: к 1939 г. здесь насчитывалось 1926 школ (только за 1927–1938 гг. рост образовательных организаций составил 142,8%), 150 детских садов (рост — 652,2% соответственно), издавалась 51 газета тиражом в 137,6 тысяч экземпля-

ров, работало 9 музеев, 5 научно-исследовательских учреждений, 803 библиотеки, 3 театра, 220 киноустановок и 1199 клубных учреждений [ГАПО, ф. п-148, д. 53, лл. 30–31]. На фоне успехов индустриального развития значительно увеличились темпы урбанизации в крупнейшем городе региона — Пензе. К январю 1939 г. население г. Пензы составило 157,2 тысячи человек (более чем в два раза превысив показатели 1912 г.), за 1926–1939 гг. темпы роста городского населения превысили 70% [ГАПО, ф. п-148, д. 53, л. 38].

Обретение второго шанса на региональное обустройство вызвало к жизни развертывание масштабной мобилизационной программы по формированию статусных характеристик административного центра области. В оценках своего времени речь шла о строительстве канализации, водопровода, возведении жилья. Реорганизация территории послужила мощным стимулом для развития городской среды, но, одновременно из-за высокой степени темпоральной напряженности обнажила проблему нехватки ресурсов. Под влиянием доктринальных установок непоследовательная и противоречивая политика в сфере административно-территориального устройства приобретает кризисно-циклический характер, что создавало дополнительные преграды в процессе политической интеграции и выполнения градостроительных планов.

Так, к лету 1939 г. в региональном центре сложилась острая проблема с обеспечением транспорта для перевозки строительных материалов, и, особенно, с оргнабором рабочих. Согласно выданному Пензенскому городскому совету наряда, для возведения коммунальных сетей и жилищного строительства требовалось до 1000 рабочих разных квалификаций. Однако на практике изыскать лишнюю рабочую силу в мобилизационной экономике оказалось делом непростым: «Постоянной комиссией был дан наряд за № 391 Лопатинскому Райисполкому на 75 чел. сроком до 1/Х. Был послан Горкомхозом в этот

район сотрудник ОблФО тов. Чернышов А. П., который проработал с 17/VII по 21/VII и набрал 12 человек и получил командировочных 587 руб.» [ГАПО, ф. п-148, д. 50, л. 18].

Еще более сложной задачей стал подбор, выдвижение и укомплектование руководящих кадров, особенно после длительного периода «обязательного» «разоблачения врагов народа и их посредников». Так, только за август — сентябрь 1937 г. были исключены из партии и сняты с должности 17 представителей советской номенклатуры, включая первого секретаря ГК К. Ф. Старостина. В докладной записке начальника Пензенского ГОНКВД сообщалось, что к сентябрю 1937 г. были «сняты с должности, исключены из партии и арестованы как враги народа» председатель пензенского горсовета А. М. Суханов и его заместитель по финансовой работе Лазарев, заведующий земельным отделом Н. А. Обрезков, старший агроном горземотдела Быковченко. Длительное время руководство городом и сельскохозяйственным районом практически не осуществлялось, штаты районных советов города были укомплектованы не более чем на 50%. Репрессиям подверглось руководство Птицетреста (Николаевский, Окушко), Спирттреста (Д. С. Трошин), Пензторга (Ратанин), треста хлебопечения (В. В. Калистратов), фабрики «Маяк Революции» (Колпинский) и т. д. [ГАПО, ф. п-148, д. 63, лл. 63—64, 68]. Отсутствие или неопределенность со статусом репрессированного (исключен из партии, но оставлен на работе, снят с должности и арестован) нарушали повседневную практическую деятельность почти всех руководящих органов города и района, создавали угрозу срыва вывоза хлеба из колхозов, подготовки к зиме школ, выполнение программ заводами и фабриками [ГАПО, ф. п-148, д. 63, л. 65]. Складывалась парадоксальная ситуация, когда инициаторы выявления врагов народа бесхитростно констатировали крах рожденной революцией управленческой модели.

Кризис политической и экономической интеграции в пределах Пензы и района демонстрирует постановление заседания Бюро Пензенского ГК ВКП (б): «Перебои с продажей хлеба, искусственно созданные хлебозаводом и хлебопекарнями в снабжении торговой сети <...> За вредительство, допущенное в недовыпечке хлеба в потребном количестве и необходимом ассортименте, что вызвало искусственные перебои в снабжении хлебом торгующих организаций, очереди в магазине и недовольство населения, — директора Хлебокомбината Калистратова В. В. с работы снять, из рядов ВКП (б) исключить и предать суду» [ГАПО, ф. п-148, д. 63, л. 93.].

В отчетном докладе о работе пензенского обкома партии второй областной партийной конференции 1940 г. отмечалось, что за 1939 г. в области сменилось из 1972 председателей колхозов 955 или 48%. В Поимском районе за этот период сменилось 181% к общему составу председателей колхозов района. В колхозе «Большевик» Больше-Вьясского района в 1939 г. сменилось 4 председателя, в результате чего в колхозе осталось не убранными около 200 га зерновых, была фактически сорвана подготовка к зимовке скота, не выполнен план зяби. Из 212 трудоспособных членов колхоза 166 человек или 40% не выполнили минимума трудодней, 89 человек вообще не выходили на работу. Аналогичная ситуация складывалась и в системе советов. Здесь оставили свой пост 263 председателя сельсовета из 835 по области или 31%. Кроме того, в ходе выборов 32% депутатов или 2638 человек не были избраны в состав местных советов [ГАПО, ф. п-148, д. 169, л. 41].

Представляется знаковым, что репрезентации административных центров составляли предмет постоянного мониторинга и регламентации со стороны высшего партийного руководства. Фиксация подобных сюжетов в делопроизводственной документации пензенского обкома

партии позволяет «увидеть» проект идеального региона глазами политической элиты СССР.

Так, несмотря на тяготы военного времени, по решению оргбюро ЦК ВКП (б) от 29 декабря 1943 г. «О работе Пензенского обкома ВКП (б)» и постановления СНК СССР от 6 февраля 1944 г. для развития областного центра в 1944 г. были продублированы прежние и поставлены новые задачи: «а) увеличить мощность водопровода на 4,5 тысяч кубометров воды в сутки; б) строительство и ввод в действие первой очереди канализации; ремонт трех дизелей и окончание реконструкции распределительного устройства электростанции; г) проведение подготовительных работ по строительству первой очереди троллейбусной линии длиной 7 километров; д) строительство высоководного деревянного моста, протяжением 133 погонных метра; е) благоустройство города: асфальтирование дорог и тротуаров, замощение дорог, озеленение улиц, благоустройство кладбищ и друг.; ж) оборудование гостиницы со строительством при ней прачечной; з) капитальный ремонт жилого фонда» [ГАПО, ф. п-148, д. 1094, л. 23]. Следует отметить, что за описанием средств, способных произвести «коренное улучшение в городском хозяйстве», скрываются имиджевые показатели регионального центра индустриальной державы.

Представляется важным и аутентичное эпохе перечисление форм воспитания эмпатии и ответственности по отношению к своей малой родине. Так, 4 сентября 1944 г. на заседании бюро обкома ВКП (б) при обсуждении проблем неудовлетворительного хода работ по капитальному строительству и благоустройству города был предложен ряд конкретных шагов: «дополнительная мобилизация рабочей силы для строительных организаций города, использование автогужевого транспорта предприятий и учреждений города для перевозки строительных материалов в выходные дни и в ночное время, привлечение к участию

в благоустройстве города городского населения» [ГАПО, ф. п-148, д. 1094, л. 26–27].

Разумеется, говорить о полной реставрации имперской модели региональной идентичности не приходится, хотя бы по причине разности технологических потенциалов. Вместе с тем, относительная соразмерность губернии и области свидетельствовала о восстановлении исторического преемства, воспроизводстве устойчивых репрезентаций, определявших образ локуса, что являлось стимулом его будущего развития.

Литература

- Бухараев, Мягков, Юдин, 2016 — *Бухараев В. М., Мягков Г. П., Юдин П. Е.* Формирование современного нарратива идентичности в национальном регионе: методология изучения // Методология и методы изучения региональной истории: Центральное Поволжье в глокализационном измерении. Материалы научного семинара. Ответственные редакторы И. А. Гатауллина, Г. П. Мягков, Д. В. Шмелев. Казань: Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева, 2016. С. 23–35.
- Данилов, 1976 — *Данилов В. П.* Об исторических судьбах русской крестьянской общины // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: Проблемы истории русской общины. Вып. VI. Вологда: ВГПИ, 1976. С. 102–134.
- Кознова, 2016 — *Кознова И. Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. Москва: РОССПЭН, 2016.
- Любимов, 1925 — *Любимов А. Е.* Исторический очерк административно-территориального устройства Пензенской губернии // Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. II. Пензенский и Саранский Округи. Самара, 1925. С. 13–61.

- Медушевский, 2005 — *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. Москва: Наука, 2005.
- Проект, 1924 — Проект административно-экономического районирования Пензенской губернии. Описание районов. Пенза: Типо-лит. им. т. Воровского, 1924.
- Сборник, 1925 — Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / Под ред. К. Д. Егорова. Москва-Ленинград: Госплан СССР. Изд-во «Плановое хозяйство», 1925.
- Справочник, 2003 — Справочник по административно-территориальному делению Пензенского края. 1663–1991 гг. Пенза: б/и, 2003.
- Тархов, 2018 — *Тархов С. А.* Транспортная освоенность территории // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 2. С. 3–9.
- Тишков, 2011 — *Тишков В. А.* Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 4–13.
- Хобсбаум, 1998 — *Хобсбаум Э. Д.* Нации и национализм после 1780 г. / пер. с англ. А. А. Васильева. Санкт Петербург: Алетейя, 1998.
- Шейфтер, 2011 — *Шейфтер Д. Э.* Местная политика и рождение Республики Башкортостан, 1919–1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под редакцией Р. Г. Суни, Т. Мартина. Москва, 2011.
- Эрлих, 2017 — *Эрлих С. Е.* Три нарратива коллективной памяти: волшебная сказка, героический миф, миф самопожертвования // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 9–16.
- ГАРФ, ф. Р. 1235 — Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р. 1235. Оп. 121. Д. 57; Оп. 123. Д. 271.
- ГАРФ, ф. Р. 1318 — ГАРФ. Ф. Р. 1318. Оп. 17. Д. 47.

- ГАРФ, ф. Р. 5677 — ГАРФ. Ф. Р. 5677. Оп. 5. Д. 236; Оп. 9. Д. 150, 376.
- ГАРФ, ф. Р. 6984 — ГАРФ. Ф. Р. 6984. Оп. 1. Д. 1.
- РГАНИ, ф. 3 — Российский государственный архив новейшей истории — РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 5.
- РГАСПИ, ф. 17 — Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 789; Оп. 60. Д. 826, 978.
- РГАСПИ, ф. 71 — РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 204.
- ГАПО, ф. п-54 — Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. п-54. Оп. 1. Д. 171.
- ГАПО, ф. п-136 — ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 102, 162, 755.
- ГАПО, ф. п-148 — ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 50, 53, 63, 169, 1094.

References

- *Buharaev V. M., Myagkov G. P., Yudin P. E.* Formirovanie sovremennogo narrativa identichnosti v nacional'nom regione: metodologiya izucheniya [Formation of the modern narrative of identity in the national region: methodology of study] // Methodology and methods of studying regional history: the Central Volga region in the glocalization dimension. Materials of scientific seminar. Managing editors I. A. Gataullina, G. P. Myagkov, D. V. Shmelev. Kazan: Kazan State Technical University A. N. Tupoleva, 2016. P. 23–35.
- *Danilov V. P.* Ob istoricheskikh sud'bah russkoj krest'yanskoj obshchiny [On the historical fate of the Russian peasant community] // Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe: Problems of the history of the Russian community. Issue. VI. Vologda: VGPI, 1976. P. 102–134.
- *Koznova I. E.* Stalinskaya epoha v pamyati krest'yanstva Rossii [The Stalin era in the memory of the peasantry of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2016.

- *Lyubimov A.E.* Istoricheskij ocherk administrativno-territorial'nogo ustrojstva Penzenskoj gubernii [Historical sketch of the administrative-territorial structure of the Penza province] // Materials on zoning and organization of the Middle Volga region. Issue. II. Penza and Saransk Districts. Samara, 1925. P. 13–61.
- *Medushevsky A.N.* Proekty agrarnyh reform v Rossii: XVIII — nachalo XXI veka [Projects of agrarian reforms in Russia: XVIII — beginning of the XXI century]. Moscow: Nauka, 2005.
- Proekt administrativno-ekonomicheskogo rajonirovaniya Penzenskoj gubernii. Opisanie rajonov [The project of administrative and economic zoning of the Penza province. Description of the regions]. Penza: Tipo-lit. them. v. Vorovsky, 1924.
- Sbornik materialov po rajonirovaniyu s 1917 po 1925 god [Collection of materials on regionalization from 1917 to 1925] / ed. K. D. Egorova. Moscow–Leningrad: Gosplan of the USSR. Publishing House “Planned Economy,” 1925. Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniyu Penzenskogo kraja. 1663–1991 gg. [Reference book on the administrative-territorial division of the Penza Territory. 1663–1991]. Penza: n/p, 2003.
- *Tarkhov S.A.* Transportnaya osvoennost' territorii [Transport development of the territory] // Bulletin of Moscow University. Series 5: Geografiya. 2018. No. 2. P. 3–9.
- *Tishkov V.A.* Historical culture and identity // Ural Historical Bulletin. 2011. No. 2 (31). P. 4–13.
- *Hobsbaum E.D.* Nacii i nacionalizm posle 1780 goda [Nations and nationalism after 1780] / Per. from English. A. A. Vasil'eva. Saint Petersburg: Aleteyya, 1998.
- *Shejfter D.E.* Mestnaya politika i rozhdenie Respubliki Bashkortostan, 1919–1920 gg. [Local Politics and the Birth of the Republic of Bashkortostan, 1919–1920] // The State of Nations: Empire and Nation-Building in the

- Era of Lenin and Stalin / edited by R. G. Suny, T. Martin. Moscow, 2011.
- *Erlih S.E.* Tri narrativa kollektivnoj pamyati: volshebnyaya skazka, geroicheskij mif, mif samopozhertvovaniya [Three Narratives of Collective Memory: Fairy Tale, Heroic Myth, Self-Sacrifice Myth] // Historical Expertise. 2017. N 2. P. 9–16.
- SARF, f. R. 1235 — State Archive of the Russian Federation (hereinafter — SARF). F. R. 1235. D. 121. V. 57; D. 123. V. 271.
- SARF, f. R. 1318 — GARF. F. R. 1318. D. 17. V. 47.
- SARF, f. R. 5677 — GARF. F. R. 5677. D. 5. V. 236; D. 9. V. 150, 376.
- SARF, f. R. 6984 — GARF. F. R. 6984. D. 1. V. 1.
- RSACH, f. 3 — Russian State Archive of Contemporary History — RSACH. F. 3. D. 32. V. 5.
- RSASPH, f. 17 — Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter — RSASPH). F. 17. D. 3. V. 789; D. 60. V. 826, 978.
- RSASPH, f. 71 — RSASPH. F. 71. D. 10. V. 204.
- SAPR, f. p-54 — State Archive of the Penza Region (hereinafter — SAPR). F. p-54. D. 1. V. 171.
- GAPO, f. p-136 — GAPO. F. p-36. D. 1. V. 102, 162, 755.
- GAPO, f. p-148 — GAPO. F. p-148. D. 1. V. 50, 53, 63, 169, 1094.

Sukhova O. A.

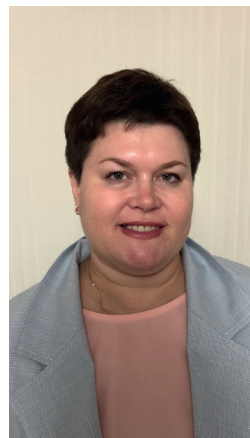
**BETWEEN ETHOS AND REVOLUTION:
FORMATION OF REGIONAL IDENTITY
IN THE USSR IN THE 1920s—EARLY 1940s
(THE EXAMPLE OF THE PENZA REGION).**

Sukhova Olga Aleksandrovna, doctor of sciences in history, professor, dean of the Faculty of History and Philology of Penza State University. 440026, Russia, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: savtemp@yandex.ru.

Abstract. The regional features of the process of nation-state building in the USSR in the 1920s are considered based on the materials of the Penza region. The research methodology will be a synthesis of the ideas of social constructionism, new local and new social history.

Comparative characteristics of ethnic, political and regional identification at the initial stage of the formation of the Soviet state are of particular cognitive value. During the period under study, the territory and population of the Penza province found themselves in the plane of the intersection of several axes of integration: self-determination and consolidation of ethnic groups; industrially oriented economic zoning; centralization of control. The implementation of reformist initiatives in the field of administrative-territorial division can be read as a clash between the strategy of revolutionary restructuring, the modernist project and the social memory of the local community, focused on reproducing the idea of the isolation of its place, in other words, the regional identity born in the imperial era.

Key words: *Penza province, Penza region, ethnic, political, regional identity, nation-state building in the USSR.*

Личак Н. А.

**ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ 1920-Х ГОДОВ
КАК РАЗРЫВ
С ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ**

Личак Наталия Алексеевна, доктор культурологии, доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета. 150026, Россия, Ярославль, Московский пр., д.88. E-mail: dimityar@mail.ru.

Аннотация. Для более полного представления об истоках сложившейся системы памятникоохранительной деятельности, выявления в ней смыслов, связанных с разрывом с дореволюционной традицией, полезен анализ первого послереволюционного опыта. В статье рассматривается переломный этап в российской культуре — 1920-е гг. Указано, что значительные нововведения, наиболее глубокие изменения государственного строя и коренная ломка всей памятникоохранной деятельности достигали цели и были долговечны только в том случае, если они

принимали во внимание особенности и специфику новой культуры, отчасти сохраняя преемственность с дореволюционной традицией. В рассматриваемой в статье ситуация рассматривается объективно, с учетом возможности сохранения преемственности, а, в большей степени, ее отсутствия.

Новизна предлагаемой статьи состоит также в расширении понимания использования памятников искусства и старины в 1920-х гг. как составной части историко-культурного наследия, которая вбирала в себя часть многогранного опыта общества, необходимую социуму, позволяя проследить неразрывную связь времен. Тот круг объектов, что не входил в состав понятия «памятник искусства и старины» или мог быть из рамок этого понятия вытеснен, переставал быть единицей культуры и в конечном счете прекращал свое существование.

Ключевые слова: памятники искусства и старины, культурное наследие, охрана, культурная традиция, дореволюционный период, 1920-е гг.

Введение

Государственная система сохранения культурного наследия в нашей стране на протяжении последних ста лет включала в себя формирование законодательства по охране памятников, создание разветвленной общегосударственной и местной памятникоохранной сети, проявление общественной поддержки. Вместе с тем произошел разрыв с дореволюционной культурной традицией, передававшейся от поколения к поколению и воспроизводившейся в российском обществе и в социальных группах в течение длительного времени.

Сохранение памятников искусства и старины до 1917 г. представляло собой достаточно сложный процесс, имевший свои особенности. Разного рода памятникоохранные традиции присутствовали в дореволюционной российской культурной системе и являлись необходимым условием ее существования. Начиная с XIX в. государство, осуществляя свои правовые функции, проводило практическую охрану памятников, их учет, финанси-

вало реставрационные работы при поддержке научного сообщества, специалистов, коллекционеров, краеведов [Полякова, 2019]. Цели государства и социума не всегда совпадали — различные ведомства и научные общества по изучению памятников старины занимались вопросами в рамках своих интересов. Главным учреждением, координирующим эту сферу, являлась Императорская археологическая комиссия при Министерстве императорского двора, созданная в 1859 г. [Полякова, 2005].

Нормативно-правовая база и определение понятия памятник «истории и культуры» в дореволюционный период оставались неточными, обозначались различными терминами, осложняли процесс охраны. В Российской империи на начало XX в. складывается лишь общее понятие памятников как предметов, подлежащих «охранению» со стороны государства [Михеева, 2008].

Разрыв культурной традиции

1920-е гг. стали временем коренной трансформации в отношении к памятникам истории и культуры, к социальным нововведениям, к попыткам сохранить преемственность. Собираение, регистрация и инвентаризация объектов требовали специальных технических знаний, государственных разрешений на проведение тех или иных мероприятий. После регистрации памятников Москве и Петрограде, а затем в провинции перед органами охраны были поставлены новые задачи — систематизации, изучения, установления степени сохранности, отбора наиболее ценных, уникальных памятников. С изменением задач менялись формы учёта, начиная с простейшей реставрации и заканчивая детальным изучением каждого объекта [Жуков, 1985].

С одной стороны, именно государство, государственные структуры, законодательство об охране памятников стали основой развития памятникоохранного процесса.

Система охраны превратилась в государственную вертикаль (центральное и региональные учреждения), действовавшую в тесном контакте с общественными организациями и опирающуюся на советские нормативные акты [Полякова, 2019]. С другой стороны, эти же органы обеспечили разрыв культурной традиции, основываясь на тотальной государственной форме собственности на памятники, на переводе финансирования памятниковоохранного процесса из государственного бюджета в региональный.

Организация охраны культурно-художественных памятников в советский период развития общества осуществлялась уже исходя из новой культурной традиции, формирования сознания советского человека. Руководство памятниковоохранного процесса определяло ценность памятника с прагматичной и утилитарной позиций, а оставшиеся специалисты с дореволюционным менталитетом — с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии, антропологии, социальной культуры. Если представлялась возможность диалога между властью и краеведами, основной акцент последними делался на сохранении памятников как свидетельств эпох и цивилизаций.

В рассматриваемый период было накоплено немало положительных примеров диалога государства и общества в деле сохранения памятников искусства и старины. Данное обсуждение стало основой для постоянного сотрудничества обоих субъектов охраны. Так, Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в ноябре 1917 г. подготовил проект декрета о создании специального органа при Наркомпросе — Государственного совета по управлению дворцами и музеями республики. Предполагалось, что данный государственный орган, в функции которого входила охрана памятников, будет достаточно широким по представительству. Создавая научные исторические общества, развивая краеведческое движение,

советское общество активно включилось в дело сохранения раритетов.

В то же время еще одним государственным органом, функционировавшим с целью защиты и сбережения народного достояния, стал Народный комиссариат государственных имуществ (НКГИ) РСФСР. Созданный в 1917 г. на основе учреждения ранее причастного к ценностям государства (бывшего императорского двора) министерства государственных имуществ [ЦГАЛИ, 29]. НКГИ сконцентрировал в своих руках полномочия по распоряжению наиболее привлекательных в материальном отношении ценностей государства, содержа своих сотрудников на доходы, полученные от частичной реализации имущества.

«Реквизиции чаще всего подвергаются изделия из золота и серебра...», — так оценивалась работа наркомов Народного комиссариата государственных имуществ РСФСР В. А. Карелина и П. П. Малиновского сотрудниками художественной комиссии, передававшими предметы и капиталы из кабинетов Его Величества, благотворительных учреждений бывшего придворного духовенства в Госбанк, а затем в Монетный двор. Предписания, вынесенные служащим губернских музеев, были также нацелены на способы оценки и описи предметов из благородных металлов и предметов с драгоценными камнями [ГАРФ, 1726]. Как известно, имущество, принадлежавшее среднему купечеству, интеллигенции (врачам, адвокатам, профессорам, духовенству), подвергалось реквизиции с последующей расправой над владельцами и их семьями без суда и следствия [ГАРФ, 1726].

Новой власти в спешном порядке пришлось музеефицировать значительную часть реквизированных ценностей. Показательна следующая зарисовка, что называется, «с натуры»: «Несмотря на мрачное название переулка (Мертвый переулок), где мы размещались, отдел музеев напоминал шумный, жужжащий пчелиный улей... С утра

до вечера в нем толкались художники и антиквары, писатели и музейные работники, хлопотавшие о коллекциях фарфора, артисты, имеющие ценные собрания картин..., другие люди. Тут можно было встретить и монаха из далекого северного скита, и старца из Оптиной пустыни, московских старообрядцев, пекущихся о древних иконах и старопечатных книгах. И, конечно, массу ходяков с самых отдаленных концов страны: учителей, заведующих новыми музеями, работников только что организуемых на местах отделов народного образования, представителей ревкомов, волостных и уездных Советов, даже чрезвычайных комиссий, которым приказывалось «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния...» [Мосякин, 1991; Ильин, Семенова, 2000; Политика, 2002].

Гражданская война и последующая разруха создавали препятствия для реализации планов по сохранению и развитию памятникоохранной культуры [Кончин, 2000]. Однако стремление советской власти заботиться о культурном наследии и знакомить с ним самые широкие массы не вызывает сомнения. Вместе с тем считаем, что советское руководство именно в этот момент окончательно разорвало узы преемственности с дореволюционным прошлым, поскольку концентрировало внимание не сколько на ценности сохраняемых объектов, сколько на возможности утилитарного использования накопленных ценностей.

Одной из основных форм учёта в первые месяцы после революции была регистрация памятников истории и культуры с помощью так называемых охранных грамот. Они выдавались органами охраны с 1918 г., как в центре, так и в провинции [Жуков, 1985]. В подавляющем большинстве случаев ценности, обретенные подобным образом государством, как было обещано, не изымались у бывших владельцев, оставаясь под их присмотром. Однако в скором времени должность хранителя собствен-

ного имущества становилась для его хозяина слишком обременительной. Он должен был оплатить одноразовый сбор в размере 25 руб. за выдачу охранный грамоты. Признанные предметами музейного значения памятники облагались еще «денежным налогом» в размере 2% от их стоимости в год [ЦГАЛИ, 36]. Подобная оплата за коллекцию среди комплекса других мер морального и физического воздействия (например, разграбление и разгром уголовными элементами или люмпенами зажиточных квартир, уплотнение представителей «эксплуататорских классов») вынуждала владельцев также сдавать под «действительную» охрану имущество как национальное достояние [Рославский, 2005]. Тем самым под давлением государства была создана основа саморегулируемой системы выявления и учета дореволюционного наследия руками прежних и новых собственников.

В аналогичных, а подчас худших условиях оказались помещичьи земли. На основании документов, принятых II съездом Советов в октябре 1917 г., и, прежде всего, «Декрета о земле», они были полностью переданы в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов «со всем живым и мертвым инвентарем, со всеми постройками и принадлежностями» [Декреты, 1957]. По положению «О земельных комитетах» [Декреты, 1957], конфискация имений возлагалась на выборные крестьянские органы. Данный процесс должен был проводиться организованно. В теории он включал в себя составление описей имущества (в том числе усадебных художественных ценностей), а затем при оформлении соответствующей документации предусматривал передачу усадебного имущества новой власти на селе [ОПИ ГИМ, 54].

На практике процесс конфискации имений «на законных основаниях» был скорее исключением, чем правилом. Безграмотным представителям волостных комитетов было не под силу составить описи усадебных собраний.

Конфискация часто сопровождалась погромами, поджогами и разграблением опустевших имений. Крестьяне устраивали распродажи усадебных коллекций. В воспоминаниях рязанского губернского комиссара М. И. Воронкова упоминалось, что погромам имений сопутствовал наплыв антикваров из Москвы. В Раненбургском уезде Рязанской губернии был стихийно образован целый поселок скупщиков [ГАРФ, 2307].

В Тверской губернии в октябре-декабре 1917 г. было учтено 810 усадеб, разгромлено — 33 [ТОКГ, 1; Иванова, 2001]. Таким образом, с первых же дней существования новой власти начался отсчет многочисленных потерь в национальном достоянии губернской культуры. Первоначально это были стихийные разрушения, которые стали результатом проявления социальной психологии крестьянства, спонтанного всплеска ненависти со стороны сельского населения по отношению к символу господства помещиков — дворянской усадьбе [Греч, 1994].

Разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 г., справедливо называют «культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах» [Рузвельт, 2009]. Потери определяются, по нашему мнению, громадными невосполнимыми утратами художественного наследия. Кроме того, произошла утрата «письменного следа», т.е. письменных свидетельств об этом наследии, по которым можно было бы зафиксировать, понять, что имели наши предки [Личак, Тюкина, 2019].

Семейные и родовые архивы содержали коллекции исторических документов и фотографий, научные работы, сведения генеалогического характера, закрепляли в виде дневников, писем, мемуаров многообразный исторический социокультурный опыт нескольких поколений.

Кроме того, советская власть организовала мероприятия, в результате которых культовые здания, представлявшие значительную художественную и историческую

ценность, такие как русские православные церкви и монастыри, костелы, кирхи, мечети, синагоги, а также предметы, связанные с совершением религиозного обряда, были национализированы [Декрет СНК 1920]. Тем самым проявлялось отношение нового общества к памятникам религиозного искусства, отразившееся в декрете СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» 1918 г. [Декреты, 1957], согласно которому Церковь была отделена от государства. С этого документа начался процесс уничтожения и церковной собственности.

Заключение

С первых месяцев существования новой власти стало очевидно, что ее стремление сконцентрировать в своих руках максимум культурных ценностей имело достаточно простое объяснение. Движимые памятники искусства рассматривались как своеобразная валюта, с помощью которой можно было решить острые экономические и социальные проблемы. У властьпредержащих было свое понимание защиты памятников искусства и старины — с первых лет советской власти началась распродажа за границей культурных ценностей на государственном уровне. Когда концентрация памятников искусства и старины в руках органов власти была завершена, десятки особняков и усадеб превратились в музеи, в которых выставлялись коллекции бывших хозяев и демонстрировался их быт.

От отношения людей к культуре, от сохранения культурной преемственности поколений зависело моральное и духовное здоровье общества в первое послереволюционное десятилетие. 1920-х гг. стали отправным моментом в развитии советской культуры. К сохранению и приумножению своего культурного наследия в новом обществе относились по-разному. Создавая новую систему правовых отношений в деле сохранения памятников ис-

куства и старины, новая власть прибегла к эклектизму, пытаясь соединить отобранные дореволюционные правовые нормы, устранившие большевиков с так называемой «революционной» законностью и новые, такие как установление памятников, надписей, эмблем и гербов, «отражающих идеи и чувства революционной России» [Декрет СНК, 1918]. Тем самым, вопросы охраны памятников решались советской властью в зависимости от их характера, назначения и идейной направленности. Заметим, что получившие отражение в законодательстве идеи о бережном отношении к культурному наследию в дальнейшем сочетались с позициями, связанными с уничтожением памятников.

В 1920-х гг. разрушение прежней государственной системы, тотальная национализация и уничтожение частной собственности поставили систему памятникоохранных мероприятий в крайне тяжёлое положение. Происходили стихийные погромы дворцов, усадеб, музеев, были закрыты и заняты различными организациями сооружения культового зодчества. В ходе попытки сохранения культурных ценностей были потеряны смысловые коды различных дореволюционных традиций.

Литература

- ГАРФ — ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.
- ГАРФ — ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 9. Д. 112. Л. 1.
- Греч, 1994 — *Греч А. Н.* Венки усадьбам // Памятники Отечества: Альманах. 1994. № 3–4 (32).
- Декреты, 1957 — Декреты советской власти: В 13 т. Т. 1. Москва: Издательство политической литературы, 1957.
- Декрет СНК, 1920 — Декрет СНК «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троицко-Сергиевской лавры» от 20 апреля 1920 г. // Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.:

Хрестоматия. Т. 1. / под ред. Л. В. Карпова. Москва, 2000. С. 400.

- Декрет СНК, 1918 — Декрет СНК «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 г. // Охрана памятников истории и культуры: Сборник документов / сост. Г. Г. Анисимов. Москва, 1973.
- Донцова, 2017 — *Донцова А. А.* Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса // Вестн. Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ohrana-pamyatnikov-v-1920-e-gg-k-istorii-izucheniya-voprosa> (дата обращения: 23.08.2022).
- Жуков, 1985 — *Жуков Ю. Н.* Сохранённые революцией: Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917–1921 гг. Москва: Московский рабочий, 1985.
- Иванова, 2001 — *Иванова Л. В.* Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
- Ильин, Семенова, 2000 — *Ильин Н., Семенова Н.* Проданные сокровища России. Москва: Трилистник, Русский авангард, 2000.
- Кончин, 2000 — *Кончин Е.* Революция в Мертвом переулке // URL: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbato_1_3.html (дата обращения 11.08.2022).
- Личак, Тюкина, 2019 — *Личак Н. А., Тюкина Л. А.* Историческая память как механизм регулирования воспоминаний общества // Карабихские научные чтения. Эпоха Н. А. Некрасова и Н. А. Некрасов в эпохах: XIX–XX–XXI вв. «Вечное», «забытое», «устаревшее» и «современное» в наследии поэта и культуре его времени. Материалы научно-практической конференции. 2019. С. 104–109.

- Маринич, 2007 — *Маринич А.А.* Политика в отношении культурного наследия в период советской власти // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/12/ART/Marinich.pdf?ysclid=176f0ib2jm713390882 (дата обращения: 01.08.2022).
- Михеева, 2008 — *Михеева И.В.* Охрана памятников в Российской империи: проблемы правового регулирования (историко-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-pamyatnikov-v-rossiyskoj-imperii-problemy-pravovogo-regulirovaniya-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 21.08.2022).
- Мосякин, 1991 — *Мосякин, А.* Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1991. № 1. С. 2–6.
- ОПИ ГИМ — *ОПИ ГИМ. Ф.-54.* Оп. 1. Д. 13. Л. 116 об.
- Политика, 2002 — Политика советского правительства в области музейного строительства. Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920–1930 гг. Санкт Петербург: Нева, 2002.
- Полякова, 2005 — *Полякова М.А.* Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. Москва: Дрофа, 2005.
- Полякова, 2019 — *Полякова М.А.* Государственная система охраны культурного наследия: история и проблем // Материалы всероссийской научной конференции, посвященной столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17–19 апреля 2019 г.
- *Рославский, 2005* — *Рославский В.М.* Советская власть и исторические памятники в 1918 г.: реставрация, охрана, реквизиция // Россия и современный мир. № 3. 2005. С. 205–215.

- Рузвельт, 2009 — Рузвельт П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 15 (31). Москва: Улей, 2009.
- ТОКГ. Ф.-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 98–101.
- ЦГАЛИ. Ф.-29. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ЦГАЛИ. Ф.-36. Оп. 1. Д. 224. Л. 162.

References

- GARF. F.A.-1726. Op. 1. D. 129. L. 8.
- GARF. F.A.-2307. Op. 9. D. 112. L. 1.
- *Grech A.N.* Venok usad'bam [Wreath to the estates] // Pamyatniki Otechestva: Al'manah. 1994. N 3–4 (32).
- Dekrety sovetskoj vlasti v 13 tomah. T. I [Decrees of the Soviet government in 13 volumes. Vol. 1]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1957.
- *Dekret SNK* «Ob obrashchenii v muzej istoriko-hudozhestvennyh cennostej Troicko-Sergievskej lavry» ot 20 aprelya 1920 g. [Decree of the Council of People's Commissars 20th April 1920] // Ohrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv.: Hrestomatiya T. I / ed. L. V. Karpov. Moscow, 2000. P. 400.
- *Dekret SNK* «O pamyatnikah Respubliki» ot 12 aprelya 1918 goda [Decree of the Council of People's Commissars. 12th April 1920] // Ohrana pamyatnikov istorii i kul'tury: Sbornik dokumentov / collected by G.G. Anisimov. Moscow, 1973.
- *Doncova A. A.* Gosudarstvennaya ohrana pamyatnikov v 1920-e gg.: k istorii izucheniya voprosa [State protection of monuments in the 1920s: on the history of studying the issue] // Vestnik tomского gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Tomsk state University journal. Cultural studies and Art]. 2017. N 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ohrana-pamyatnikov-v-1920-e-gg-k-istorii-izucheniya-voprosa> (accessed on 23.08.2022).

- *ZHukov YU.N.* Sohranyonnye revolyuciej: Ohrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Moskve v 1917–1921 gg. [Preserved by the Revolution: Protection of historical and cultural monuments in Moscow in 1917–1921]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1985.
- *Ivanova L. V.* Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: Istoricheskie ocherki [Noble and merchant rural estate in Russia of the XVI–XX centuries: Historical essays]. Moscow: Editorial URSS, 2001.
- *Il'in N., Semenova N.* Prodannye sokrovishcha Rossii [Sold treasures of Russia]. Moscow: Trilistnik: Russkij avangard, 2000.
- *Konchin E.* Revolyuciya v Mertvom pereulke [Revolution in Dead Lane] // URL: Arbatskij arhiv. Rezhim dostupa: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arat6_1_3.html (accessed on 11.08.2022).
- *Lichak N. A., Tyukina L. A.* Istoricheskaya pamyat' kak mekhanizm regulirovaniya vospominanij obshchestva [Historical memory as a mechanism for regulating the memories of society] // Karabihskie nauchnye chteniya. Epoha N. A. Nekrasova i N. A. Nekrasov v epohah: XIX–XXXXI vv. «Vechnoe», «zabytoe», «ustarevshee» i «sovremennoe» v nasledii poeta i kul'ture ego vremeni. Materialy nauchno prakticheskoy konferencii. 2019. S. 104–109.
- *Marinich A. A.* Politika v otnoshenii kul'turnogo naslediya v period sovetskoy vlasti [Policy regarding cultural heritage in the period of Soviet power] // URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/12/ART/Marinich.pdf?ysclid=176f0ib2jm713390882 (accessed on 01.08.2022).
- *Miheeva I. V.* Ohrana pamyatnikov v Rossijskoj imperii: problemy pravovogo regulirovaniya (istoriko-pravovoj aspekt) [Protection of monuments in the Russian Empire: problems of legal regulation (historical and legal aspect)]

- // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2008. N1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-pamyatnikov-v-rossijskoj-imperii-problemy-pravovogo-regulirovaniya-istoriko-pravovoy-aspekt> (accessed on 21.08.2022).
- *Mosyakin A.* Antikvarnyj eksportnyj fond [Antique export Fund] // Nashe nasledie. 1991. N1. P. 2–6.
- *OPI GIM.* F.-54. Op. 1. D. 13. L. 116 ob.
- Politika sovetskogo pravitel'stva v oblasti muzejnogo stroitel'stva. Ermitazh, kotoryj my poteryali. Dokumenty 1920–1930 gg. [The policy of the Soviet government in the field of museum construction. The Hermitage that we lost. Documents of 1920–1930]. Saint Petersburg: Neva, 2002.
- *Polyakova M. A.* Ohrana kul'turnogo naslediya Rossii: ucheb. posobie dlya vuzov [Protection of the cultural heritage of Russia: manual for universities]. Moscow: Drofa, 2005.
- *Polyakova M. A.* Gosudarstvennaya sistema ohrany kul'turnogo naslediya: istoriya i problem [State system of protection of cultural heritage: history and problems] // Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj stoletnemu yubileyu Muromskogo istoriko-hudozhestvennogo muzeya. Murom, 17–19 aprelya 2019 g.
- *Roslavskij V. M.* Sovetskaya vlast' i istoricheskie pamyatniki v 1918 g.: restavraciya, ohrana, rekviziciya [Soviet power and historical monuments in 1918: restoration, protection, requisition] // Rossiya i sovremennyy mir. 2005. N 3. P. 205–215.
- *Ruzvel't P.* Sud'ba usadeb Rossii i ih sokrovishch. 1917–1930 [The fate of Russian estates and their treasures. 1917–1930] // Russkaya usad'ba: sb. OIRU. Vyp. 15 (31). Moscow: Ulej, 2009.
- *TOKG.* F.-1. Op. 1. D. 13. L. 98–101.
- *CGALI.* F.-29. Op. 1. D. 2. L. 1.
- *CGALI.* F.-36. Op. 1. D. 224. L. 162.

Lichak N. A.

PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OF THE 1920s AS A BREAK WITH THE PRE- REVOLUTIONARY CULTURAL TRADITION

Natalia Lichak, associate professor, doctor of sciences in cultural studies, head of the Department of humanities in Yaroslavl State Technical University. 150026, Russia, Yaroslavl, Moskovsky proezd, 88. E-mail: dimmyar@mail.ru.

Abstract. The article examines the turning point in Russian culture — the 1920s. An analysis of the first post-revolutionary experience is useful for a more complete understanding of the origins of the existing system of memorial-preserving activities, revealing in it the meanings associated with the break with the pre-revolutionary tradition. The article states that significant innovations, the most profound changes in the state system and the radical breakdown of the whole life achieved the goal and were durable only if they took into account the features and specifics of the new culture, partially preserved continuity with the pre-revolutionary tradition. In the article the situation is considered objectively, taking into account the possibility of maintaining continuity, as well as its absence.

The novelty of the proposed article also consists in expanding the understanding of the use of monuments of art and antiquity in the 1920s as an integral part of the historical and cultural heritage, which absorbed that part of the multifaceted experience of society necessary for society, allowing us to trace the inseparable connection of times. The circle of objects that was not part of the concept of “monument of art and antiquity” or could be displaced from this concept, stopped being a unit of culture and ceased to exist in essence.

Key words: *monuments of art and antiquity, cultural heritage, protection, cultural tradition, 1920s.*

Наумова Т. В.

НАУКА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ

Наумова Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН. 109240, Россия, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: naumova.tv.iphras@mail.ru.

Аннотация. Рассматриваются источники развития науки, ее уровень и качество в СССР и в современной России. Анализируются социальные и культурные статусы науки и ученых в контексте советских и нынешних российских реалий. Определяется место и перспективы общественной науки в мировом научном сообществе. В качестве объекта изучения выбрана академическая модель науки, в которой генерация знаний обеспечивается преимущественно в особых организационных формах.

Ключевые слова: *наука, стадии развития науки, источники развития науки, наука в СССР, наука в современной России.*

* * *

Уровень развития науки тесно связан с вложением значительных финансовых средств. С момента создания Советского Союза государство выделяло немалые финансовые средства на фундаментальную науку. И в дальнейшем, в течение нескольких советских десятилетий, особенно в 60-е и до начала 80-х гг. прошлого столетия оно полностью финансировало науку, высоко оценивало ее, поддерживало престиж и высокий статус науки в обществе. В результате наука была у нас крупной отраслью народного хозяйства, оказывала огромное влияние на социально-экономическое и культурное развитие страны.

Несколько лет назад по объемам государственного финансирования науки Россия отставала от США в 28 раз, а сейчас — в 33 раза, от Китая — в 18 раз, а сегодня в 22 раза, от Германии — в 5 раз, а ныне в 8 раз [Никонов, 2020, с. 205]. В постсоветской России основным источником развития науки по-прежнему являются средства государства. До недавнего времени они составляли 0,15% национального дохода. Между тем в ведущих странах мира — 0,4% ВВП. По объемам государственных инвестиций в научные исследования нас опережают многие развитые страны, такие как Франция, США, Германия, где затраты на исследования и разработки составляют 2,26, 2,74, 2,9% ВВП. Несколько лет назад по объемам государственного финансирования науки Россия отставала от США в 28 раз, а сейчас — в 33 раза, от Китая — в 8 раз, а сегодня в 22 раза, от Германии — в 5 раз, а ныне в 8 раз. И это отставание продолжается. Для того, чтобы отечественная наука была конкурентоспособной на мировом уровне, необходимо увеличить затраты на нее.

Однако это вряд ли произойдет в ближайшее время, поскольку в течение ряда лет экономика нашей страны не только не росла, но, как отмечают экономисты, находилась в состоянии стагнации; к тому же она перенесла

«коронавирусный кризис». В последнее время к этому добавились санкции Запада против России в связи со спецоперацией на Украине.

К тому же сегодня российское государство не может обеспечить высокий уровень поддержки всех направленных научных исследований и ему необходимо выбирать приоритеты и связанные с ними затраты. По всей вероятности, в ближайшее время государство будет финансировать науку в зависимости от текущей экономической ситуации в стране, а также и от ситуации в мировой экономике и политике. К тому же государство будет ориентироваться на поддержку областей науки с максимальным экономическим эффектом, быстро дающих прибыль.

Одним из важных показателей развития науки является уровень расходов на одного исследователя. Сегодня в России он составляет 10 тыс. долл. в год. В то время как в таких странах, как США и Швейцария расходы на ученого достигают 400 тыс. долл.

Социокультурные трансформации, произошедшие в новых постсоветских условиях, привели к тому, что помимо государства проблемы обеспечения науки взяли на себя и другие социальные институты. В новой России были созданы научные фонды, которые на протяжении всех постсоветских лет играют важную роль в развитии фундаментальных исследований и по-прежнему являются одним из источников ее поддержки.

История России сложилась таким образом, что наука у нас, в том числе и во времена существования СССР, развивалась благодаря постоянной поддержке со стороны государства. Поэтому не только не было необходимости в частной поддержке науки, но и вряд ли о ней могла идти речь. В современных российских реалиях сохранению и развитию российской науки способствует ее финансовая поддержка со стороны негосударственного сектора экономики. Однако на протяжении всех лет постсоветского развития участие бизнеса в развитии науки

крайне мало, и до сих пор его инвестиции в финансировании научных исследований остаются на стабильно низком уровне. Причины этого кроются в отсутствии в российском обществе идеологии, направленной на сохранение и развитие науки, ее научных и культурных традиций, в незаинтересованности предпринимателей в проведении фундаментальных исследований. К тому же до недавнего времени капитал отечественного бизнеса в значительной мере находился не в России, а за рубежом.

Определенную долю финансирования наука получает, привлекая для учебы в российских вузах молодежь из других стран. В Советском Союзе это были в основном выходцы из стран Латинской Америки, в то время как в современной России — из бывших союзных республик — стран Азии, на долю которых приходится 2/3 всего иностранного контингента обучающихся [Арефьев А., Арефьев П., Дмитриев, 2019, с. 398, 405]. Это можно объяснить тем, что в СССР существовало единое научно-образовательное пространство, научные школы, являющиеся, по сути, российскими, исторически сложившиеся научные и культурные связи. К тому же в бывших союзных республиках русский язык был языком межнационального общения, в том числе и в области науки. Незначительную долю обучающихся в российских вузах составляют выходцы из стран дальнего зарубежья — Китая, Индии, Вьетнама и стран Ближнего Востока [Гуреев, Гуськов, Мазов, 2021, с. 654].

Положение науки в обществе тесно связано с престижностью профессии ученого. В течение нескольких советских десятилетий в результате усилий государства по повышению значения труда ученого эта профессия являлась одной из наиболее привлекательных. Однако изменение ценностных ориентаций в обществе после распада Советского Союза повлияло на сокращение притока молодежи в научную сферу деятельности.

Существенно изменились место и роль ученого в обществе, его социальный статус. Давно ушло в прошлое представление об ученых как привилегированной социальной группе общества, имеющей значительные преимущества перед другими его группами, поскольку карьера ученого не всегда обеспечивает достойный образ жизни, стабильное общественное положение и не может конкурировать с иными видами деятельности. Интерес к научной деятельности стал падать в советское время с конца 70-х гг. прошлого века, а наибольший его спад пришелся на первые годы становления новой России.

Произошли изменения в процессе научной трансляции знаний. Ныне преемственность в науке, т.е. исторически сложившегося в прошлом и передаваемого от поколения к поколению социального опыта, скорее исключение, чем правило. Кроме того, ныне в нашей стране изменилась мотивация научно-исследовательской работы. Молодежь предпочитает работать не в Российской академии наук и не в высших учебных заведениях, а в области прикладной науки, которая более востребована со стороны бизнес-структур. К тому же немалая часть молодых ученых хотела бы иметь собственную исследовательскую фирму или работать в негосударственных компаниях.

Говоря о престиже труда ученого, отметим, что привлечению творчески ориентированной молодежи в науку может способствовать социальная программа поддержки молодых ученых. Речь идет о возможности повышения уровня образования в ведущих научных центрах России и за рубежом, с возвращением в свою страну с высоким уровнем знаний и квалификации¹. Между тем, по данным НИУ ВШЭ, возвращаются в страну после окончания

¹ Как свидетельствует дореволюционное прошлое нашей страны, немало российских ученых в течение определенного периода времени проживали за пределами своей страны, занимаясь при этом исследованиями. За границей российские ученые впитывали в себя все лучшие достижения мировой науки, пытаясь сохранить при этом национальные особенности отечественной науки, ее самобытность.

образования в зарубежных вузах только четверть наших граждан [Агеносов, 2022].

На положение науки в обществе в значительной степени влияет и то, каким авторитетом пользуется наука в обществе. В свою очередь это тесно связано с тем за счет кого пополняется научная сфера деятельности. Из опыта нашего советского прошлого очевидно, что науку у нас пополняли те, кто занимался научными исследованиями на профессиональной основе в академических институтах или в вузах. Именно в этих организациях функционирует и развивается наука.

Однако в современных российских реалиях ситуация с пополнением науки стала несколько иной. К науке, точнее, ко всем видам ученых степеней все больший интерес проявляют государственные чиновники, политики, бизнесмены. Ученая степень необходима им не для продвижения по карьерной лестнице¹ в научной сфере, создании авторитета в профессиональном сообществе, а для того, чтобы усилить связи, власть и признание не только в мире науки, но и за ее пределами [Соколов, Губа и др., 2015, с. 141].

Безусловно пополнение науки со стороны чиновников, политиков и бизнесменов негативно сказывается на ней. Оно приводит к падению статуса и престижа ученых степеней в массовом восприятии, снижает результативность научных исследований, поскольку наивысший социальный статус в научной сфере получают люди, чей научный опыт и интересы весьма далеки от реальных запросов действительной науки. К тому же сфера науки оказывается заполненной людьми, профессионализм которых не соответствует высокому научному званию. Нельзя не сказать и о том, что пополнение науки за счет поли-

¹ Ее учредил в Российской империи Петр I в 1722 г. при прохождении службы на военном, гражданском, в том числе и научном поприще. Данная традиция существовала у нас с некоторыми изменениями до 1917 г.

тиков, чиновников и бизнесменов путем купли-продажи ученых степеней на «теневом рынке» способствует размыванию моральных основ научной деятельности. Ибо такой социальный порок, как коррупция транслируется и в науку, а сама наука становится источником коррупционного дохода.

Каким интеллектуальным потенциалом обладала наука в СССР, и каково реальное состояние науки в современных российских реалиях? Одним из важных составляющих науки является наличие высококвалифицированных научных кадров. По этому поводу отметим, что как в советские времена, так и сегодня основная их часть сосредоточена в академической науке, которая является самым эффективным сектором науки, основой научного потенциала страны. Сказанное подтверждает то, что академическая наука вносит основной вклад в научную сферу [Полихина, Тростянская, 2018, с. 265]. Академическая наука, как и прежде, имеет авторитетные научные издания, небольшая часть которых ныне переводится на английский язык и индексируется в международных базах данных.

Другой важной составляющей науки является публикационная (исследовательская) активность ученых. От нее в целом зависит авторитет ученого в научном мире [Гуреев, Мазов, Ильичев, 2019, с. 270]. По этому поводу отметим, что в советское время наша страна имела высокие рейтинговые позиции среди других государств по публикационной активности. Между тем в постсоветской России, особенно с начала 2000-х гг. доля российских публикаций в мировом потоке публикаций снижается по всем научным направлениям. В результате в настоящее время она достигла минимума. Сохранить прежние позиции по количеству публикаций в ряде исследовательских областей мы пока не можем. Согласно российской статистике, больше всего публикаций российских ученых в научных журналах, индексируемых в международных базах данных в естественных и точных науках, в то время

как в социальных и гуманитарных науках публикации составляют очень незначительную часть [Индикаторы науки, 2020, с. 41].

Важным критерием состояния науки является уровень цитирования работ ученых в наиболее авторитетных и престижных научных журналах мира. Ныне у нас он составляет чуть более 44%. Между тем, в США он равняется 69,55%, в Великобритании — 68,89%, Германии — 67,87%, Франции — 65,61%. По указанному критерию на постсоветском пространстве мы занимаем последнее место среди стран — основных поставщиков научной продукции. В наиболее благоприятном положении по показателю цитируемых научных публикаций Россия находится в области естественных наук — физики, химии, науках о космосе и особенно в математике. Между тем в социальных и гуманитарных науках доля цитируемых публикаций очень небольшая. И в ближайшее время положение вряд ли изменится в лучшую сторону [Гринев, 2017, с. 156].

Говоря о проблемах развития науки в современных российских реалиях, следует остановиться на одном важном обстоятельстве. Дело в том, что в России на протяжении многих постсоветских лет сохраняется устойчивая тенденция к сокращению численности исследователей. По данным статистики, сегодня Россия — единственная из развитых стран, где несколько десятилетий подряд уменьшается число ученых, занятых исследованиями и разработками. Это произошло за счет осуществляемой в последние десять лет государством политики оптимизации научной деятельности, иначе говоря, сокращения работающих в академической науке ученых в ответ на увеличение ее финансирования. Не последнюю роль в этом процессе играет и все возрастающий отток ученых за рубеж.

В результате реструктуризации в современной России количество научных исследователей сократилось по рав-

нению с советским временем почти в 3 раза и продолжает уменьшаться. Так, численность исследователей в расчете на 10 тысяч занятых в экономике составляет примерно 50 человек. Между тем в последние годы в развитых странах численность научных кадров постоянно увеличивается и составляет в США 90 человек, Германии — 92, Японии — 100, Франции — 101. По показателю численности исследователей Россия занимает 6-е место в мире после Китая, США, Японии, Германии и Кореи.

В современных российских реалиях сокращается и численность высококвалифицированных специалистов — кандидатов и докторов наук. Только за последние пять лет (данные 2021 г.) их число уменьшилось на 10 тыс. чел. Причем, это характерно как для естественнонаучных областей знания, так и гуманитарных наук. Между тем, развитие современной России немыслимо без науки как основного субъекта ее функционирования и развития, без увеличения числа высококвалифицированных специалистов, занятых в различных областях знания, т.к. их наличие является одним из критериев состояния науки в стране. Поэтому уменьшение числа лиц, имеющих ученую степень, само по себе можно рассматривать как негативный фактор в развитии науки.

Между тем в годы существования СССР, особенно во второй половине XX века число научно образованных специалистов росло ускоренными темпами. К середине 60-х гг. прошлого столетия оно составило четвертую часть всех научных работников мира. Количественный рост научных кадров сопровождался и постоянным увеличением числа специалистов высшей научной квалификации — кандидатов и докторов наук. Вместе с тем надо отметить и то, что это привело не только к чрезмерной раздутости науки в СССР, но и к тому, что ученую степень зачастую получали люди, профессионализм которых не соответствовал высокому научному званию.

Важным показателем развития науки являются ее уровень и качество. В советское время поданному показателю наша страна занимала второе место в мире после США и была научной сверхдержавой. И в современных российских реалиях мы по-прежнему остаемся одной из ведущих стран в мировой науке, располагаем научными школами мирового уровня, а в отдельных областях знания превосходим науку многих западных стран. Этим мы обязаны главным образом научным достижениям ученых, занятых в естественнонаучных отраслях знания, которым принадлежат крупные открытия и достижения.

Отставанию российской науки от науки в ведущих западных странах способствует и эмиграция, которая в значительной степени носит характер «утечки умов». Согласно данным НИУ ВШЭ, из нашей страны ежегодно выезжают за рубеж почти 10 тысяч ученых для постоянной работы и 35–40 тысяч студентов для учебы в магистратуре и аспирантуре. Причем возвращаются на родину после окончания образовательного процесса только четвертая часть россиян [Агеносов, 2022].

По этому поводу надо отметить, что в истории нашей страны можно выделить четыре волны эмиграции ученых. Первая волна научной эмиграции пришлась на 1917–1940 гг., особенно на период незадолго до образования Советского Союза. Вторая волна научной эмиграции возникла сразу после окончания Второй мировой войны. Это была «новая» советская эмиграция. Третья волна научной эмиграции пришлась на 70–80-е гг. минувшего столетия. С начала 90-х гг., с распадом Советского Союза и изменением социально-политической и культурной ситуации в стране ведет свое исчисление четвертая, современная волна эмиграции ученых.

Что потеряли наука и страна в результате эмиграции ученых? Особенно много потерял Советский Союз в результате первой волны эмиграции ученых, поскольку страна оторвалась от собственного великого наследия.

Отчуждение от духовных корней, от старой культуры, науки с их ценностями повлияло на снижение культурного и научного потенциала СССР, на процесс передачи профессиональных знаний новым поколениям. Что касается современной, четвертой волны эмиграции ученых, то ее результатом являются огромные убытки, исчисляемые миллиардами долларов. Кроме того, эмиграция ученых способствовала отставанию России по эффективности науки, т.к. отечественная наука теряет лидеров мирового уровня. К тому же эмиграция ученых замедляет развитие тех направлений в науке, которые соответствуют мировым стандартам, особенно в фундаментальной науке, и ведет к снижению конкурентоспособности России на международном уровне. И как следствие усиливается научно-техническое отставание России от стран Запада.

Какой вывод можно сделать из сказанного? Советский период нашей истории закончился. Советский Союз как единая страна — это прошлое, ушедшее от нас тридцать лет назад, но оставивший глубокий след в нашей жизни. В то время как современная Россия, ставшая правопреемницей СССР — это наше настоящее, а для молодого поколения и его будущее, которое невозможно без сильной науки. Для этого необходимо преодолеть отмеченные негативные явления в ее развитии. Это предполагает, повышение финансирования исследований, создание государством, как организующим началом в развитии науки благоприятных условий для творческой деятельности ученых, чтобы они были бы сопоставимы с теми условиями, которые существуют в лучших университетах и исследовательских центрах мира; снижение бюрократической нагрузки на ученого, освобождение науки от жесткого контроля со стороны государства. Научное сообщество должно иметь возможность прямого руководства наукой и солидарно отстаивать свои интересы. К тому же надо реформировать систему подготовки научных кадров с це-

лю повышения престижа и статуса науки и труда ученого в нашей стране.

Решение этих проблем зависит как от деятельности самого научного сообщества, так и — от политики государства по отношению к науке, которую надо радикально менять. Только в этом случае наука поможет России пройти сложный и противоречивый период своего развития.

Литература

- Агеносов, 2022 — *Агеносов В.* На бакалавров спроса нет? // Литературная газета. 2022. № 23(6837) // URL: <https://lgz.ru/article/-23-6837-08-06-2022/na-bakalavrov-sprosa-net/> (дата обращения: 27.09.2022).
- Арефьев А., Арефьев П., Дмитриев, 2019 — *Арефьев А.Л., Арефьев П.А., Дмитриев Н.М.* Стратегия России в экспорте образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 388–410.
- Гринев, 2017 — *Гринев А.В.* К проблеме цитируемости в гуманитарных науках // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 2. С. 154–157.
- Гуреев, Гуськов, Мазов, 2021 — *Гуреев В.Н., Гуськов А.Е., Мазов Н.А.* Российские учёные в мировых научных миграционных процессах // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 7. С. 648–659.
- Гуреев, Мазов, Ильичев, 2019 — *Гуреев В.Н., Мазов Н.А., Ильичев А.А.* Карьерный рост ученых и публикационная этика // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 3. С. 270–278.
- Изгоев, 1990 — *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сб. статей о русской революции. Москва: Издательство Московского университета, 1990. С. 151–173.
- Ильин, 2019 — *Ильин А.Н.* Утилитаризация науки в обществе потребления // Свободная мысль. № 1. 2019. С. 79–88.
- Индикаторы науки, 2020 — *Индикаторы науки: 2020: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».* Москва: НИУ ВШЭ, 2020.
- Ленин, 1970 — *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. Москва: Изд-во полит. лит., 1970. С. 23–33.
- Межуев, 2011 — *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования Санкт Петербург: СПбГУП, 2011.
- Наумова, 2020 — *Наумова Т.В.* Реалии современной российской науки // Философская школа. 2020. № 11. С. 16–24.
- Наумова, 2022 — *Наумова Т.В.* Социально-политические аспекты реформирования российской академической науки // Социально-политические исследования. 2022. № 2(15). С. 19–38.
- Никонов, 2020 — Выступление председателя комитета государственной Думы РФ по образованию и науке В. А. Никонова // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 205–206.
- Осипов, Рыбас, 2021 — *Осипов И.Д., Рыбас А.Е.* Наука как путь к творчеству: к истории философских дискуссий в ЛГУ в 1950–1960-е // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 147–156.
- Полихина, Тростянская, 2018 — *Полихина Н.А., Тростянская И.Б.* Эффективность оценки деятельности университета через наукометрические показатели // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. С. 257–281.
- Сергеев, 2021 — *Сергеев А.М.* О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полу-

- ченных российскими учёными в 2019 г. Доклад Президента РАН академика РАН А. М. Сергеева // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 1. С. 7–52.
- Соколов, Губа и др., 2015 — *Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С.* Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. Москва: Новое литературное обозрение, 2015.
 - Степин, 2011 — *Степин В. С.* Цивилизация и культура. Санкт Петербург: СПбГУП, 2011.
 - Труфанова, Яковлева, 2015 — *Труфанова Е. О., Яковлева А. Ф.* Социальные роли ученого от «эскаписта» до «менеджера» // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 72–82.
 - Убайдуллаев, 2020 — *Убайдуллаев С. Н.* Как активизировать развитие науки // Свободная мысль. 2020. № 1(1679). С. 131–144.
 - Философ и наука, 2016 — Философ и наука. Александр Павлович Огурцов / Отв. ред. С. С. Неретина. Москва: Голос, 2016.
 - Философия не кончается, 1998 — Философия не кончается...: из истории отечественной философии XX в. В 2 кн. Кн. 1: 20–50-е гг. Москва: РОССПЭН, 1998. 717 с.
 - Юревич А., Юревич М., 2021 — *Юревич А. В., Юревич М. А.* Мусор в науке // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 724–733.

References

- *Aganosov V.* Na bakalavrov sprosa net? [There is no demand for bachelors?] // Literaturnaya gazeta [Literary newspaper]. 2022. № 23(6837) // URL: <https://lgz.ru/article/-23-6837-08-06-2022/na-bakalavrov-sprosa-net/> (accessed on 27.09.2022).
- *Arefyev A. L., Arefyev P. A., Dmitriev N. M.* Strategiya Rossii v eksporte obrazovaniya [The strategy of Russia in the export of education] // *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potencial razvitiya* [Education and Science in Russia: the state and potential of development]. 2019. N 4. P. 388–410.
- *Grinev A. V.* K probleme citiruемости v gumanitarnykh naukah [To the problem of citation in the humanities] // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2017. Vol. 87. N 2. P. 154–157.
- *Gureev V. N., Guskov A. E., Mazov N. A.* Rossijskie uchyonnye v mirovykh nauchnykh migracionnykh processah [Russian scientists in the world scientific migration processes] // *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2021. Vol. 91. N 7. P. 648–659.
- *Gureev V. N., Mazov N. A., Ilyichev A. A.* Kar'ernyy rost uchenykh i publikacionnaya etika [Career growth of scientists and publication ethics] // *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2019. Vol. 89. N 3. P. 270–278.
- *Izgoev A. S.* Socializm, kul'tura i bol'shevizm [Socialism, Culture and Bolshevism] // *Iz glubiny. Sb. statej o russkoj revolyucii* [From the depths. Collection of articles on the Russian Revolution]. Moscow: Publishing House of the Moscow University, 1990. P. 151–173.
- *Ilyin A. N.* Utilitarizaciya nauki v obshchestve potrebleniya [Utilitarianization of science in consumer society] // *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. N 1. 2019. P. 79–88.
- *Indikatory nauki: 2020: statisticheskij sbornik* (eds. L. M. Gokhberg, K. A. Ditkovsky, E. I. Evnevich, etc.) [Indicators of Science: 2020: statistical collection]. Moscow: HSE Publ., 2020.
- *Lenin V. I.* O znachenii voinstvuyushchego materializma [On the meaning of militant materialism] // *Lenin V. I. Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 45. Moscow: Political Literature Publ., 1970. P. 23–33.
- *Mezhuyev V. M.* Istoriya, civilizaciya, kul'tura: opyt filosofskogo istolkovaniya [History, civilization,

- culture: the experience of philosophical interpretation]. St. Petersburg: SPbGUP Publ., 2011.
- *Naumova T. V.* Realii sovremennoj rossijskoj nauki [Realities of modern Russian science] // *Filosofskaya shkola* [Philosophical School]. 2020. N 11. P. 16–24.
 - *Naumova T. V.* Social'no-politicheskie aspekty reformirovaniya rossijskoj akademicheskoy nauki [Socio-political aspects of the reform of Russian academic science] // *Social'no-politicheskie issledovaniya* [Socio-political studies]. 2022. N 2(15). P. 19–38.
 - *Vystuplenie predsedatelya komiteta gosudarstvennoj Dumy RF po obrazovaniyu i nauke V. A. Nikonova* [Speech by the Chairman of the State Duma Committee on Education and Science V. A. Nikonov] // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Vol. 90. N 3. P. 205–206.
 - *Osipov I. D., Rybas A. E.* Nauka kak put' k tvorčestvu: k istorii filosofskih diskussij v LGU v 1950–1960-e [Science as a path to creativity: to the history of philosophical discussions at LSU in the 1950s and 1960s] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2021. N 11. P. 147–156.
 - *Polikhina N. A., Trostyanskaya I. B.* Effektivnost' ocenki deyatel'nosti universiteta cherez naukometricheskie pokazateli [Efficiency of university activity assessment through scientometric indicators] // *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potencial razvitiya* [Education and Science in Russia: the state and potential of development]. 2018. N 3. P. 257–281.
 - *Sergeev A. M.* O realizacii gosudarstvennoj nauchno-tekhnicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii i vazhnejshih nauchnyh dostizheniyah, poluchennyh rossijskimi uchyonymi v 2019 godu. Doklad Prezidenta RAN akademika RAN A. M. Sergeeva [On the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation and the most important

- scientific achievements obtained by Russian scientists in 2019. Report of the President of the Russian Academy of Sciences Academician A. M. Sergeev] // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2021. Vol. 91. N 1. P. 7–52.
- *Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Chuikina S.* Kak stanovyatsya professorami: akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranah [How to become professors: academic careers, markets and power in five countries]. Moscow: New Literary Review Publ., 2015.
 - *Stepin V. S.* *Civilizaciya i kul'tura* [Civilization and Culture]. St. Petersburg: SPbGUP Publ., 2011.
 - *Trufanova E. O., Yakovleva A. F.* Social'nye roli uchyonogo ot “eskapista” do “menedzhera” [Social roles of a scientist from “escapist” to “manager”] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2015. N 3. P. 72–82.
 - *Ubaydullaev S. N.* Kak aktivizirovat' razvitie nauki [How to activate the development of science] // *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. 2020. N 1(1679). P. 131–144.
 - *Filosofi nauka. Aleksandr Pavlovich Ogurtsov* [Philosopher and Science. Alexander Pavlovich Ogurtsov], ed. by S. S. Neretina. Moscow: Golos Publ., 2016.
 - *Filosofiya ne konchaetsya...: iz istorii otechestvennoj filosofii XX v. V 2 kn. Kn. 1: 20–50-e gody* [Philosophy does not end ...: from the history of Russian philosophy of the XX century. In 2 books. Book 1: 20–50-ies]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998.
 - *Yurevich A. V., Yurevich M. A.* Musor v nauke [Garbage in science] // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2021. Vol. 91. N 8. P. 724–733.

Naumova T. V.

SCIENCE IN THE CONTEXT OF SOVIET AND MODERN RUSSIAN REALITIES

Naumova Tatyana Vladimirovna, candidate of sciences in philosophy, senior researcher of Department of philosophy of culture. Institute of philosophy RAS. 109240, Russia, Goncharnaya st., 12. E-mail: naumova.tv.iphras@mail.ru.

Abstract. The sources of science development, its level and quality in the USSR and modern Russia are considered. The social and cultural statuses of science and scientists are analyzed in the context of Soviet and current Russian realities. The place and prospects of Russian science in the world scientific community are determined. The academic model of science was chosen as the object of the study, in which the production of knowledge is provided mainly in special organizational form — a social and cultural institution, which is a professional community of scientists.

Key words: *science, stages of development of science, sources of development of science, science in the USSR, science in modern Russia.*

ЧАСТЬ 3

Самаркин С. В.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

Самаркин Сергей Владимирович,
*кандидат исторических наук, профессор
кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ».
Республика Казахстан, Костанай.
E-mail: ssamarra@mail.ru.*

Аннотация. В публикации рассматривается переселенческое движение в Североказахстанском регионе в конце 19 — первой четверти 20 вв. Каждая из переселенческих волн имела свою специфику, как в плане передвижения и оседания на новых землях, так и в формате этнокультурного взаимодействия с местным населением. Особое значение имеет анализ этнического состава переселяющихся. Обращается внимание на специфику взаимодействия переселенцев с местной администрацией, мнения

официальных лиц по национальному вопросу, свидетельства непосредственных участников процесса. Важен сравнительный анализ переселений дореволюционного периода с переселенческой политикой первых лет советской власти. Работа написана на основе документов, хранящихся в архивах РФ и РК, материалах периодической печати, статистических данных, путевых заметок и прочих сведений.

Ключевые слова: *Северный Казахстан, Степной Край, Казахская автономия, переселение, этнос, переписи населения.*

Переселение в регионы нынешнего Северного Казахстана в исторической ретроспективе заняло весьма продолжительный период в несколько столетий. Этот процесс колонизационного освоения территорий, крайне неоднозначно воспринимается сегодня, как в исследовательской среде, так и становится причиной околонучных рассуждений разного рода. Особенно массовым и целенаправленным выглядел переселенческий процесс второй половины XIX — первой четверти XX вв. В этом материале делаются очередные попытки разобраться в сути вопроса.

Процесс крестьянского заселения пограничных регионов Степного края (нынешнего Казахстана. — С.С.) и южной Сибири наблюдался на протяжении всего XVIII столетия при строительстве укрепленных военных линий. Наряду с военной миссией ставилась задача постепенного хозяйственного освоения территорий, богатых землей и пригодных для ведения сельского хозяйства. Это неминуемо могло привести к столкновениям с местным населением и процесс изначально не вызывал особого энтузиазма со стороны прибывающих. В регион чаще всего отправлялись немногочисленные крестьяне-добровольцы из соседних сибирских местностей, а также ссыльные поселенцы (по истечении времени переводимые в крестьянское сословие. — С.С.), и даже помещичьи крестьяне и дворовые люди из европейской части страны (Псковской, Смоленской и других

губерний. — С.С.), шедшие в зачет рекрутской повинности [Шалгимбеков, 2021, с. 113–123]. Эти первые волны не стали массовыми по вполне объяснимым причинам, также как и попытки 1830–1840-е гг. зачисления государственных крестьян в казачество на образованную Новую линию, с территории которой в дальнейшем продолжалось постепенное колонизационное продвижение вглубь степных территорий Казахстана и Средней Азии.

Массовый миграционный поток крестьян в Северный Казахстан начался с 1860-х гг. в результате проведения реформ, облегчавших процесс переселения, включавших в единую административную модель колонизируемые территории и менявших их хозяйственную принадлежность. Переселенческий процесс продолжился в советское время, что привело к изменению как количественных, так и качественных показателей в составе населения североказахстанского региона. Значительно сокращается удельный вес местного казахского населения и увеличивается доля иноэтнических компонентов. Традиционно в научной литературе Казахстана и России этот процесс именуют русской крестьянской колонизацией. Справедливости ради отметим, что в нём было представлено большинство национальных регионов Российской империи, а этнический и сословный состав переселенцев выглядел весьма пестро и разнообразно. На это обращают свое внимание многие современные исследователи. Так, казахстанский автор Я. К. Духин, опирается на данные официальной статистики, согласно которым, из общего числа переселенцев Тургайской области конца XIX — начала XX столетий, около 90% приходится на выходцев «... из этнически нерусских губерний» [Духин, 2012, с. 3–4]. Среди первого потока переселенцев, наряду с русскими, немалое число татар, башкир, мордвы, второго — малороссов (украинцев), белорусов, немцев др. Попытаемся разобраться в подобной специфике.

Активный процесс первоначального переселения приходится на 1860–1870-е гг. Ему предшествует проведение территориальной реформы, включившей Степной край в единую административную систему Российской империи. В соответствии с принятым в 1868 г. «Временным положением об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» создаются области — Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская. Система управления областями носила двойной — военно-гражданский характер. Области возглавляли военные губернаторы, а подчиненные им вице-губернаторы выполняли функции председателей областных правлений. Подобный управленческий формат просуществовал вплоть до 1917 г. В это время в границах образованных областей и уездов Степного края появляются новые населенные пункты, которые становятся центрами, как стихийного (самовольного), так и организованного (по официальным заявкам) переселенческого процесса. Среди таковых будущие уездные центры Тургайской области — Актюбинск и Кустанай (Ново-Николаевск).

К Северо-казахстанскому региону в его нынешних границах относились Кустанайский и Тургайский уезды Тургайской области, Петропавловский, Кокчетавский, части Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области и Павлодарский уезд Семипалатинской области. Переселенческие участки и волости устраивались внутри кочевых волостей, что создавало своеобразную административно-хозяйственную чересполосицу.

Не добавляло прочности подобной модели и отдаленность пунктов административного управления, многие из которых находились за пределами волостей, уездов и даже областей. Так, Николаевский (Кустанайский) уезд Тургайской области, окончательно сформировавшийся в марте 1869 г., первоначально управлялся из казачьей станицы Николаевской, никогда не входившей в сам уезд.

Это официально объяснялось тем, что территория уезда, занятая местным кочевым населением, требует особого колониального контроля. Идеи о создании административного центра внутри уезда постоянно переносились. Еще в 1869 г. планировалось основать населенный пункт в урочищах Исмамбет-Тугай и Урдабай-Тугай. В итоге его строительство отложили на 10 лет с переносом поселения в урочище Кустанай. Тем временем уездное правление временно оказалось в Троицке, также не являвшемся административной частью уезда. То же самое с центром областного правления — Оренбургом, находящимся на значительном расстоянии от уездных центров Тургайской области.

К неэффективности управленческой модели добавлялось и практическое отсутствие устойчивой транспортной сети. Разрешение на строительство почтового тракта между Троицком и Кустанаем было получено лишь во второй половине 1891 г., когда сам населенный пункт уже стал уездным центром. Переселенческое движение будет нарастать по мере строительства железных дорог. После начала строительства Сибирской железной дороги (Транссиба — С.С.) в 1890-е гг. главной перевалочной базой переселенческих масс становится Челябинск. Транссибирская магистраль миновала территорию Тургайской области. Все это осложняло прямое прибытие переселенцев. Лишь в 1913 г. началось строительство железнодорожной ветки, соединившей Кустанай с тем же Троицком [Кустанай-Костанай: очерки истории, с. 46—52]. Более повезло центрам Акмолинской области — Омску и Петропавловску, через которые прошла главная сибирская железнодорожная артерия.

Первые переселенцы отправлялись на «новые земли» большими обозами. Местами выхода чаще становились близлежащие губернии (Самарская, Оренбургская. — С.С.). В записях метрических книг того же Кустаная 1880-х гг. регулярно встречаются выходцы из Бузу-

лукского, Бугурусланского, Бугульминского и других уездов Самарской губернии. Среди прибывших, и жители, из испытывавших проблему малоземелья регионов Центральной России (допустим, Тамбовской губернии — С.С.) [Востриков, 1987, с. 1—2]. Трудноуправляемый процесс переселения в регионы Сибири Казахстан масс крестьянского населения, уже в конце XIX столетия вызывал сложности у местной администрации. На первый план выходили проблемы не только хозяйственного, но и межэтнического взаимодействия. В официальной переписке 1870—1880-х гг. постоянно встречаются предупреждения о земельных спорах, следствием которых могли стать прямые конфликты между местным казахским населением и новыми поселенцами [ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф. И-25, лл. 28—18об]. Столкновения, безусловно, имели место. Однако, массовые стычки первых лет, обычно урегулировались по мере решения вопросов административного порядка и хозяйственного взаимодействия.

Сложности возникали и при аренде земельных участков у местного населения. Местная администрация зачастую позволяла себе критику в адрес коренных жителей за стимулирование несанкционированного переселения. В связи с этим, о большинстве «самовольческих» поселков местные чиновники узнавали случайным образом [РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 391, л. 20об]. Регулярными на рубеже XIX и XX столетий становятся запреты на переселение в Степной край. Более того, многие первые переселенцы, стараясь обойти административный гнет, регулярно меняли пункты пребывания, за что получили от тогдашних исследователей переселенческого процесса наименование — «Бродячая Русь» [Кауфман, 1905, с. 230—242]. Первая волна переселений стремительно начала изменять как хозяйственный уклад регионов, так и этническую структуру общества. Об этом свидетельствуют данные

официальной статистики. Допустим, если в 1886 г. казахское население Кустанайского (Николаевского) уезда составляло 89,4% от общего числа, то уже по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. этот процент снизился до 77,4% [Из истории города Костаная, с. 70–72].

Новый этап переселений, пришелся на время Столыпинской аграрной реформы, начавшейся с Указа от 9 ноября 1906 г. Сегодня, столыпинским чаще всего именуют весь переселенческий процесс, что является одним из главных стереотипов изучения темы. Это неудивительно, ведь именно эта переселенческая волна, оказалась наиболее масштабной и узнаваемой. Согласно статистике за период с 1906 по 1916 гг. в Степной край прибыло около 900 тысяч человек, что увеличило число сельского населения региона почти на треть [Аграрная история Казахстана, с. 1141–1143].

Мнения местной администрации о необходимости дальнейшего переселения нередко расходились, особенно в начальный период реализации реформы. Так, Вице-губернатор Тургайской области Леонтьев предлагал летом 1906 г. «...для привлечения спокойствия и предупреждения возможности дальнейших беспорядков в области (Тургайской — С.С.) ...совершенно прекратить доступ в её пределы русским переселенцам». В ответ на такое «своенравие» своего подчиненного Тургайский Губернатор А. А. Ломачевский отправил в августе 1906 г. уведомление П. А. Столыпину о том, что «...переселение в Тургайскую область, впредь до использования всего запаса свободных и годных для этой цели земель, должно быть всячески поощряемо». В качестве главного аргумента, высказанного администратором, стало его мнение о том, что почти все казахи Актюбинского и Кустанайского уездов «...прекратили кочевой образ жизни и перешли к земледелию...». Подобное заявление, по всей видимости, оторванное от реальной действительности, еще раз

утвердило центральные власти в необходимости реализации реформы под строгим административным контролем [Аграрная история Казахстана, с. 480–482]. Итогом подобных действий властей стали многочисленные факты открытых столкновений между местным и переселенческим населением. Не обошлось и без реальных жертв. В городах стычки минимизировались в связи с практическим отсутствием в них «инородцев», а немногочисленные конфликты происходили лишь в периоды ярмарочной торговли [Сага о Кияткиных, с. 46].

Весьма распространенное мнение о том, что во взаимоотношениях местного и переселенческого населения присутствовали лишь конфликты, не выглядит абсолютным. Встречается немало обратных оценок. Так, депутат Государственной Думы, известный публицист А. Л. Трегубов писал в своих «путевых записках» о дружеских отношениях между казахами и переселенцами: «Киргизы (казахи — С.С.) отличаются гостеприимством, необходимо только уважать их традиции...» [Трегубов, 1913, с. 44]. Немалое число переселенцев стремилось изучать местный язык, культуру и традиции местных жителей. Об этом пишет в своих воспоминаниях старожил поселка Александровский Кустанайского уезда Я. Востриков: «Мой отец и дядя Иван в совершенстве овладели казахским языком. Они овладели казахским фольклором. Они обогатили свою память народными былинами, сказаниями, сказками, пословицами, поговорками, загадками, знали всех мусульманских святых, знакомы были с основами Корана» [Востриков, 1987, с. 13]. Скорее всего, приведенный факт не являлся общей тенденцией, но подобные примеры имели и практическое значение. Это облегчало формат переговоров о земельной аренде и торговые отношения. Знающие местный язык переселенцы, зачастую приглашались в качестве переводчиков в землеустроительные партии. В свою очередь, казахское население активно «налегало» на русскую грамоту, что

сулило для них определенные служебные и материальные выгоды. Однако, приводя положительную сторону процесса взаимоотношений между казахским и «пришлым» населением, исследователи невольно показывают и реальную негативную сторону подобных воздействий: «Посещая крестьян переселенцев, — сообщает все тот же А. Л. Трегубов, — нельзя было миновать и киргиз (казахов — С.С.). Простой, добрый и терпеливый киргизский (казахский — С.С.) народ. Безропотно переносит он обращение в колонизационный фонд земель, считавшихся состоявшими в их пользовании. Недовольство можно встретить только среди киргизской (казахской — С.С.) интеллигенции...» [Трегубов, 1913, с. 43].

Крестьяне-переселенцы арендовали у казахского населения земли, нанимали работников-казахов, а изредка и сами в качестве наёмных работников трудились в казахских хозяйствах. Хозяйственная и бытовая «интеграция» в их жизни стала обыденным явлением. Каждые несколько лет хозяйства местных кочевников и пришлых земледельцев переживали неурожай, и для большинства жителей систематическое недоедание являлось нормой. И местные жители, и переселенцы, волею судеб, оказавшиеся в одной жизненной упряжке, вынужденно находились как на грани выживания, так и взаимодействия [Сельско-Хозяйственный Обзор, с. 8].

География прибывших в Степной край переселенцев-столыпинцев весьма разнообразна: это малороссийские (украинские — С.С.) регионы (Черниговская, Херсонская, Полтавская, Подольская, Киевская, Таврическая, Екатеринославская губернии — С.С.), Бессарабия, Саратовская, Пермская, Пензенская, Курская и мн. др. губернии центра России и Поволжья. Ряд этносов (украинцы, немцы — С.С.) показывали себя опытными хозяйственниками. Появились постройки, напоминавшие украинские хаты, традиционные немецкие дома, русские бревенчатые избы. Следует отметить, что

отдельные этнические группы переселенцев (к примеру, мордва — С.С.) теряли в новых условиях свою языковую и культурную идентичность, поскольку теперь «...в школе учились на русском языке» [Сага о Кияткиных, с. 22, 63—64]. Вместе с тем, в украинской и татарской среде культивировалось и развивалось театральное, музыкальное творчество. В дальнейшем это выразится в появлении целого ряда национальных профессиональных и самодеятельных трупп, действовавших вплоть до 1930-х гг. — казахской, татарской, русской, украинской. Подобный симбиоз хозяйственных и творческих начал формировать в регионе особый культурный микроклимат.

Следующий период переселения в регионы Северного Казахстана ознаменовался трагическими и памятными историческими событиями — участием Российской империи в Первой мировой войне, национально-освободительном движении казахского населения 1916 г., революцией и гражданской войной, голодом первых лет советской власти.

Местное казахское население в этот период активно перемещается как внутри страны, так и откочевывает за ее пределы. Это значительно уменьшает его количество в Северо-казахстанском регионе. Переселенческий процесс, продолжается, приобретая стихийный характер. Информация об этом периоде весьма отрывочна и противоречива. Так, в официальных протоколах Тургайского областного съезда Советов весной 1918 г. сообщается о 40.000 самовольных переселенцев в Кустанайском уезде. О местах исхода, переселявшихся в регион, и его причинах, по понятным соображениям, ничего не сообщается [Тургайский областной съезд Советов, с. 128]. В рамках подобного процесса с октября 1919 г. в большинстве городов Северного Казахстана отмечается резкий наплыв населения. К переселению добавляется и проблема беженцев — военнопленных, интернированных и перемещенных лиц в ходе войн и революционных событий [ГАКО

(Государственный архив Костанайской области). Ф. 389, л. 7]. Новая советская власть ведет активную борьбу со всеми категориями прибывающих в виде ограничений на въезд. Очередной перевод на «оседлость» местного населения, ставит своей целью выяснение наличия «свободных земель», что, в свою очередь, стимулирует переселенческую активность [ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. 531, л. 115].

В результате голодных 1921–1923 гг. еще в большей степени усилился и обратный процесс крестьянского переселения. Как утверждают материалы комиссий по борьбе с голодом, крестьянство срывалось с насиженных мест в поисках продовольствия [Костанайская область: прошлое и настоящее, с. 64]. И если первоначально это был неконтролируемый процесс, то с осени 1921 г. самовольно покинуть переселенческие поселки становилось практически невозможно. На пути переселявшихся устраивались вооруженные кордоны [ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. Р-72, л. 7]. В голодные годы начала 1920-х гг. Казахскую автономию, по разным сведениям покинуло несколько сотен тысяч человек.

Северный Казахстан чаще использовался в качестве транзитного пункта при переселении в более благополучные регионы Средней Азии, России и Украины. Только с июля по сентябрь 1922 г. через питательные пункты Губпомгола (Губернского комитета помощи голодающим — С.С.) ежемесячно проходили тысячи зарегистрированных переселенцев [Макушин, 1959, с. 11–12]. Прямые и обратные потоки мигрирующих начала 1920-х гг. не ослабевали, а запретительные постановления об отсутствии официального переселения лишь усиливали общую тенденцию, в том числе и самовольный переезд [К сведению переселенцев]. На местах организовывались землеустроительные работы для определенных категорий (имеющих разрешение, спасающихся от голода, самовольцев, получивших отказ на новых землях и т.д.). Такие

формулировки, по сути, не отрицали возможности массовых переселений [Год работы, с. 28].

Официальное переселение без ограничений разрешается к концу 1924 г. Как отмечают современные казахстанские исследователи, данный процесс не только не уступал, но значительно превышал переселенческие волны рубежа XIX — начала XX вв. Для советского периода характерным становится процесс обратного переселения, связанный с недостаточностью подготовки земельного фонда и отсутствием необходимых условий для приживаемости переселенцев. Само переселение, как и раньше, объяснялось желанием местного населения перейти на оседлость. Однако, как показывает практика, неорганизованность и хаотичность как самовольных, так и официальных переселений, зачастую отталкивало местное население от оседания [ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. 47, лл. 246, 322]. Мы уже отмечали роль этнических групп, составлявших основу переселенческого движения в дореволюционный период, в общественной и культурной жизни региона. Подобная тенденция продолжилась и в первые годы советской власти, став основой провозглашавшейся интернациональной идеологии. Окончательно изменялась этническая структура Северо-казахстанского общества со значительным преобладанием «пришлого» населения. Так согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г. доля русских в общей численности составила около одной трети — 33,8%, а украинцев — приближалась к одной четверти (23,2%). Из других этнических групп выделим немцев и татар (компактно проживающих в городах — С.С.). В школьном образовании региона в 1920-е гг. сохранялось обучение на татарском языке, ставился вопрос об открытии школ на украинском языке [Селькор, № 162, с. 3]. Однако, на политическом уровне, речь шла, в основном о развитии казахской и русской школ, что сви-

детельствовало о искусственной этнокультурной ассимиляции большей части населения региона.

Совокупная численность жителей Северного Казахстана по переписным данным 1926 г. насчитывала более 1,8 миллиона человек. При этом казахское население в регионе уже составляло чуть более 700 тысяч человек (т.е. 38,8% от общей численности). По сравнению с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в 1926 г. число жителей региона в абсолютных цифрах увеличилось приблизительно на один миллион человек [Всесоюзная перепись, с. 134–147].

Итоговые цифры и статистика потерь региона в войнах, восстаниях, голоде должны рассматриваться в строгой совокупности с предшествующими десятилетиями. На статистические показатели, безусловно, повлияли активнейшие миграционные процессы, проходившие здесь в течении нескольких десятилетий. Согласно приведенным выше сведениям, процессы переселения представляли собой различные по составу волны миграции, изменившие этническую, социальную структуру Северо-казахстанского общества. Данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. указывают динамику роста как сельского, так и городского населения Северного Казахстана. При этих показателях процент казахского населения стремительно понижается, что свидетельствует о масштабе переселенческого процесса, когда в течение полувека, только в североказахстанский регион переселилось более одного миллиона человек. Масштабные переселенческие волны будут характерной особенностью Северо-казахстанского региона и в дальнейшем (аграрное переселение 1930-х годов, депортация 1930–1940-х, освоение целинных и залежных земель 1950-х), сформировав в итоге особый полиэтничный формат современного казахстанского общества.

Литература

- Аграрная история Казахстана (конец XIX — начало XX в.: Сборник документов и материалов / Автор-составитель С. Н. Малтусынов. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006.
- Востриков, 1987 — *Востриков Я. В.* Наши корни (моим потомкам посвящаю). Москва, 1987 (машинопись).
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР.
- ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. 389. Оп. 1. Д. 12.
- ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 63.
- ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. 531. Оп. 1. Д. 1.
- ГАО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. 47. Оп. 1. Д. 85.
- Год работы. Краткое изложение работы Губисполкома за время с 1 октября 22-го г. по 1 октября 23-го г. // Известия Кустанайского губернского комитета РКП. 1923. № 18. С. 19–37.
- Духин, 2012 — *Духин Я. К.* Столыпинские переселенцы в Тургайских степях // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 3–22.
- Из истории города Костаная. Сборник документов и материалов. Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2009.
- К сведению переселенцев // Красная степь. 1923. № 48. 7 июня.
- Кауфман, 1905 — *Кауфман А. А.* По новым местам. Санкт Петербург: Издание товарищества «Общественная польза», 1905.

- Костанайская область: прошлое и настоящее. В 2 ч. Ч. 2. / ред. И. К. Тернового. Костанай: Костанайский печатный двор, 2007.
- Кустанай-Костанай: очерки истории. С древнейших времен до 1936 г. / ред. проф. И. К. Тернового. Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2012.
- Макушин, 1959 — *Макушин Н. П.* Кустанайская губерния в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Кустанайский государственный педагогический институт, 1959. // Рукописный отдел Костанайского областного историко-краеведческого музея. № 182.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 391. Оп. 2. Д. 1370.
- Сага о Кияткиных по воспоминаниям старших, записанная главой восьмой ветви генеалогического древа крещённой мордвы. Ташкент, 1967 (машинопись). — 65 с.
- Селькор № 162. Нет смысла проводить украинизацию наших школ. Лишние затраты, лишние трудности // Степной крестьянин. 1925. № 92. 17 июня.
- Сельско-Хозяйственный Обзор за 1917 г. Весна. Акмолинский Переселенческий Район. Статистический Отдел. Выпуск XIII часть 2-я. — Омск: Электротипография «Печатное Искусство», 1917.
- Трегубов, 1913 — *Трегубов А. Л.* По новым местам. Санкт Петербург: Издание товарищества «Общественная польза», 1913.
- Тургайский областной съезд Советов. Оренбург, 21 марта — 3 апреля 1918 г.: протоколы / ред. и вступ. ст. Н. Тимофеева. Алма-Ата: Каз. краев. изд-во, 1936.
- ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф. И-25. Оп. 1. Д. 3476.
- Шалгимбеков, 2021 — *Шалгимбеков А. Б.* Проблемы заселения северного региона Казахстана во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в.: истори-

ческий аспект // Актуальные вопросы межэтнических отношений: современное состояние и перспективы (по материалам Костанайской области) [коллективная монография]. Том 2 / ред. коллегия: Д. А. Качеев, М. Т. Кадралинова, В. Г. Вишниченко и др. Костанай: Кар УУП ОО «Казахское общество слепых», 2021. С. 113—123.

References

- Agrarnaya istoriya Kazahstana (konec XIX — nachalo XX v. [Agrarian history of Kazakhstan (late XIX — early XX century): Collection of documents and materials / Author-compiler S. N. Maltusynov. Almaty: “Dyk-Press,” 2006.
- *Vostrikov Ya. V.* Nashi korni (moim potomkam posvyashchayu) [Our roots (I dedicate to my descendants)]. Moscow, 1987 (typescript).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda: Narodnost'. Rodnoj yazyk. Vozrast. Gramotnost' [All-Union census of the population of 1926: Nationality. Native language. Age. Literacy]. Moscow: Edition of the Central Statistical Bureau of the USSR, 1928. Volume VIII: Kazakh ASSR. Kirghiz ASSR.
- SAKR (State archive of Kostanay region). F. 389. Op. 1. D. 12.
- SAKR (State archive of Kostanay region). F. R-72. Op. 1. D. 63.
- SAKR (State archive of Kostanay region). F. 531. Op. 1. D. 1.
- NRSA (Novosibirsk Region State Archive). F. 47. Op. 1. D. 85.
- God raboty. Kratkoe izlozhenie raboty Gubispolkoma za vremya s 1 oktyabrya 22-go goda po 1 oktyabrya 23-go goda [Year of work. Brief summary of the work of the Gubernia Executive Committee for the period from

- October 1, 22 to October 1, 23] // News of the Kustanai Provincial Committee of the RCP. 1923. N 18. P. 19–37.
- *Duhin Ya. K.* Stolypinskie pereselency v Turgajskih stepyah [Stolypin settlers in the Turgai steppes] // Questions of history. 2012. N 10. P. 3–22
 - Iz istorii goroda Kostanaya [From the history of the city of Kostanay] / Collection of documents and materials/ Kostanay: LLP “Kostanaypoligrafiya,” 2009.
 - K svedeniyu pereselencev [For the information of settlers] // Red steppe. 1923. No. 48. June 7.
 - *Kaufman A. A.* Po novym mestam [To new places]. Saint Petersburg: Publication of the partnership “Public benefit,” 1905.
 - Kustanajskaya oblast’: proshloe i nastoyashchee [Kostanay region: past and present]. Part 2/ ed. I. K. Ternovoy. Kostanay: Kostanay printing house, 2007.
 - Kustanaj-Kostanaj: ocherki istorii. S drevnejshih vremen do 1936 goda [Kustanai-Kostanay: essays on history. From ancient times to 1936] / ed. prof. I. K. Ternovoy. Kostanay: LLP “Kostanaypoligrafiya,” 2012.
 - *Makushin N. P.* Kustanajskaya guberniya v period vosstanovleniya narodnogo hozyajstva (1921–1925 gg.) [Kustanai province in the period of restoration of the national economy (1921–1925)]. Kustanai State Pedagogical Institute, 1959 // Manuscript Department of the Kostanay Regional Museum of History and Local Lore. N 182.
 - RSHA (Russian State Historical Archive). F. 391. Op. 2. D. 1370.
 - Saga o Kiyatkinyh po vospominaniyam starshih, zapisannaya glavoj vos'moj vetvi genealogicheskogo dreva kreshchyonnoj mordvy [The saga of the Kiyatkins according to the recollections of the elders, recorded by the head of the eighth branch of the family tree of the baptized Mordovians]. Tashkent, 1967 (typescript). 65 p.

- Selcor № 162. Net smysla provodit' ukrainizaciyu nashih shkol. Lishnie zatraty, lishnie trudnosti [There is no point in Ukrainianizing our schools. Extra costs, extra difficulties] // Steppe peasant. 1925. N 92. June 17.
- Sel'sko-Hozyajstvennyj Obzor za 1917 god. Vesna. Akmolinskij Pereselencheskij Rajon. Statisticheskij Otdel. Vypusk XIII chast' 2-ya. [Agricultural Review for 1917. Spring. Akmol Resettlement District. Statistical Department. Issue XIII part 2]. Omsk: Electroprinting house “Printed Art,” 1917.
- *Tregubov A. L.* Po novym mestam [To new places]. Saint Petersburg. Publication of the partnership “Public benefit,” 1913.
- Turgajskij oblastnoj s'ezd Sovetov [Turgai Regional Congress of Soviets]. Orenburg, March 21 — April 3, 1918: protocols / ed. and with entry. Art. N. Timofeeva. Alma-Ata: Kaz. edges. publishing house, 1936.
- CSA RK (Central State Archive of the Republic of Kazakhstan). F. I-25. Op. 1. D. 3476.
- *Shalgimbekov A. B.* Problemy zaseleniya severnogo regiona Kazahstana vo vtoroj polovine XVIII v. — pervoj polovine XIX v.: istoricheskij aspekt [Problems of settlement of the northern region of Kazakhstan in the second half of the XVIII century. — the first half of the 19th century: a historical aspect] // Topical issues of interethnic relations: current state and prospects (based on the materials of the Kostanay region) [collective monograph]. Volume 2 / ed. board: D. A. Kacheev, M. T. Kadralinova, V. G. Visnichenko and others. Kostanay: Kar UUP NGO “Kazakh Society of the Blind,” 2021. P. 113–123.

Samarkin S. V.

**FEATURES OF RESETTLEMENT PROCESSES
IN THE REGIONS OF NORTHERN KAZAKHSTAN
AT THE END OF THE 19TH —
THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES**

*Sergey Vladimirovich Samarkin, candidate of sciences in history, professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences of the Kostanai Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chelyabinsk State University." Republic of Kazakhstan, Kostanai.
E-mail: ssamarra@mail.ru*

Abstract. The publication deals with the resettlement movement in the North Kazakhstan region at the end of the 19th — the first quarter of the 20th centuries. Each of the migration waves had its own specifics, both in terms of movement and settling on new lands, and in terms of ethno-cultural interaction with the local population. The analysis of the ethnic composition of the migrants is particularly important. Attention is drawn to the specifics of the interaction of immigrants with the local administration, the opinions of officials on the national question, the evidence of direct participants in the process. A comparative analysis of the resettlement of the pre-revolutionary period with the resettlement policy of the first years of Soviet power is important. The work was written on the basis of documents stored in the archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, materials from periodicals, statistical data, travel notes and other information.

Key words: *Northern Kazakhstan, Steppe Territory, Kazakh autonomy, resettlement, ethnos, population censuses.*

Качеев Д. А.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО
АУЛА В НАЧАЛЬНЫЙ
ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СЛОМ
СИСТЕМЫ ОБЩИННОГО
ТРАДИЦИОНАЛИЗМА**

*Качеев Денис Анатольевич, кандидат философских наук, магистр истории, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ». Республика Казахстан, Костанай.
E-mail: kacheev@mail.ru.*

Аннотация. В статье делается попытка социально-философского анализа процессов, сопровождавших установление советской власти в Казахстане, на примере казахского аула, как социально-хозяйственной единицы, отражавшей структуру традиционного общинного устройства. На начальном этапе, Октябрьская революция мало затронула аул (деревню), где проживало подавляющее большинство казахов. Община была основой организации казахского общества,

а любое вторжение извне воспринималось общинным сознанием как угроза устоявшимся порядкам. У казахов господствовала установка массового сознания скорее на сохранение сложившихся общинных устоев, чем на их изменение, на что был направлен курс большевиков. Силовая модернизация казахского аула проходила в контексте эволюции большевистского режима в тоталитарную систему. Непродуманная политика «Малого Октября в ауле» окончательно уничтожила общинную структуру казахского общества, приведя к масштабному голоду в Казахстане 1932–1933 гг.

Ключевые слова: *община, аул, коллективизация, продрозверстка, Малый Октябрь.*

События в Казахстане, последовавшие за Октябрьской революцией 1917 г., разворачивались, главным образом, в городах, или вдоль линий железнодорожных путей. Главная причина этого заключалась в том, что именно города сосредоточивали в себе основную массу рабочих, а также слоев, подвергшихся массовой пауперизации и люмпенизации. Также в городах концентрировались различные маргинализованные группы населения. Одной из таких групп стали солдатские массы, в чье сознание большевики внедряли образ «врага», главного виновника плохой жизни. Таким врагом являлась буржуазия, также проживавшая в городах. Поэтому и разжечь чувство классового антагонизма легче было в городе, нежели в ауле (деревне).

Сам Ленин признавал тот факт, что Октябрьская революция на начальном этапе была именно городской, практически не затронувшей деревню. «Все знающие дело и бывавшие в деревне», — писал Ленин, — «говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 г. переживает сама «Октябрьскую», (т.е. пролетарскую) революцию» [Ленин, Т. 37, с. 314].

Попробуем разобраться в том, почему казахский аул оказался в меньшей степени затронут революционными процессами, и по какой причине казахское крестьян-

ство было менее революционным, нежели крестьянство русское?

Начать следует с того, что основным структурным элементом социальной организации в ауле была община. Община являлась владельцем земли, обрабатывать которую хозяйствующий индивид мог только в том случае, если он являлся членом данной общины. Коллективный характер собственности на землю и зависимость от общины являлись источниками конформизма национального крестьянства. Община довлела над индивидом, который подчинялся ее установкам и интересам, будучи неотъемлемой частью коллективного целого, в котором «Я» было растворено в «Мы».

Общинное устройство обуславливало определенную дуальность. С одной стороны, механизмом консолидации общины была коллективная солидарность. С другой стороны, данная солидарность приводила к антагонизму между разными общинами, когда любые ценностные принципы, идущие из внешнего пространства, категорически отрицались каждой общиной. Любые попытки влияния на общину, особенно идеологические, воспринимались как угроза устоявшимся порядкам, посягательство на безопасность общины и каждого ее члена как органической части коллективного целого. Отсюда и вытекала установка общинного сознания на сохранение сложившегося порядка вещей, нежели на его изменение. Большевики же, как известно, ратовали за кардинальное переустройство всей жизни, в том числе хозяйственно-экономической системы, что получило неприятие в казахском ауле, в котором господствовало общинное сознание.

В рамках данного сознания, община выступала институтом, обеспечивающим выживание каждого своего члена. В общине же господствовал патернализм, суть которого заключалась в социальных гарантиях и справедливом распределении производимого продукта. Данный минимальный прожиточный минимум предоставлял-

ся общинникам не просто так, но на условиях, которые в итоге оборачивались эксплуатацией, завуалированной некими «взаимными обязательствами» членов общины.

Для казахского аула были характерны подобные патронатные отношения, в рамках которых человек находился в экономической и личной зависимости от общины. В понимании большевизма подобное однозначно трактовалось как «эксплуатация» в самом негативном ее понимании. Однако, в общинном сознании казахов, патерналистские отношения обретали иной смысл и трактовались как коллективные и родственные отношения взаимопомощи. Следовательно, за пределами общины, как замкнутой структуры, казах не видел иного социального пространства. Все, что выходило за рамки общины, практически не интересовало казахского крестьянина, как не имеющее отношения к его жизни.

Именно этим и объясняется пассивное отношение казахского аула к революционным событиям, бурлившим в городах. И если пролетариату, согласно классической формуле, было «нечего терять, кроме своих цепей», то казахский крестьянин рисковал потерять все, поэтому он и не стремился включаться в революционный процесс, видя в нем угрозу стабильности традиционного уклада.

Кризис, в котором оказалась Российская империя накануне революции, затронув все слои населения, на селе имел свою специфику. Здесь «зоной безопасности» крестьянина было натуральное хозяйство, обеспечивающее ему автономную самодостаточность в условиях как экономического, так и политического кризиса. Благодаря этому крестьянин мог сохранять определенный нейтралитет и не втягиваться в сопутствующую кризису борьбу.

«Декрет о земле», изданный большевиками, был привлекателен для крестьянских масс России, но отпугивал землевладельцев колониальных окраин, как, например, в Казахстане. Отпугивал не только потому, что местные колонисты не имели дефицита в землевладениях, но и по-

тому, что данный декрет отменял национальную дискриминацию в земельном вопросе. Казахский же аул, напротив, будучи жертвой колониальной земельной политики царизма, с воодушевлением воспринял большевистский декрет о земле.

В среде русского переселенческого крестьянства (деревня) и национального крестьянства (аул) был разный уровень революционности. В среде русского крестьянства, уровень общинного сознания, основанный на патернализме, не был так высок, как в казахском ауле. Внешней силой, влияющей на революционный подъем в русской переселенческой деревне Казахстана, были рабочие города и вооруженные солдаты из крестьян, а также крестьяне «в серых шинелях», демобилизованные с фронта.

Казахский аул и крестьянство не имели влиятельных внешних сил и внутренних проводников революционных идей, как, например, солдаты с фронта, потому как в годы Первой мировой войны, «инородческое» (казахское) население не несло воинскую повинность. Печально известный царский указ от 25 июня 1916 г. о призвании инородцев на тыловые работы, привел к одному из самых массовых за годы колониализма, освободительному движению под руководством Амангельды Иманова.

Таким образом, переселенческая деревня Казахстана присоединилась к революционным процессам позже, чем город. Еще позже революционные идеи проникают в казахский аул, о чем напрямую указывалось в официальной печати республики: «Октябрьская революция очень мало затронула аул, в особенности полукочевой и тем более кочевой... октябрьский ураган пронесся мимо аула...» [Большевик Казахстана, с. 28].

В Казахстане революция «пришла» в деревню в годы гражданской войны и военного коммунизма с рабочими и солдатами. В казахский аул революция «пришла» в годы силовой модернизации, которая проводилась в рамках политики коллективизации. Только проводника-

ми революции были уже не рабочие и солдаты, а сотрудники ОГПУ.

Пока же мы хотим обозначить еще один, важный для понимания заявленной темы модернизации казахского аула, тезис: практически сразу же после победы Октябрьской революции началась трансформация большевистского режима в тоталитарную систему, получившую ярко выраженную форму в годы сталинизма. Этот процесс обусловило то, что политическая система, возникшая на пространстве бывшей Российской империи, практически не имела влиятельных либерально-демократических традиций. Вместо этого, в массовом сознании господствовали характерные для доиндустриальных обществ, идеи коллективизма, авторитаризма и деспотии. Это хорошо понималось теоретиками большевизма, которые использовали данные концепты массового сознания для реализации своей политики.

К примеру, большевики изначально заблокировали идею парламентаризма, представленную в начале революции в виде Учредительного собрания. Республика Советов представлялась большевиками формой более высокого типа демократических учреждений, нежели буржуазная республика при Учредительном собрании. Также идея Советов привлекала большевиков тем, что они были единственным органом, посредством которого можно было провести революционный захват власти и проводить политику партии. Ленин прямо призывал население: «Товарищи трудящиеся!.. Ваши Советы — отныне органы государственной власти... Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок... Берите всю власть в руки своих Советов» [Ленин, Т. 35. с. 66—67].

Казахский аул в меньшей степени был охвачен влиянием Советов, т.к., в силу указанного нами выше господства общинного сознания, община не принимала иных форм регуляции и управления. Попытка внедрения со-

ветов в казахский аул не вызывала ничего, кроме отторжения, как нечто внешнее и чужеродное. Все это вполне вписывалось в марксистский тезис об определении сознания бытием, только работал этот тезис не в пользу большевиков.

Не меняя экономический базис казахской общины, который был представлен отношениями собственности между общиной как патроном и крестьянином как клиентом, невозможно было провести «советизацию» казахского аула. Лишь в годы коллективизации, большевикам удалось изменить экономический базис в результате огосударствления отношений собственности. Патронатно-клиентные отношения были заменены на их советскую модификацию, а новым всемогущим патроном вместо общины стало тоталитарное государство.

Справедливости ради, следует отметить, что Советы были органами народной власти и самоуправления до начала гражданской войны. Однако, далее их реальная роль была свернута, т.к. власть перетекала к иным чрезвычайным органам (ревкомам, комиссарам, чрезвычайным комиссиям и т.д.). Находясь под контролем партии большевиков, Советы утратили роль института народовластия, став лишь его символическим воплощением.

Необходимо также отметить, что изначально Советы рассматривались как форма «диктатуры пролетариата». О том, что означает данная диктатура, большевики никогда не стеснялись высказываться откровенно, как, например, Г. Зиновьев на одном из съездов РКП(б): «Диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т.е. диктатуру лучшей его части, его партии» [Зиновьев, с. 41]. Под авангардом, естественно, понималось партийное меньшинство во главе с Лениным. Таким образом, большевики, установив диктатуру вождя, высшего руководства партии и номенклатурного строя, не только насаждали идеи социального антагониз-

ма, но и проводили репрессии всех инакомыслящих. Так и было положено начало тоталитарной системы.

Экономическая политика большевиков осуществлялась на основе трех основных принципов — огосударствлении, централизации и директивном планировании. Вскоре эта политика привела к разрушению промышленности, которое вкупе с продовольственным кризисом и разразившейся гражданской войной, подвигло большевиков к попытке осуществления перехода к «коммунистическому» производству и распределению, получившему название «военного коммунизма». Фактически, это означало полную натурализацию экономической жизни, распространение на нее жесткого государственного контроля и внедрение «социалистической идеи равенства».

В сельском хозяйстве политика «военного коммунизма» проводилась в форме разверточной системы заготовки сельхозпродуктов, проводниками которой выступали «комитеты бедноты» и вооруженные рабочие отряды, экспроприировавшие «в пользу революции» производимые крестьянами продукты.

Результатом политики «военного коммунизма» стала продовольственная катастрофа в Оренбургской, Актюбинской и Букеевской губерниях, а также части Акмолинской. С 1917 по 1921 гг. посевные площади здесь сократились на 55%, а дефицит продовольственной потребности региона составил 10,7 млн пудов хлеба. Это поставило на грань голодной смерти 1,4 млн человек, подавляющим большинством из которых были казахи [Вторая Киргизская, с. 54–56].

«Военный коммунизм», осуществлявшийся силовыми методами, вызвал ожидаемое недовольство как переселенческой деревни, так и аула. Это недовольство выливалось и в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления крестьянства. В большинстве регионов Казахстана в 1920 г. вспыхнули мятежи, проходившие

под лозунгами «За советы без коммунистов», «Долой продразверстку!», «Долой коммунистическую продовольственную диктатуру!».

Мятежи жестоко подавлялись властью и квалифицировались как «кулацко-бандитские». Однако, следует признать — хотя социальная база восставших была массовой, подавляющее большинство ее составляло крестьянство, недовольное политикой «военного коммунизма», ущемлявшей экономические интересы сельских производителей. А в случае с казахским аулом, движущей силой восставших была также борьба за традиционный общинный уклад.

В целом, ситуация, сложившаяся в Казахстане к началу 20-х годов, была подтверждением экономического и политического кризиса, охватившего всю страну Советов. Тем временем, большевики, утверждавшие временность политики «военного коммунизма», обусловленной гражданской войной, после окончания последней продолжили курс на «непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению» [Ленин, Т. 45, с. 282]. Продолжалась политика тотального огосударствления экономики и распространения на все ее сферы военных методов управления.

Вследствие этого, аул еще глубже погрузился в пучину государственного произвола. Начались бесконечные мероприятия, призванные имитировать бурный революционный процесс. «Недели посева», «красные декады обмолота» и так далее, воспринимались крестьянством с апатией и страхом, т.к. за невыполнение или игнорирование этих акций следовали карательные санкции.

В сознании «рабочего класса» большевиками насаждалось чувство «социального шовинизма». В результате, рабочий воспринимал крестьянина как носителя мелкобуржуазной стихии, враждебной власти, получая от последней карт-бланш на уничтожение идеологических врагов. Идеологическое зомбирование ширило пропасть

между городом и деревней/аулом, и последние, вплоть до самой коллективизации, рассматривались властью как оппозиция.

Как уже отмечалось, итогом политики «военного коммунизма» стал масштабный социальный, экономический и политический кризис, наглядно продемонстрировавший утопичность бестоварных общественных отношений.

Осознавая это, Ленин, несмотря на сопротивление части партийной элиты, идет на компромисс, обусловленный невозможностью дальнейшего игнорирования законов экономики, в основе которых были товарно-денежные, рыночные отношения. Наступает этап НЭПа — новой экономической политики.

Кооперация, которая по мысли советской власти, должна была быть посредником в обменных операциях, рассматривалась как инструмент государственного регулирования и контроля частного рыночного оборота. Однако практика показала несостоятельность данной идеи.

В Казахстане был создан товарообменный фонд (мануфактура, галантерея, металлические изделия, хозяйственные принадлежности) на сумму в 1,5 млн золотых рублей и 14 млрд в дензнаках 1921 г. Однако по отношению к заданию, удалось на деле заготовить лишь 37% хлебных продуктов и 26% мясных продуктов. Ставка на кооперацию не оправдалась, выявив неспособность государственного сектора вести борьбу на равных с частной торговлей. Профессор Абылхожин указывает на то, что в ауле и деревне частная торговля занимала 85,1%, в том время как государственная торговля составляла всего 2% [Абылхожин, с. 143].

Уже со второй половины 1920-х гг., Советское государство начинает отходить от новой экономической политики, возвращаясь к курсу, заданному Октябрьской революцией. В этот период начинает активно разрушаться система жизнеобеспечения казахского этноса, основан-

ная на экосистемных принципах организации общества, социокультурных и институциональных связях.

Например, в традиционном обществе, коим являлась казахская община, было обычным делом во время джунта, (когда кормовые пастбища покрываются заледенелым снежным настом и скот не может добраться до травы), обращаться к крупным байским хозяйствам. Последние предоставляли конские табуны, которые прогонялись по кормовым пастбищам и копытами разбивали лед, вследствие чего мелкий скот мог добывать пищу и выживать. Когда же, в результате «борьбы с кулацкими элементами», байские хозяйства были ликвидированы, община, не имея возможности обратиться за помощью, была практически обречена.

Проект конфискации скота у крупных хозяйств в Казахстане, был задуман с самого начала революции, в идейной основе которой лежала классовая борьба. Еще в 1919 г., Ленин, отвечая на вопрос делегатов из Казахстана на VIII съезде РКП (б), как можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо наставлял: «Очевидно, вам придется раньше или позднее поставить вопрос о перераспределении скота» [Дахшлейгер, с. 141].

НЭП немного приостановил классовые порывы экспроприаторов, т.к. бедственное экономическое положение возобладало над «классовой борьбой». Но уже 27 августа 1928 г. был принят Декрет о конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов. В соответствии с данным декретом, было экспроприровано около 696 хозяйств, у которых конфисковано 144745 голов скота (в переводе на крупный скот). 113 тысяч голов скота было перераспределено между колхозами (29 тыс. или 26%) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (85 тыс. или 74%).

Советским государством кампания по экспроприации скота воспринималась сугубо положительно — статистически вырос уровень середняков и снизился уровень бедно-

сти, аул был «освобожден» от баев, которые рассматривались исключительно как «кровопийцы-эксплуататоры».

На самом же деле, ликвидация байских хозяйств стала самой настоящей катастрофой для казахской общины. Были разрушены патерналистско-клиентские связи, т.к. многочисленные общины не могли более получать в пользование часть байского скота (саунные отношения), а во время джута общинный скот просто вымирал. Безусловно, байские хозяйства предоставляли общинам скот, сельхозинвентарь и семена, на кабальных условиях, но условия эти складывались веками и соответствовали традиционным хозяйственно-экономическим отношениям, позволявшим многочисленным общинам содержать скот и выживать в сложное время.

К тому же, под экспроприацию попадали не только байские хозяйства, но и зажиточные общины, имевшие 300–400 голов скота. Лишившись его, община теряла необходимую для воспроизводства средств производства и производства необходимого для жизни продукта, численность стада, разорялась и нищала.

Экспроприации разрушили всю традиционную структуру хозяйственно-экономических отношений в казахском обществе. В геометрической прогрессии нарастала пауперизация населения аулов.

Еще одним примером реформ, основанных на абсолютном непонимании специфики казахской общины и принципов хозяйственной деятельности, стал передел сенокосных и пахотных угодий 1926–1927 гг. Федор Голощекин, поставленный «руководить» Казахской республикой, в своем выступлении на VI Всеказахской партконференции, заявил: «Что такое передел луговых угодий? Это есть маленький Октябрь!» [Голощекин, с. 74]. Пропагандистская литература поддерживала эту политику в Казахстане: «Передел пахотных и сенокосных угодий... разрушает патриархально-родовые пережитки,

окончательно разрушает род, родовую общину как нечто хозяйственно-целое» [Ряднин, с. 21].

Слабость данной реформы была понятна с самого начала, т.к. получение земли без возможности ее хозяйственного освоения, не имело перспектив — бедняцкие и середняцкие хозяйства, получив землю, не имели тяглого скота и производственных ресурсов (инвентаря, семян), для работы на этой земле. В результате, бедняки, получавшие землю, отказывались от нее в пользу прежних владельцев — зажиточных крестьян и баев. Нарком земледелия Казахской республики, Султанбеков, отмечал: «В этом г. были случаи, когда бедняк, получив надел и не имея у себя средств производства, не имея возможности скосить сено, вспахать землю, вынужден был возвращать землю обратно баю, получая от него спасибо за то, что возвратил землю, и возвращая ему спасибо за то, что бай его как-нибудь накормит и что-нибудь ему даст» [Постановления, с. 17]. Даже пропагандистская печать признавала провал реформы: «Нам не удалось раскатать в должной мере бедноту... Можно заключить, что передел сенокосов не вызвал в должных размерах и остроте классовую борьбу в ауле, борьбу социальных группировок аула за землю» [Ряднин, с. 28].

Находился в недоумении и сам «великий реформатор» Ф. Голощекин: «Возьмем Чорманова, Акпаева, которые имеют по 10 тыс. голов скота. Мы отняли у них земли, и я думал, что же они будут делать дальше? Они как будто и в ус себе не дуют. Тут что-то не так, товарищи» [Голощекин, с. 75].

К тому же, реформа была направлена на перераспределение сенокосов «по количеству едоков», что с точки зрения советской власти было справедливым. В то же время, в традиционном казахском обществе, принцип справедливого распределения сенокосов определялся по количеству скота.

Подводя итог, можно отметить, что советская власть, осознав в результате данных реформ, неспособность к изменению традиционной структуры казахского общества и общинного сознания, путем осуществления внеэкономических методов, решает радикализировать «аграрную революцию». Начинается переход от политики «ограничения и вытеснения» зажиточных крестьян и баев, к их «полной ликвидации» как класса.

В 1920-е гг. непродуманными реформами большевиков и советской власти, казахской общине были нанесены серьезные удары, которые разрушили систему хозяйственно-экономических связей и разорвали господствовавшие патронально-клиентские отношения в ауле. Главным тормозящим фактором при проведении идеологических «прожектов», было общинное сознание, которое отторгало любое внешнее влияние.

Впереди был голод 1931—1932 гг. и репрессии 1937—1938 гг., когда фактически была уничтожена не только казахская община, как хозяйственно-экономический институт традиционного социума, но и физически уничтожено большинство носителей общинного сознания...

Литература

- Абылхожин, 2007 — *Абылхожин Ж. Б.* История Казахстана советского периода в контексте методологического плюрализма / Очерки по историографии и методологии истории Казахстана: монография. Алматы, 2007. С. 123—196.
- Большевик Казахстана. 1935. № 7.
- Вторая Киргизская областная конференция РКП(б) 19—27 февраля 1922 г.: Протоколы. Алма-Ата; Москва: Казкрайогиз, 1936.
- Голощекин, 1928 — *Голощекин Ф. И.* Отчет Краевого комитета VI всеказахской партконференции (15—23 ноября 1927 г.), Кзыл-Орда: Казгиз, 1928.

- Дахшлейгер, 1965 — *Дахшлейгер Г. Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. (1921—1929 гг.) / Акад. наук КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. — Алма-Ата: Наука, 1965.
- Зиновьев, 1923 — *Зиновьев Г.* Отчет о политической деятельности ЦК / Двенадцатый съезд РКП (б). 17—25 апреля 1923 года. Стенограмма отчета. Москва, 1923.
- Ленин, т. 35 — *Ленин В. И.* К населению / Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. Москва: Издательство политической литературы, 1974. С. 65—67.
- Ленин, т. 37 — *Ленин В. И.* Прислужничество буржуазии под видом «экономического анализа» / Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. Москва: Издательство политической литературы, 1969. С. 305—331.
- Ленин, т. 45 — *Ленин В. И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции / Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. Москва: Издательство политической литературы, 1970. С. 278—194.
- Постановления 6-го Всеказахского съезда советов: 28 марта — 3 апреля 1927 г. Кзыл-Орда: ЦИК Казахской АССР, 1927.
- Ряднин, 1928 — *Ряднин М. С.* Казахстан на путях к социалистическому строительству: (Ответ на выступление оппозиции по национальному вопросу). — Кзыл-Орда: Казакск. гос. изд-во, 1928.

References

- *Abylkhozhin Zh. B.* Istoriya Kazahstana sovetskogo perioda v kontekste metodologicheskogo plyuralizma [History of Kazakhstan of the Soviet period in the context of methodological pluralism] / Essays on historiography and methodology of the history of Kazakhstan: monograph. Almaty, 2007. P. 123—196.

- Bol'shevik Kazahstana [Bolshevik of Kazakhstan]. 1935. No. 7.
- Vtoraya Kirgizskaya oblastnaya konferenciya RKP(b) [The Second Kirghiz Regional Conference of the RCP (b)] February 19–27, 1922: Protocols. Alma-Ata; Moscow: Kazkrayogiz, 1936.
- *Goloshchekin F.I.* Otchet Kraevogo komiteta VI vsekazakskoj partkonferencii [Report of the Regional Committee of the VI All-Kazakh Party Conference] (November 15–23, 1927), Kyzyl-Orda: Kazgiz, 1928.
- *Dakhschleiger G.F.* Social'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazahstana. (1921–1929 gg.) [Socio-economic transformations in the aul and village of Kazakhstan. (1921–1929)] / Acad. sciences of KazSSR. Institute of History, Archeology and Ethnography named after V. I. Ch.Ch. Valikhanov. Alma-Ata: Nauka, 1965.
- *Zinoviev G.* Otchet o politicheskoy deyatel'nosti CK [Report on the political activities of the Central Committee] / Twelfth Congress of the RCP (b). April 17–25, 1923. Transcript of the report. Moscow, 1923.
- *Lenin V.I.* K naseleniyu [To the Population] / Complete Works. 5th ed. T.35. Moscow: Publishing house of political literature, 1974. P. 65–67.
- *Lenin V.I.* Prisluzhnichestvo burzhuazii pod vidom «ekonomicheskogo analiza» [Servant of the bourgeoisie under the guise of “economic analysis”] / Complete Works. 5th ed. T.37. Moscow: Publishing house of political literature, 1969. P. 305–331.
- *Lenin V.I.* Pyat' let rossijskoj revolyucii i perspektivy mirovoj revolyucii [Five Years of the Russian Revolution and the Perspectives of the World Revolution] / Complete Works. 5th ed. T.45. Moscow: Publishing house of political literature, 1970. P. 278–194
- Postanovleniya 6-go Vsekazakskogo s'ezda sovetov [Resolutions of the 6th All-Kazak Congress of Soviets]:

March 28 — April 3, 1927. Kyzyl-Orda: Central Executive Committee of the Kazakh ASSR, 1927, 31 p.

- *Ryadnin M. S.* Kazahstan na putyah k socialisticheskomu stroitel'stvu: (Otvét na vystupleniya oppozicii po nacional'nomu voprosu) [Kazakhstan on the way to socialist construction: (Response to opposition speeches on the national question)]. Kyzyl-Orda: Kazaksk. state publishing house, 1928.

Kachejev D. A.

MODERNIZATION OF THE KAZAKH AUL IN THE INITIAL PERIOD OF THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER AND THE DESTRUCTION OF THE SYSTEM OF COMMUNAL TRADITIONALISM

Denis Anatolyevich Kachejev, Candidate Sciences in philosophy, master of history, professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Sciences of the Kostanai Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk State University.” Republic of Kazakhstan, Kostanai. E-mail: kachejev@mail.ru

Abstract. The article attempts a socio-philosophical analysis of the processes that accompanied the establishment of Soviet power in Kazakhstan, using the example of the Kazakh aul as a socio-economic unit that reflected the structure of the traditional communal structure. At the initial stage the October Revolution had little effect on the aul (village), where the vast majority of Kazakhs lived. The community was the basis for the organization of Kazakh society, and any intrusion from the outside was perceived by the community incredulously as a threat to the established order. The Kazakhs were dominated by the installation of mass consciousness to preserve the established community foundations, rather than to change them, which was the direction of the Bolsheviks. The forceful modernization of the Kazakh aul

took place in the context of the evolution of the Bolshevik regime into a totalitarian system. The ill-conceived policy of the “Small October in the village” finally destroyed the communal structure of the Kazakh society, leading to a large-scale famine in Kazakhstan in 1932–1933.

Key words: community, aul, collectivization, food distribution, Small October.

Кiryushin В. И.

УРОКИ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ

Кiryushin Валерий Иванович, академик РАН, главный научный сотрудник Почвенного института им. В. В. Докучаева. 119017, Россия, Москва, Пыжевский пер., 7.
E-mail: vkiryushin@rambler.ru.

Аннотация. Освоение целинных и залежных земель в 1950–1960 гг вылилось в гигантскую земледельческую экспансию, охватившую 42 млн га в восточных районах СССР. Инициированная партийным руководством страны, эта кампания была ориентирована на скорейшее увеличение производства зерна в условиях послевоенного дефицита продовольствия при ограниченных возможностях интенсификации земледелия. Эффективность кампании существенно обесценена вторжением в сухостепные и полупустынные районы. Поспешность освоения целины фатально сочеталась с неподготовленностью в научном, технологическом, хозяйственном, бытовом отношениях. Отсутствие научно-обоснованной программы и плана освоения целины, которыми пренебрегла власть, явилось причиной многих негативных последствий. Их пришлось устранять

науке, которая спасла целину от экологической катастрофы благодаря созданию почвозащитной системы земледелия. При всех противоречиях и ошибках в результате освоения Целины на востоке страны была создана современная аграрная цивилизация, а Казахстан стал одним из крупных производителей зерна в мире. Освоение целины относится к великим стройкам социализма, в которых проявился беспримерный энтузиазм великого народа и лучшие его качества: патриотизм, коллективизм и интернационализм, самоотверженность. Многие уроки освоения целины сохраняют свою актуальность.

Ключевые слова: производство зерна, неподготовленность кампании, ветровая эрозия, почвозащитная система земледелия, подвиг народа.

Введение

Освоение целинных и залежных земель в 50–60-х гг. — часть истории СССР, заслуживающая философского осмысления. По своей исторической значимости эта эпопея выходит за рамки грандиозных партийно-хозяйственных кампаний, подобных сталинскому плану преобразования природы, которому она пришла на смену. Оценки ее сути и результатов чрезвычайно противоречивы. Наиболее радикальные критики считают ее политической авантюрой, приведшей к экологической катастрофе, хозяйственные результаты считают провальными, толкуют о национально-культурном ущербе, нанесенном местному населению, и других издержках, во всем винят Н. С. Хрущева. На противоположном полюсе дискуссии отмечают успехи в развитии зернового хозяйства, создание аграрной цивилизации на севере Казахстана, достижения науки, преодолевшей пыльные бури и оказавшей влияние на развитие земледелия всей страны. Целина послужила кузницей кадров, повлияла на судьбы многих людей. Ее гуманитарное значение определялось термином «Планета Целина». Патриотизм и романтика целинников уживались со множеством плохо решаемых хозяйственных и бытовых проблем.

Оценка Целинной эпопеи колебалась во времени от восторженной в советские годы до резко отрицательной в 1990-е и более взвешенной в 2000-е гг. Примечательно, что молодое поколение в массе своей хуже относится к этой кампании, чем старое, многим она не понятна. Действительно, не все факты поддаются логике и объяснению с современных позиций. Как целинник и советский человек могу объяснить это тем, что мы жили в параллельных мирах: в мифическом, о котором мечтали и который пытались построить, и реальном, который управлялся установленными законами директивно-номенклатурного социализма. Как и многие мои сверстники, я мечтал о целине [Киришин, 2015]. В стране царил дух созидания. Народ верил в лозунги и произносивших их вождей, портреты которых повсеместно красовались, и готов был преодолевать любые трудности. Массовое осознание несостоятельности советской социально-экономической системы, неспособность ее обеспечить продовольственное благополучие страны наступило довольно поздно.

Ситуация изменилась только с появлением экономических свобод. Скачек в производстве зерна и обеспечении продовольствием произошел лишь в последнее десятилетие. С приходом либеральной экономики возникли новые проблемы, сдерживающие развитие сельского хозяйства. Местами они переплетаются со старыми традициями и противоречиями. Как показали попытки начать новую кампанию по освоению неиспользуемых земель в самые последние годы, многие ошибки прошлой целинной эпопеи повторяются. Поэтому необходимо учесть уроки прошлого. Не менее важно изучить лучшие традиции уходящих поколений, которые подверглись испытанию Целиной.

Предыстория и социально-экономические условия накануне освоения целины

Первый этап освоения целинных земель на востоке страны связан со столыпинской реформой, целью которой было формирование класса мелких и средних собственников из числа крестьян на базе коренного переустройства сельскохозяйственного производства. В начале XX века в Сибирь переселилось более трех миллионов крестьян, которыми было освоено тридцать миллионов десятин целинных земель. Реформа прервалась со смертью П. А. Столыпина.

В конце 20 — начале 30-х гг. XX в. И. В. Сталиным была инициирована программа создания «мощных опорных рычагов» коллективизации в виде крупных совхозов — «фабрик зерна, мяса и молока в необжитых районах страны путем освоения 14 млн га целинных и залежных земель». В итоге было распаханно 7,3 млн га и организовано 2 тыс. совхозов. На следующем этапе предполагалось расширить посевные площади на 10 млн га в соответствии с постановлением Совета Министров СССР 26 декабря 1946 г. «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР». Эта программа не была реализована.

Процесс восстановления сельского хозяйства после Отечественной Войны в значительной мере замедлялся сталинской политикой, ориентированной на приоритетное развитие тяжелой промышленности, и недооценкой тяжелого состояния с обеспечением продовольствием. В начале 50-х гг. в стране не хватало продуктов. Чтобы купить что-то в магазине, население городов с ночи занимало очереди. Сталин не осознавал масштабов зерновой проблемы, считая, что в стране просто «перебои» с хлебом. В 1952 г., уже спустя семь лет после окончания войны, среднегодовое потребление на душу населения молока и молочных продуктов было вдвое ниже требуемой

нормы, мяса и сала — в 3,4 раза, яиц — в 5,5 раз. В то же время сталинский режим, демонстрируя неспособность к радикальным реформам и продолжая политику насилия и репрессий, замалчивал трудности в сельском хозяйстве. Г. М. Маленков на XIX съезде партии сообщал, что зерновая проблема в СССР «окончательно и бесповоротно решена». Одновременно был активно поддержан весьма дорогостоящий миф о преобразовании природы, избавлении от суховея, названный сталинским планом, на реализацию которого отчуждались большие средства и силы измученных войной людей.

Перемены в экономической политике стали возможны только после смерти И. В. Сталина и были декларированы в выступлении Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г., в котором была поставлена задача «значительно увеличить вложения средств на развитие легкой, пищевой, в частности рыбной промышленности, на развитие сельского хозяйства». Действительно в течение 50-х гг. произошла существенная корректировка социально-экономического курса по ряду позиций, хотя радикальных изменений не произошло.

В 1953 г. сложилась тяжелая ситуация с обеспечением страны зерном. В 1953 г. было заготовлено 31,1 млн тонн зерна, а израсходовано на продовольственное снабжение населения, животноводство и другие государственные нужды 32,4 млн тонн. Пришлось частично использовать государственные резервы.

Мотивация освоения целины, возможности интенсификации сельского хозяйства

Во многих литературных источниках Н. С. Хрущеву предъявляется обвинение в том, что освоением целины он направил сельское хозяйство страны по экстенсивному пути, в то время как В. М. Молотов и другие его оппо-

ненты декларировали более эффективный интенсивный путь развития, присущий передовым странам. Оппоненты сильно лукавили, поскольку за этими декларациями ничего реального не стояло. Аграрная политика, которую они во главе с И. В. Сталиным проводили, завела крестьянство страны в социально-экономический тупик, исключавший всяческую мотивацию интенсификации. Несостоятельность колхозно-совхозной системы (отношения собственности, всевозможное обобществление, диктат и т.п.) усугублялась различными притеснениями крестьян от ограничений личного хозяйства до ликвидации «бесперспективных деревень».

Вследствие послевоенного нищенского и полуголодного существования колхозное крестьянство массами сбегало в города. Неверие в колхозную перспективу усиливалось впечатлениями демобилизованных солдат, которые освобождая Восточную Европу от фашизма, видели нормальную жизнь тамошнего крестьянства в благоустроенных сельских поселениях. С 1946 по 1953 гг. деревню покинуло 8 млн человек.

В таких условиях об интенсификации, тем более технологической модернизации земледелия не могло быть и речи, поскольку она требует социально-экономических свобод, заинтересованности работников, исключения диктата государства и его структур, существенного повышения технологического уровня земледельцев. Для этого должна была измениться экономическая система хозяйствования, что произошло лишь в 90-х гг. после экономической реформы. Это можно проследить по динамике урожайности зерновых культур (табл. 1). Первое ее заметное увеличение с 10 ц/га до 13 ц/га произошло с началом применения минеральных удобрений в 1965–1970 гг. Дальнейшая химизация земледелия с увеличением применения минеральных удобрений до 80–100 кг вещества не повлияла на урожайность зерновых культур. Лишь в период 1986–1990 гг. с началом освоения интенсивных агротехнологий

на площади 5 тыс га средняя урожайность заметно возросла (до 16 ц/га). Настоящий скачек урожайности зерновых до 26 ц/га произошел после реформы (1992–2000 гг) благодаря экономическим свободам и заинтересованному применению наукоемких агротехнологий.

Сравнение с мировыми достижениями показывает глубокую отсталость сельского хозяйства России, оказавшейся на обочине мировой агротехнологической революции — зеленой (50-е гг.), агрохимической (70–80-е), трансгенной (90-е), информатизационной (с 90-х). К 2000-м гг. урожайность зерновых в западноевропейских странах превзошла 7 т/га (рис.). Сельское хозяйство СССР не способно было в полной мере обеспечить страну продовольствием. Уже в начале 60-х гг. СССР стал хроническим импортером зерна (табл. 2), причем минимум 40% импорта шло из США и Канады.

Таблица 1

Динамика производства зерна в России в связи с применением минеральных удобрений

Годы	Посевная площадь	Урожайность, ц/га	Валовой сбор, млн.т.	Применение минеральных удобрений, кг д.в./1 га пашни
1961–1965	74	9,8	73	18
1966–1970	73	13,0	95	30
1971–1975	70	13,6	97	38
1976–1980	77	13,8	106	55
1981–1985	71	13,0	92	80
1986–1990	66	15,9	104	86
1991–1995	59	14,8	88	46
1996–2000	50	12,9	65	18
2001–2005	45	18,8	79	21
2006–2010	44	20,7	85	30
2011–2015	45	22,0	93	39
2016–2020	46	26,8	–	50

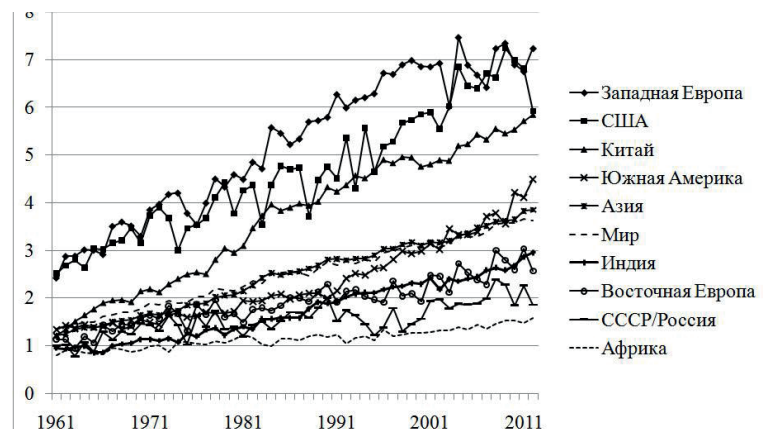

Рис. Динамика урожайности зерновых культур в некоторых странах в регионах мира, 1961–2012, т/га

Принятие решения

Постановление об освоении целинных земель было принято февральско-мартовским Пленумом ЦК КПСС 1954 г. на основе записки Н. С. Хрущева «Пути решения зерновой проблемы», подготовленной по материалам, которые представили С. Демидов (Госплан), И. Бенедиктов (министр сельского хозяйства), Л. Корнец (министр совхозов), А. Козлов (министр заготовок), П. Лобанов (зам. Председателя СМ РСФСР), В. Мацкевич (зам. Министра заготовок), Т. Юркин (министерство сельского хозяйства РСФСР). В нем на основе представленных материалов были обозначены задания по освоению этих земель на 1954–1955 гг. Пленум постановил «как важнейшую государственную задачу — расширение посевов зерновых культур в 1954–1955 гг за счет освоения залежных и целинных земель не менее чем на 13 млн га и получение в 1955 г. с этих земель 1100–1200 млн т. зерна, в том числе 800–900 млн пудов товарного зерна. Решение Пленума не было единодушным. Принципиальные разногласия касались выбора пути развития сель-

ского хозяйства. Мотивируя свою позицию, Н. С. Хрущев полагал, что «дополнительное целинное зерно позволит списать колхозам недоимки, ликвидирует их неуверенность в завтрашнем дне, заработает, наконец-то, погектарное налогообложение, труд крестьянства станет осмысленным, у них появится стимул, а значит, возрастет производительность труда» (Хрущев, 2016).

Таблица 2.

Советский импорт зерна

Год	Импорт млн.т	Миллионы рублей	Миллионы долларов
1959	0,25	14	15,6
1960	0,24	15	16,7
1961	0,68	42	46,7
1962	0,004	3	3,3
1963	3,1	195	216,7
1964	7,3	444	493,3
1965	6,4	358	397,8
1966	7,8	443	492,2
1967	2,2	135	150,0
1968	1,6	99	110,2
1969	0,6	2,9	32,2
1970	2,2	121	134,4
1971	3,5	193	214,4
1973	23,9	1146	1547,1
1974	7,1	535	76,2
1975	15,9	1923	2673,0

На обсуждение Пленума не было представлено программы с обоснованием работ и даже плана. Что касается намеченного объема работ, то он был приемлем в первом приближении, поскольку соответствовал площади наибо-

лее благополучных целинных черноземных почв в пределах Урала, Западной Сибири и Казахстана.

Другое дело, что в том же 1954 г. Н. С. Хрущев неожиданно поставил вопрос о дополнительном освоении еще 15 млн га, а дальше этот производол продолжился, и начался расцвет хрущевского авантюризма, который был представлен тремя «сверхпрограммами: «целина», «кукурузная эпопея» и «догнать и перегнать Америку» [Русинов, 1991].

Освоение целины как альтернатива сталинскому плану преобразования природы

Освоению целинных земель предшествовала не менее выдающаяся кампания под названием «План полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Проект, рассчитанный на период 1949–1965 гг., предусматривал создание восьми лесных государственных полос общей протяженностью свыше 5300 км. За счет их и лесополос местного значения предполагалось преградить дорогу суховеям и изменить климат на площади 120 млн га. План предусматривал также внедрение травопольной системы земледелия. Предполагалось не только абсолютное продовольственное обеспечение СССР, но и наращивание со второй половины 1960 гг. экспорта отечественных зерно- и мясопродуктов.

Для реализации этого плана было организовано 570 лесозащитных станций, 230 крупных лесных питомников.

Накануне прихода к власти Н. С. Хрущева шел 5-й год кампании. Затраты росли, а перспективы не вырисовывались. Навязываемая травопольная система земледелия

в степных условиях показывала низкую эффективность. Как отмечал академик И. И. Синягин, к 1954 г. «провал сталинского плана стал ясен всем объективным людям». Эту позицию он сопровождает довольно резкими высказываниями по поводу того, что кампания «отвлекала внимание от осуществления мер, способных действительно повысить производительность сельского хозяйства. Ну, зачем, в самом деле, вкладывать крупные средства в развитие туковой промышленности, когда задачу повышения плодородия можно легко и дешево решить с помощью посева бобово-злаковых травосмесей» [Синягин, URL].

В таком виде эту проблему воспринял Н. С. Хрущев и принял нигилистические меры. Стал выкорчевывать травополье там, где нужно и не нужно и жестко прекратил работы по лесоразведению.

В целом мотивация переключения производственных ресурсов на освоение целинных и залежных земель, тем более, в первом варианте (13 млн га) была достаточно убедительной. В этой связи трудно понять многих ученых аграрников, которые обвиняют Н. С. Хрущева в том, что он лишил страну перспектив продовольственного и экологического благополучия, которое должно было наступить к 1965 г. по выполнении сталинского плана.

Опыт земледельческих экспансий мира

При планировании программы столь масштабного освоения новых земель первоочередной задачей, по логике вещей, должно было стать изучение опыта известных земледельческих экспансий, как отечественных, так и зарубежных. В России последствия массовой распашки земель после реформы 1861 г. были ярко и доходчиво проанализированы в книге В. В. Докучаева «Наши степи прежде и теперь» [Докучаев, 1892]. Последствия эти хорошо известны: усиление поверхностного стока, эрозия,

обсыхание территории, дефляция, дегумификация почв и т.д. Можно было не наступать на те же грабли теми же средствами, тем более что в 30-х гг. всему миру был преподнесен наглядный урок в виде антропогенно-стихийного бедствия на Великих равнинах в США и Канаде, воспринятого тогда как конец цивилизации. Массовая распашка многих миллионов гектаров целины в прериях привела к широкому развитию ветровой эрозии. В книге «До того как умрет природа» Ж. Дорст описывает один из самых страшных, как он говорит, «траурных» дней в США 12 мая 1934 г., когда «обширные равнины стали ареной беспрецедентного в истории Америки стихийного бедствия, ... ветер нес смерчи через континент на восток..., они затемнили небо над Вашингтоном и Нью-Йорком, унеслись в Атлантику. Оголенные районы, получившие с тех пор название «пыльная чаша», стали средоточием ветровой эрозии...» [Дорст, 1968]. Официально признав эрозию национальным бедствием, правительство организовало Службу по борьбе с эрозией почв, которая через 2 г. была реорганизована в Службу охраны почв. Были предприняты огромные усилия по разработке противоэрозионной системы земледелия, в которой плуг уступил место плоскорезу, а все другие приемы приобрели почвозащитное содержание (стерневые сеялки вместо обычных, ротационные бороны вместо зубовых и т.д.). Вместе с административными органами ученые долго преодолевали консерватизм фермеров в освоении новой системы.

Все это через каких-то 20 лет было воспроизведено в СССР так, как будто ничего подобного ранее не происходило. Американский опыт был использован не до освоения, а после распашки земель уже в аварийном порядке. Этот феномен продолжает действовать и по сей день. Нынешнее вовлечение в пашню брошенных земель происходит без предварительной инвентаризации земель сельскохозяйственных угодий и соответствующей программы.

Участие ученых в освоении целины

В организации целинной кампании наука должна была сыграть определяющую роль, как это произошло в дальнейшем на этапе спасения от экологической катастрофы. Тогда бы ее просто не случилось. Как само собой разумеющееся, должна была появиться развернутая научно обоснованная программа освоения целинных земель. Это была обязанность, прежде всего, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. К сожалению, сельскохозяйственная наука в ту пору переживала тяжелейшие испытания насилием власти, последствия погрома генетики, а по поводу ВАСХНИЛ уместно привести высказывание академика-секретаря Отделения земледелия с 1960 г. И. И. Синягина: «История ВАСХНИЛ, как бы ее ни оценивать, в 1935–1956 гг. являлась историей лысенковщины со всеми вытекающими последствиями» [Синягин, URL].

При всей неорганизованности научного обеспечения освоения Целины на начало 1954 г. и отстраненности ВАСХНИЛ, в недрах сельскохозяйственной науки существовали предпосылки для оптимальных решений. Более того, идеология широкого освоения целинных земель на востоке страны активно развивалась академиками Н. И. Вавиловым, Н. М. Тулайковым и другими крупными учеными еще в 30-х гг. Оценивая неосвоенные земельные ресурсы восточных территорий в 55 млн га, Н. М. Тулайков рекомендовал на первом этапе расширить посевные площади на 11 млн га. Для лучшего научного обеспечения проблемы он ставил вопрос о расширении сети аграрных научных учреждений.

Сибирский академик К. П. Горшенин предостерегал от шаблонных подходов при освоении новых земель и призывал «во всю ширь ставить вопросы дифференцированной агротехники». Особое внимание обращалось на опасность образования очагов пыльных бурь на южных степных почвах, легко распыляемых в связи с неу-

стойчивой структурой, на проблему солонцовых почв, которые не следует вовлекать в пашню и т.д.

Опираясь на работы ученых, XVIII съезд ВКП (б) поставил задачу на третью пятилетку освоить до 10 млн га новых земель. Однако вставшие в предвоенные годы перед страной задачи укрепления обороноспособности страны, а затем военное время отодвинули решение проблемы массового освоения целины на более поздние сроки.

Оценивая состояние сельскохозяйственной науки накануне войны и в послевоенное время, следует иметь в виду ущерб, нанесенный ей довоенными репрессиями, послевоенными гонениями и лысенковщиной. Одной из жертв этих событий стал академик Н. М. Тулайков, репрессированный в 1937 г. Он выступил с критикой травопольной системы В. Р. Вильямса, доказав ее непригодность в степных районах страны [Тулайков, 1963]. Его книга «Критика травопольной системы В. Р. Вильямса» была ошельмована, а травополка рекомендована в составе сталинского плана, что нанесло определенный ущерб сельскому хозяйству.

Н. С. Хрущев в какой-то степени предотвратил этот ущерб, но перепутав травосеяние с травополкой, довел борьбу с тем и другим до абсурда. Травопольная система необходима в таежно-лесной зоне, для которой она разработана, а травосеяние имеет непреложное значение в эрозионных и гидроморфных ландшафтах всех зон. Ученые Тимирязевской сельскохозяйственной академии, попытавшиеся все это объяснить вождю народа с его кукурузной гиперактивностью, были поруганы. Больше других пострадал профессор М. Г. Чижевский, возражавший против огульного освоения целины и обративший внимание на необходимость введения зернопаровых севооборотов.

Среди ученых было немало подвижников, занимавших принципиальные позиции и активно участвовавших в ре-

шении множества всплывавших проблем, что в определенной мере нивелировало просчеты властей.

Отбор земель, землеустройство

В 1954 г. Министерству сельского хозяйства, Министерству совхозов и ряду научных организаций было поручено проанализировать имеющиеся плано-картографические материалы и результаты проводившихся ранее почвенных, геоботанических и других обследований, чтобы установить ареалы возможного освоения целинных и залежных земель. За несколько весенних и летних месяцев землеустроительными партиями была проведена огромная обследовательская работа, результаты которой позволили уже в первой половине 1954 г. создать 124 крупных зерновых совхоза и провести распашку 13,4 млн га земель. В соответствии с решением Июльского Пленума 1954 г. о расширении работ по обследованию, отводу и освоению новых земель были расширены существовавшие и созданы новые землеустроительные экспедиции, в которые были привлечено около 2 тыс землеустроителей с различных районов страны, большое число специалистов смежного профиля — агрономов, почвоведов, геоботаников и др. Всего силами землеустроительных экспедиций в 1954–1956-х гг. было обследовано свыше 300 млн га. За это время было освоено 35,9 млн га, на новых землях создано 425 совхозов. К 1960 г. в целинных районах было освоено уже более 42 млн га.

В Казахстане в 1954 г. было обследовано около 100 млн га и выявлено 22,6 млн га пахотно-пригодных земель. На этих землях в 1954 г. было организовано 87, а в течение 1955 г. — 250 совхозов. Обследование и отбор земель в Казахстане в весенний и летний периоды 1954 г. проводили комплексные отряды, в составе которых было 993 человека, в том числе 169 почвоведов. Эта работа

требовала квалификации, дисциплины и полной самоотдачи. Институт Почвоведения КазССР разработал «Указания к проведению почвенного обследования целинных и залежных земель, осваиваемых под зерновые культуры». Не все руководители совхозов этим рекомендациям следовали, выполняя приказы сверху по наращиванию темпов распашки земель. Большинство почвоведов самоотверженно относилось к почвенному картированию, отбору земель и к последующим консультациям по их использованию. Однако, в результате спешки в пашне оказывалось немало неблагоприятных земель — эрозийных, солонцовых и др.

Почти одновременно с отводом земель для совхозов проводилось внутривозрастное землеустройство. Практически все пахотно-пригодные земли отводились под посев зерновых культур, в основном пшеницы. Землеустройство включало: отбор и разграничение земель, размещение усадебных центров и производственных участков, размещение бригадных участков и установление границ полей, проектирование дорожной сети и водоснабжения, разбивку полей на загонки для обработки. Работы проводились очень быстро, но при этом допускались серьезные ошибки, связанные с тем, что результаты обследований отражались на мелкомасштабных картах, на которых невозможно было показать вкрапления участков, непригодных к распашке. Иногда специалисты ошибочно включали их в состав осваиваемых земель.

Площадь хозяйств вначале составляла от 30 до 60 тыс га, иногда 100 тыс га и более. На рубеже 50-х гг. при углублении специализации хозяйств произошла дифференциация размеров землепользований. В Кокчетавской области зерно-молочные совхозы к середине 60-х гг. имели площадь от 36 до 44 тыс. га, мясные — 52—79 тыс. га, овцеводческие — 63—137 тыс. га. При проведении внутривозрастного землеустройства вначале вводили преимущественно пропашные 5—6-польные севооборо-

ты. С 70-го г. с освоением почвозащитной системы земледелия практиковались 4—6-польные почвозащитные севообороты с плоскорезной системой обработки почвы с посевом кулис. Серьезной ошибкой было проектирование полей с площадью 400 га. В таких полях присутствовали участки, различавшиеся по рельефу, почвенному покрову, требующие различных технологий использования.

Важную роль в развитии землеустройства на Целине сыграла научная школа профессора Целиноградского СХИ М. А. Гендельмана.

Мотивация переселения на Целину

На освоение Целины из центральных районов России, с Украины и Белоруссии было направлено почти 1 млн человек. Вокруг целинной эпопеи была развернута массовая идеологическая кампания с обращением к патристическому долгу, юношескому романтизму и энергии созидания. Главная ставка делалась на молодежь. Целина была объявлена ударной комсомольской стройкой. Помимо комсомольских, проводились и кадровые мобилизации, осуществлявшиеся, как правило, по партийной линии. На целину направлялись опытные хозяйственники, партийные и комсомольские работники, специалисты различных профессий, которые попадали в трудные бытовые условия. Однако большинство специалистов соглашались ехать не по принуждению, а потому, что воспринимали призыв партии как очередной долг, особенно фронтовики.

Многие молодые люди были охвачены энтузиазмом первопроходцев, желанием испытать себя в чрезвычайных условиях, принести пользу стране. Народный энтузиазм и вера в коммунистические идеи традиционно эксплуатировались властями. Призывая молодежь на Целину, Н. Хрущев восклицал: «Вспомним былые времена, когда люди вынуждены были жить не только в палатках,

а и в окопах, жертвуя своей жизнью. Несмотря на тяжелые условия, в которые попала наша страна в первые годы войны, народ мобилизовался и сумел преодолеть все трудности...» [Хрущев, 2016]. Тем самым он маскировал свою безответственность за неподготовленность бытовых условий для первоцелинников, которые действительно были тяжелыми.

Что касается слухов об использовании принудительного труда заключенных ГУЛАГа, то они преувеличены, но на Целине действительно трудились бывшие заключенные, оставшиеся на поселении по собственному желанию.

В числе мотиваций для переселения было также желание вырваться из рутины привычной жизни. Но в целом это был энтузиазм целого народа, сплотившегося ради поставленной цели, и это было в традициях соборности, присущей российскому народу.

Роль науки в спасении целины

В начале 60-х гг. ветровая эрозия охватила обширные пространства Северного Казахстана и юга Западной Сибири. Развивалась экологическая катастрофа, воспроизводя упомянутые выше картины «пыльного котла» 30-х гг. на Великих равнинах Америки. Примечательно, что на верхних этажах власти особой тревоги не было. Спокойно обсуждались проблемы эрозии в ВАСХНИЛ, говорилось о необходимости совершенствования земледелия с помощью введения противозерозионных мероприятий, особая роль отводилась полесозащитным лесным полосам. Это могло продолжаться довольно долго вплоть до полной катастрофы, если бы не феномен А. И. Бараева и созданного им научного коллектива.

В апреле 1957 г. А. И. Бараев был назначен директором нового научного центра — Казахского (в последствии Всесоюзного) научно-исследовательского институ-

та зернового хозяйства, учрежденного на базе маленькой опытной станции поблизости от поселка Шортанды Целиноградской области. Задача Института определялась как создание почвозащитной системы земледелия на основе интеграции сибирского опыта земледелия, включая работы Т. С. Мальцева и североамериканский опыт плоскорезной системы обработки почвы, изученный А. И. Бараевым во время командировки в Канаду в 1957—1958 гг. В кратчайший срок в институте была создана инженерно-техническая база. На заводе «Октябрьская революция» в Одессе были изготовлены первые плоскорезы, в Новосибирске на заводе «Сибсельмаш» были собраны первые стерневые сеялки. Первичной базой проектирования противозерозионной техники был крупный отдел механизации института и собственное КБ, работавшие в тесном сотрудничестве с ведущими НИИ, в том числе ВИМом, ВИСХОМом, Казахским НИИ механизации и др. Вскоре было создано специальное КБ по проектированию противозерозионной техники в Целинограде. Начались широкие испытания новой техники на полях института, Целинной МИС и в базовых хозяйствах. А. И. Бараев лично следил за созданием и испытаниями трактора К-700, придавая большое значение его использованию в агрегатах с широкозахватными машинами.

Одновременно с созданием технической базы в Институте разворачивалось полевое экспериментирование и развивалась новая методология опытного дела. Традиционные мелкоделяночные опыты были не пригодны для изучения различных приемов обработки в связи с взаимным влиянием отвальных и плоскорезных фонов на перенос снега, миграцией вредных организмов, недопустимостью посева поперек этих фонов и др. По инициативе директора в институте был заложен опытный севооборот, в котором отвальная и плоскорезная система обработки почвы изучались на 2 тыс. га. Такие невиданные ранее размеры опытных делянок позволяли изучать особенно-

сти развития процессов ветровой эрозии, снегопереноса, пространственного распределения вредителей на различных фонах обработки, сорняков.

Когда в Опытно-производственном хозяйстве ВНИ-ИЗХ на всей площади пашни была освоена плоскорезная система обработки почвы, началась напряженная работа по ее пропаганде и обучению специалистов. Консервативность агрономов, воспитанных на незыблемых канонах вспашки, превзошла ожидания. Трудно воспринимались плоскорезы, высказывалось множество сомнений по поводу целесообразности их применения.

В самый трудный период освоения системы земледелия А. И. Бараеву пришлось выдержать тяжелое испытание, когда в разгар становления новой системы земледелия он был отстранен от «занимаемой должности» главой государства. Н. С. Хрущев, к этому времени определенным образом преуспевший в навязывании кукурузы и пропашной системы ополчился на непокорного Бараева за чистый пар. Ни о каком компромиссе со стороны А. И. Бараева не могло быть и речи, поскольку чистый пар является непременным условием степного земледелия, ориентированного на производство зерна, тем более на плоскорезном фоне. Акция отстранения А. И. Бараева оставила тяжелое впечатление в институте, но вскоре был снят Хрущев, и Бараев вернулся к своим обязанностям.

Значительный перелом в восприятии почвозащитной системы земледелия произошел в исключительно неблагоприятном 1965 г., когда секретарь Целиноградского обкома партии Н. Е. Кручина, облетая на самолете хозяйства области, затянутые пеленой пыли, увидел просвет над Опытным хозяйством Института. Несомненно А. И. Бараев предвидел нечто подобное, когда всеми средствами расширял хозяйство до 35 тыс га и создавал оптимальную модель земледелия. Под влиянием этой модели партийные органы области активно включились в процесс освоения почвозащитной обработки почвы,

и Н. Е. Кручина сыграл в этом деле исключительно важную роль.

В 1966 г. наступило официальное признание почвозащитной системы земледелия. Она была одобрена Выездной сессией ВАСХНИЛ в Целинограде. К этому времени были сформированы основные позиции почвозащитной системы [Бараев, 1975]: зерно-паровые севообороты с короткой ротацией, разноглубинная плоскорезная система обработки почвы, неременное снегозадержание, оптимально поздние сроки сева зерновых. Последние две позиции, в отличие от канадской системы, были обусловлены специфичным распределением осадков: значительной долей их в зимний период и ярко выраженной июньской засухой. Кроме того, для обработки тяжелых почв, в отличие от более легких канадских, были созданы плоскорезы-глубококорыхлители (КПГ) наряду с КПП, а для обработки пара штанговые культиваторы. Были введены кулисные пары. На легких почвах, а впоследствии и на тяжелых, было организовано полосное размещение культур. Так что ни о каком копировании канадской системы не могло быть речи, так же как и мальцевской, хотя элементы той и другой в преломленном виде были интегрированы в новую систему.

С 1966 г. началось широкое внедрение почвозащитной системы земледелия. К 1977 г. она была освоена на площади более 13 млн га. К 1980 г. освоение ее элементов в СССР отмечалось на площади около 50 млн га. На 70-е годы приходится болезненная ломка традиционных представлений обработки почвы в научных центрах страны. Весьма поучителен тот факт, что докторская диссертация А. И. Бараева не была воспринята на кафедре земледелия Тимирязевки в 1969 г. Он защитил ее в 1970 г. во Всесоюзном институте растениеводства.

Логика развития почвозащитной системы земледелия, преломленной через многообразие природных условий, привела к необходимости освоения зональных систем

земледелия, развернувшегося в начале 80-х гг. Это и есть результат революции в земледелии, подготовленной идеями и пионерным опытом И. Е. Овсинского, Н. М. Тулайкова, Т. С. Мальцева и реализованной усилиями А. И. Бараева и его сподвижников.

Подвижничество А. И. Бараева, его инициативы реализовались благодаря усилиям коллектива ученых ВНИИ зернового хозяйства, которые внесли конкретный научный вклад в разработку теории и технологий новой системы. Это люди особой пробы, собравшиеся в нужном месте в нужное время, несмотря на невзгоды быта. Они собрались, чтобы преодолеть начавшуюся экологическую катастрофу. Они целинники-спасатели. С ними начался новый этап освоения Целины, когда наука должна была разбирать завалы, которые создала власть. Такова традиция.

Сумела ли власть понять значение этого феномена?

Последний контакт А. И. Бараева с верховной властью в 1985 г. был весьма симптоматичным. Как писала позже «Акмолинская правда» (август 1998 г.), «умер академик не без помощи последнего генсека КПСС», который проявил к нему бестактное отношение во время кратковременного визита в Институт. А. И. Бараев стоически выдержал тогдашнего руководителя государства, а на следующий день случился очередной инфаркт и уже последний.

Экологические последствия освоения целины

Наиболее жесткая критика освоения Целины относится к экологическим последствиям и, прежде всего, проявлению пыльных бурь в результате сплошной распашки степей отвальными плугами. Непростительные масштабы ветровой эрозии связаны с вовлечением в оборот земель в сухостепной и полупустынной зонах и легких почв в степной зоне. Эти земли более подвержены эрозии

по сравнению с черноземами, более засушливы и менее продуктивны. Кстати сказать, большая их часть выпала из активного сельскохозяйственного оборота после распада СССР. Очевидно, на том этапе (1954–1956 гг.) следовало ограничиться освоением под зерновые культуры тех 13 млн га земель, которые первоначально намечались. Непростительным считаю проигнорированный американский опыт почвозащитного земледелия на основе плоскорезной обработки почвы, который был использован с опозданием.

При всех отмеченных обстоятельствах нельзя согласиться с такими оценками итогов Целины, как «катастрофа», «авантюра», «крах». Первые годы освоения Целины, действительно привели к началу экологической катастрофы или поставили на грань катастрофы (1958–1965), но дальше она была остановлена освоением почвозащитной системы, разработанной ВНИИЗХ под руководством А. И. Бараева.

Что касается размеров экологического ущерба, то в ряде работ, в том числе в научной литературе он сильно преувеличивается. Например, в одной из них [Чибилев, Левыкин, 1994] утверждается, что в почвах Северного Казахстана за счет различных видов эрозии из 4,3 млрд т запасов гумуса утрачено 1,2 млрд, или 28%. Еще 0,7 млрд т гумуса утрачено вследствие биологической эрозии, т.е. естественного окисления его в паровых полях. При этом в атмосферу выделилось не менее 1 млрд т CO_2 . «Таким образом, советская целина внесла свой весомый вклад в парниковый эффект планеты» Не менее шокирующим является утверждение о том, что за период 1956–58 гг. потеряно 10 млн га пашни вследствие ветровой эрозии. Эта «притча» кочует из статьи в статью с различными измышлениями о том, во сколько раз снизилось плодородие почв в результате освоения Целины.

На самом деле существует обширная профессиональная литература по поводу изменения почв и их плодородия

дия. В частности, показано, что снижение содержания гумуса в пахотном слое черноземов Северного Казахстана за период 10–60 лет использования в пашне находится в основном в пределах 10–20% [Кирюшин, Ганжара, Кауричев, Титлянова, Фокин, 1993]. Эти потери заметно ниже, чем в более западных и более теплых черноземах Европы. Целинный вклад в эмиссию парниковых газов не больше европейского. В результате массового крупномасштабного почвенного картографирования земель Казахстана и Сибири после освоения Целины не обнаружено «последствий экологической катастрофы», а практика использования черноземов подтверждает высокий потенциал их продуктивности [Березин, Федяева, Балуков, 2016, URL]. По этому поводу были проведены специальные исследования на примере типичного для зоны широкого освоения целинных земель в Одесском районе Омской области одного из самых крупных сельскохозяйственных предприятий АОЗТ «Желанное» [Березин, Шаяхметов, Гиндетт А.М, 2014, URL]. Результаты исследований «не выявили влияния дефляции черноземов в период пыльных бурь и интенсивного использования их в пашне на изменение мощности гумусового горизонта. В то же время авторы отмечают, что удвоение урожая полевых культур в 80-е гг. до 2,0–2,5 т/га и в 2013–2014 гг. до 3 т/га против 0,7–1,1 в период освоения целины свидетельствует не об опустынивании, а о значительных потенциальных возможностях почвенного покрова районов Целины». Периодически проводившиеся списания земель связаны с выводом из оборота песчаных, супесчаных почв и солонцов, ошибочно вовлеченных в пашню.

Разумеется, различные процессы истощения и деградации пахотных земель усилились после распашки и продолжают по сей день. Особенно это относится к различным неблагоприятным почвам — эрозионным,

солонцовым и др. (бедлендам), которые используются без мелиоративных мероприятий.

В целом эколого-экономический ущерб, связанный с ошибками освоения Целины, в значительной мере компенсирован достижениями целинной науки, в особенности освоением почвозащитной системы земледелия и созданием устойчивых сортов зерновых культур. Современное поколение получило в наследство налаженное зерновое хозяйство и рекомендации по дальнейшей его экологизации и интенсификации.

Среди экологических упреков справедливо отмечается то обстоятельство, что «во время целинной эпопеи не было создано ни одного заповедника, наоборот, уже существовавшие были закрыты, а их территория распашана. Были закрыты и распашаны также научные станции академии наук, на которых создавалась мировая экологическая и степеведческая наука» [Чибилев, Левыкин, 1994]. Что касается «целинных ученых», то распоряжением академика А. И. Бараева в ОПХ НИИЗХ был выделен заповедный участок целины (250 га), который изолирован и охраняется по сей день.

Влияние Целины на этнос, национальные традиции, культуру местного населения

В последнее время все чаще муссируется тема негативного влияния освоения целины на быт, традиции и культуру казахского народа, начиная с разрушения «сложившегося веками самобытного кочевого хозяйства казахов и утраты больших территорий, пригодных для пастбищ». При этом забывается, что тяжелый кочевой быт сопровождался массовыми заболеваниями туберкулезом и другими невзгодами.

Своеобразные суждения высказываются по поводу трудностей адаптации местного населения и пришельцев к изменению условий обитания, в частности мнен-

ние, о том, что распашка целинных земель изменила духовно-материальную основу жизнедеятельности казахов, и коренное земледельческое преобразование привычных родных ландшафтов стало для них, в определенной степени, прощанием с малой родиной. В то же время первоцелинники и их дети и внуки в своем большинстве так и не смогли привыкнуть, адаптироваться к местным условиям. Преобразовав степной ландшафт, они не смогли изменить свою внутреннюю природу. Таким образом, коренное и пришлое население, объединенное в искусственную этнолого-экономическую систему, постцелинный ландшафт, было обречено на социально-этнический диссонанс, лишено возможности удовлетворить свою ландшафтную потребность [Мордкович, Тишков, 1997].

Возможно, это тема для эколого-философских размышлений, но мне представляется по опыту длительного проживания на целине, что ландшафтная адаптация целинников и интеграция их с местным населением составили настоящий интернационал, пример подлинной дружбы народов. Теперешний отток русскоязычного населения из Казахстана связан с изменившейся национальной политикой и соответствующими приоритетами. Появились элементы национализма. Некоторые «ретроспективные обиды» на первоцелинников проникли даже в школьные учебники. В частности, в учебнике «История Казахстана» для 9-го класса средней школы авторы сетуют на то, что покорителям Целины не сказали, что «Сарыарка имела большое значение в жизни казахского народа, а Кокчетай был ставкой казахских ханов и родиной известных общественных деятелей, батыров, ученых и акынов. С интересами местного населения никто не считался. Стало нормой пренебрежительное отношение к традициям, обычаям, культурным традициям казахов целинных районов. В общественных местах, в экономике, в делопроизводстве использовался в основном русский язык. На грани уничтожения оказались духовные ценности, традиции

казахского народа». Эти, в основном надуманные, «обиды» носят провокационный характер. Можно было бы не обращать на них внимание, но с таких извращений в школьных учебниках начиналось националистическое движение на Украине... Надо отдать должное руководителям Казахстана, которые продолжают интернациональную политику. Тем не менее, в самое последнее время в исторической литературе все активнее поднимаются вопросы влияния целинной кампании на социум, этнос, национальные традиции, культуру Казахстана. Ключевым является положение о том, что «освоение целины стало логическим завершением проводимой царским правительством еще в конце XIX — начале XX веков политики массовой колонизации казахстанских земель. Игнорирование национальных интересов казахстанского народа привело к утрате национальных корней, русификации существенной части коренного населения» [Орынбаева, 2018, URL]. «Несмотря на то, что СССР позиционировал себя государством нового типа, поборником гуманной идеологии, суть его внутренней и внешней политики оставалась имперской».

Это утверждение прямо противоречит реальным событиям освоения целины. Массовое переселение в Казахстан из других областей СССР в эти годы представляет уникальную миграцию нового типа. Она качественно отличается по своим социальным причинам, характеру, формам организации и последствиям от переселения в прежние времена, когда нужда и безземелье, социальный гнет гнали русских и украинских крестьян с родных мест. Она не имеет ничего общего с колонизацией так называемых свободных земель с порабощением их обитателей. Освоение новых земель привело к формированию уникального целинного пространства, «целинного мира», которому предшествовал сложный процесс. Оно строилось посредством совместного преодоления многих трудностей. На первоначальном этапе сплочению переселен-

ческого сообщества в значительной мере способствовала территориальная и информационная изоляция. Тех, кто первым прибыл в районы освоения, кто испытал на себе все тяготы и лишения, называют «первоцелинниками». Это слово стало символом трудового подвига, признанием несомненных заслуг. В 50–60-е гг. слово «первоцелинник» звучало так же гордо, как до этого «фронтовик». То, что освоение Целины стало явлением выдающимся, свидетельствуют известные термины: «Планета Целина», «Целинный меридиан».

К сожалению, в новейших литературных источниках присутствует стремление найти побольше недостатков и «пагубных» последствий освоения целины и крайне мало внимания уделяется тем преобразованиям, благодаря которым в Казахстане создана современная аграрная цивилизация. Невольно хочется замолвить слово о множестве «колонизаторов» (в том числе и о себе), которые лучшие годы жизни потратили на создание этой цивилизации вместе с казахскими коллегами. Как «колонизатор» добавлю, что в Казахстане аграрное сообщество в ту пору (60–80-е гг.) отличалось более свободной и творческой атмосферой по сравнению с другими местами. Не случайно сложилось представление о Целине как о кузнице кадров.

Агропромышленное и социальное преобразование Казахстана в результате освоения целины

Уже в начале 60-х гг. Казахстан стал крупнейшим в стране производителем зерна. В 1960 было произведено 18703,6 тыс т зерна по сравнению с 4753,7 тыс. т в 1955 г. За 25 лет государству было продано почти 250 млн т зерна. Дальнейшее развитие зернового хозяйства определило вхождение современного Казахстана в так называемый зерновой пояс Земли, т.е. в число стран, которые

контролируют конъюнктуру мирового рынка зерна высокого качества.

Увеличение производства зерна содействовало подъему животноводства. За 1954–1978 гг. государство получило от животноводов Казахстана свыше 20 млн т мяса скота и птицы в живом весе, 30 млн т молока, почти 10 млрд яиц, более 2 млн т шерсти.

Освоение Целины подтолкнуло развитие сельскохозяйственного машиностроения и электроэнергетики. За восьмилетку было построено более 66 тыс км линий электропередач. [Основные социально-экономические итоги освоения целины, URL]. За 1960–70 гг. основные производственные фонды промышленности Казахской ССР увеличились в 3,6 раза, добыча нефти — в 3 раза, угля в 1,5, железной руды — в 2 раза, проката — в 5. Если в 1953 г. промышленность республики выдала продукции сельскохозяйственного назначения на сумму 3,2 млн руб., то в 1978 — почти на 20 млн руб. Ширилась сеть железных и автомобильных дорог. За 1950–1975 гг. протяженность железных дорог в Северном Казахстане выросла с 1713 до 3896 км, длина дорог с твердым покрытием за это время увеличилась с 2,3 тыс до 44,2 тыс км. Заметим, что в смежных с Казахстаном районах Сибири эти темпы сильно отставали, не было асфальтированных дорог даже между Омском и Новосибирском.

Невиданных масштабов приобрели темпы строительства. С начала освоения целины к 1975 г. на селе были введены в строй жилые дома площадью свыше 25 млн м², общеобразовательные школы на 402 тыс. мест, детские дошкольные учреждения на 93 тыс. мест. За то же время построены зерносклады на 7776 тыс. т, крупные элеваторы, комбикормовые заводы, 1335 машинно-тракторных мастерских. Созданы каналы, водоводы, водохранилища емкостью в миллиарды кубометров воды.

Оценивая достижения сельского хозяйства республики в целом, следует отметить, что за 1960–1975 гг. со-

вокупный общественный продукт за этот период вырос в 2,7 раза, национальный доход — в 2,6 раза, капитальные вложения на развитие сельского хозяйства — почти в 1,5 раза. Нельзя не подчеркнуть, что успехи эти в большой мере достигнуты благодаря активному участию многих республик. Действительно, целину осваивала вся страна. На этом фоне совершенно бессмысленны рассуждения о колониальной политике советского государства, но в то же время можно говорить о том, что созданная к 70-м гг. целинная общность в наибольшей мере соответствовала социалистической модели.

Современная проблема освоения неиспользуемых земель

За годы реформ 1990—2000 в России заброшено более 40 млн га сельскохозяйственных земель, что соответствует объемам целинных земель, которые поднимали в послевоенные годы. Причины забрасывания связаны в основном с изменением социально-экономических условий, но значительная часть земель выпала из активного сельскохозяйственного использования вследствие низкой продуктивности. В последнее время принято постановление об освоении первых 12 млн га этих земель и Министерством сельского хозяйства распределены соответствующие задания по субъектам Федерации. При этом никакого анализа состояния этих земель, научного обоснования их использования, разработки программы их освоения и соответствующего плана ее реализации не последовало. Такой организационный стиль воспроизводит ошибки хрущевской целины. Тогда важно было определить почвенно-экологические условия пригодности вовлекаемых земель. Сегодня необходим анализ их и по качеству, и по культурному состоянию. Для этого нужна инвентаризация земель и их агроэкологическая и экономическая оценка.

По большому счету вся эта проблема должна стать частью общей проблемы оптимизации использования земельных ресурсов в стране на основе инвентаризации всех земель. Это связано с необходимостью восстановить землеустройство, которое в лучшем виде сложилось именно на Казахстанской Целине, и земельную службу.

Заключение

Освоение целинных земель — крупнейшая мировая земледельческая экспансия, вызвавшая региональную экологическую катастрофу, развитие которой было остановлено благодаря ускоренной разработке и освоению почвозащитной системы земледелия.

Инициированная партийным руководством страны эта кампания была ориентирована на скорейшее увеличение производства зерна в условиях послевоенного дефицита продовольствия при ограниченных возможностях интенсификации земледелия (химизация, мелиорация и др) и неготовности к ней крестьянства.

Эффективность кампании существенно обесценена вторжением в сухостепные и полупустынные районы. Тем самым нанесен двойной ущерб: низкая эффективность вложения в эти земли, и обделенность производственными ресурсами европейских районов. Это результат волюнтаризма партийных органов. Поспешность освоения Целины фатально сочеталась с неподготовленностью во всех отношениях: научном, технологическом, хозяйственном, бытовом и др. Особый урок — это взаимоотношения власти с наукой. Отсутствие научно-обоснованной программы и плана освоения целины, которыми пренебрегла власть, явилось причиной многих негативных последствий. Их пришлось устранять науке, которая спасла целину от экологической катастрофы.

При всех противоречиях и ошибках, в результате освоения Целины на востоке страны в оренбургских, алтай-

ских и казахстанских степях была создана современная аграрная цивилизация, а Казахстан стал одним из крупных производителей зерна в мире. В исторической оценке целинной эпопеи особую роль играет гуманитарный аспект. По сути она относится к великим стройкам социализма, в которых проявился беспримерный энтузиазм великого народа и лучшие его качества: патриотизм, коллективизм и интернационализм, самоотверженность.

Многие уроки освоения целины сохраняют свою актуальность. Вполне конкретно это относится к последним событиям по вовлечению в активный сельскохозяйственный оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель.

Литература

- *Бараев, 1975* — *Бараев А. И.* Почвозащитное земледелие. Москва: Колос, 1975.
- Березин, Федяева, Балуков, 2016, URL — *Березин Л. В., Федяева Е. Ю., Балуков М. С.* Использование космической информации для оценки состояния ранее освоенных целинных земель // Геоматика. 2016. № 2 // URL: <https://sovzond.ru/press-center/geomatics/2016-02/> (дата обращения 01.09.2022).
- Березин, Шаяхметов, Гиндетт, 2014 / URL — *Березин Л. В., Шаяхметов М. Р., Гиндетт А. М.* Оценка состояния освоенных целинных земель. Евразийский союз ученых. 2014. № 9 // URL: <https://euroasia-science.ru/selskoxozyajstvennyye-nauki/> (дата обращения 01.09.2022).
- Докучаев, 1892 — *Докучев В. В.* Наши степи прежде и теперь. Санкт Петербург, 1892.
- Дорст, 1968 — *Дорст Ж.* До того, как умрет природа. Москва, 1968.
- Кирюшин, 2015 — *Кирюшин В. И.* О земле, целине, и научной судьбе // Аграрный сектор. — 2015. С. 48–53.

- Кирюшин В. И. Научное наследие академика А. И. Бараева // Земледелие — 2008, № 5.
- Кирюшин, Ганжара, Кауричев, Титлянова, Фокин, 1993 — *Кирюшин В. И., Ганжара Н. Ф., Кауричев И. С., Титлянова А. А., Фокин А. Д.* Концепция оптимизации режима органического вещества почв в агроландшафтах. Москва: Издательство МСХА, 1993.
- Мордкович, Тишков, 1997 — *Мордкович В. Г., Тишков А. А. и др.* Судьба степей. Новосибирск: Мангазья, 1997.
- Орынбаева, 2018, URL — *Орынбаева Г. У.* К истории освоения целинных и залежных земель Казахстана: проблемы и подходы // Электронный журнал «edu.e-history.kz». 2018. № 1 (13) // URL: <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/801> (дата обращения 01.09.2022).
- Основные социально-экономические итоги освоения целины // URL: <https://kaz-ekzams.ru/istoriya-kazahstana/uchebniki-po-istorii-kazahstana/voprosy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sovetskogo-kazahstana/1000-osnovnye-socialno-ekonomicheskie-itogi-osvoeniya-celiny.html> (дата обращения 01.09.2022).
- Русинов, 1991 — *Русинов И. В.* Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 35–39.
- Синягин, URL — *Синягин И. И.* Хлеб из камня // URL: <https://ijlm-taurus.livejournal.com/121840.html> (дата обращения 01.09.2022).
- Тулайков, 1963 — *Тулайков Н. М.* Рецензия на книгу В. Р. Вильямса «Почвоведение, общее земледелие с основами почвоведения» // Тулайков Н. М. Избранные произведения. Москва: Сельхозлитература, 1963. С. 91–267.

- Хрущев, 2016 — *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Москва: Вече 2016.
- Чибилев, Левыкин, 1994 — *Чибилев А. А., Левыкин С. В.* Ландшафтно-экологические последствия освоения целины в Заволжье и Казахстане // Тез. докл. Научно-практической конф., посвященной 40-летию освоения целины. Оренбург: Изд. ВНИИМС, 1994. С. 52–54.

References

- *Baraev A. I.* Pochvozashchitnoe zemledelie [Soil-protective agriculture]. Moscow: Kolos, 1975.
- *Berezin L. V., Fedyaeva E. YU., Balukov M. S.* Ispol'zovanie kosmicheskoy informacii dlya ocenki sostoyaniya ranee osvoennyh celinnyh zemel' [Assessment of the state of developed virgin lands] // Geomatika. 2016. № 2 // URL: <https://sovzond.ru/press-center/geomatics/2016-02/> (accessed on 01.09.2022).
- *Berezin L. V., SHayahmetov M. R., Gindett A. M.* Ocenka sostoyaniya osvoennyh celinnyh zemel' [Assessment of the state of developed virgin lands]. Evrazijskij soyuz uchenykh [Eurasian Union of scientists]. 2014. № 9 // URL: <https://euroasia-science.ru/selskoxozyajstvennyye-nauki/> (accessed on 01.09.2022).
- *Dokuchev V. V.* Nashi stepi prezhde i teper' [Our steppes before and now]. Saint Petersburg, 1892.
- *Dorst ZH.* Do togo, kak umret priroda [Avant que nature meure]. Moscow, 1968.
- *Kiryushin V. I.* O zemle, celine, i nauchnoj sud'be [About the land, virgin land, and scientific destiny] // Agrarian sector. 2015. P. 48–53.
- *Kiryushin V. I.* Nauchnoe nasledie akademika A. I. Baraeva [Scientific heritage of academician A. I. Barayev] // Agriculture. 2008. № 5.
- *Kiryushin V. I., Ganzhara N. F., Kaurichev I. S., Titlyanova A. A., Fokin A. D.* Konceptiya optimizacii rezhima organicheskogo veshchestva pochv v agrolandshaftah [The concept of optimizing the regime of soil organic matter in agricultural landscapes]. Moscow: Izdatel'stvo MSKHA [Publishing House of the Ministry of Agriculture], 1993.
- *Mordkovich V. G., Tishkov A. A. i dr.* Sud'ba stepej [The fate of the steppes]. Novosibirsk: Mangazeya, 1997.
- *Orynbaeva G. U.* K istorii osvoeniya celinnyh i zaleznyh zemel' Kazahstana: problemy i podhody [To the history of the development of virgin and fallow lands of Kazakhstan: problems and approaches] // Elektronnyj zhurnal «edu.e-history.kz». 2018. № 1 (13) // URL: <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/801> (accessed on 01.09.2022).
- Osnovnye social'no-ekonomicheskie itogi osvoeniya celiny [The main socio-economic results of the development of virgin lands] // URL: <https://kaz-ekzams.ru/istoriya-kazahstana/uchebniki-po-istorii-kazahstana/voprosy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-sovetsko-go-kazahstana/1000-osnovnye-socialno-ekonomicheski-e-itogi-osvoeniya-celiny.html> (accessed on 01.09.2022).
- *Rusinov I. V.* Agrarnaya politika KPSS v 50-e — pervoj polovine 60-h godov: opyt i uroki [Agrarian policy of the CPSU in the 50s — the first half of the 60s: experience and lessons] // Voprosy istorii KPSS [Questions of the history of the CPSU]. 1991. № 9. С. 35–39.
- *Sinyagin I. I.* Hleb iz kamnya [Bread made of stone] // URL: <https://jlm-taurus.livejournal.com/121840.html> (accessed on 01.09.2022).
- *Tulajkov N. M.* Recenziya na knigu V. R. Vil'yamsa «Pochvovedenie, obshchee zemledelie s osnovami pochvovedeniya» [Review of the book by V. R. Williams “Soil science, general agriculture with the basics of soil science”] // Tulajkov N. M. Izbrannye proizvedeniya

[Selected works]. Moscow: Sel'hozliteratura, 1963. P. 91–267.

- *Hrushchev N. S.* Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast' [Memoirs. Time. People. Power]. Moscow: Veche 2016.
- *CHibilev A.A., Levykin S. V.* Landshaftno-ekologicheskie posledstviya osvoeniya celiny v Zavolzh'e i Kazahstane // Tez. dokl. Nauchno-prakticheskoy konf., posvyashchennoj 40-letiyu osvoeniya celiny [Landscape and ecological consequences of the development of virgin lands in the Volga region and Kazakhstan] // Tez. dokl. Scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the development of virgin lands]. Orenburg: Izd. VNIIMS, 1994. P. 52–54.

Kiryushin V. I.

LESSONS OF THE TSELINA DEVELOPMENT

Kiryushin Valerii Ivanovich, *academician of the Russian academy of sciences, chief scientist in Dokuchaev Soil Science Institute. 119017, Russia, Moscow, Pyzhevsky per., 7.*
E-mail: vkiryushin@rambler.ru.

Abstract. The development of virgin and fallow lands in 1950–1960 resulted in a giant agricultural expansion that covered 42 million hectares in the eastern regions of the USSR. Initiated by the country's party leadership, this campaign was aimed at increasing grain production as soon as possible in the conditions of post-war food shortages with limited opportunities for agricultural intensification. The effectiveness of the campaign was devalued significantly by the invasion of dry-steppe and semi-desert areas. Haste in the development of Virgin Lands was fatally combined with unpreparedness in scientific, technological, economic, and domestic relations. The absence of a scientifically substantiated program and a plan for the development of virgin lands, which was neglected by the authorities, appeared to be the cause of many

negative consequences. They had to be eliminated by science, which saved the virgin land from an ecological catastrophe thanks to the creation of a soil protection system of agriculture. Despite all the contradictions and mistakes, as a result of the development of Tselina in the east of the country, a modern agrarian civilization was created, and Kazakhstan became one of the largest grain producers in the world. The development of virgin lands belongs to the great construction projects of socialism, in which the unparalleled enthusiasm of the great nation and its best qualities were manifested: patriotism, collectivism and internationalism, dedication. Many lessons in the development of virgin lands remain relevant.

Key words: *grain production, unpreparedness of the campaign, wind erosion, soil protection system of agriculture, feat of the people.*

ЧАСТЬ 4

Р. Ходел

ДИСКУРС НАСИЛИЯ: ОТ ЛЕНИНА К ПЛАТОНОВУ

Ходел Роберт, *PhD in philology, профессор славистики Гамбургского университета. 22297, Deutschland, Hamburg, Überseering 35, Postfach 27. E-mail: robert.hodel@uni-hamburg.de.*

Аннотация. Как заметил Иосиф Бродский, язык Платонова «обнаруживает тупиковую философию» в самом языке. В данной работе рассматривается язык насилия в работах Ленина и ранней публицистике Платонова, а также проводится сравнение этого языка с языком романа Платонова «Чевенгур». Это сравнение показывает, что с помощью своего специфического «косноязычия» Платонов приблизился к тому, чтобы довести официальный язык эпохи до абсурда. В отношении лексики, передающей насилие, подобное радикальное остранение выражается в трех аспектах: идеологический враг лишается любых человеческих черт; насилие, которое применяется для того, чтобы реализовать законы исторического развития, становится неизбежным и механистичным, как хирургическое

вмешательство; насилие имеет тенденцию быть описанным с помощью эвфемизмов или уголовного жаргона, что связано с наличием все еще существующего представления о («ветхой» по выражению Платонова, т.е. дореволюционной) совести.

Ключевые слова: *Чевенгур, язык насилия, Ленин, коммунистическая утопия, реализация метафоры.*

В своем предисловии к первому изданию (1973) романа Платонова «Котлован» Иосиф Бродский говорит об Утопии и о языке:

«Вообще следует отметить, что первой жертвой разговоров об Утопии, желаемой или уже обретенной, прежде всего, становится грамматика, ибо язык, не поспевая за мыслью, задыхается в сослагательном наклонении и начинает тяготеть к вневременным категориям и конструкциям...» [Платонов, 1994, с. 154].

Платонов, продолжает Бродский, пишет «на языке данной утопии» и, подчиняя себя этому «языку эпохи», заводит русский язык в «смысловой тупик» или, даже более того, «обнаруживает тупиковую философию в самом языке» [Там же, с. 154–155]. Эта весьма известная мысль Бродского имеет весьма конкретное обоснование в творчестве Платонова. Уже первый взгляд на употребление в романе «Чевенгур» лексемы «социализм/коммунизм», которое может служить введением в тему языка насилия, позволяет ясно представить, как Платонов заводит язык советской утопии в тупик абсурда. Этот языковой абсурд не менее абсурден, чем сам сюжет романа, в котором моделируется построение некоего коммунистического локального пространства: горстка революционеров уничтожает и изгоняет все население степного города Чевенгур, кроме одиннадцати человек, чтобы заселить это место новым, безупречным и лишенным всяческих корней пролетариатом. По мнению этих революционеров, таким образом город, который находится между Европой и Азией и потому не принадлежит ни «западному»

Петербургу, ни «русской» Москве, должен стать «пупком» мирового коммунизма.

Понятийное поле «коммунизм/социализм»

Рассмотрение понятийного поля «коммунизм/социализм» происходит путем схематического сопоставления словоупотребления в «Чевенгуре», сочинениях Ленина и ранней публицистике Платонова. Можно выделить три семантических направления. *Социализм/коммунизм* понимается, во-первых (а), как научно необходимая ступень развития, организуемая как конкретный механизм. Во-вторых (б), «имплантация» этой формы организации общества привносит органические (большей частью антропоморфные) черты, и в-третьих (в), это «внеклассовое общество» (как царство небесное на земле) представляет собой нечто идеальное и абсолютное.

Даже при схематическом сопоставлении вырванных из контекста цитат становится понятно, что ни сочинения Ленина, ни публицистика Платонова не производят впечатления недостаточного владения языком. Напротив, некоторые формулировки, выделяясь идиоматически, свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне языкового сознания — иронии или осознанном остранении. Однако несмотря на это, шаг, который совершает Платонов в «Чевенгуре» — от устойчивого словоупотребления к намеренному косноязычию, — оказывается совсем небольшим, поскольку совокупный метафорический потенциал уже был накоплен к тому времени в публицистике. Шаг оказывается еще меньшим, если представить себе употребление тех же понятий широкими массами. Приведем всего лишь один пример из Селищева: «Социализм, социализма — 1). Это по-новому жить; 2). (другое лицо) Это не знаю чево, а говорю иногда, — право, что ли?» [Селищев, 1928, с. 216].

Сочинения В. И. Ленина [Ленин, Полное собрание сочинений, 1958–1965]	Статья А. П. Платонова 1920—1921 гг. [Платонов, 2004]	Чевенгур [Платонов, 1988]
<p>Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана... Расчищена почва, и на этой почве молодое поколение должно строить коммунистическое общество [т. 41, с. 308];</p> <p>Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны [т. 42, с. 159];</p> <p>Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация [т. 43, с. 228];</p> <p>...равне это не все необходимое для построения полного социалистического общества? [т. 45, с. 370];</p> <p>...нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки [т. 45, с. 404];</p>	<p>...если мы хотим сделать мир коммунистическим, немедленно нужно перестроить коммунистическую партию на производственную ногу [«Мастер-коммунист», 1920, с. 112];</p> <p>Нормализованная гайка есть лучший кусок социализма [«Нормализованный работник», 1920, с. 131, цитата Троцкого];</p> <p>...социализм нужно строить... на свете и из света надо отлить и выточить коммунизм [«Свет и социализм», 1922, с. 219];</p> <p>Социализм придет не ранее [а немного позднее] внедрения света [Там же, с. 220];</p> <p>Смерть Врангеля — начало работы по созданию коммунистической России [«Белый бес», 1920, с. 83];</p> <p>Электрификация сельского хозяйства делает крестьян коммунистами [«Два плана великих работ», <i>Наша газета</i>, 22.7.1923];</p> <p>Производство — вот истинное тело коммунистического общества, и организация производства есть организация коммунистического общества [«Будущий октябрь», 1920; с. 107].</p>	<p>Мы там... смерим весь коммунизм, снимем с него точный чертеж... тогда уже будет легко сделать коммунизм по всей шестой части земного круга, раз в Чевенгуре дадут шаблон в руки [с. 396, Гопнер];</p> <p>Кто тут коммунизм выдумал... Покази нам его на предмете [с. 467, Гопнер];</p> <p>Давайте начнем тогда сейчас же: можно к новому году поспеть сделать социализм! [с. 292, Достоевский];</p> <p>Ночью Дванов и Копенкин уехали, еще раз пристрожив Достоевского насчет срока устройства социализма [с. 298];</p> <p>— Да что ты за гнида такая: сказано тебе от губисполкома — закончи к лету социализм! [с. 293, Копенкин];</p> <p>...он все время имел внутри себя главную мысль — про доделанный коммунизм в Чевенгуре [с. 443];</p> <p>Надо скорей коммунизм кончать... тогда и этот товарищ в Чевенгур возвратится [с. 407, Чепурный];</p> <p>Вот оно — сырье для коммунизма! [с. 320, А. Дванов].</p>

- а). Социализм/коммунизм как научно необходимая ступень развития, организуемая как конкретный механизм:
- б). «Имплантация» социализма/коммунизма привносит органические (антропоморфные) черты:

<p>Сочинения В. И. Ленина [Ленин, Полное собрание сочинений, 1958 – 1965]</p>	<p>Статья А. П. Платонова 1920 – 1921 гг. [Платонов, 2004]</p>	<p>Чевенгур [Платонов, 1988]</p>
<p>Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма [т. 41, с. 33]; В-третьих, <u>победивший</u> в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны [т. 30, с. 131]; Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрасудное дело <u>насаждения социализма</u> в недостаточно культурной стране [т. 45, с. 376]; ..что простой рост кооперации для нас тождественен ..с <u>ростом социализма</u> [т. 45, с. 376]; Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм <u>дорос</u> теперь до социализма [т. 36, с. 81 – 82].</p>	<p>Война... родила коммунизм, а мировая беда — засса и опять истребление голодом миллионов людей воспитает. вырастит и закончит постройку нового человеческого общества — коммунизма [«Новое евангелие», 1921, с. 193]; Военно-политическая схватка коммунизма с капитализмом сменится, и скоро сменится, схваткой производственной [«Мастер-коммунист», 1920, с. 111]; <u>Коммунизм вышел из капитализма</u> и поэтому сохранил многие черты и особенности [«Воспитание коммунистов», 1920, с. 62]; ..и его [пролетарской газетой] мы ...на-рождаем новое сознание — коммунизм [«Газета и ее значение», 1920, с. 74]; Мы идем и идем к социализму, мы наступаем и отступаем, берем и отдаем, но идем [«Государство — это мы», 1920, с. 106].</p>	<p>Мы же не знаем коммунизма ...поэтому мы его сразу увидеть здесь не сумеем [с. 473, А. Дванов]; Но вдруг он вспомнил, что в Чевенгуре <u>уже находится коммунизм</u>, и сказал: — Когда пролетариат живет себе один, то коммунизм у него <u>сам выходит</u> [с. 431, Чепурный]; Пускай <u>находится</u> среди коммунизма, он сам на людской состав перейдет [с. 544, Колепкин]; Надо б, Саш, <u>корм коммунизму на зиму</u> готовить [с. 541, Прокофий]; Следующие дни над Чевенгуром, как и с самого начала коммунизма, стояли сплошь солнечные, а ночами <u>нараждалась</u> новая луна. ...один Чепурный ей <u>обрадовался</u>, словно коммунизму [с. 465]; Это я по социализму <u>скупал</u> [с. 294, Достоевский].</p>

- (в) Социализм/коммунизм (как царство небесное на земле) представляет собой нечто идеальное и абсолютное:

<p>Сочинения В. И. Ленина [Ленин, Полное собрание сочинений, 1958 – 1965]</p>	<p>Ранние статьи А. П. Платонова [Платонов, 2004]</p>	<p>Чевенгур [Платонов, 1988]</p>
<p>...из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлomu <u>будущему коммунистического общества</u>, всеобщего благосостояния и прочного мира [т. 36, с. 76]; ..иначе не пойдете к коммунизму, не <u>поведете</u> десятки и десятки миллионов объективный ход развития революции [т. 44, с. 151]; «Социальные» попы и оппортунисты всегда готовы мечтать о <u>будущем мире</u> коммунизме, но они... не хотят думать и помышлять об ожесточенной классовой борьбе и классовых войнах для <u>осуществления</u> этого прекрасного будущего [т. 30, с. 134]; Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу [т. 39, с. 380]; А это — линия, <u>ведущая нас вперед</u> к социализму и к коммунизму [т. 45, с. 263].</p>	<p>...на новых началах <u>грядет к нам светлый коммунизм</u> [«Они будут — мы строим», <i>Трудовой клич</i>, Воронеж, 12.5.1921]; Среди членов ее, рядом с <u>коммунистами</u> по природе и по ясной, чистой идее, есть люди <u>отсталые</u> [«Воспитание коммунистов», 1920, с. 62]; По всей земле сейчас идет творчество социализма [«Свет и социализм», 1922, с. 218]; Человек ...идет к единению со всеми, к ...слиянию всех людей как бы в одно <u>целое</u>. Это и есть коммунизм [«Поэзия рабочих и крестьян», 1920, с. 88]; ..в расцвете коммунизма ...профессионализм перейдет во враждебные отношения [«Будущий октябрь», 1920, с. 108]; Еще я говорил о коммунизме, о <u>настоящем коммунизме</u>, который будет тогда, когда <u>станет он кусками</u> нашего сердца и нашего сознания. А коммунизм в сердце человека <u>посеять</u> сможет только великая беда [«Новое евангелие», 1921, с. 193];</p>	<p>...надо <u>поскорее</u> начинать социализм, а то она [жена Шумилина] <u>умрет</u> [с. 255, Шумилин]; Коммунизм же <u>обойдное</u> чувство масс [с. 431, Чепурный]; Ее никто не заметил... один Чепурный ей <u>обрадовался</u>, словно коммунизму [с. 465]; Коммунизм теперь в теле у меня — <u>от него не денешься</u> [с. 394, Луй]; Девять большевиков шли за фазетоном и смотрели, как он едет, потому что это было в первый раз при социализме и <u>ко-леса</u> могли бы не послушаться [с. 418]; Чепурный понаравился ему не за <u>страсть</u> к немедленному коммунизму ...а как безродный товарищ, которого без коммунизма люди не примут к себе [с. 470]; ...его <u>многие</u> любимые лягут спать и во сне <u>увидят тишину социализма</u> [с. 512]; Надо, ребята, <u>поскорей коммунизм</u> делать, а то ему исторический момент <u>пройдет</u> [с. 407, Чепурный].</p>

Что отличает речь большинства персонажей Платонова как от публицистики Ленина, так и от ранней публицистики самого Платонова, так это их ограниченное языковое сознание. Если Ленин в риторических целях часто прибегает к смелым метафорам, связанным с природой, техникой или религией, герои Платонова понимают подобные образы буквально. Так, например, Федор Достоевский сравнивает Советскую Россию с молодой березкой, на которую «кидается кожа капитализма», и призывает: «Давайте начнем тогда сейчас же: можно к новому году поспеть сделать социализм! Летом прискочут белые козы, а кора уже застареет на советской бере-зе» [Платонов, 1988, с. 292].

Здесь не только раскрывается наивность воодушевленных чевенгурцев, но и обнаруживаются несколько упрощенные тенденции марксистско-ленинской утопии. Например, исходя из убеждения, что если ликвидировать частную собственность, то сразу появится новый человек, не способный к эксплуатации другого, чевенгурские коммунары хладнокровно и методично уничтожают всю буржуазию города. В этом они понимают свое «историческое назначение» совершенно буквально. Исчезновение имущих классов означает для них неизбежное возникновение коммунистического общества. Как заявляет Чепурный: «Когда пролетариат живет себе один, то коммунизм у него сам выходит» [Платонов, 1988, с. 431]. Подобная убежденность позволяет Чепурному назвать вечер после уничтожения буржуазии «сочельником коммунизма», сравнивая его с сочельником, в который христиане ждут рождения Христа: в «сочельник коммунизма» революционеры ждут рождения новой эпохи, которая должна начаться с восходом солнца. Иными словами, здесь происходит реализация метафоры: «...а Чепурный думал: вот идет товарищ, обожду и обнимусь с ним от грусти — мне ведь жутко быть одному в сочельник коммунизма!» [Там же, с. 404].

Понятийное поле «насилие»

У Ленина, Платонова-публициста и Платонова-автора *Чевенгура* в тесной взаимосвязи с понятиями коммунизм/социализм находится и другое понятийное поле, которое условно можно обозначить словом «насилие». Будущее бесклассовое общественное устройство само по себе легитимирует насилие в отношении привилегированных граждан, поскольку «ликвидация» «враждебных классов» происходит во имя прекращения угнетения человека человеком. «Возвышенные» цели позволяют трактовать насилие как временную необходимость, что в принципе освобождает лицо, совершающее насилие, от чувства вины.

На данной логике основана система мотивировок в рамках этого понятийного поля. Здесь также можно выделить три аспекта: (а) сама возможность насилия предполагает «обесчеловечивание» противника: в глазах совершающего насилие жертва теряет человеческий образ, (б) насилие совершается потому, что оно легитимизировано как орудие закона и, следовательно, является механическим и неизбежным актом, и (в) высказывание о насилии происходит в форме, близкой к эвфемизму. Нередко во всех этих аспектах язык приближается к уголовному жаргону.

а). Насилие связано с лишением человеческого облика:

<p>Сочинения В. И. Ленина [Ленин, Полное собрание сочинений, 1958 – 1965]</p>	<p>Ранние статьи А. П. Платонова [Платонов, 2004]</p>	<p>Чевенгур [Платонов, 1988]</p>
<p>Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и туеядцами должны быть выработаны... Разнообразие здесь есть ...поручка успеха в достижении общей единой цели: <u>очистки</u> земли российской от всяких вредных насекомых, от <u>блох</u> — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посажат в тюрьму [...]. В четвертом — <u>расстреляют</u> на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве [т. 35, с. 204]; <u>Непрятельские агенты, спекулянты, промиллы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы</u> <u>расстреливаются</u> на месте преступления [т. 35, с. 358].</p>	<p>Сейчас вся Европа полна выгнанными из России <u>дармоедами</u> [«Живая ехидна», 1920; с. 37]; Звено за звеном рвется под сокрушающими ударами трудового и боевого молота <u>рабская</u> стальная стяжка, которую хотели надеть на нашу шею белые воинствующие орды буржуазии ...Западная Европа — наш последний живой противник. Его гибель — наше конечное торжество, его труп — лучшее <u>удобрение</u> революционной нивы [«Последний враг», 1920; с. 22]. Наступление Врангеля есть последняя судорога мертвеца — русской буржуазии. Последний вздох недоудушенной, спящей <u>гадины</u> [«Размозжим», 1920; с. 32].</p>	<p>Очисть мне город от гнетущего элемента! [с. 386, Чепурный]; Копенкин: <u>гада</u> [с. 272, 308, ...], <u>сволочь</u> [с. 272, 325, ...], <u>сыч</u> [с. 272], <u>гнида</u> <u>такая</u> [с. 293]; Чепурный: <u>ублюдки</u> [с. 533], <u>подугад</u> [с. 436]; Прокофий: <u>дармоед</u> [с. 215]; Пашинцев: <u>школа</u> [с. 311], <u>сукин сын</u> [с. 314], <u>сукушка</u> [с. 383]; ...буржуи теперь все равно <u>не люди</u>: я читал, что человек, как родился от обезьяны, так ее и <u>убил</u> [с. 386, Чепурный]; ...надо бы ее [мотилу буржуев] <u>затрамбовать</u> и <u>перенести</u> сюда [...]... тогда бы деревья <u>высосали</u> из земли <u>остатки капитализма</u> и <u>обратили</u> их, <u>по-хозяйски</u>, в <u>зелень социализма</u> [с. 385]; И на этой базе <u>очистить</u> город для пролетарской оседлости [с. 387, Прокофий].</p>

б). Насилие как легитимизированное средство и механический акт:

<p>Сочинения В. И. Ленина [Ленин, Полное собрание сочинений, 1958 – 1965]</p>	<p>Ранние статьи А. П. Платонова [Платонов, 2004]</p>	<p>Чевенгур [Платонов, 1988]</p>
<p>Налягте изо всех сил, чтобы поймав и <u>расстрелять</u> астраханских спекулянтов и взятчиков. С этой сволочью надо <u>расправиться</u> так, чтобы все <u>на годы</u> запомнили [т. 50, с. 219]; Пока мы не применим террора — <u>расстрел</u> на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет [т. 35, с. 311]; Оппортунизм <u>не доводит</u> признания классовой борьбы как раз до самого <u>главного</u>, до периода <u>перехода</u> от капитализма к коммунизму, до периода <u>свержения буржуазии</u> и <u>полного уничтожения</u> ее [т. 33, с. 35]; ...уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, <u>истребление</u> ее войска [т. 30, с. 73]; ...затумшевать ...наиболее важное: <u>подавление</u> сопротивления буржуазии [т. 30, с. 134]; В Нижнем ...готовится белогвардейское восстание. Надо <u>напрячь</u> все силы, составить <u>тройку диктаторов</u> ...<u>навести</u> <u>точка</u> массовый террор, <u>расстрелять</u> и <u>вывести</u> <u>сотни</u> <u>проституток</u>, спавшающих солдат, бывших офицеров и т.п. [т. 50, с. 142].</p>	<p>Эти задачи — <u>истребление</u> русских и <u>международных белогвардейцев</u>... [«Госуларство — это мы», 1920; с. 106]; Доедут до рабочего ада, и там <u>возьмут</u> <u>железный шток</u> <u>сквозь пупок</u> [«Душа человека — неприличное животное», 1921; с. 169]; В революционной схватке эти средние <u>переходные классы</u> и <u>подклассы</u> <u>ожидает неизбежная гибель</u> [«Два мира», 1920; с. 23]; Чем мы будем чаще и жесточе <u>дробить</u> и <u>крошить</u> контрреволюционные силы, ...тем <u>судорожнее</u>, <u>жаднее</u> будут они <u>целиться</u> за уходящую из них жизнь. Но <u>ведь</u> <u>перед</u> <u>смертью</u> <u>не</u> <u>налынишься</u>, <u>пусть</u> <u>не</u> <u>надрыдают</u> <u>же</u> <u>зря</u> <u>грудь</u> [«Живая ехидна», 1920; с. 37]; В кровавом месиве <u>тонут</u> <u>огромные глыбы</u> <u>человечества</u> [«Два мира», 1920; с. 24]; Но <u>пусть</u> <u>удар</u> <u>Врангеля</u> <u>по</u> <u>русским</u> <u>пролетариям</u> <u>собьет</u> <u>их</u> ...в <u>стальной</u> <u>ком</u> ...и <u>пусть</u> <u>этот</u> <u>ком</u> <u>рухнет</u> <u>на</u> <u>голову</u> <u>белой</u> <u>южной</u> <u>орды</u> <u>и</u> <u>размозжит</u> <u>ее</u> <u>вдрезыг</u> [«Размозжим», 1920; с. 32]; Трудно <u>убить</u> <u>змею</u>: <u>каждый</u> <u>отрубленный</u> <u>кусочек</u> <u>ее</u> <u>продолжает</u> <u>жить</u> <u>и</u> <u>шевели-</u> <u>ся</u>. <u>Лучше</u> <u>всего</u> <u>ее</u> <u>истолтать</u> <u>и</u> <u>сжечь</u> [«Живая ехидна», 1920; с. 37].</p>	<p>Ты не полагай, ты давай мне резолюцию о <u>ликвидации</u> <u>класса</u> <u>остаточной</u> <u>сволочи</u> [с. 401, Чепурный]; — Их бы! тоже надо <u>кончить</u>, <u>товарищ</u> <u>Пиюся!</u> — <u>по</u> <u>советовал</u> <u>чекист</u>. — <u>За</u> <u>чем</u>, <u>голова?</u> <u>Главный</u> <u>член</u> <u>у</u> <u>них</u> <u>отруб-</u> <u>лен!</u> [с. 389]; <u>Кочай</u> <u>их</u>, <u>ребята!</u> — <u>и</u> <u>сам</u> <u>выпустил</u> <u>пулю</u> <u>из</u> <u>нагана</u> <u>в</u> <u>череп</u> <u>ближнего</u> <u>буржуя</u> [с. 389, Пиюся]; Чепурный <u>пробовал</u> <u>тыльной</u> <u>частью</u> <u>руки</u> <u>горло</u> <u>буржуев</u>, <u>как</u> <u>пробуют</u> <u>механики</u> <u>температуру</u> <u>подшипников</u>, <u>и</u> <u>ему</u> <u>казалось</u>, <u>что</u> <u>все</u> <u>буржуи</u> <u>еще</u> <u>живы</u>. — <u>Я</u> <u>в</u> <u>Дуваиле</u> <u>добавочно</u> <u>из</u> <u>шеи</u> <u>душу</u> <u>вы-</u> <u>шиб!</u> — <u>сказал</u> <u>Пиюся</u>. — <u>И</u> <u>правильно</u>: <u>душа</u> <u>же</u> <u>в</u> <u>горле!</u> — <u>вспомнил</u> <u>Чепур-</u> <u>ный</u>. ...они <u>подзарядили</u> <u>наганы</u> <u>и</u> <u>каждо-</u> <u>му</u> <u>лежачему</u> <u>имущему</u> <u>человеку</u> — <u>в</u> <u>по-</u> <u>следовательном</u> <u>порядке</u> — <u>прострелили</u> <u>сбоку</u> <u>горло</u> — <u>через</u> <u>железки</u> [с. 391]; — Да не чешись ты, дурной! обожди, я сейчас тебя <u>царапну!</u> [с. 390, Пиюся]; Я те <u>смажу!</u> ...<u>Это</u> <u>ты</u> <u>позавчера</u> <u>курей</u> <u>лупил</u> [с. 415, Пиюся]; Мы б вас <u>шпокнули</u> <u>для</u> <u>общей</u> <u>безопас-</u> <u>ности</u> [с. 308, Копенкин].</p>

в). Эвфемистическое называние насилия:

<p>Сочинения В. И. Ленина [Ленин, 1990]</p>	<p>Статьи А. П. Платонова 1918—1927 гг. [Платонов, 2004]</p>	<p>Чевенгур [Платонов, 1988]</p>
<p>Чем больше число представителей реакционного духovenства и реакционной буржуазии <u>удается</u> нам по этому поводу <u>расстрелять</u>, тем лучше. Надо именно теперь <u>прочитать эту публику</u> так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать. [Письмо Молотову для членов Политбюро. 19 марта 1922 г., с. 193]</p>	<p>Врангель отдышался и опять лезет на север, к нам в гости. Его друзей мы уже уостили, его же уостим не в пример лучше. Тем мы отшибли кулаки, ему отшибем башку... Они опять забыли, что нас миллионы, а их десятки, что у нас самое страшное оружие — <u>понятая правда</u>, а у них гибнущая ложь, и мы их куда скорее перетопим в море, чем они нас попереушат на лозняке [«Развозжим», 1920, с. 32].</p>	<p>Раненый купец Шапов лежал на земле с оскудевшим телом...<u>Подержись</u> — ты теперь свое отзвонил! [с. 390, чекист]; Вот — и помалкивай, а то я тебя тоже на небо <u>пошлю!</u> [с. 390]; ...тогда Чепурный и Пиюся решили <u>дополнительно застраховать буржуев от продоления жизни</u>: ...прострелили сбоку горло [с. 391]; — Я в Дувайле добавочно из шеи <u>душу вышиб!</u> [с. 391, Пиюся]; ...кто тебе <u>...музыку подарил?</u> Один прохой буржуй. Он мне музыку, а я ему <u>существование продешевил</u> [с. 530, Прокофий].</p>

Литературный текст имеет свойство адаптироваться к ожиданиям читателя и потому каждый раз может быть прочитан по-новому. Поэтому он имеет как историческое, так и актуальное смысловое измерение. Платонов в «Чевенгуре» показывает то, к чему привела русская революция. Читатель, однако, воспринимает это изображение революционного развития в романе Платонова по-другому, чем в иных откровенно антисоветских произведениях: автор «Чевенгура» близок своим бескорыстным самоотверженным героям (Александр Дванов, Копенкин, Чепурный), чей энтузиазм даже дает росток надежды на то, что циничные и эгоистичные, нацеленные на власть, персонажи (Сербинов, Прокофий Дванов, Клавдюша) могут последовать за ними, но это и превращает ситуацию в трагическую. В другом смысловом измерении Чевенгур, чье население было изгнано или истреблено ради светлого будущего, становится вневременным топосом. Услышав язык своего времени, Платонов открывает утопический потенциал, присутствующий в языке на протяжении столетий. Как пример такого вневременного и одновременно актуального языка можно привести одну цитату из немецкого СМИ. 8 июля 2007 г. министр внутренних дел ФРГ Вольфганг Шойбле в интервью журналу «Шпигель» по поводу растущей угрозы терроризма заявил:

«Мы должны выяснить, насколько наше правовое государство готово встретить новую угрозу... можно, например, издать специальные предписания в случае тех лиц, которых нельзя выслать из страны: такие, как запрет на пользование интернетом или мобильными телефонами. Правовые проблемы возникают и в экстремальных случаях, как например, прицельное уничтожение... Представим себе, что кто-то узнал, в какой норе прячется Осам бен Ладен. Можно нанести удар управляемой ракетой, чтобы его убить. Мы должны пытаться решать подобные вопросы максимально в соответствии с конституцией и создавать правовые основы, которые обеспечат нам не-

обходимую свободу в борьбе с терроризмом» [Шойбле, 2007, URL].

Рассуждения Шойбле, которые в тот момент явно контрастировали с высказываниями других (западных и не только западных) политиков и обозревателей, вызвали тогда в немецком обществе резкие протесты. Даже Президент ФРГ Хорст Кёлер высказал тогда критику в адрес Шойбле. Основной причиной этих протестов было несогласие с качественно новым правовым сознанием, которое было выражено в словах Шойбле и согласно которому презумпция невиновности превращалась в «презумпцию вины»: человек виновен не потому, что совершил преступление, а потому, что ему приписывается готовность такое преступление совершить.

Это было в 2007 г. Сегодня кажется, что та дискуссия происходила в далеком прошлом. Остается надеяться, что это прошлое не забыто.

Литература

- Бродский, 1973 — *Бродский И.* Предисловие // Платонов А. Котлован. Ann Arbor: Ardis Publishing, 1973 / цит. по Платонов, 1994.
- Ленин, Полное собрание сочинений, 1958–1965 — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений в 55 томах. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1958–1965.
- Ленин, 1990 — *Ленин В.И.* Письмо Молотову для членов Политбюро. 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 193.
- Платонов, 1988 — *Платонов А.П.* Чевенгур // Ювенильное море. Москва: Современник, 1988. С. 188–551.
- Платонов, 1994 — *Платонов А.П.* Мир творчества. Москва: Современный писатель, 1994.
- Платонов, 2004 — *Платонов А.П.* Сочинения. Т. 1. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2004.
- Селищев, 1928 — Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). Москва: Работник просвещения, 1928.
- Шойбле, 2007 — Шойбле, Вольфганг — Von Stefan Aust, Marcel Rosenbach und Holger Stark. Es kann uns jederzeit treffen. // *Der Spiegel* 28/2007–08.07.2007 // URL: <https://www.spiegel.de/politik/es-kann-uns-jederzeit-treffen-a-ci25d7f5-0002-0001-0000-000052185901> (дата обращения 01.09.2022).

References

- *Brodsky J.* Foreword // Platonov A. Kotlovan [The Foundation Pit] Ann Arbor: Ardis Publishing, 1973. / cited by Platonov, 1994.
- *Lenin V.I.* Polnoye sobraniye sochineniy. 5-e izd. [Complete works. 5th edition in 55 volumes]. Moscow: Gospolitizdat, 1958–1965.
- *Lenin V.I.* [Letter to Molotov for the Politbureau members. March 19, 1922] // *Izvestia TsK KPSS* [CC of the CPSU News Bulletin]. 1990. № 4. P. 193.
- *Platonov A.* Chevengour // *Iuvenilnoe more* [The Juvenile Sea]. Moscow: Sovremennik, 1988.
- *Platonov A.* Mir Tvorchestva [Creative World]. Moscow: Sovremennii pisatel', 1994.
- *Platonov A.* Sochinenija. T.1. Kn. 2 [Collection of works. Vol. 1. Book. 2.]. Moscow: IMLI RAN, 2004.
- *Selischev A. M.* Iazik revolutsionnoi epokhi. Iz nabliudenii nad russkim iazikom poslednih let (1917–1926) [The Language of the Revolutionary Epoch. Observances of the Russian Language of the Latest Years (1917–1926)] Moscow: Rabotnik prosveschenia, 1928.
- Schäuble, Wolfgang — Stefan Aust, Marcel Rosenbach and Holger Stark. Es kann uns jederzeit treffen [It May Happen to Us at Any Moment] // *Der*

Spiegel 28/2007–08.07.2007 // URL: <https://www.spiegel.de/politik/es-kann-uns-jederzeit-treffen-a-cf25d7f5-0002-0001-0000-000052185901>.

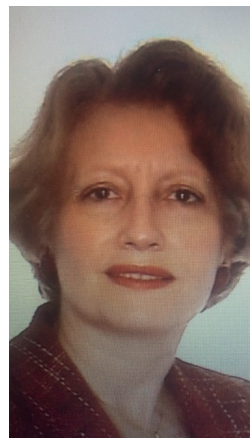
Hodel R.

DISCOURSE OF VIOLENCE: FROM LENIN TO PLATONOV

Robert Hodel, PhD in philology, professor of Slavistics in University of Hamburg, 22297, Germany, Hamburg, Überseering 35, Postfach 27.
E-mail: robert.hodel@uni-hamburg.de.

Abstract. Joseph Brodsky noted that Platonov's language "reveals dead-end philosophy" in the language proper. This report reviews the language of violence in Lenin's works as well as in Platonov's earlier social and political articles; comparison of this language with the Platonov's "Chevengur" novel is conducted. This comparison shows that Platonov's usage of his specific tongue-tie makes him come close to turn the official epoch language absurd. Radical defamiliarization of the violence-expressing lexics follows three paths: ideological enemy gets fully dehumanized; violence used to execute the historical development laws becomes inevitable and mechanistic, like surgery; violence tends to be described euphemistically or in criminal argot, which is due to the presence of still existing idea of conscience ("old conscienc," as Platonov names it; that is, pre-revolutionary).

Key words: *Chevengur, violence language, Lenin, communist utopia, metaphor realization.*

Денн М.

ГУСТАВ ШПЕТ: О РЕВОЛЮЦИИ, НАРОДЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Мариз Денн, заслуженный профессор, специалист по русской философии. Университет Бордо Монтань (Франция), департамент славистики и германистики. 33607 Cedex, France, Université Bordeaux Montaigne.
E-mail: maryse.dennes@u-bordeaux-montaigne.fr.

Аннотация. В 1922-м г. Г. Г. Шпет написал предисловие к «Очерку развития русской философии», одному из существенных для русской философии текстов, в котором он объясняет, что имеет в виду, когда говорит о «революции». В 1926-м г., он написал предисловие к «Введению в этническую психологию», где представил научный эпистемологический контекст, в котором следует сейчас понимать слово «народ».

По случаю нашего симпозиума, посвященного столетию образования СССР, я бы хотела сопоставить эти две интерпретации, и посмотреть, каким образом можно установить между ними соответствие и даже дополнительность, особенно если поставить между ними так наз. средний тер-

мин, вытекающий из шпетовского понимания «революции», и предоставляющий собой (в контексте шпетовской философии) необходимый элемент (логический и эпистемологический) для понимания шпетовского истолкования «народа». Мы увидим, что таким средним термином является «человеческая личность», и что его введение соответствует принципу личной свободы творческого акта, который Шпет считал необходимым для становления народа в контексте открытости культуры.

Ключевые слова: *Г. Г. Шпет, народ, личность, революция, культура.*

В 1922 г. Г. Г. Шпет написал предисловие к «Очерку развития русской философии», одному из существенных для русской философии текстов, в котором он объясняет, что имеет в виду, когда говорит о «революции». В 1926 г., он написал предисловие к «Введению в этническую психологию», где представил научный эпистемологический контекст, в котором следует сейчас понимать слово «народ».

По случаю нашего симпозиума, посвященного столетию образования СССР хотелось бы сопоставить эти две интерпретации и посмотреть, каким образом можно установить между ними соответствие и даже дополненность, особенно если поставить между ними так называемый средний термин, вытекающий из шпетовского понимания «революции», и предоставляющий собой (в контексте шпетовской философии) необходимый элемент (логический и эпистемологический) для понимания шпетовского истолкования «народа». Мы увидим, что таким средним термином является «человеческая личность» и что его введение соответствует принципу личной свободы творческого акта, который Шпет считал необходимым для становления народа в контексте открытости культуры.

Сначала о «революции»

У Шпета «революция» не является приоритетным предметом размышлений, если он иногда и упоминает о ней, то будто бы лишь затем, чтобы критиковать её: жаловаться на сложившуюся после нее сложную ситуацию и дистанцироваться от любого участия в политических действиях.

В «Предисловии» к «Очерку...» он именно с этого начинается. Он пишет о трудностях научной и культурной жизни:

«И действительно, я должен сознаться, что все естественные, неизбежные временные детали военно-революционного быта не могли так парализовать волю и так подавлять вдохновение, как исконное отсутствие у нас общей организации научной работы — признак нашей величайшей некультурности! В публичных библиотеках элементарных нужных книг нет, условия пользования ими — самые неблагоприятные, справочники и каталоги поражают безграмотностью и хаотическим состоянием, издание и переиздание классических авторов и трудов — сплошь и рядом под редакцией самой беззаботной, безответственной и некомпетентной. Постоянно приходилось чувствовать себя в тупике: как добраться до нужного сведения, с чего даже начать? Самые тяжкие испытания и разочарования пришлось вынести при розысках иностранных книг, которые мне так необходимы были для установления «источников» отечественного философствования...» [Шпет, 2008, с. 39–40; Шпет, 1989, с. 11–12].

У Шпета, «революция» всегда представлена как имеющая тесную связь с культурой. Именно поэтому его собственное понимание революции отличается от того значения, которое придавала революции интеллигенция:

«Революция наша есть не только каузальное следствие и результат, но также осуществление замысла. Этот замысел выносила, лелеяла, сама себя на нем воспитыва-

ла наша интеллигенция девятнадцатого века. Революция осуществляется не во всем так, как, может быть, мечталось и хотелось этой интеллигенции ...» [Шпет, 2008, с. 42; Шпет, 1989, с. 14–15].

Именно поэтому, также, он будет требовать дистанцирования от злободневности. Это дистанцирование необходимо ему, чтобы посвятить себя научной работе:

«Я бы обнаружил ...импульсивность, ...если бы, говоря и думая о революции, имел в виду ее политическую и социальную стороны. Пусть именно эти стороны в нашем быту ощущаются сильнее и больше всего, но в свете философско-культурном это — только смена форм и перемена лиц...» [Шпет, 2008, с. 42–43; Шпет, 1989, с. 15].

В статье «Философ в революции: «утешение философии», посвященной обсуждаемой тематике, Т. Г. Щедрина и Б. И. Пружинин показывают, как Шпет хочет сохранить историческую дистанцию, благодаря которой философия становится утешительницей. Они пишут:

«Шпет полагал, что философ должен заниматься именно философией и отказывался примыкать к каким бы то ни было партийным объединениям. По его мнению, именно философская позиция или, как он писал, «философско-историческая» позволит ему раскрыть вполне актуальную, уже тогда далеко не нейтральную тему «социализм или гуманизм» [Щедрина, Дружинин, 2017, с. 125].

Ссылаясь на Боэция, авторы показывают, что, в любые времена, какими бы трагическими ни были события, с которыми сталкивается философ, он должен сохранить эту дистанцию, чтобы продолжать своё дело и спасти «культурное сознание страны».

И действительно, в предисловии к «Очерку развития русской философии», сам Шпет писал:

«Мне не хотелось входить в эмпирию культурно-бытовой среды истории, хотелось остаться в сфере философского

и философско-исторического освещения нашей культуры» [Шпет, 2008, с. 41; Шпет, 1989, с. 14].

И в самом деле, именно такое дистанцирование открывает настоящее и глубокое значение революции:

«Я бы обнаружил ...импульсивность, ...если бы, говоря и думая о революции, имел в виду ее политическую и социальную стороны. Пусть именно эти стороны в нашем быту ощущаются сильнее и больше всего, но в свете философско-культурном это — только смена форм и перемена лиц. Другое дело революция в порядке идейном, культурном, духовном, революция “сознания”. Это уже не одни формы и лица, это — действительно новые меха, действительно новое вино, действительно новые “личности”, с душами, наизнанку вывороченными. Все мироощущение, жизнепонимание, вся “идеология” должны быть принципиально новыми» [Шпет, 2008, с. 42–43; Шпет, 1989, с. 15].

И ещё о том же самом:

«Другое дело революция в порядке идейном, культурном, духовном, революция «сознания”. Это уже не одни формы и лица, это — действительно новые меха, действительно новое вино, действительно новые “личности”, с душами, наизнанку вывороченными. Все мироощущение, жизнепонимание, вся “идеология” должны быть принципиально новыми» [Шпет, 2008, с. 42–43; Шпет, 1989, с. 15].

Во-первых, революция, о которой говорит Шпет совсем не имеет отношения к политике или социо-экономическому положению вещей; она происходит или должна произойти в области культуры.

Во-вторых, для него важен тот факт, что, если она (эта революция) произойдет в области культуры, тогда саму политическую и социальную революцию надо перешагнуть, преодолеть, т.е. надо освободить место не для тех, кто делал эту революцию (им уже не до культуры) а для тех, кто стремится к осуществлению своей «лич-

ности», своего таланта (того, за что он именно является представителем и носителем определённой культуры).

В этом же Предисловии к «Очерку...» он пишет об «аристократии таланта» и о «новой высшей философии»

«...если моя вера в русский Ренессанс, в новую, здоровую народную интеллигенцию, в новую, если угодно, аристократию, аристократию таланта, имеет основание и если этот Ренессанс принесет с собою и новую философию в той стадии развития, которую я считаю *высшей*, то наша революция в философско-культурном аспекте “сознания” должна побуждать к настроениям оптимистическим» [Шпет, 2008, с. 44; Шпет, 1989, с. 16].

А тем, кто подготовил или осуществил социально-политическую революцию, т.е. интеллигенции, он задает вопрос:

«Революция осуществляется не во всем так, как, может быть, мечталось и хотелось этой интеллигенции, но что это означает: недействительность революции или недействительность интеллигентского идеала и, следовательно, самой интеллигенции, насколько она жила этим идеалом? Я склонен думать последнее. Оттого отход и отказ значительной части интеллигенции от революции есть закат и гибель этой интеллигенции. Другая часть той же интеллигенции, в революцию воплотившаяся, также перестала быть интеллигенцией, но по основаниям другим: из «интеллигенции» она превратилась в «акцию» и в «агент(а)». Интеллигенции, таким образом, нет, а революция есть. Я могу игнорировать мнения, традицию, но не могу, как объективную действительность, игнорировать революцию, раз заходит речь о философско-культурном контексте развития идей наших» [Шпет, 2008, с. 42; Шпет, 1989, с. 14–15].

Таким образом, мы дошли до этого среднего термина о котором мы говорили в начале.

Жизнь (а не интеллигенция) ведет к революции, и революция эта должна освободить от прежних предпосылок, от самой революции, и открыть горизонт свободы для творческого дела каждой личности!

Еще в 1917 г. Шпет писал своей жене (Реагируя на восстание Корнилова):

«Ты пишешь: “лишь бы Россия не погибла”. Она *уже погибла*, — та Россия, которую ты любишь, и исходя из которой ты представляешь себе будущее. Будет ли новая Россия? Во всяком случае, она, — если будет, — то будет создана *не теми*, кто сейчас говорит о любви к ней, ибо это любовь не к будущей России, а к уже погибшей. Как можно представить себе это будущее? Об этом лучше поговорить. Одно только добавлю, что чем больше теперешние “любители” России будут стараться на проведение своих идей, связанных с прошлым и своими корнями, ушедшими туда, тем труднее будет создание новой России... Россия должна отказаться от мировой политики, перейти на роль второстепенного и даже третьестепенного государства, заняться внутренним устройством и культурой, культурой, культурой, тогда она не погибнет вовсе, даст новых людей и новый “патриотизм”» [Шпет, 2005, с. 281].

Важно это иметь в виду: в своём тексте «Социализм или гуманизм», Шпет выступил против всех форм коллективизма, за «творцов культуры», т.к. только они способны сделать гуманизм прочным.

С иронией он показал противоречие, присущее Марксизму-Ленинизму, указывающему на первенство пролетариата в деле осуществления идеала человечества:

«Но тогда, если пролетариат и осуществляет идею человечества, то не как пролетариат, а в каком-то другом качестве. А тогда нет ли более специфических носителей его?» [цит. по Щедрина, 2008, с. 248].

Для Густава Шпета носителями идеи человечества являются только «люди», люди как таковые, всегда индивидуальные и неповторимые.

«Кто же творит: мы видели — только *личность*... Осуществление личности = творчество культурных благ. Личность уже не только идея, но реальность, — и это единственная подлинная реальность...» [цит. по Щедрина, 2008, с. 252].

Для Шпета, социальный класс, каким бы он ни был (пролетариат, буржуазия, интеллигенция), есть только конструкция. Это не реальность, не действительность:

«Классовое сознание — коллектив, где единица может быть заменена другой. Этого нет в сфере творчества культурных благ, у личности, у “героев”» [цит. по Щедрина, 2008, с. 253].

Для него есть только две настоящих данности: революция, которая есть «действительность» («объективное историческое событие», последствия которого мы не можем знать) и человеческая личность, которая есть реальность (т.е. не завершенная данность, а находящаяся все еще в процессе становления в культуре).

А сейчас о народе:

Как тогда соединить, или хотя бы приблизить, с одной стороны, восприятие революции, как революции сознания и талантов, имеющей тесную связь с свободной творческой деятельностью каждого человека, и, с другой стороны, народ, если понимать термин «народ» в классическом традиционном смысле, как определенную цельность, обладающую каком-то «духом», как определенную субстанцию, имеющую свою «душу». Но Шпет сразу отстраняется от такого определения. В предисловии к «Введению в этническую психологию», он явно переходит на сторону Брентано, освободив выражения («дух», «душа») от их «метафизических пережитков», и открыв путь позитив-

ной научной психологии [Шпет, 1996, с. 265]. Для Густава Шпета, употребление терминов «дух» или «души» народа не ведет к пониманию народа как замкнутой цельности. Для него, термин «дух народа» является только «рабочим понятием». Он удобен тем, пишет Шпет, «что толкуется коллективно». И продолжает:

«А этим, в свою очередь, окончательно преодолевается традиционное представление о субъекте, как индивидуальной особи... *Формально* это есть лишь указание на некоторого рода *тип* или характер, а потому нечто изначально коллективное, что обязывает нас, обратно, и индивидуальное — в его структуре и составе — трактовать, как коллективное. Всё это — уже не простое истолкование и перетолкование термина, а новый *смысл*, новый *принцип*, новый *метод*» [Шпет, 1996, с. 265–266].

В этих нескольких словах все сказано о том, что Шпет имеет в виду когда он говорит о народе. Это не уже навсегда зафиксированная тотальность. Если это тотальность, цельность, то она является живой, постоянно возобновляющейся «взаимодействием единственно реальных индивидов» [Шпет, 1996, с. 266]. Вот таким удивительным образом Шпет совмещает, заставляет сосуществовать два противоположных по значению понятия: индивид (человеческая личность) и коллектив (совокупность этих индивидов, живущих этим коллективом и одновременно создающих его существование, его становление и в его развитие).

Немного дальше, в том же предисловии, он пишет:

«Реален именно коллектив... реален в своей совокупности и в силу совокупности. Он, коллектив, — субъект совокупного действия, которое по своей психологической природе, есть ничто иное, как общная субъективная реакция коллектива на все объективно совершающиеся явления природы и его собственной социальной жизни и истории. Каждый исторически образующийся коллектив, — народ, класс, союз, город, деревня и т.д., —

по *своему* воспринимает, воображает, оценивает, любит и ненавидит, объективно текущую обстановку, условия своего бытия, — и именно *в этом его отношении ко всему*, что объективно есть, выражается его «дух», или «душа», или «характер», в реальном смысле» [Шпет, 1996, с. 266].

Однако, проблема все-таки остаётся: как совместить коллектив и индивида, два несовместимых по своей природе понятия, или, другими словами, как совместить род, который является универсальным, и индивидуума, который является исключением, отдельной от всех других единицей, характеризующейся только своим настоящим существованием. Здесь очевидно скрывается и проблема, присущая и Густаву Шпету, и дорогому для него номинализму. Но не об этой проблеме хотелось бы говорить, т.к., если остаться на уровне этой проблематики, мы не сможем выйти из тысячелетней оппозиции между бытием и сущностью и найти путь к согласованию.

Если оставаться в рамках творчества Густава Шпета, мы можем предложить другое направление. Например, самое подходящее сейчас: «соборность», о которой он говорит в «Сознании и его собственнике», именно для того, чтобы предоставить какой-то горизонт существования т.н. «имрека». Однако это решение не является ни логическим ни онтологическим ответом на наш вопрос, поскольку в таком случае мы остаемся в рамках русской культурной религиозной традиции, и предоставленный ответ не универсален, даже наоборот, тут подчеркивается различие культур и Россия противопоставляется Западу в рамках единой христианской культуры.

На самом деле Шпет стремится к другому, его подход по-настоящему философский, и после того, как он задал вопрос (который сам же объявляет имеющим по своей природе «национальный характер»), он дает элементы для настоящего ответа («научного» и следовательно, по его мнению, имеющего универсальный характер

[Шпет, 2008, с. 40; Шпет, 1989, с. 12]. Эти элементы имеют логический характер, они дают доступ к основам проявления бытия в человеческой истории и в становлении культуры. Уже в 1914 г., в «Явлении и смысле» он определил структуру слова и выражения, которая на протяжении всего его творчества, хотя иногда под другими формулировками, должна была играть роль основной структуры бытия, конституирующей все области любого культурно-жизненного горизонта.

В предисловии к «Введению в этническую психологию», имея в виду модус субъективации объективного мира, он пишет, подразумевая именно эту основную структуру:

«...Культурное явление, как выражение смысл, объективно. Но в нем же, в этом выражении есть сознательное или бессознательное отношение к этому «смыслу»... Не смысл, не значение, а со-значение, *сопровождающие* осуществление исторического, субъективные реакции, переживания, отношение к нему — предмет психологии... Нужно уметь читать «выражение» культуры и социальной жизни так, чтобы и смысл их понять и овевающие его субъективные настроения уловить, прочувствовать, со-пережить. Труд и творчество субъектов а продуктах труда и творчества запечатлены и *выражены* объективно, но и в этом же объективном *отражено* и субъективное...» [Шпет, 1996, с. 267].

Мы могли бы долго говорить об этой цитате, но подчеркнем лишь одно в связи с нашей тематикой: Шпет здесь нам дает ключ к пониманию того, что он имеет в виду когда говорит о народе, и именно это нам позволяет понять, почему тогда индивид и коллектив не противостоят друг другу.

И в том, и в другом случае действует одна и та же структура, и именно эта трехэлементная структура (ставшая потом у Густава Шпета алгоритмом творческого акта) делает индивида человеческой личностью, а определен-

ный коллектив — определенным народом. Человеческая личность и народ не являются замкнутыми сущностями, а просто модусами проявления бытия, и поэтому они могут соответствовать друг другу, со-существовать, и тем самым оправдать то, что Шпет называет «революцией».

Литература

- Шпет, 2005 — *Шпет Г.Г., Щедрина Т.Г. (ред.)* Густав Шпет: Жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Г.Г. Шпет, ред. Т.Г. Щедрина. Москва: РОССПЭН, 2005.
- Шпет, 2008 — *Шпет Г.Г., Щедрина Т.Г. (ред.)* Очерк развития русской философии. Ч. I. / Г.Г. Шпет, ред. Т.Г. Щедрина. Москва: РОССПЭН, 2008.
- Шпет, 1996 — *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. Избранные психологические труды / ред. Т.Д. Марцинковская. Москва, Воронеж, 1996.
- Шпет, 1989 — *Шпет Г.Г.* Сочинения. Москва: Правда, 1989.
- Щедрина, 2008 — *Щедрина Т.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. Москва: РОССПЭН, 2008.
- Щедрина, Пружинин, 2017 — *Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И.* Философ в революции: «утешение философии» // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 120–133.

References

- *Shpet G. G., Shchedrina T. G. (ed.)* Gustav Shpet: Zhizn' v pis'mah. Epistolaryarное nasledie [Gustav Shpet: Life in letters. Epistolary heritage] / G. G. Shpet, ed. T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, 2005.
- *Shpet G. G., Shchedrina T. G., (ed.)* Ocherk razvitiya russkoj filosofii. Ch. I [Essay on the development of Russian philosophy. Part I.]. / G. G. Shpet, ed. T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, 2008.

- *Shpet G. G.* Psihologiya social'nogo bytiya. Izbrannye psihologicheskie trudy [Psychology of social life. Selected psychological writings] / ed. T. D. Marcinkovskaya. Moscow, Voronezh, 1996.
- *Shpet G. G.* Sochineniya [Works]. Moscow: Pravda, 1989.
- *Shchedrina T. G.* Arhiv epohi: tematicheskoe edinstvo russkoj filosofii [Epoch Archive: Thematic Unity of Russian Philosophy]. Moscow: ROSSPEN, 2008.
- *Shchedrina T. G., Pruzhinin B. I.* Filosof v revolucii: «uteshenie filosofii» [Philosopher and revolution: consolation of Philosophy] // Voprosy filosofii. 2017. № 11. P. 120–133.

Dennes M.

GUSTAV SHPET ON REVOLUTION, PEOPLE AND PERSONALITY

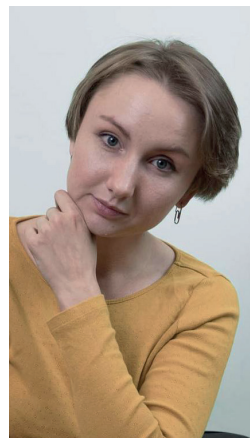
*Maryse Dennes, emeritus professor, specialist in Russian philosophy. University of Bordeaux Montagne (France), Department of Slavic and German Studies. 33607 Cedex, France, Universit  Bordeaux Montaigne.
E-mail: maryse.dennes@u-bordeaux-montaigne.fr.*

Abstract. In 1922 G. G. Shpet wrote a preface to “Essay on the Development of Russian Philosophy,” one of the most important texts for Russian philosophy, in which he explains what he means when he speaks of “revolution.” In 1926 he wrote a preface to “Introduction to National Psychology,” where he presented the scientific epistemological context in which the word “nation” should be understood.

On the occasion of our symposium dedicated to the centenary of the formation of the USSR I would like to compare these two interpretations and see, how it is possible to establish a correspondence and even complementarity between them, especially if one puts between them the so-called “middle term”

arising from Shpet's understanding of "revolution" and providing (in the context of Shpet's philosophy) a necessary element (logical and epistemological) for understanding Shpet's interpretation of "nation." We will see that such a middle term is "human personality," and that its introduction corresponds to the principle of personal freedom of the creative act, which Shpet considered necessary for the formation of a nation in the context of the openness of culture.

Key words: *G. G. Shpet, people, personality, revolution, culture.*

Тирахова В. А.

СЕМИОТИКА СОВЕТСКОГО БЫТИЯ В КИНЕМАТОГРАФЕ А. БАЛАБАНОВА

Тирахова Варвара Алексеевна, аспирантка
Ярославского государственного
университета им. К. Д. Ушинского (Теория
и история культуры). 150000, Россия,
Ярославль, ул. Республиканская, 108.
E-mail: varkoll@mail.ru.

Аннотация. В рамках данной статьи представлен результат исследования знаковой системы советского бытия, отраженного в постсоветском кинематографе, на примере анализа фильмов А. Балабанова. Актуальность работы связана с выбором материала исследования, А. Балабанов является знаковым постсоветским режиссером, существенно повлиявшим на отечественный кинематограф и культуру в целом. Образ советского бытия занимает в творчестве А. Балабанова особое место. Для каждого ключевого периода советской культуры режиссер использует разные принципы формирования знаковой системы советского бытия. Автор статьи последовательно анализирует ключевые картины

режиссера, исследуя синтаксические и структурные особенности знаковой системы советского бытия в фильмах, обозначает ее семантическое поле и специфику ее репрезентации на уровне анализа системы персонажей, сюжета и художественного пространства фильмов. Автор приходит к выводу о том, что ключевым принципом репрезентации знаковой системы советского бытия в фильмах А. Балабанова является деформация знаков советской культуры, их коннотативного значения, что позволяет вскрыть парадоксальную противоречивость всей знаковой системы советского бытия.

Ключевые слова: советское бытие, семиотика, постсоветское кино, А. Балабанов, репрезентация.

Сложный и неоднородный феномен советского бытия в современном гуманитарном знании занимает особое место. Можно отметить особую актуальность и многообразие ракурсов исследования данного феномена и в историко-культурном, и в философском дискурсах: истоки советского бытия и его формирование, хронотоп советского бытия, взаимоотношения власти и человека, грани существования творческой личности, героев советского пространства, осмысление и влияние советского бытия на современность. Мы можем выявить несколько этапов трансформации феномена «советское бытие»: декларация и доминирование концепта «советский»; отрицание и наделение его негативными коннотациями; двойственное восприятие (ностальгия, критический анализ, реконструкция, обличение) [Злотникова, Ерохина, Еремин, 2020, с. 194]. Е. П. Аристова отмечает, что развитие всевозможных форм коммуникации от языка живописи до прослушивающей техники превратило Советский Союз в уникальную коммуникационную среду, распространяющуюся на все сферы жизни [Аристова, 2020, с. 191]. Спецификой коммуникационной среды советской культуры обусловлен выбор методологической парадигмы нашего исследования. Мы изучаем советское бытие как особую знаковую систему, репрезентированную в искусстве и массовой культуре. Под знаковой системой мы

понимаем совокупность знаков, обладающую внутренней структурой, явными или неявными правилами образования, осмысления и употребления ее элементов и служащую для осуществления индивидуальных и коллективных коммуникативных и трансляционных процессов [Шейкин, 1988]. При этом особое значение приобретает сама языковая система, в рамках которой формируются и транслируются знаки советского бытия, поэтому в качестве материала исследования нами был выбран кинематограф, как ведущий метаязык XX—XXI веков. Современный междисциплинарный семиотико-синергетический подход позволяет трактовать кинодискурс как совокупность вербального и невербального компонентов кинопроизведения, а также факторов, влияющих на его создание и восприятие, образующих единое смысловое, структурное и функциональное целое [Зайченко, 2013]. Мы остановимся на анализе синтаксических и структурных особенностей знаковой системы советского бытия, обозначим ее семантическое поле и специфику ее репрезентации на уровне сюжета, системы персонажей и художественного пространства фильмов А. Балабанова.

Актуальность работы определяется особой ролью А. Балабанова в отечественном киноискусстве: многие исследователи и кинокритики считают его одним из знаковых постсоветских режиссеров, существенно повлиявших как на киноискусство, так и на культуру в целом [Кувшинова, 2015]. Значение и актуальность его фильмов до сих пор подтверждают и социологические исследования [Редакция Сеанс, 2018], и данные о кассовых сборах картин «Брат», «Брат 2» в кинотеатрах в 2022 г. [КиноРепортер, 2022], и регулярное обращение к ним в массовой культуре (музыкальные клипы, линии одежды, фильмы, телевидение). При этом практически каждый его фильм вызвал волну споров ведущих кинокритиков страны.

Ключевой проблемой творчества А. Балабанова становится осмысление кризиса советского бытия. Даже

в фильмах, посвященных периоду формирования советского бытия, режиссер обращает внимание на его обреченность. Всю фильмографию А. Балабанова объединяет особое стремление к энтропии [Левченко, 2019], где первичной категорией становится «болезненная пустота», нагруженная разнородными знаками времени. Парадокс состоит в том, что обилие ярких вещей, музыкального сопровождения, сюжетных линий только усиливает эту пустоту. При этом, для каждого ключевого периода советской культуры режиссер использует разные принципы формирования знаковой системы советского бытия:

- демонизация зарождающейся советской культуры в 1920-е гг. и ее противопоставление с культурой царской России («Про уродов и людей» 1998 г.);
- создание образа условно-символического советского бытия как антиутопии, где разрушаются любые знаковые системы («Счастливые дни» 1991 г., «Замок» 1994 г.);
- формирование реалистичного образа советского бытия, посредством репрезентации культуры повседневности («Груз 200» 2007 г.);

Мы будем анализировать фильмы в обозначенной последовательности, что позволит нам обнаружить трансформацию семиотики советского бытия в соответствии с основными этапами его существования, репрезентированными в фильмах А. Балабанова. В первую очередь, мы проанализируем семиотику советского бытия в фильме «Про уродов и людей». Картина обращена к времени формирования советского бытия, репрезентация которого выстраивается через противопоставление знаковой системы старого, умирающего мира царской России и нового зарождающегося мира. При столкновении этих миров знаковая система царской России обречена на разрушение. Обреченность старого мира режиссер подчёркивает на уровне языка фильма «Про уродов и людей», отсылая зрителя к стилистике декаданса (черно-белая гамма, ин-

терьеры, эстетизация уродства и смерти, эротизм). Знаковая система умирающего бытия, помимо декадентской стилистики фильма, также выстраивается и на уровне системы персонажей — ее представляют идеализированные образы инженера (И. Шибанов) и доктора (А. Мезенцев), отца главной героини. Знаковая система зарождающегося советского бытия воплощена в образах сотрудников подпольной студии порнографии: Иоганна (С. Маковецкий) и Виктора Ивановича (В. Сухоруков). Именно эти персонажи разрушают социальные ритуалы и правила существования знаковой системы царской России. Например, приходя к служанкам инженера и доктора, они пытаются войти через парадный вход, а не через вход для прислуги, чем зачастую вызывают гнев хозяев. Однако, с развитием сюжета они полностью подчиняют себе все пространство этих квартир, становясь там хозяевами.

Противопоставление старого и нового мира подчеркивает интертекстуальная связь с повестью «Собачье сердце» М. Булгакова и с ее одноименной экранизацией В. Бортко. А. Балабанов с точностью повторяет сцену обеда профессора Преображенского и Борменталья. В фильме «Про уродов и людей» инженер Радлов приглашает на обед фотографа Путилова (В. Прохоров). За столом они так же, как и герои повести М. Булгакова, обсуждают новости, инженер высказывает свои опасения перед надвигающимися изменениями. Данная сцена отсылает также к сцене из фильма В. Бортко на уровне языка кино (смена планов и ракурсы, композиция кадра). Через противопоставление образов старой и новой жизни выстраивается бинарная оппозиция знаковых систем царской России и зарождающегося советского бытия на уровне языка кино, сюжета, системы персонажей.

По ходу сюжета все персонажи старого мира умирают, а «новые герои» захватывают и разрушают пространство их жизни. Иоганн переезжает в квартиру инженера, превращая ее в студию для съемки порнофильма, где Лиза

(дочь инженера) исполняет главную роль. Виктор Иванович сплавляет сиамских близнецов — детей доктора, соблазняет его слепую жену, которая также начинает сниматься в порнографических картинах. При появлении героев будущего знаковая система старого мира разрушается (социальная иерархия, культура повседневности, система ценностей и т.д.). При этом выстраивается новая система, которой управляют Иоганн и Виктор Иванович, и именно эта знаковая система становится основой советского бытия. Необходимо отметить демонизированные портреты героев, представляющих зарождающееся советское бытие — Иоганна и Виктора Ивановича (черные контрастные глаза Иоганна, пугающая статика его пластического рисунка; кривые зубы Виктора Ивановича, и его замершая улыбка, сопровождающая самые драматичные сцены). Таким образом, в фильме «Про уродов и людей» А. Балабанов создает демонизированный образ предреволюционного времени, при этом надвигающиеся изменения прочитываются как ужасающее разрушение старого миропорядка и рождение жестокого страшного мира. Мы можем предположить, что именно такой образ революции и рождающегося советского бытия создает режиссер. В фильме на разных уровнях (хронотопа, сюжета, системы персонажей (характеров, портретов), системы ценностей) выстраивается бинарная оппозиция знаков противоположных моделей культуры [Ерохина, 2020]: царской России рубежа XIX—XX веков (элитарной модели культуры, в которой на первый план выходят индивидуальное творческое начало) и раннего советского периода. При столкновении знаков старого и нового мира, происходит деконструкция знаковой системы царской России, в результате которой рождается новая демонизированная знаковая система советского бытия.

Знаковая система советского бытия как условно-символического мира, в котором разрушаются любые знаковые системы, выстраивается в фильмах

А. Балабанова «Счастливые дни» и «Замок». В первом фильме семиотика советского бытия репрезентирована посредством организации художественного пространства фильма. Критики называют город в «Счастливых днях» «почти блокадным» [Левченко, 2019]. Несмотря на отсутствие привязки к историческому времени и на условную пустоту городского пространства и интерьеров, в фильме присутствует множество знаков советского бытия. На протяжении всего фильма герой (В. Сухоруков) попадает в квартиры, условно разделенные на отдельные жилые комнаты, что напоминает организацию коммунальных квартир, характерных для советского быта (расселение, создание коммунальных квартир, разделение комнаты перегородками и заколачивание смежных дверей). Интерьеры, костюмы персонажей также стилистически отсылают к 20—30 гг. XX века.

Символическим образом и для режиссерского стиля А. Балабанова, и для советского бытия является образ трамвая, на котором одиноко путешествует герой. Именно из окон трамвая зритель видит городские пейзажи в динамике. Отсутствие людей в транспорте и на улицах несет особое значение, усиливая ощущение пустоты и одиночества [Левченко, 2019]. Герой не имеет имени и присваивает каждое, которым его называют персонажи, встречающие его. Образ главного героя становится символом острого личностного кризиса собственной идентичности, что с учетом историко-культурного контекста создания фильма (1991 г.) становится знаком не только времени существования советского бытия, но и периода его распада. На это также указывают критики, описывая огромное пространство дома с обрушенными перекрытиями, где в верхнем углу — маленький прямоугольник дверного проема, в котором едва угадывается фигура героя. Данный кадр становится метафорой неорганизованного и разрушенного мира, встретившего «освобожденного человека» [Левченко, 2019].

При этом, находясь в поиске собственной идентичности и своего места в городе, герой пытается преодолеть одиночество, также как и герои второго плана, вступающие в коммуникацию с ним. Они видят в герое потерянно-близкого человека (исчезнувшего мужа, сына, брата), заполняя им пустоту от потери. В финале киноязык сменяет язык анимации. Зритель видит потоп в городе, где целой остается лишь лодка, в которой прячется герой, так и не нашедший ни дома, ни себя. Таким образом, нарочитая условность связи означаемого (героя) и означающего (имени) не позволяет имени стать знаком героя: так имя перестает быть устойчивым знаком. Именно нестабильность знаковой системы, условность и неустойчивость связи означаемого и означающего становится ключевой проблемой советского бытия в фильмах А. Балабанова.

Проблема имени как знака выходит на первый план в фильме «Замок», экранизации одноименного романа Ф. Кафки. Картина решена в стилистике живописи Босха. А. Балабанов языковыми средствами кино создает особый образ средневекового города (костюмы, декорации, композиция кадра, особенности освещения и т.д.) [Добротворский, 2006]. Однако на уровне сюжета мы можем отметить множество знаков советского бытия. Появляется противоречие на разных уровнях организации контекста (стилистика средневекового города, проблематика советского бытия: абсолютная и абсурдная власть бюрократии, репрезентации «джентельменской мифологии интеллектуального застоя» [Добротворский, 2006]). Я. Левченко объясняет это попыткой режиссера показать привычное в непривычных обстоятельствах; именно с этим связано обращение к первоисточнику [Левченко, 2019]. А. Балабанов демонстрирует представление о том, что абсурдность советской бюрократии и советского бытия в целом не является специфичным отечественным феноменом и может быть проиллюстрирована в рамках языковой системы западной абсурдистской литературы.

На уровне проблематики мы встречаем репрезентацию уже обозначенного кризиса идентичности посредством разрушения знака: человека определяет условное обозначение — имя, лишь условно связанное с персонажем. В мире «Замка» не существует и не может существовать индивидуальности, особенности имени наделяют человека определенным набором характеристик. При этом категория имени не является устойчивой, смена имени означает радикальное качественное изменение человека, его статуса и жизни. Меняясь местами с Брунsvиком, Землемер для всех жителей города становится Брунsvиком, даже для возлюбленной, которая заявляет ему, что уходит от него к Землемеру (т.е. даже влюбленность привязана не к личности, а к имени). Таким образом, характерной чертой знаковой системы советского бытия в фильмах «Счастливые дни» и «Замок» становится разрыв связи между человеком и его именем: имя (знак) начинает довлеть над означаемым, определяя его характеристики и структуру.

Семиотика советского бытия в наиболее яркой, спорной и значимой картине А. Балабанова «Груз 200» 2007 г. резко отличается в принципах построения и самих знаках советского, их структурной, синтаксических и семантических особенностях, и знаковой системы советского бытия в целом. В «Грузе 200» А. Балабанов отказывается от условности хронотопа и создает максимально реалистичный образ советского бытия 1984 г. Иллюзию достоверности изображаемых событий усиливает начальный титр «Основано на реальных событиях». Выявить все многообразие знаковой системы советского бытия, репрезентируемое фильмом, в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому мы обозначим определенную типологию знаков, их соотношения и выявим семантическое поле знаковой системы.

В первую очередь, одним из ключевых знаков советского бытия в фильме становится стилистическое под-

ражание кинематографу 1980-х гг. Благодаря усилению сине-зеленых тонов, картина стилистически копирует особенности киноплёнки того времени. Кроме того, в качестве основных локаций режиссером были выбраны провинциальные промышленные города (Череповец, Выборг, Новая Ладога, Старая Ладога). Художественное пространство фильма выглядит устаревшим, обветшалым, захламленным, заполненным мельчайшими деталями повседневности (толстовка с принтом «СССР», мамыны туфли — главная ценность героини, портрет действующего в 1984 г. генерального секретаря СССР — К. Черненко, портреты и бюсты Ф. Дзержинского в кабинете милиции и т.д.). На уровне организации художественного пространства, благодаря обилию аутентичных знаков советского, на экране фактически создается пространство, репрезентирующее культуру середины 1980-х гг., более того, за счет особой цветокоррекции фильм органично встраивается в стилистику отечественного кинематографа середины 1980-х гг.

Фильм в целом представляет собой сложное сплетение сюжетных линий, каждая из которых становится отдельным знаком советской действительности 1980-х гг. и советского бытия в целом. По мнению Н. Сиривли, главная героиня олицетворяет образ России; милиционер, насилующий ее, — воплощение жестокой и безумной новой власти начала перестройки; отец героини, секретарь райкома, воплотил в себе образ старой партийной власти, неспособной ни правильно воспитать, ни спасти своего ребенка; тело ее жениха, погибшего в Афганистане десантника, становится метафорой разлагающегося патриотизма; герой А. Баширова символизирует уголовный анархизм; образ героя А. Серебрякова, мечтающего о городе Солнца, олицетворяет утопические народные мечтания; профессор научного атеизма — советскую интеллигенцию; образ жены убитого утописта можно прочесть как образ русского бунта, «бессмысленного и беспо-

щадного» [Сиривли, 2007]. Так образ каждого персонажа одновременно, воплощает и разрушает какой-либо советский миф. Например, через раскрытие образа милиционера происходит разрушение традиционного мифа об идеализированной советской милиции, которая «нас бережет», по средствам усложнения означаемого в мифе. Так, добросовестный и улыбочивый милиционер предстает маньяком, импотентом, обладающим невероятной силой и властью (может привести к себе домой труп погибшего солдата, безнаказанно убивать и держать в заложниках девушку, сфабриковать дело и отправить на расстрел невиновного человека). При этом он во всех сценах предстает в форме, что подчёркивает важность для режиссера его профессиональной принадлежности: герой никогда не выходит за рамки заявленной знаковой системы. Создается парадоксальная картина, где человек в форме, призванный защищать закон, сам же его злобно нарушает. Таким образом, формируется новый деструктивный миф о советской милиции [Любвиная, 2015], представляющий ее как демонизированную опасную, непредсказуемую, ничем не ограниченную власть. Мы можем отметить безумие мотивировок героя. На вербальном уровне он не произносит ничего оскорбительного: если проанализировать его реплики вне зависимости от визуального текста, то складывается образ трепетно влюбленного мужчины, пытающегося всеми силами угодить возлюбленной, что явно контрастирует с визуальным кодом фильма, где герой безмолвно совершает ужасные преступления.

По принципу парадоксальной противоречивости также подобран и саундтрек фильма, в который вошли хиты советской эстрады. По словам Д. А. Журковой, в «Грузе 200» музыка звучит слишком оптимистично, представляет парадную, витринную реальность, рассчитана на коллективное восприятие и транслируется зачастую централизованно, помимо воли ее слушателей [Журкова 2018]. Песня «Вологда» ВИА «Песняры» или «Плот» Ю. Лозы

однозначно прочитываются как позитивные знаки советской культуры периода застоя. Однако, в данном фильме они становятся контрапунктом визуального ряда, сопровождая самые страшные сцены фильма. С одной стороны, контраст аудио- и видеоряда усиливает шоковое воздействие на зрителя. С другой стороны, трансформируется семантическое поле известных песен, мажорность их звучания начинает прочитываться как насквозь лживая, фальшивая и покрывающая беззаконие. По тому же принципу в кадре действует портрет улыбающегося Гагарина, висящий напротив кровати с двумя трупами и прикованной героиней; портреты вождей, партийных лидеров, знамена и флаги в кабинете председателя райкома в сочетании с его абсолютным бессилием и растерянностью; чтение вслух писем жениха, тело которого лежит рядом с героиней; солдаты, строем забегающие на борт самолета в Афганистан, сразу после выгрузки груза 200. Таким образом, в фильме «Груз 200» деформируется коннотативное значение знаковой системы советского бытия посредством особого контрастного соотношения мажорного звучания советской эстрады, знаков, прославляющих советскую культуру с ужасающими сюжетными перипетиями и визуальным рядом. Данная картина репрезентирует острый кризис советского бытия, разрушая культурные коды, оправдывающие и поддерживающие его существование, демонстрируя обратную сторону и реальное значение тех или иных знаков, тем самым изменяя и разрушая семантическое поле не только самих знаков, но и знаковой системы советского бытия в целом.

Подводя итоги можно сделать вывод, что семиотика советского бытия в кинематографе А. Балабанова представлена несколькими принципиально отличающимися знаковыми системами, каждая из которых обладает своей особой структурой, спецификой репрезентации. Создавая образ зарождающейся советской культуры в фильме «Про уродов и людей», режиссер выстраивает бинарную

оппозицию знаковых систем идеализированной, интеллигентской царской России и демонизированной системы советского бытия. При их столкновении одна часть старого мира умирает, а другая подвергается деконструкции на всех уровнях (социальная иерархия, культура повседневности, система ценностей). Именно эта деконструированная знаковая система, несущая исключительно негативные коннотации, ложится в основу советского бытия в фильмах А. Балабанова. Главной проблемой советского бытия в фильмах А. Балабанова «Счастливые дни» и «Замок» становится разрушение связи между означаемым (именем) и означающим (личностью), что, с одной стороны, репрезентирует острый личностный кризис идентичности («Счастливые дни»), с другой стороны, означаемое (имя, социальный статус) начинает довлеть и определять означающее (личность), что подчеркивает трагичность и абсурдность советского бытия. Наиболее яркий и объемный образ советского бытия представлен в фильме «Груз 200». Режиссер деформирует коннотацию ключевых знаков советской культуры в фильме, синтезируя их с ужасающими своей жестокостью сюжетами и сценами. Таким образом, вскрывая парадоксальную противоречивость всей знаковой системы советского бытия, режиссер разрушает ее основу.

Литература

- Аристова, 2020 — *Аристова Е. П.* «Помыслить бытие»: советские, российские и зарубежные исследования второй половины XX — начала XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5. С. 184—192.
- «Брат» и «Брат 2» собрали в повторном прокате почти 60 млн рублей. Текст: электронный // КиноРепортер. 29 марта 2022 // URL: <https://kinoreporter.ru/brat-i-brat-2-sobrali-v-povtornom-prokate-pochti-60-millionov-rublej/> (дата обращения: 15.05.2022).

- Добротворский, 2006 — *Добротворский С.* Узник замка К. // Сеанс. 2006 // URL: <https://seance.ru/articles/uznik-zamka-k/> (дата обращения: 14.05.2022).
- Ерохина, 2020 — *Ерохина Т.И.* Героизация личности и быта в советской культуре начала XX в.: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 147–155.
- Журкова, 2018 — *Журкова Д.А.* Музыкальная драматургия фильма «Морфий» Алексея Балабанова // Художественная культура. 2018. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-dramaturgiya-filma-morfii-alekseya-balabanova> (дата обращения: 12.05.2022).
- Зайченко, 2013 — *Зайченко С.С.* К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса // Вестник ЧелГУ. 2013. № 2 (293) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znakovoy-neodnorodnosti-kinodiskursa> (дата обращения: 14.05.2022).
- Злотникова, Ерохина, Еремин, 2020 — *Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Еремин А.В.* Советское бытие как интегративный феномен: истоки, трансформация, художественные практики // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5. С. 193–201.
- Кувшинова, 2015 — *Кувшинова М.Ю.* Балабанов. Санкт-Петербург.: Мастерская «Сеанс», 2015.
- Левченко, 2019 — *Левченко Я.* Энтропическое пространство Алексея Балабанова. // Сеанс. 2019 // URL: <https://seance.ru/articles/unichtozhenie-tel-balabanov/> (дата обращения: 14.05.2022).
- Любивая, 2015 — *Любивая Г.А.* Образы защитника правопорядка в советской и постсоветской культуре: сравнительный анализ (на материале кинематографа) // Философия права. 2015. № 6 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zaschitnika-pravoporyadka-v-sovetskoj-i-postsovetskoj-kulturne-nachala-xx-v-genezis-i-transformaciya>

- [i-postsovetskoj-kulture-sravnitelnyy-analiz-na-materiale-kinematografa](#) (дата обращения: 14.05.2022).
- Опрос: Главное кинематографическое событие // Сеанс. Чапаев. — 22.08.2018 // URL: <https://seance.ru/articles/opros-glavnoe-kinematograficheskoe-sobytie/> (дата обращения: 15.05.2022).
- Сиривлия, 2007 — *Сиривлия Н.* Без бога в душе, без царя в голове // Новый мир. 2007. № 9 // URL: magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/9/si20.html (дата обращения: 14.05.2022).
- Шейкин, 1988 — *Шейкин А.Г.* Знаковая система // Культурология XX век. Энциклопедия в двух томах / глав. ред. и сост. С.Я. Левит. Санкт-Петербург: Университетская книга. 1988.

References

- *Aristova, E.P.* «Pomyslit' bytie»: sovetskie, rossijskie i zarubezhnye issledovaniya vtoroj poloviny НКН — nachala XXI v. [To define soviet existence: soviet, russian and world researches of the second half of the XX century and the beginning of the XXI century] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2020. № 5. P. 184–192.
- «Brat» i «Brat 2» sobrali v povtornom prokate pochti 60 mln rublej [«Brat» and «Brat 2» collected almost 60 million rubles in the re-rental] // KinoReporter. 29 marta 2022 // URL: <https://kinoreporter.ru/brat-i-brat-2-sobrali-v-povtornom-prokate-pochti-60-million-ov-rublej/> (accessed: 15.05.2022)
- *Dobrotvorskij S.* Узник замка К. [Prisoner of the castle K] // Seans. 2006 // URL: <https://seance.ru/articles/uznik-zamka-k/> (accessed on 14.05.2022).
- *Erokhina T.I.* Geroizaciya lichnosti i byta v sovetskoj kul'ture nachala НКН v.: genезis i transformaciya [Heroization of the personality and life in soviet culture of the beginning of the XX century: genesis and

transformation] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2020. № 4 (115). P. 147–155.

- *Zhurkova D. A.* Muzykal'naya dramaturgiya fil'ma «Morfiy» Alekseya Balabanova [Musical dramaturgy of Alexei Balabanov's Morphine movie] // Hudozhestvennaya kul'tura [Artistic culture]. 2018. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykal'naya-dramaturgiya-filma-morfiy-alekseya-balabanova> (accessed on 12.05.2022).
- *Zajchenko S. S.* K voprosu o znakovoj neodnorodnosti kinodiskursa [On the question of the iconic heterogeneity of the film discourse] // Vestnik CHelGU [Chelyabinsk state university bulletin]. 2013. № 2 (293) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znakovoy-neodnorodnosti-kinodiskursa> (accessed on 14.05.2022).
- *Zlotnikova T. S., Erokhina T. I., Eriomin A. V.* Sovetskoe bytie kak integrativnyj fenomen: istoki, transformaciya, hudozhestvennye praktiki [Soviet existence as an integrative phenomenon: origins, transformation, artistic practices] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2020. № 5. P. 193–201.
- *Kuvshinova, M. Yu.* Balabanov Sankt-Peterburg: Masterskaya «Seans» [Workshop «Seans»], 2015.
- *Levchenko, Ya.* Entropicheskoe prostranstvo Alekseya Balabanova [Entropic space of Alexey Balabanov] // Seans. 2019. URL: <https://seance.ru/articles/unichtozhenie-tel-balabanov/> (accessed on 14.05.2022).
- *Lyubivaya G. A.* Obrazy zashchitnika pravoporyadka v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture: sravnitel'nyj analiz (na materiale kinematografa) [Image of the defender of law and order in Soviet and post-Soviet culture: comparative analysis (based on cinematography)] // Filosofiya prava [Philosophy of law]. 2015. № 6 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

[obrazy-zaschitnika-pravoporyadka-v-sovetskoj-i-postsovetskoj-kul'ture-sravnitelnyj-analiz-na-materiale-kinematografa](#) (accessed on 14.05.2022).

- Opros: Glavnoe kinematograficheskoe sobytie [Poll: the main cinematic event]. // Seans. Chapaev. 22.08.2018 // URL: <https://seance.ru/articles/opros-glavnoe-kinematograficheskoe-sobytie/> (accessed on 15.05.2022)
- *Sirivolya N.* Bez boga v dushe, bez carya v golove [Without god in the soul without a king in the head] // Novyj mir [New world]. 2007. № 9 // URL: magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/9/si20.html (accessed on 14.05.2022).
- *Shejkin, A. G.* Znakovaya Sistema [Sign system] // Kul'turologiya XX vek. Enciklopediya v dvuh tomah [Cultural studies of the XX century] / ed. S.YA.Levit. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1988.

Tirakhova V. A.

SEMIOTICS OF SOVIET EXISTENCE IN BALABANOV'S CINEMATOGRAPHY

Tirakhova Varvara Alekseevna, postgraduate student of the Yaroslavl State University named after K. D. Ushinsky (Theory and History of Culture). 150000, Russia, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108. E-mail: varkoll@mail.ru.

Abstract. Within the framework of this article the result of the study of the iconic system of Soviet existence reflected in post-Soviet cinema is presented, using the example of the analysis of A. Balabanov's films. The importance of the work is predetermined with the research material: A. Balabanov is a significant post-Soviet director who influenced the national cinema and culture in general. The image of Soviet existence occupies a special place in the works of A. Balabanov, while for each key period of Soviet culture the director uses different principles for the formation of the iconic

system of Soviet existence. The author consistently analyzes the director's key films, exploring the syntactic and structural features of the iconic system of Soviet existence in the films, designates its semantic field and the specifics of its representation at the level of analysis of the system of characters, plot and artistic space of films. The author concludes that the key principle of the representation of the sign system of Soviet existence in the films of A. Balabanov is the deformation of the signs of Soviet culture, their connotative meaning, which allows us to reveal the paradoxical inconsistency of the entire sign system of Soviet existence.

Key words: *Soviet existence, semiotics, post-Soviet cinema, A. Balabanov, representation.*

Куимова В. М.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВЕТСКОМ ДЕТСКОМ КИНО (ОПЫТ Р.А. БЫКОВА)¹

Куимова Владислава Михайловна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры журналистики и медиакоммуникаций ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.
E-mail: kuimova.vladislava@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена творческому опыту Р. А. Быкова как режиссера детских фильмов в призме репрезентации советской повседневности. Несмотря на тот факт, что Быков был дезавуирован тоталитарным режимом, и работы автора подвергались подчас разрушительной цензуре, Быков находился и творил в актуальной для него действительности, не обраца-

¹ Выполнено по Гранту РФФ № 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

ясь к эскапизму. Репрезентация выражена в приметах времени и их культурном контексте.

Способом познания и образного осмысления советского бытия становилась театрализация повседневности, включавшая в себя типичные и при этом подчас до гротеска преувеличенные образы и диалоги, обладавшие не только репрезентативностью по отношению к социальной действительности, характерной для 60–70-х гг., но и становившиеся способом формирования комических элементов в повествовании, понятных советскому и, хотя и не в полной мере, постсоветскому человеку. В исследовании проанализированы визуальные и смысловые доминанты в кинофильмах «Внимание, черепаха» 1970 г., «Телеграмма» 1972 г. и «Чучело» 1983 г.

Ключевые слова: Р. А. Быков, кинематограф, детское кино, советская повседневность, советское бытие, театрализация повседневности.

Советский кинематограф, выступая в качестве социального камертона, представляет собой совокупность противоречивых, но взаимодополняющих явлений. Мы имеем в виду не только и не столько дистанцию между зрительскими и авторскими фильмами, а смысловые доминанты и репрезентацию действительности. Выбранный нами автор — режиссер Р. А. Быков — воплощает принципы альтернативного советского кинематографа, в том числе соответствуя критериям о личностной интеллектуальной маргинальности. К творчеству Р. А. Быкова, когда речь идет о воплощении в его творчестве повседневных реалий и психологических нюансов, особенно — детского миропонимания, применимы концепты психоаналитического дискурса; таково, например, понятие архетипической репрезентативности образов, что особенно значимо в контексте типичного понимания и воплощения жизненных реалий советской повседневности. Для нашего исследования важно, что режиссер продолжал творческую деятельность и оставался в профессии, несмотря на давление властей и подцензурность творчества. Фигуру Р. А. Быкова мы видим в качестве своего рода символа, бытийной метафоры «человек-эпоха», поскольку этот

человек аккумулировал в себе актуальные и одновременно вечные мотивы (жертвенность, милосердие, рыцарство, конфликт добра и зла), воплощенные в конкретный исторический период.

Одним из характерных приемов в работе Р. А. Быкова являлась театрализация повседневности: она представляет собой социокультурную и эстетическую парадигму, формирование системы межличностного взаимодействия и приемов работы со средой, на что мы уже обращали внимание ранее [Куимова, 2022, с. 179]. Для режиссера гротескная театрализация, избранная как один из базовых приемов в большинстве кинокартин, становится способом образного выражения действительности и возможностью сохранения жизнеспособности в социально и нравственно нетерпимых условиях. Сюжеты фильмов «Внимание, черепаха», «Телеграмма» и «Чучело» сконструированы вокруг частных житейских событий и поступков, которые позволяли обратиться к остро звучащим проблемам ответственности, милосердия и жестокости, дискредитированной потребности в коммуникации и взаимопонимания. Предполагаемые как условно детские, названные проблемы имеют экзистенциальный характер, что позволяет говорить о новом уровне семейного кинематографа. Кроме того, театрализация включает в себя типичные образы и диалоги, которые обладают репрезентативностью социальной действительности, характерной для 60–80-х гг., а также становятся способом формирования комических элементов в повествовании, понятных советскому и постсоветскому человеку.

Обратимся к приметам советского времени и их культурному контексту в выбранных нами для исследования картинах.

Уже в самом названии имевший характерный для советского времени призыв к ответственности и активным действиям, фильм «Внимание, черепаха» вышел на экраны в 1970 г. В первой сцене мы знакомимся с основными

действующими лицами: режиссер акцентирует внимание на их внешнем облике. Мода одновременно становится индикатором советского времени и формой театрализованной игры. Картина начинается с прихода детей и учительницы в школу. Анна Сергеевна, классная руководительница 1 «Б», роль которой исполняет актриса Ирина Азер, выправляет из-под пальто юбку, превращая ее из мини в одежду допустимой по советским школьным меркам длины, и снимает берет. Молодая учительница — модница, но — в ограниченных советскими идеологическими и бытовыми рамками пределах. На 70-е приходится пик популярности мини-юбок в СССР. В моде была квадратная форма очков, их и надевает учительница. Другой обязательный атрибут — туфли-лодочки на невысокой пятисантиметровой шпильке. Красный берет, который прячет учительница, носили в основном студенты и молодые специалисты, старшие граждане старались избегать данного головного убора. Девочки из класса повторяют привычную процедуру учительницы, выправляют юбки, но не снимают беретов, и отправляются в класс. Далее Анна Сергеевна будет появляться в кадре в шерстяной водолазке с высоким воротником, привычным для нас, но экстравагантным в 70-е, и коротких шортах, более расслабленном спортивном, но в то же время актуальном стиле.

Мы обращаем пристальное внимание на перечисленные атрибуты, поскольку мода не только свидетельствует о социальном — в данном случае советском — контексте, но и неразрывно связана с особыми эстетическими и психологическими способами постижения действительности, что названо нами театрализацией повседневной жизни в реальности. Как отмечает Г. Блумер, коллективный вкус, формируемый дизайнерами, производителями и покупателями, определяется «духом времени», коммутирующим идеи современного искусства, литературы и средств массовой информации [Blumer, 1969].

Одновременно с этим мода является инструментом социальной адаптации: игровое начало активно используется в повседневной жизни. Этот атрибут и воспринимает Р. А. Быков, ставя комический акцент на сцене «преображения» учительницы, что обозначает ее поведенческую инфантильность в структуре фильма: девушка оказывается в своем бытовом поведении наравне с детьми, а не взрослыми. В коридорах школы детей могут «построить» только уборщица и директор, не учительница. Анна Сергеевна остается в одной плоскости со своими учениками, поэтому она является предметом любви и подражания, ее поведение максимально приближено к детскому.

Действие фильма в основном происходит в классе, а школа воспринимается как место постоянного пребывания, типовое (в данном случае советское, значимое для детей и окружающих их взрослых), но благоустроенное, особенное — с рисунками на стенах, партами с ящиками, часами марки ЭЧЛ (Электрические часы Ленинграда, только в 1960-х начинается производство электро-механических часов). Конечно, присутствует и живой уголок, где обитает черепаха с космической кличкой Ракета — характерный для советских образовательных учреждений и практически не встречаемый в современных детских садах и школах. Черепаха — это неприхотливое животное, которое подходит для жизни в квартире без особого внимания родителей. Но она не просто домашний питомец, а символ (вечности, человечности, дружеских чувств), через который раскрывается основной конфликт.

«Черепаха живет триста лет. Она, может быть, современница Ивана Грозного, в ней есть что-то от земноводных, от рептилий, от звероящеров. В ней есть нечто от вечности. Это сразу придало истории философскую направленность. Ребенок и животное, которое несет в себе тайну времени, — вот какую простую, четкую и прочную основу заложили авторы в будущий фильм» [Быков, 2019, с. 89], — пишет Быков в дневниках.

Согласно развитию фабулы, во время урока Вову Васильева забирает бабушка (роль исполняет Л. Малкина). Она буквально врывается в кабинет и побуждает детей сделать зарядку. Бабушка Вовы позволяет себе ту непосредственность, активность и странность, которую не могут позволить себе дети. Странная, энергичная, но не агрессивная бабушка, в отличие от своих сказочных аналогов лишена мягкой элегичности и воплощает карнавальное и гротескное начало. Это выражается и в гендерной промежуточности персонажа. Л. Малкина коротко подстрижена, она появляется в фильме исключительно в спортивном костюме. Она «строит» подчиненных на традиционных соревнованиях по пожарному спорту. Пытаясь накормить внука, что является привычным поведением для бабушки в повседневности, она не печет пироги и не варит суп, а отдает Вову Васильева в Институт питания. Это новая модель советской бабушки: городской, а не деревенской, активно вовлеченной в социальную жизнь. Противоположный по поведенческим и, очевидно, социальным особенностям персонаж — профессор Самохин, дедушка Тани (роль исполняет А. Баталов). Он представляет собой тип «бытового» интеллигента, спокойный и изящный. В соответствии с психо-эмоциональными характеристиками персонажей, А. Баталов воплощает в себе духовность, Л. Малкина — плотскую силу жизни. Оба начала важны при разрешении конфликта фильма — при спасении черепахи.

В фильме Быкова дети-школьники существуют в странном сообществе: без родителей. Отсутствие родителей в кинофильме связано, во-первых, с историко-социальным контекстом. Расширенная семья с несколькими поколениями, существующая на одной территории, была характерна для того времени. С другой стороны, в сосуществовании детей и пожилых людей есть экзистенциальный смысл, выявляющий общие черты — неовременность их жизни или ее «неовременность»

на надситуативном уровне [Нуркова, Днестровская, Михайлова, 2012].

После школы Таня Самохина, внучка профессора, отличница и совесть коллектива, занимается музыкой (на пианино) в комнате, заставленной мягкими игрушками и живыми цветами, другие дети — играют. Их мир делится на условно женский и мужской, где мальчикам интересна война, а девочкам — уже любовь. Это визуально воплощается в сцене, где Манукян и Элла играют на балконе в бадминтон. На его стороне стены — игрушечный пистолет, на ее — стоит кукла. «У меня ум мужской, аналитический», — говорит мальчик своему другу. Мальчики, кроме Вовы Васильева, выбирают войну: им недостаточно любить черепаху, ее нужно испытать под танком. Война как испытание в извечной игровой «мальчиковой» традиции приводит к главному конфликту.

Важно отметить, что дети не подчиняются зарегламентированной советской действительности, они пока что демонстрируют максимальную свободу поведения. Ребенок воплощает природную, живую энергию, проявляет любопытство и ставит эксперименты.

Дети, в отличие от взрослых, поступают так, как хотят, в соответствии с личными представлениями о чувстве долга, морали и совести. Аналогичная логика взаимодействия персонажей выстраивается и в к/ф «Телеграмма», 1972 г. Жанр фильма охарактеризован как драма. Его основная тема — несостоявшаяся встреча на вокзале, которая могла произойти задолго до времени действия фильма. Затрагивая тему Великой Отечественной войны, очевидно значимой в контексте советского человека, Р. А. Быков в центр повествования ставит людей и их судьбы, а дети оказываются готовы прийти на помощь ровно так же, как и взрослые. При этом Великая Отечественная война не идеализирована, а ее участники — не героизированы, это люди, способные на важный поступок, кото-

рые продолжают свою жизнь, а их давняя история встроена в актуальную повседневность.

Вновь дети-школьники, еще совсем маленькие. Действие фильма разворачивается в предновогодний день. Он начинается с немой сцены: остановились машины, автобусы, люди. Все они замерли перед ударами часов. Крик игрушечного петуха ознаменовывает начало действия. Школьники пытаются погрузиться в автобус. Они оказываются в музее и посещают экскурсию, посвященную писателям и поэтам. Крупным кадром показана девочка с белыми бантами и большими темными глазами. Она будет одним из главных действующих лиц фильма, вокруг истории ее семьи выстраивается сюжетная коллизия. «Вот девочка, которая мне очень нравится. Ее зовут Тоша Пятипал. Я пять лет учился в старой школе, и мне никто никогда не нравился, а в этой я всего две недели», — произносит мальчик Костя Карпов слегка заикающимся голосом за кадром.

Тоша Пятипал в музейном зале показывает другому однокласснику фотографию, на которой вместе с пролетарскими поэтами Владимиром Кирилловым и Владимиром Маяковским, одобряемыми режимом, запечатлен ее дедушка — Николай Афанасьевич Пятипал. В разговор детей вмешивается сотрудница музея, которая следит за порядком: она требует не водить пальцем по стеклу и не кричать в зале. Как и уборщица в к/ф «Внимание, черепаха!», она «строит» школьников, которые якобы не соблюдают строго регламентированный общественный порядок.

Между собой школьники обсуждают предстоящий день рождения, именинница — все та же Тоша Пятипал. Школьники шутят, что устроят пионерский день рождения, сравнивая его с комсомольской свадьбой. Речь идет о своеобразии воспитательной работы в духе советской идеологии 1960-х гг. Как отмечает Н. Б. Лебина, такая церемония выступает своеобразным симулякром,

«который мог бы соперничать с ритуалистически отлаженным церковным бракосочетанием» [Лебина, 2014, с. 51]. Как было характерно для того периода времени, свадьба из личного события семьи становится событием общественным, зависящим от активности комсомольской организации. По аналогии с комсомольской свадьбой строится подготовка к пионерскому дню рождения: коллективные действия и даже жертвы, все дети должны были отказаться от завтрака, чтобы купить подарок для Тоши — игрушку пингвина с заводными механизмом. Только Костя Карпов, поступая как мало соответствующий советской идеологии ребенок, тратит деньги на шоколад, отрываясь от коллектива. Его поведение социально неодобряемое, дети не считают мальчика «своим».

После похода в музей класс торжественно фотографируется на фоне Москвы-реки. Неожиданно на набережной появляется мама Тоши Пятипал. Она увозит ребенка на такси, чтобы купить «венгерскую шубку» в ГУМе. Во время диалога возле автомобиля собирается очередь людей, которые тоже хотят совершить поездку. И очереди, и дефицит товаров, и даже покупки в ГУМе — узнаваемые атрибуты советского времени.

Л. А. Якушева полагает, что очередь относится к тем социокультурным практикам, в которых сосредоточены исторические, этнические и психологические особенности фундаментальной коммуникативной традиции и бытовое поведение советского и постсоветского человека. Как отмечает исследователь, феномен очереди воплощает в себе не только повседневную практику устремления к покупке, которую еще надо дожидаться и дотерпеть до ее получения, но и путь исторического развития — отдаленность результата, длящееся ожидание, где возникает аналогия со строительством коммунизма [Якушева, 2016, с. 278].

Особенность очереди в советской традиции заключается в скученности и хаотичности, в отличие от исходной

задачи — обеспечить упорядоченность в ожидании получения необходимых предметов. Для Р. А. Быкова характерные приметы времени, которые подвергаются театрализации (диалоги в очереди), становятся отправной точкой в формировании комедийных элементов фильма: люди начинают занимать очередь на такси, несмотря на отсутствие стоянки.

В рамках повествовательной канвы фильма после музея школьники отправляются в магазин, где пытаются купить игрушку в качестве подарка на день рождения, но им не хватает денег. Костя Карпов идет в библиотеку, чтобы найти книгу Николая Пятипала, дедушки своей одноклассницы. В здании проходит встреча с писательницей, роль которой исполняет Р. Зеленая. Будучи одной из любимых актрис Р. А. Быкова, она обрела свое место в искусстве через имитацию детскости. Участвуя во фронтовых концертных бригадах, Р. Зеленая читала детские стихи от лица ребенка. Она озвучила множество мультфильмов и снималась на второстепенных ролях, по большей степени, в фильмах для детей и комедиях («Сказка о потерянном времени», «Три толстяка», «Телеграмма», «12 стульев», «Чиполлино» и др.). Писательница в кинофильме выглядит экстравагантно: на ней крупные украшения, меховая шапка (которую в СССР женщины зачастую не снимали в помещении), перчатки. Воплощая карнавальное начало, она растянуто произносит банальные и псевдоинтеллектуальные фразы о детстве. В это время у писательницы под столом собираются дети, которые устраивают свои, отдельные и не связанные со взрослой странной дамой, настоящие игры.

Костя Карпов сначала хочет спрятать книгу Николая Пятипала под рубашку, но не решается на такой поступок. Он берет стихи для чтения на дом, попутно узнавая, что случится, если сборник не вернуть вовремя. Далее вместе с Русланом он отправляется в химчистку (они были распространены в советской Москве, сцена в подобном по-

мещении есть в более позднем фильме «Москва слезам не верит», 1979 г.). Подросток с помощью специального раствора удаляет с одной из страниц штамп библиотеки, ведь он готов понести наказание, совершив героический поступок для своей любимой девочки. Для Тоши книга воплощает связь с еще живым дедушкой, его значимость в контексте культуры: Николай Пятипал больше не пишет стихи, он погружен в обыденное.

Параллельно с этим в кинофильме появляется линия с женихом и невестой, которая звучит рефреном по отношению к «пионерскому дню рождения». Костя Карпов и Тоша Пятипал, молодожены в отдельных сценах и родители Тоши, Екатерина и Сергей Пятипал, на разных возрастных этапах символизируют любовную линию в фильме. В химчистке жених играет вместе с Русланом, отстирывает штаны (взрослый — от пятен от шампанского, ребенок — от простокваши), что сближает поколения между собой: Быков показывает, что в сущности различий между взрослыми и детьми не существует, все зависит исключительно от социальных установок.

Именно в химчистке Костя находит телеграмму, которая становится триггером последующих действий. Он выходит на улицу, где встречает Тошу Пятипал, которую дедушка отправил в магазин за цукатами для пирога. Девочка, которая хочет узнать, какую книгу за пазухой прячет Карпов, остро реагирует на отказ ребенка. «Я тебя ненавижу», — отвечает она мальчику. Такие сильные в условно взрослом мире слова, но легко произносимые в мире детском, показывают свободу ребенка от социальных конструкторов в вопросе чувств.

В поисках Кати Иноземцевой, которой предназначена телеграмма, дети приходят в дом, где она когда-то жила, а после общения с соседями, заставшими войну (роли исполняют Ю. Никулин и В. Телегина), они отправляются в госпиталь, в котором девушка работала во время войны. В здании уже располагается школа. Место действия, как

и в к/ф «Внимание, черепаха!» разворачивается в актовом зале. Здесь одновременно проходит прогон концерта, тренировка по баскетболу, репетиция оркестра и даже генеральная уборка перед балом. Жизнь детей — постоянная суматоха, бег, поиски решений надвигающихся проблем. Человеком, который владеет практически сакральным знанием о судьбе Кати Иноземцевой, оказывается уборщица Аграфена Владимировна. Дети узнают, почему Катя вышла замуж за друга детства Антона и оставила Сергея, который и должен приехать на вокзал этим вечером. Антон получил серьезные ранения на войне и умер от сепсиса в палате. После Катя отправилась на фронт. Так, в детском фильме поднимаются серьезные темы: любовь, чувство долга, лишения войны, сила подвига, принятие смерти.

Узнав историю, дети сначала отправляются в больницу к хирургу Мкртычу Аванесовичу (роль исполняет Г. Элбакян), а потом оказываются в квартире больного генерала-полковника Ивана Яковлевича (Н. Крючков). Оба персонажа воспринимают детей серьезно, готовы помочь им в поисках. В комнате Ивана Яковлевича черно-белые фотографии на одной полке соседствуют с самоваром, поверх одеяла лежит военный китель, на столике возле кровати — три красные гвоздики, которые в СССР стали символом Великой Победы. Генерал-полковник следит за соревнованиями на ипподроме и по-детски радуется, когда узнает о победе ЦСКА (Центрального спортивного клуба армии в советское время). Он рассказывает Тоше, Косте и Руслану о подвигах, которые Катя Иноземцева вместе со своей подругой Зиной совершила в 1943 г.

У детей случается размолвка: Тоша больше не готова искать Катю, она уверена, что та не любит Сергея, и встреча на вокзале не приведет ни к чему хорошему. Девочка остается возле памятника солдатам Великой Отечественной войны. Смотря на монумент, она пони-

мает важность их поисков и возвращается к мальчикам. Детское начало проявляется в Руслане, который начинает плакать: ребенок хочет есть. Они покупают пирожки и едят их на площади вместе с Дедом Морозом, Снегурочкой и другими актерами в масках животных, которые участвуют в новогоднем представлении. 31 декабря улицы Москвы абсолютно «живые»: продолжаются елочные базары, люди встречаются, чтобы вместе отметить праздник, идет подготовка. Новый год в советской повседневности насыщен действием и понятными праздничными ритуалами. Сейчас это, скорее, семейный праздник.

Главные действующие лица отправляются к Зине, подруге Кати Иноземцевой, которая переехала в новостройки, обязательный атрибут советской действительности хрущевского периода. На пути им встречается группа новоселов (среди них есть и сам Р. А. Быков), которые исполняют песню «Дорогая моя столица» — советскую песню о Москве периода Великой Отечественной войны, которая только в 1995 г. станет официальным гимном города.

Дети находят Зину Шаламытову (роль исполняет И. Киселева). Дальше их пути разделяются: Тоша уезжает на вокзал, чтобы встретить Сергея, а Костя и Руслан вместе с Зиной отправляются домой к Кате Иноземцевой. Так они оказываются в квартире семьи Пятипал. На экране — программа «Время», которая появилась в эфире в 1968 г., отец семейства Сергей читает газету. Привычка существовать рядом или вместе со СМИ — один из атрибутов советского времени. Вместе с Николаем Афанасьевичем они начинают раздвигать складной стол, который ломается в процессе. Дедушка находит нетривиальное решение: принимать гостей по-турецки, с подушками вместо стульев. Дети уже пришли на день рождения. Семья вместе с Костей, Русланом и другими гостями приезжает вместе на вокзал, где Сергея ждет

Тоша. Так, девочка узнает, что история Кати Иноземцевой, Антона и Сергея — история о ее родителях.

Мы можем обозначить жанровое и психоэмоциональное движение режиссера Р. А. Быкова: от милых, едва ли не сказочных бытовых историй, наполненных сюжетными коллизиями, он приходит к драматически напряженному повествованию о страданиях и несправедливости. Третий фильм — «Чучело» — выходит в 1983 г. (в двух частях). Он снят по одноименной повести Владимира Железникова, написанной в 1981 г. Картина остается наиболее противоречиво воспринятым публикой фильмом Р. Быкова, центральной темой которого становится не только одиночество юных душ, но подростковая жестокость и агрессия. Не вся публика оказалась готова к виду детей в красных пионерских галстуках, которые могут обидеть, унижить, едва ли не уничтожить ровесника-одноклассника. Пожалуй, такой фильм характерен для социальных процессов, происходящих на закате СССР, и не мог появиться на экранах в более ранний период.

Ради работы над фильмом «Чучело» Р. Быков оставил разработку сказочной трилогии «Русь былинная», автобиографического сценария «Мама, война!» о своем поколении, комедию «Соблазнитель», построенную на игре жанров. «Отчего же я все это бросил и стал снимать «Чучело»? Есть такое понятие — социальный заказ. О нем можно спорить, но он существует в душе художника независимо от споров, это чувство времени, чувство кровной связи с жизнью твоих соотечественников, с проблемами, которые решает сегодня твоя страна» [Быков, 2019, с. 154], — писал режиссер.

«Р. Быков! С гневом и отвращением посмотрели мы фильм «Чучело». Как вам не стыдно гнусный пасквиль, насквозь фальшивый вестерн выдавать за «произведение искусства». Я 47 лет проработала в школе, стыдно мне, что неискренний, малоодаренный человек (а я Вас именно таким и считаю) взялся не за свое дело» [Быков,

2019, с. 156], — приходили к Быкову письма. При этом хвалебных отзывов в личной почте оставалось больше — люди со всего Советского Союза узнавали в истории про чучело себя или свой класс. Письма опубликованы в статье «До и после «Чучело» в журнале «Юность» в равном соотношении, как обозначил их сам Быков, «хорошие и плохие» [Быков, 2019]. Столь живой отклик аудитории свидетельствует об одновременной актуальности и вневременности повествования.

Действие фильма начинается с общего плана одной из улиц провинциального города (съемки проводились в Твери, тогда — Калинин, и Тверской области). На ограждении сидят двое мужчин и обсуждают работу кадрового отдела. Они соответствуют типичному облику «советского гражданина» — в головных уборах, темных пальто, с портфелями. Лавку за ними заняли школьники в яркой одежде с переносным магнитофоном, явной приметой уже наступивших 1980-х. Это и есть ученики класса, в котором дальше будет развиваться конфликт. Лена Бессольцева (роль исполняет Кристина Орбакайте) появляется в кадре отдельно от остальных детей, она бежит по мосту и зовет дедушку, что обозначает жизненную границу — ее переезд в город. Коллектив резко негативно настроен к новенькой. Поведение детей в школе и на улице сильно контрастирует. За партами они пока остаются примерными пионерами, что является обязательным для советского подростка, за пределами школы — они меряются уровнем достатка и определяют свое влияние в коллективе. Это уже не похоже на детей в фильмах «Внимание, черепаха» и «Телеграмма», которые готовы на поступок и ответственность: меняется и само время, и человеческие отношения. Пионеры, несмотря на наличие красных галстуков, уже не живут «по совести» и тем более не «борются за мир».

Только одноклассник Дима Сомов (роль исполняет Дмитрий Егоров) заступается за новенькую, но их друж-

ба, переросшая в первую влюбленность, рушится из-за его подлого поступка. Дети решаются прогулять урок для того, чтобы пойти в кино (главное развлечение советских школьников). Когда все втайне выходят на улицу, ученики понимают, что забыли копилку, в которой отложены деньги на поездку в Москву. Лена соглашается ее принести, но падает по пути, а Дима забегает в класс первым. Там мальчик встречает учительницу Маргариту Ивановну (Елена Санаева), и та выпытывает у него, куда пропал весь класс. Дима признается, что все сбежали в кино. Разговор слышит Лена: она решает не выдавать друга, но в ответ получает предательство. Мальчик перекладывает всю вину на нее, а потом готов присоединяется к травле.

Общечеловеческие проблемы перенесены на обыденность небольшого коллектива — класса, где персонажи существуют по устойчивым паттернам: новенькая, которая никому не нравится из-за своей странности, Лена Бессольцева, самый смелый мальчик в коллективе, оказавшийся трусом, Дима Сомов, человек, для которого основным в жизни являются формально установленные принципы, и он не способен проявить гибкость Мирнова (Железная Кнопка), первая красавица в классе, которая становится провокатором (Шмакова), девочка, которая ждет отъезда из провинции вслед за отцом, оставившим семью, Марина, хулиган, который издевается над животными и держит всех в страхе, потому что страшно ему самому, Валька. В качестве мотивационных структур персонажей в фильме психологи обозначают «желание быть лидером», «желание сохранить верность», «желание оказать помощь», «потребность внимания к себе», «боязнь наказания», «чувство долга», «стремление быть свободным в своих суждениях и поступках» [Собкин, Маркина, 2009, с. 64]. Этот психологический набор вполне соответствовал советским воспитательным установкам.

Единственным персонажем, который на экзистенциальном уровне ассоциируется со свободой, является Лена Бессольцева. При этом одноклассники воспринимают ее как юродивую. В ответ на обиды, исходящие от детей, Лена поначалу смеется и улыбается, она не верит в возможность предательства Димы Сомова и постигает истину в процессе обряда сожжения уподобленного ей самой чучела. Именно эту сцену режиссер считал той, к которой стремится все предыдущее повествование картины. Ради ее сохранения Р. Быков обращался к помощнику Генерального секретаря КПСС В. Шарапову. Кульминацией фильма становится сцена танца Лены на дне рождения одноклассника: она снимает платок, под которым нет волос. Девочка сбрила их, чтобы удивить одноклассников, тем самым продемонстрировав собственное юродство. Только в этот момент к детям приходит осознание, что организованный бойкот необратимо повлиял на Лену и на них самих.

Дед Лены Бессольцевой — Николай Николаевич Бессольцев — несмотря на то, что является участником Великой Отечественной войны, воспринимается обществом как чужак, и дети перенимают эту взрослую модель поведения по отношению к человеку. «Никулину свойственна глубокая, чисто национальная тема «чужака»; и это сделало его близким и родным зрителю» [Быков, 2019, с. 180], — уверен режиссер. Одноклассники акцентируют внимание на состоянии дома и одежды бабушки новой одноклассницы, называя его «заплаточником», что не является маркером жизненных достижений в детском сознании, но является во взрослом. Коллекционирование картин в контексте советской действительности становится дополнительным маркером маргинальности. Грубое слово «чучело» и едва ли не ласковое «чужак» создают своеобразную рифму в контексте фильма: странные люди, не соответствующие жестким социальным нормам,

вызывают не уважение или почтение, а раздражение, презрение, конечно, нелюбовь.

Личный комфорт и благополучие приносятся в жертву ради искусства, что рассматривается как ненормальное поведение. Как отмечал Р. Быков, он смог оценить ценность приглашения Ю. Никулина на эту роль во время съемок центральных сцен фильма — дедушки и внуки: «Умение молчать в кадре, умение слушать — это вообще редкий дар, дар души. Мы все больше любим говорить сами, а слушать почти разучились. С трудом слышим. Это часто и рождает глухоту взрослого мира к миру детства» [Быков, 2019, с. 179]. Единственным близким другом Николая Николаевича является внучка. Их отношения не похожи на взаимоотношения «взрослый — ребенок»: они говорят на равных, жалеют друг друга, спорят и ссорятся, ищут выход из конфликта. Бессольцев не ругает Лену за проявленную грубость в отношении него: в нем нет традиционной родительской дидактичности. Воспитание воспринимается самим Быковым в отношении к ребенку как к равному себе человеку, где жизненным примером становится собственно поведение человека, его отношение к окружающему миру.

Внешний облик Лены, ее семья (а именно — бабушка, в фильме «Чучело», как и во «Внимание, черепаха!», отсутствуют родители) и позиция доброты как силы становятся факторами, благодаря которым коллектив настроен против нее и принимает безоговорочно ее ненастоящее предательство. «Мещанин смеется над добротой как над глупостью, над наивностью как недоразвитостью, над мягкостью как над слабостью. Для того, чтобы все это выдержать, надо быть, наверное, человеком сильным, даже волевым, может быть, даже замкнутым» [Быков, 2019, с. 169], — так описывал портрет Лены во время актерских проб Р. А. Быков.

В конце фильма Лена и ее бабушка покидают город, так и не вписавшись в общество, озлобленное и завистливое.

Своеобразный салют героям отдает оркестр, играющий на берегу реки под дирижированием одетого в военную форму режиссера Быкова. Дети осознают свою вину, и один из учеников оставляет под портретом девочки, которая так похожа на их бывшую одноклассницу, надпись: «Чучело, прости нас!».

Таким образом, все три изученных фильма — «Внимание, черепаха!», «Телеграмма» и «Чучело» — объединяет тема, это не просто условная пора жизни, это — советское детство. И, если в первых двух картинах повествование выстроено вокруг того, как дети могут принимать на себя ответственность и совершать условно взрослые поступки, то в третьем фильме мы можем говорить о признаках социального упадка и противопоставлении личности коллективу (как на условно детском, так и на условно взрослом уровне).

Советский быт и советская повседневность — естественный антураж и, более того, условия жизни с ее нормами, требованиями, запретами, в который помещены персонажи Р. А. Быкова: фильмы сняты в 70–80-е гг. Режиссер акцентирует внимание на деталях привычной жизни: одежде и моде, обстановке в школе и дома, играх, социальных явлениях — очереди, дефиците, стратификации. Фильмы Быкова предлагают не идеализированную, а реальную картину советской жизни, и мы можем к ним обращаться на контекстуальном уровне, не только как к художественным произведениям, но и как к документам эпохи.

Литература

- Быков, 2019 — *Быков Р. А.* «Давай-давай, сыночки!»: о кино и не только. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
- Куимова, 2022 — *Куимова В. М.* Театрализация советской повседневности: Р. А. Быков // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 2. С. 177–186.

- Лебина, 2014 — *Лебина Н.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
- Нуркова, 2012 — *Нуркова В.В.* Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5. No 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 01.08.2022).
- Собкин, Маркина, 2009 — *Собкин В.В., Маркина О.С.* Мотивационная структура поведения персонажа (по материалам восприятия фильма Ролана Быкова «Чучело») // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 2. С. 61–83.
- Якушева, 2016 — *Якушева Л.А.* Человек в очереди: социокультурная модель и артефакт // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. // URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2016_4/52.pdf (дата обращения 01.08.2022).
- Blumer, 1969 — *Blumer H.* Fashion: from Class Differentiation to Collective Selection // The Sociological Quarterly. 1969. № 3. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1533-8525.1969.tb01292.x> (дата обращения: 01.08.2022).

References

- Bykov R. A. «Davaj-davaj, synochki!»: o kino i ne tol'ko [Come on, come on, sons!»: about the movie and more]. Moscow: AST: Redakcija Eleny Shubinoj [Edited by Elena Shubina]. 2019. P. 590.
- Kuimova V. M. Teatralizaciya sovetskoj povsednevnosti: R. A. Bykov [Theatricalization of Soviet everyday life: R. A. Bykov]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2022 (2). P. 177–186.
- Leбина N. Muzhchina i zhenshhina: telo, moda, kul'tura. SSSR — ottepel' [Man and woman: body, fashion,

- culture. USSR — thaw]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2014. P. 208.
- *Nurkova V. V.* Kul'turnyj zhiznennyj scenarij kak dinamicheskaja semanticheskaja struktura (re)organizacii individual'nogo zhiznennogo opyta [Cultural life scenario as a dynamic semantic (re)structure of the organization of individual life experience] // V. V. Nurkova, M. V. Dnestrovskaja, K. S. Mihajlova // Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. 2012. Т. 5. № 25. URL: <http://psystudy.ru> (accessed on 01.09.2022).
- *Sobkin V. S., Markina O. S.* Motivacionnaya struktura povedeniya personazha (po materialam vospriyatiya fil'ma Rolana Bykova «Chuchelo») [Motivational structure of the character's behavior (based on the perception of Rolan Bykov's film "Scarecrow")]. Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]. 2009. Т. 2. P. 61–83.
- *Jakusheva L. A.* Chelovek v ocheredi: sociokul'turnaja model' i artefakt [Man in line: sociocultural model and artifact]. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2016. № 4 // URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2016_4/52.pdf. (accessed on 01.09.2022).
- *Blumer H.* Fashion: from Class Differentiation to Collective Selection // The Sociological Quarterly. 1969. № 3 // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1533-8525.1969.tb01292.x> (accessed on 01.09.2022).

Kuimova V. M.

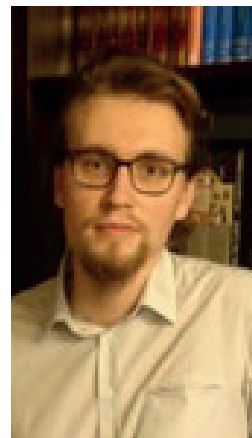
REPRESENTATION OF REALITY IN SOVIET CHILDREN'S CINEMA (THE EXPERIENCE OF R. A. BYKOV)

*Vladislava M. Kuimova, candidate of sciences in cultural studies, senior lecturer of department of journalism and media communications in Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Russia, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.
E-mail: kuimova.vladislava@mail.ru.*

Abstract. This article is devoted to the creative experience of R. A. Bykov as a director of children's films in the prism of representing Soviet reality. Despite the fact that Bykov was disavowed by the totalitarian regime, and the author's works were sometimes subjected to destructive censorship, Bykov was and worked in the actual reality for him, without resorting to escapism. The representation is expressed in signs of the times and their cultural context.

The theatricalization of everyday life became a way of cognition and figurative comprehension of Soviet life, which included typical and at the same time sometimes exaggerated to the grotesque images and dialogues, which not only possessed representativeness in relation to social reality, characteristic of the 60–70s, but also became a way of the formation of comic elements in the narrative, understandable to the Soviet and, although not fully, post-Soviet people. The study analyzes the visual and semantic dominants in the films "Attention, Turtle," 1970, "Telegram," 1972 and "Scarecrow," 1983.

Key words: *Bykov, cinematography, children's cinema, Soviet reality, Soviet existence, theatricalization of everyday life.*

Воробьев А. А.

О ВЫСТУПЛЕНИИ Л. М. ЛЕОНОВА НА II ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

**Воробьев Андрей Александрович, заместитель генерального директора Издательского дома «Руда и Металлы». 117049, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д.6, стр. 2.
E-mail: andorth@yandex.ru**

Аннотация. В работе дан развёрнутый комментарий на доклад Л. М. Леонова, представленный писателем к слушанию на II Всесоюзном Съезде советских писателей (1954 г.). Показано, что понимание пути развития литературы Леоновым, хотя и находилось в официальном русле, отличалось от ортодоксального соцреализма и от нарождающейся тенденции бытописательства. Писатель предлагал мыслить советскую литературу как исследование жизни и проективно-имагинативный акт. Отмечено, что такой подход вскрывал в социалистическом реализме конструктивистское содержание.

Ключевые слова: советская литература, социалистический реализм, Л. М. Леонов, естественнонаучное мышление, конструктивизм.

На II Съезде писателей Л. М. Леонов ёмко выразил свои мысли о перспективах литературы в её связи с развитием советского общества: «Страна и народ наш стали гигантской *лабораторией*, где выверяются *нормы* будущих людских отношений и создаются *эталоны* новых добродетелей, на которые обопрётся здание новой коммунистической морали... Советская литература стала также отличной *лупой* для изучения внутренних процессов народной жизни и, надо надеяться, станет в ближайшем будущем не меньшей силы *телескопом*, позволяющем рассмотреть великолепную духовную и материальную архитектуру коммунизма. Народ хочет *видеть будущее глазами нашей литературы*. Для такой литературы слишком слабая нагрузка — быть только песенниками народа нашего, она должна стать и разведкой его» (курсив мой — А. В.) [Леонов, 1956, с. 477].

Стоит обратить внимание на два момента из процитированного фрагмента:

1. Естественнонаучный язык, использующийся писателем для построения метафоры;
2. В качестве приоритетных выставлены *исследовательские* и *проективно-имагинативные* (воображательные) способности советского писателя, а не способности только «отражательные».

Нормативное использование научного языка для усиления художественной выразимости не столько стилистическая черта Леонова или иных классиков «производственного романа», но прямой результат влияния на жизнь и мышление советских людей естественнонаучной повестки, выраженной в достижениях сталинской рывковой индустриализации и господстве материалистического дискурса. Как известно, преображение жизни (не только общественной, но и в глобальном смысле —

жизни, как высшей формы организации материи) коммунистами мыслилось посредством интенсивного онаучивания на марксистско-ленинской платформе всех сфер бытия, к которым имеет отношение человек — в том числе литературы.

Итак, Л. М. Леонов высвечивает, по его мнению, уже имеющиеся в СССР «лабораторные условия», в которых литераторами должны «создаваться» советские «имагинативы». В контексте такого мышления можно зафиксировать, что для писателя являлось самоочевидным, что он живёт в эпоху особого *социального экспериментирования*, имеющего целью выявить, описать и продумать «свойства» советского человека и общества («советское» в этой логике становится синонимом «экспериментального»).

Что значит эти установки, если осмыслить их в религиозном и секулярном регистрах, имея ввиду тот факт, что русский марксизм, прежде всего, религиозен, а в ту эпоху рассматривался как передовая наука?

В религиозном смысле можно говорить о том, что именно писатели должны были выступать своего рода экзегетами революционного откровения, которое требовало постоянного расшифрования, поскольку глубина его, как и глубина всякого откровения, — неисчерпаема. В секулярном смысле, речь, конечно, шла о том, чтобы обнаружить закономерности в функционировании литпроцесса, в рамках которого происходит осмысление движения общества к коммунизму и, обнаружив, предлагать обществу во всё более совершенных художественных формах выверенные *аксиологические модели*. Писатель не просто воспринимался как педагог, а ему *вменялось в обязанность* быть голосом Партии, воспитывать советских людей [Очерк, 1954, с. 12, 15–17; Приветствие, 1956, с. 7–8] До известной степени идея педагогического примата советской литературы была фетишем. Полагаю, что в литературе тех лет даже обнаруживается вполне

легальная (но, похоже, полуиррациональная) установка на поиск универсальных технологий оптимистического социального программирования (для соцреализма пессимизм недопустим).

Для Леонова, в числе немногих литераторов создававшего философскую прозу, путь сопряжения исследования и воображения являлся магистральным, хотя, как показала жизнь, соцреалистическая схематизация проникла и в его труды. Эпический «Русский лес» (1953), при своих достоинствах (осмысление эколого-идеологической повестки, не потерявшее актуальности сегодня), «пробуксовывал» по причине избыточного дидактизма в отношении той же «Дороги на Океан» (1935) — произведения более дерзкого в отношении «разведки будущего». Конечно, леоновское понимание пути литературы являлось идеализацией (хотя сам он реально воплощал идеал в жизнь), поскольку требовало от писателей исключительного напряжения мышления в части художественного обобщения представленного советской действительностью материала (прежде всего, быстрой и нелинейной трансформации общественно-психологического климата, вызванного не только социальными и мировыми потрясениями, но кратным ростом материально-технической базы СССР).

То, что Леонов выводил в качестве ведущих установок в литературе вступало в скрытый конфликт с реальностью. Говоря прозаически, это была стрельба по двум лагерям от литературы, которая, парадоксально, могла быть воспринята дружелюбно в обоих лагерях — ведь речь шла об идеале. Скрупулёзное художественное исследование жизни де-факто противоречило утвердившейся, хотя и критиковавшейся на II и III Съездах писателей, практике создания стандартизированных текстов — «бесконфликтной» и «лакировочной» литературы. «Бесконфликтность» и «лакировка» — очевидные признаки вырождения «метода» соцреализма. Появление довольно

жесткой, не без аффекта, критической статьи В. М. Померанцева в 1953 г. было закономерным, а её влияние существенным [Померанцев, URL]. Правда, добросовестные литературоведы пытались развивать «метод», совершенно схоластически, например, в академических «Вопросах советской литературы», но уже в 1950-х это выглядело как запаздывание.

Отмеченная выше статья во многом определила контуры литературы оттепели, имевшей однозначный уклон в быт. Проективно-имагинативное мышление не совпадало с бытописанием по вектору: исследование возможностей коммунистической утопии антагонистично утопии индивидуальной идентичности человека (по сути, реваншу мещанства, притом, как показала история, успешному).

Насколько ход мысли Леонова соответствовал «официальному» горьковскому определению соцреализма сказать сходу — трудно. Напомню это определение: «социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество» [Горький, 1934, с. 17]. Но точно можно заметить, что Леонов стоял значительно ближе к горьковской установке, нежели ортодоксальные соцреалисты и будущие бытописатели: у первых господствовала схема вместо бытия, а у вторых не было деяния.

Здесь уместно вспомнить хронологически более поздний лозунг, прописанный в итогах XXII Съезда: «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» [Программа, 1962, с. 335]. В логике утопической повестки *коммунизма как мечты* (т. е. до XX Съезда), которую развивала советская литература 1920–1950-х гг., лозунг 1961 г. являлся ни чем иным, как профанацией сакрального, «застыванием» революционной энергии. Если уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме (*коммунизм как конкретность, вещьность*), как подчеркнула Партия, то зачем создавать духовно совершенные имагинативы, «разведывать будущее»? Какова

тогда функция литературы? Очевидно, что описывать быт и воспитывать людей. Но и пресловутый дидактизм отойдёт на второй план (пожалуй, к 1970–80-м гг.), а потом и вовсе исчезнет — и советская литература окончательно трансформируется в (полу)критический реализм, почти не работающий с большими темами.

В завершении нужно заметить, что практика изучения первоисточников показывает, что, судя по всему, советская литература не просто не была едина в рамках соцреалистического «метода», но это во многом был своеобразный *конструктивистский проект*: литературные партии подгоняли жизнь под конструкты ума, изымали из реальности или добавляя в неё то, что было нужно и не противоречило официальной, трудно понимаемой доктрине. Путь, предложенный Л. М. Леоновым, оказался неосвоен, именно потому, что он был как бы «сверхреален», интегрален и слишком тонок, хотя, судя по стенограммам выступлений на Съездах, не только «литературные генералы», вроде К. М. Симонова или А. А. Суркова вполне бы согласились с мыслями товарища по писательскому ремеслу, но и писатели более иерархически низкого ранга.

Литература

- Горький, 1934 — Доклад А. М. Горького о советской литературе // Первый Всесоюзный Съезд советских писателей. Стенографический отчёт. Москва: Государственное издательство «Художественная литература», 1934. С. 5–18.
- Леонов, 1956 — Доклад Л. М. Леонова «О новом Уставе Союза писателей» // Второй Всесоюзный Съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. Москва: Советский писатель, 1956. С. 476–479.

- Очерк, 1954 — Очерк истории русской советской литературы. Часть первая. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954. 376 с.
- Померанцев, URL — *Померанцев В.* Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/МЕМО/РОМЕР.HTM> (Дата обращения: 25.08.2022)
- Приветствие, 1956 — Приветствие ЦК КПСС // Второй Всесоюзный Съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. Москва: Советский писатель, 1956. С. 7–9.
- Программа, 1962 — Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. III. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчёт. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 226–335.

References

- Doklad A. M. Gorkogo o sovetskoy literature [A. M. Gorky's report about Soviet literature] // The First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim report. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo "Khudozhestvennaya literatura", 1934. P. 5–18.
- Doklad L. M. Leonova "O novom Ustave Soyuz pisateley" [L. M. Leonov's report "On the new Charter of the Writers' Union"] // Second All-Union Congress of Soviet Writers. December 15–26, 1954 Verbatim report. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1956. P. 476–479.
- Oчерk istorii russkoy sovetskoy literatury [An essay on the history of Russian Soviet literature. Pt. 1.]. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1954.
- *Pomerantsev V.* Ob iskrennosti v literature [About sincerity in literature] // Novy mir. 1953. No. 12. // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/МЕМО/РОМЕР.HTM> (accessed on 25.08.2022)

- Privetstvie TsKKPSS [Greetings of the Central Committee of the CPSU] // The Second All-Union Congress of Soviet Writers. December 15–26, 1954 Verbatim report. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1956. P. 7–9.
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union] // XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Vol. III. October 17–31, 1961 Verbatim report. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury, 1962. P. 226–335.

Vorobyev A. A.

ABOUT L. M. LEONOV'S SPEECH AT THE II ALL-UNION CONGRESS OF SOVIET WRITERS

*Vorobyev Andrey, Deputy CEO. "Ore and Metals" Publishing House, 117049, Russia, Moscow, Leninskiy prospect, 6, bld. 2.
E-mail: andorth@yandex.ru*

Abstract. The article provides a detailed commentary on the speech of L. M. Leonov at the II All-Union Congress of Soviet Writers (1954). Leonov's understanding of the way of literature development, although it was in the official channel of the literary process, differed from orthodox socialist realism and from the emerging trend of "describing everyday life." The writer proposed to think of Soviet literature as a study of life and a projective-imaginative act. This approach revealed the constructivist content in socialist realism.

Key words: *soviet literature, socialist realism, L. M. Leonov, natural science thinking, constructivism.*

СССР
В ДОСТИЖЕНИЯХ И КАТАСТРОФАХ

Размышления по случаю 100-летия

Директор издательства «Голос»
доктор философских наук
Светлана Сергеевна Неретина

В авторской редакции
Вёрстка и оригинал-макет **Елизавета Ильинская**
Обложка **Екатерина Белоусова**

Подписано в печать 17.11.2022
Формат 140x215. Гарнитура Literaturnaya
Печать цифровая. Бумага офсетная
Объем 31,5 усл. п. л. Тираж 300 экз.
115193 Москва, ул. 5-я Кожуховская, д. 9, кв. 2
E-mail: abaelardus@mail.ru